ISSN 2520-6885

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Серия 6

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ

№ 1 (293) 2025 год

Рубрики номера:

История

Философия

Минск 2025

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ

№ 1 (293) 2025 год

Выходит два раза в год

Минск 2025

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:
Флейшер В. Л., кандидат технических наук, доцент (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Флюрик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черная Н. В., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Куликович В. И., кандидат филологических наук, доцент, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Щекин А. К., член-корреспондент РАН, доктор физико-математических наук, профессор, Российская Федерация;
Башкиров В. Н., доктор технических наук, профессор, Российская Федерация;
Каухова И. Е., доктор фармацевтических наук, профессор, Российская Федерация;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Эркаев А. У., доктор технических наук, профессор, Республика Узбекистан;
Горинштейн Ш., доктор наук, профессор, Государство Израиль;
Маес Воутер, доктор наук, профессор, Королевство Бельгия.

Редакционная коллегия серии:
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Новик Е. К., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Сидоренко И. Н., доктор философских наук, доцент, Республика Беларусь;
Снапковская С. В., доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь;
Ракачев В. Н., доктор исторических наук, профессор, Российская Федерация;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.
Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 343-94-32;
главного редактора серии – (+375 17) 282-41-95.
E-mail: root@belstu.by, http://www.belstu.by

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации
№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.
Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

© УО «Белорусский государственный технологический университет», 2025

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

HISTORY, PHILOSOPHY

No. 1 (293) 2025

Published biannually

Minsk 2025

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):
Fleisher V. L., PhD (Engineering), Associate Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus;
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Novikova I. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Chernaya N. V., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Kulikovich V. I., PhD (Philology), Associate Professor, Republic of Belarus;
Torchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;
Shchekin A. K., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc (Physics and Mathematics), Professor, Russian Federation;
Bashkirov V. N., DSc (Engineering), Professor, Russian Federation;
Kaukhova I. E., DSc (Pharmaceutics), Professor, Russian Federation;
Zhantasov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;
Erkayev A. U., DSc (Engineering), Professor, Republic of Uzbekistan;
Gorinshteyn Sh., DSc, Professor, State of Israel;
Maes Wouter, DSc, Professor, Kingdom of Belgium.

Editorial (Issue):
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;
Novik E. K., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Ostroga V. M., PhD (History), Associate Professor (executive editor), Republic of Belarus;
Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;
Sidorenko I. N., DSc (Philosophy), Associate Professor, Republic of Belarus;
Snapkovskaya S. V., DSc (Pedagogics), DSc (History), Professor, Republic of Belarus;
Rakachev V. N., DSc (History), Professor, Russian Federation;
Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.
Telephones: editor-in-chief (+375 17) 343-94-32;
managing editor (+375 17) 282-41-95.
E-mail: root@belstu.by, http://www.belstu.by

© Educational institution “Belarusian State Technological University”, 2025

ИСТОРИЯ
HISTORY

УДК 316.74

П. С. Крючек[1], В. Н. Сергеев[2]
[1]Белорусский государственный технологический университет
[2]Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Историческая память, как специальным образом направленное сознание, тесно связана с современностью и будущей перспективой. В этой связи на первое место выходит ее процессуальный аспект, который, по сути, предполагает технологии по сохранению, организации и воспроизводству индивидуального или коллективного исторического опыта в той мере и в той форме, в какой его можно приложить к актуальному настоящему. Важным вопросом в этой связи является вопрос о том, как и в какой степени транслируемое сегодня представление о прошлом формирует и поддерживает коллективную идентичность.

В статье рассмотрены механизмы формирования исторической памяти и ее влияние на национальную идентичность. Проанализированы взаимосвязь исторического сознания, общественного восприятия прошлого и профессиональной историографии. Особое внимание уделено процессам сохранения, организации и трансляции исторического опыта, а также его роли в социальной консолидации. Представлены результаты историко-социологического исследования среди студентов Белорусского государственного технологического университета, выявляющие высокий уровень национальной идентичности и интереса к истории. Определены ключевые образы исторической памяти, связанные с Великой Отечественной войной, национально-освободительными движениями и культурным наследием. Сделан вывод о значении исторической памяти в формировании коллективной идентичности и ее роли в общественном самосознании.

Ключевые слова: историческая память, национальная идентичность, историческое сознание, коллективная идентичность, историография, социальная консолидация, трансляция исторического опыта, культурное наследие.

Для цитирования: Крючек П. С., Сергеев В. Н. Историческая память и национальная идентичность: механизмы формирования и социальная значимость // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 5–10.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-1.

P. S. Kruchek[1], V. N. Sergeev[2]
[1]Belarusian State Technological University
[2]University of Civil Protection of the Ministry for Emergency Situations of the Republic of Belarus

HISTORICAL MEMORY AND NATIONAL IDENTITY: MECHANISMS OF FORMATION AND SOCIAL SIGNIFICANCE

Historical memory as a specially directed consciousness is closely connected with modernity and future prospects. In this regard, its procedural aspect comes to the forefront, which essentially presupposes technologies for preserving, organizing and reproducing individual or collective historical experience to the extent and in the form in which it can be applied to the current present. An important question in this regard is how and to what extent the idea of the past transmitted today forms and supports collective identity.

The article examines the mechanisms of historical memory formation and its impact on national identity. It explores the relationship between historical consciousness, public perceptions of the past, and professional historiography. Special attention is given to the processes of preserving, organizing, and

transmitting historical experience and their role in social consolidation. The study highlights how historical narratives contribute to the construction of collective identity and shape cultural self-awareness. The article presents the results of a historical-sociological study conducted among students of the Belarusian State Technological University (BSTU). Findings indicate a strong sense of national identity and a high level of interest in history, particularly in national heritage and key historical events. The dominant historical memory images are linked to the Great Patriotic War, national liberation movements, and cultural heritage. The study emphasizes the role of historical memory in fostering a sense of belonging, maintaining continuity across generations, and reinforcing social cohesion. The research contributes to a broader understanding of how historical narratives influence national identity and how historical education can shape public consciousness.

Keywords: historical memory, national identity, historical consciousness, collective identity, historiography, social consolidation, transmission of historical experience, cultural heritage.

For citation: Kruchek P. S., Sergeev V. N. Historical memory and national identity: mechanisms of formation and social significance. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 5–10 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-1.

Введение. Одной из главных составляющих исторической культуры народа является историческая память, которая дает возможность адекватно воспринимать настоящее и планировать будущее. Историческая память и ее осмысление играют большую роль в формировании гражданской солидарности в обществе, обеспечении связи поколений, в понимании сопричастности граждан государству. Осмысливая пройденный путь, общество вырабатывает определенное отношение к прошлому, которое находит свое отражение в историческом сознании, культуре и в значительной степени зависит от его настоящего.

Отношение к историческому прошлому является важной составляющей национальной идентичности, поскольку в памяти последующих поколений сохраняются дела, совершенные предками, достижения, победы и поражения, составлявшие основу государства, культурного мира, в котором живет и развивается конкретный народ.

Изучение феномена исторической памяти в последнее время стало одним из приоритетных направлений не только собственно исторической науки, но и других гуманитарных отраслей знаний, что делает данное направление, по сути, междисциплинарным. Однако все же следует признать, что именно на историков возлагается основная нагрузка в деле разработки этого относительно нового направления. В ходе исследования ученым приходится сталкиваться с целым рядом трудностей, связанных с тем, что историческая память является дифференцированным и изменчивым явлением, постоянно обновляется, воспроизводится, проверяется, трансформируется, поэтому она нуждается в определенной фиксации. Решить данную проблему можно с помощью инструментария различных исторических дисциплин, в том числе историографии. Проблему взаимосвязи профессиональной историографии и исторической памяти можно увязать и с определенным типом исторической культуры общества. Профессиональное знание влияет на коллективные представления о прошлом, но, в свою очередь, оно существует в каком-то культурном контексте, испытывает воздействие определенного типа исторической культуры, массовых стереотипов и предрассудков.

Сегодня профессиональная историография сталкивается и с другой проблемой, а именно с резким сокращением временного промежутка между моментом совершения события и началом его изучения. В условиях, когда живы свидетели событий, а также их непосредственные потомки, воспринявшие информацию о событии из первых рук, влияние историографии на память затрудняется, сталкиваясь с альтернативными версиями прошлого. В результате образуются места усиления исторической преемственности и, наоборот, места их разрывов, забвений, умолчаний [1, с. 9].

Историческая память представляется в качестве специальным образом направленного сознания, где особенное значение приобретает информация о прошлом, которое не автономно, но тесным образом связано с современностью и будущей перспективой. Иначе говоря, на первое место выходит процессуальный аспект исторической памяти, подразумевающий, по сути, технологии по сохранению, организации и воспроизводству индивидуального или коллективного исторического опыта в той мере и в той форме, в какой его можно приложить к актуальному настоящему. Следовательно, главный вопрос заключается в том, в каких формах прошлое содержится в социальной памяти, чтобы в дальнейшем стать предметом исторического сознания: «Невозможно получить доступ к прошлому именно так, как оно произошло. Чтобы приблизиться к нему, мы должны представить его, сделать его частью настоящего посредством

творческого синтеза, который реконструирует его. По этой причине знание прошлого и его использование в настоящем всегда укладываются в рамки определенных социальных практик интерпретации и воспроизведения истории», функция исторической памяти проявляет себя в наличии и организации исторических представлений [2, с. 14].

Основная часть. Традиционно начало исследований феномена памяти связывают с работой М. Хальбвакса, посвященной анализу социальной памяти. Исследователь, размышляя о памяти, выделяет два ее типа: память индивидуальную и коллективную, которые тесно взаимосвязаны. Чаще всего, пишет он, – мы вспоминаем то, к чему нас побуждают другие, иначе говоря, коллективная память помогает, направляет и задает рамки памяти индивидуальной, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти [3].

Историческая память, как специальным образом направленное сознание, тесно связана с современностью и будущей перспективой. Поэтому на первое место выходит ее процессуальный аспект, который, по сути, предполагает технологии по сохранению, организации и воспроизводству индивидуального или коллективного исторического опыта в той мере и в той форме, в какой его можно приложить к актуальному настоящему. Следовательно, ключевой вопрос, который встает перед исследователем, заключается в том, в каких формах прошлое содержится в социальной памяти, чтобы в дальнейшем стать предметом исторического сознания.

Осмысливая пройденный путь, общество вырабатывает определенное отношение к прошлому, которое находит свое отражение в историческом памяти и сознании. Коллективная (историческая) память, в свою очередь, может быть использована как ключ к изучению и пониманию коллективной идентичности.

Будучи широким и многоаспектным понятием, идентичность по-разному определяется в рамках различных дисциплин и подходов. Один из дискуссионных вопросов, связанных с концептуализацией понятия «идентичность», относит нас к ее субстанциональным свойствам. В этом вопросе выделяются две принципиальные позиции, которые представлены, с одной стороны, сторонниками понимания идентичности как процесса, того, что существует только в динамике и только в ней может быть изучено и понято. И теми, кто видит в ней некую статичную субстанцию, результат, которого достигает индивид или группа в итоге процессов соотнесения и самоопределения. В первом случае речь скорее идет об идентификации, процессе, в рамках которого непосредственно осознается и переживается некоторое тождество: самому себе, группе и одновременно обособление от «другого» (интеракционистский подход). В рамках второй позиции идентичность представляется в качестве устойчивого стабильного образования либо как элемент индивидуального/группового сознания, который вместе с тем может трансформироваться под влиянием определенных условий [4].

Другой теоретической оппозицией, присутствующей в поле концептуализации идентичности, является представление о ней как об индивидуальном или групповом феномене. Аргументируя эту позицию, В. С. Малахов подчеркивает, что концепт индивидуальной идентичности не может быть перенесен на группу, поскольку общество не аналогично личности, а значит, не обладает теми же качествами, в частности свойством субъектности [5, с. 50]. Множественность идентичностей вызывается, скорее, сложной ролевой структурой общества, и в этом смысле не предполагает обязательного требования самотождественности субъекта. Именно поэтому возможна и коллективная идентичность, характеризуемая как «интерактивное и разделяемое определение, созданное несколькими людьми (или группами на более сложном уровне) и связанное с направленностью действия и областью возможностей и ограничений, в которой происходит действие» [5, с. 53]. При этом соотношение идентичности и памяти в коллективном измерении аналогичны их взаимосвязи на уровне индивида. Как полагает Р. Дженкинс, именно на пересечении самопрезентации и социальной категоризации находится основной механизм, формирующий индивидуальную и коллективную идентичности. Индивиды дифференцируют себя, принимая критерии, разделяемые членами группы, и развивая чувство принадлежности к ней. Когда «другие» признают принадлежность индивидов к группе, возникает коллективная идентичность. В случае идентификации себя с национальной группой речь идет о национальной идентичности, в значительной мере связанной с коллективной памятью всего сообщества на определенной территории (особенно с учетом роли государства в создании и развитии мнемонической инфраструктуры, политики памяти и т. п.). Именно с коллективной памятью национального уровня многие авторы связывают понятие «историческая память».

Идентичность, таким образом, представляет собой сложный социальный феномен, возникающий в результате постоянного взаимодействия между личными условиями, социальными отношениями и институциональными рамками. Формирование идентичности есть результат двух основных процессов: представления о себе и социальной категоризации. Сочетание этих двух

процессов приводит к осознанию собственного отличия, с одной стороны, и чувству принадлежности, с другой, обеспечивает механизмы включения и исключения, которые, в свою очередь, создаются, поддерживаются и усиливаются государственной политикой [6, с. 60].

Именно представленность исторического прошлого в историческом сознании и памяти современной белорусской студенческой молодежи, их взаимосвязь с национальной (коллективной) идентичностью стала предметом историко-социологического исследования, проведенного среди студентов БГТУ. По итогам исследования были получены следующие результаты.

Студенты считают важным знание истории. Менее 2% респондентов из опрошенных указали, что знать историю необязательно для каждого человека. При этом 66% опрошенных считают, что нужно знать историю как своей страны, так и других народов. В то же время 22% студентов ответили, что достаточно знать историю своей страны и своего народа, а 4% указали, что достаточно знать историю своей малой Родины и историю своей семьи. Говоря о личном интересе опрошенных к истории, стоит отметить: 41% студентов ответили, что их интересует любая история, 21% интересуются только историей своей страны, 13% опрошенных заявили, что их не интересует история в принципе. Кроме того, 7% опрошенных заявили, что прежде всего интересуются историей места своего проживания, а также историей своей семьи.

В целом можно говорить о достаточно высокой степени национальной и гражданской идентификации студенческой молодежи (со своим народом тесную и скорее тесную связь ощущают 83,7% опрошенных; с гражданами своей страны себя идентифицируют 67,6% опрошенных). Кроме того, наиболее выраженная идентификация с семьей (97,1%) также может быть квалифицирована как форма этнонациональной идентификации, поскольку усвоение родного языка, элементов национальной культуры и возможности для их воспроизводства обеспечиваются, прежде всего, на уровне семьи [7].

Рассматривая идентификацию в рамках своеобразного континуума: история – современность и отнеся к «историческим» и в некотором смысле «воображаемым» сообществам народ, сограждан, единоверцев, а к «современным», соответственно, семью, друзей, коллег по учебе, жителей своего города и региона, можно говорить о том, что последние идентичности у молодежи сильнее актуализированы.

Процессы социальной идентификации, отнесения себя к членам определенной «мы-группы» тесным образом связаны с феноменом межгруппового восприятия, который, в свою очередь детерминирован реальными межгрупповыми отношениями, актуальным социальным контекстом, психологическими факторами. В ходе категоризации социальных общностей, реализуемой на основе универсального принципа биполярности, выстраивается базовая оппозиция «мы» (свои) – «они» (чужие), которая положена в основу образа социального мира. В рамках данной оппозиции проявляется базовая семантика интеграции/сплоченности со своими и разъединения/отчуждения с другими, иными, чужими. Таким образом, когнитивная оппозиция «свой – чужой», «мы – они» – это, прежде всего, вопрос идентификации ее субъектов, как индивидуальных, так и групповых.

В этой связи показательны ответы на открытый вопрос: «Кого бы Вы отнесли к категории “они”, “чужие”, “другие”, “не наши”?» Какие «другие» выступают теми группами, которые позволяют молодежи осознавать свою групповую принадлежность и формировать коллективные идентичности?

Анализ ответов респондентов позволил установить, что ядро концепта «они» образуют другие государства. Близкая периферия – это иностранные граждане и другие народы. Дальняя периферия включает представления о «других» как о «незнакомых лично мне людях», тех, кто «не разделяет мои взгляды», людей с другими нормами поведения, другого вероисповедания, представителей власти, а также крайнюю форму «инаковости», «чуждости», которая представлена иной формой жизни – животной и инопланетной. Наконец, крайняя периферия концепта включает приезжих/мигрантов.

Тот факт, что основная ось противопоставления в рамках оппозиции «свой – чужой» выстраивается по линии государств и их граждан, позволяет заключить, что ведущей, доминирующей идентичностью у студентов выступает идентичность национальная/гражданская. Причем говоря о «других» государствах, респонденты чаще определяют их как территории, которые находятся за пределами «нашего» пространства, чаще используют широкие категории (все, кроме стран СНГ, Дальний Восток, Запад, страны НАТО, страны другого континента). Важно указать на позицию, которой придерживалась часть респондентов: разделение на «мы» и «они», «своих и чужих» категорически отрицалось, в той или иной форме транслировалась мысль, что подобное противопоставление является в некоторой степени атавизмом, ненормальным для современного общества, где все ко всем должны проявлять толерантность и уважение. Доля таких респондентов составила 10,5% от числа всех опрошенных.

Ряд авторов (Б. Андерсон, А. Ассман, Р. Айерман и др.), отмечая консолидирующее свойство

героического прошлого группы наряду с ее травматическим опытом, рассматривают эти элементы исторической памяти в качестве важного ресурса идентичности. Именно память о героях и жертвах ложится в основу коллективной идентичности, способствует возникновению новых и поддержанию существующих социальных связей. Иначе говоря, память о героическом и травматическом позволяет группе связать прошлое с настоящим и будущим.

Анализ ответов на вопрос о том, кого респонденты могут назвать героем своей страны, своего народа, позволяет говорить о том, что у современной молодежи образ национального героя и героического, прежде всего, связан с таким событием, как Великая Отечественная война. Ответы, которые в совокупности образуют обобщенную категорию «герои, ветераны и участники Великой Отечественной войны», составили 40,7%. Вторая по частоте упоминания категория – герои национально-освободительных движений – их указали 17,4% опрошенных. В целом можно заметить, что студенты в большей степени героизируют тех, чья деятельность связана с национальной составляющей: лидеров национально-освободительных движений и восстаний, народных просветителей, национальных писателей, поэтов и т. д.

Показательным является факт своеобразного нигилизма, когда респонденты демонстративно заявляют о том, что они никого не могут обозначить в качестве героев и, в принципе, сама героизация для них неприемлема. Противоположной позицией выступает стремление максимально обобщить и расширить образ героя, включить в него весь народ на протяжении всего обозримого прошлого и настоящего.

Тему героического в исследовании продолжил вопрос о том, какие события в истории страны и народа в целом вызывают у респондентов чувство гордости. Коллективные чувства, как устойчивые аффективные переживания, разделяемые членами большой группы, не только консолидируют, но и мобилизуют, выполняют функцию символической защиты от неблагоприятных воздействий, компенсируют материальные и моральные потери, создают базу для межгрупповых отношений и т. п.

Если коллективные чувства, относящиеся к настоящему и будущему, характеризуются амбивалентностью, то в воспоминаниях о коллективном прошлом чаще преобладают ностальгия, гордость, восхищение подвигами предков. Белорусские студенты гордятся, прежде всего, победой в Великой Отечественной войне (42 и 46,4% соответственно). Второй по значимости позицией, которая вызывает гордость и восхищение у молодежи, – современные политические, культурные, социально-экономические события в стране (17,7%), на третьей – обретение страной независимости (13,8). Вместе с тем история стран и народов – это не только достижения и победы, это утраты, национальные трагедии, которые вызывают противоположные гордости чувства – унижение, скорбь, стыд. При этом коллективные травмы и память о них способны выполнять социально продуктивную функцию: они объединяют людей в их горе, способствуют созданию социальных связей, появление новых отношений, мобилизуют к активным действиям. Иначе говоря, коллективные травмы могут выступать консолидирующими событиями и формировать коллективные идентичности, задавать членство в группе, которая объединена событием или опытом. Как показало исследование, наиболее травмирующими в исторической памяти молодежи выступают трагические события советского прошлого, и прежде всего политические репрессии. В качестве национальной травмы белорусская молодежь выделяет также события периода Речи Посполитой. Вместе с тем в исторической памяти белорусской молодежи героические аспекты и позитивные коллективные чувства превалируют, что дает возможность, в свою очередь, говорить о преобладании позитивных форм коллективной идентичности.

Заключение. Проведенное исследование позволяет заключить, что современная студенческая молодежь придает важное значение истории, считает необходимым сохранять и транслировать прошлое для будущих поколений. В фокусе интересов молодых людей в первую очередь история – национальная и мировая. Наша молодежь переживает гордость, прежде всего, в связи с процессами формирования национального государства, борьбой за национальную независимость. Коллективные чувства тесно связаны с настоящим. В целом, у молодежи сильно выражен именно этнонациональный аспект идентичности, а историческая память в большей степени сконцентрирована на образах национального прошлого, идеях этнокультурной самобытности и национальной независимости, историческое сознание преимущественно направлено на «близкое» прошлое и настоящее.

Список литературы

1. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 7. С. 8–26.

2. Куликов Д. К. Историческое сознание и его теоретические противоречия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 1. С. 14–18.

3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. С. 28–29.

4. Эриксон Э. Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. 344 с.

5. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–51.

6. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 58–65.

7. Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом: монография / П. С. Крючек, О. В. Матвеев, В. Н. Острога [и др.]; под ред. П. С. Крючека и О. В. Матвеева. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2023. 382 с.

References

1. Rüsen J. Losing the Sequence of History: Some Aspects of Historical Science at the Crossroads of Modernism, Postmodernism, and the Memory Debate. *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii* [Dialogue with Time: An Almanac of Intellectual History]. Moscow, 2001, issue 7, pp. 8–26 (In Russian).

2. Kulikov D. K. Historical Consciousness and Its Theoretical Contradictions. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severnyy Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennyye nauki* [News of higher educational institutions. North Caucasian region], series: Social sciences, 2008, no. 1, pp. 14–18 (In Russian).

3. Halbwachs M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory]. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2007, pp. 28–29 (In Russian).

4. Erikson E. E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa “Progress” Publ., 1996. 344 p. (In Russian).

5. Malakhov V. S. Inconveniences with Identity. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1998, no. 2, pp. 43–51 (In Russian).

6. Sternin I. A. Methodology for Studying the Structure of a Concept. *Metodologicheskiye problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvenyy universitet Publ., 2001, pp. 58–65 (In Russian).

7. Kryuchek P. S., Matveev O. V., Ostroga V. A., Rakachev V. N., Rakachev D. N., Rakacheva Ya. V., Sergeev V. N. *Istoricheskaya kul'tura belorusov i rossiyan: formirovaniye predstavleniy o natsional'nom i obshchem proshlom: monografiya* [Historical Culture of Belarusians and Russians: Formation of Perceptions of National and Shared Past: Monograph]. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvenyy universitet Publ., 2023. 382 p. (In Russian).

Информация об авторах

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Сергеев Всеволод Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук. Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь (ул. Машиностроителей, 25, 220118, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: gumanitar@ucp.by

Information about the authors

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Sergeev Vsevolod Nikolaevich – PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of Humanitar Sciencies. University of Civil Protection of the Ministry for Emergency Situations of the Republic of Belarus (25 Mashinostroiteley str., 220118, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: v.n.sergeev@gmail.com

Поступила 15.03.2025

УДК 312.15:324

Н. В. Зайцева, И. Н. Кандричина
Белорусский национальный технический университет

ГОЛОСОВАНИЕ И ЖРЕБИЙ КАК СПОСОБ ОТБОРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

В статье рассмотрена процедура отбора политической элиты и должностных лиц в афинской демократии. Проанализирована роль выборов по жребию и выборов путем голосования в политической системе, проведен сравнительный анализ данных процедур отбора кандидатов и оценено их влияние на политическую жизнь Древней Греции. Акцент сделан на выявление факторов, детерминирующих принятие электоральных решений и электоральное поведение граждан Афинского полиса.

Сделан вывод о том, что выборы играли двойную роль в политической жизни Афин: позволяли распределять должности и допускали строго контролируемую форму аристократической конкуренции, а также обеспечивали пропорциональное представительство, вовлеченность и равное участие всех граждан в политической жизни. Жребий эффективно делегировал политическую власть по всей Аттике и побуждал членов буле принимать активное участие в государственных делах. Голосование способствовало распределению должностей, требующих наличия специальных знаний и определенных компетенций.

Ключевые слова: выборы, голосование, выборы по жребию, афинская демократия, процедура отбора должностных лиц, факторы электорального поведения, манипуляции на выборах.

Для цитирования: Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Голосование и жребий как способы отбора политической элиты в афинской демократии // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 11–15.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-2.

N. V. Zaytseva, I. N. Kandrichina
Belarusian National Technical University

VOTING AND LOTS AS A WAY OF SELECTING THE POLITICAL ELITE IN THE ATHENIAN DEMOCRACY

The article examines the procedure for selecting the political elite and officials in the Athenian democracy. It analyzes the role of elections by lot and elections by voting in the political system, conducts a comparative analysis of these procedures for selecting candidates and assesses their impact on the political life of Ancient Greece. The emphasis is on identifying the factors that determine the adoption of electoral decisions and the electoral behavior of citizens of the Athenian polis.

Elections played a dual role in the political life of Athens: they allowed for the distribution of positions and allowed for a strictly controlled form of aristocratic competition, and ensured proportional representation, involvement and equal participation of all citizens in political life. The lot effectively delegated political power throughout Attica and encouraged members of the boule to take an active part in public affairs. Voting contributed to the distribution of positions that required specialized knowledge and certain competencies.

Keywords: elections, voting, elections by lot, Athenian democracy, procedures for selecting officials, factors of electoral behavior, manipulation of elections.

For citation: Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Voting and lots as a way of selecting the political elite in the athenian democracy. *Proceedings of BSTU, issue 6. History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 11–15 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-2.

Введение. Афинская демократия 594–321 гг. до н. э. считается первой в мире демократической системой. Каждый гражданин Афинского полиса мог и должен был участвовать в работе Народного собрания, а около трети граждан одновременно занимали какую-либо государственную должность. Большинство должностных лиц и членов коллегиальных органов управления в Древней Греции, в частности Афинах, в V веке до н. э., выбирались по жребию, а выборы посредством открытого и тайного голосования использовались только для распределения должностей, требующих наличия специальных знаний и определенных компетенций, например, казначеев, элленотамов, стратегов и командиров гоплитов, эскадронов и кавалерии. Аристотель

подчеркивал, что избрание по жребию считается демократической процедурой, а выборы посредством народного голосования – олигархической [1].

Анализу различных детерминант процедур отбора членов коллегиальных органов управления в древней афинской демократии посвящены множественные исследования, но большинство из них не акцентируют внимание на самом избирательном процессе. К сожалению, существует мало прямых свидетельств об особенностях организации и проведения электоральных кампаний и выборов в древних Афинах. Известно лишь, что выборы по жребию должностных лиц и членов коллегиальных органов управления происходили в Тезейоне (Фесейоне), чаще всего с использованием бобов. Каждое из 10 племен Афин ежегодно направляли по 50 представителей для службы в Совете Афин.

Выборы посредством открытого (поднятия руки) или тайного (с помощью камней) голосования проводились в Ассамблее. Кандидаты в стратеги, гиппархи, военачальники других подразделений, посланники, секретари, а также на некоторые должности в финансовых и религиозных магистратурах выдвигались гражданами Афинского полиса.

Предполагается, что процедура всех выборов была одинаковой, однако неизвестно, как было организовано голосование или в какой степени такие факторы, как, например, богатство кандидатов, семейное положение, социальное происхождение, племенная принадлежность и район проживания, оказывали влияние на принятие электоральных решений и электоральное поведение. Неизвестно также, проводилась ли предвыборная агитация и имела ли место фальсификация результатов голосований и жребия.

Основная часть. В отличие от древнеримских республиканских выборов, где предвыборная агитация и взяточничество являлись обычной практикой, манипуляции в течение избирательного процесса в древних Афинах не были распространены. Возможно, это объясняется тем, что здесь способность влиять на деятельность и поведение людей, а также достигать определенных целей приобреталась чаще посредством выступлений в Ассамблее, чем назначением на какую-либо социально-политическую должность. Не существовало и административной карьерной лестницы, подобной римскому последовательному постепенному продвижению с должности нижнего уровня до руководящей позиции. Это объясняет и отсутствие свидетельств злоупотреблений в ходе выборов, несмотря на наличие доказательств получения взяток за выступление в Ассамблее и принятия подарков в посольствах и судах.

Слагаемыми успеха в электоральной гонке Древнего Рима являлись: положительная общественная репутация, ораторские способности, демонстрация личной популярности, дружеские и покровительственные связи и уничтожение репутации оппонентов. В Древних Афинах создание и поддержание общественной репутации, ораторское мастерство, пренебрежительное отношение к оппонентам и преследование их в судах также были распространенными способами получения или поддержания влияния в Ассамблее, однако демонстрация популярности и использование покровительственных связей не приветствовались афинянами.

Примечательно, что в Риме тайное голосование начали использовать на выборах после 139 г. н. э. именно для предотвращения подкупа избирателей. Считалось, что данный способ лишал кандидатов уверенности в целесообразности дачи взяток. В Афинах тайное голосование использовалось чаще не для избрания должностных лиц, а для вынесения вердикта по судебным делам присяжными. Однако те немногие из дошедших до наших времен свидетельства подкупа избирателей относятся именно к выборам посредством тайного голосования. Так, Исократ проводил связь между коррупцией должностных лиц и стратегией. Он, отмечал, что наказанием, налагаемым на любого гражданина, уличенного во взяточничестве, являлась смерть. Но, несмотря на данный риск, стратегами чаще избирались лица, очевидно использовавшие подкуп как средство политической борьбы [2].

Стратег – одна из самых влиятельных должностей в Древней Греции, срок избрания на которую составлял более одного года. В первой половине V века до н. э. стратегов было 10, по одному от каждое из племен. Организация стратегии по племенному принципу считалась справедливым способом разделения полномочий. Однако где-то между 357 и 329 гг. племенная основа выборов была полностью отменена, и кандидаты в стратеги стали выдвигаться гражданами и избираться большинством голосов членов экклесии, что сделало возможным концентрацию представителей городской элиты в стратегии.

Остракизм в Древней Греции может служить примером народного голосования. Так называемый «суд черепков» служил профилактической мерой, направленной на определение социально-политической опасности человека для государства и принятия решения об его изгнании на 10 лет. Принято считать, что процесс изгнания включал ряд этапов: принятие на Собрании первичного решения об остракизме; организация и проведение фактического тайного голосования на Агоре, иногда с привлечением писцов; подсчет голосов и объявление результатов. Использование писцов может свидетельствовать о нарушении секретности процедуры голосования, особенно в отношении бедных и неграмотных слоев населения.

Первично остракизм был введен для предотвращения становления тирании, однако со временем он превратился в средство политической борьбы. Так, Фукидид в контексте олигархического переворота 411 г. до н. э. описывал примеры объединения «друзей», т. е. лиц, имеющих равный социальный статус в обществе и оказывающих различные услуги друг другу, например, ссужающие деньги без процентов [3]. Данные группы не функционировали исключительно как революционные организации, но они существовали с явной целью продвижения своих членов в судах и других магистратурах. Также широко распространено мнение, что подобное объединение афинской аристократии использовалось для изгнания Фемистока и Гиперболоса [4]. Данные примеры могут служить доказательством манипулирования голосованием. Однако они противоречивы, и процедура остракизма несколько отличалась от той, которая использовалась для избрания должностных лиц.

Таким образом, предвыборная агитация, подкуп избирателей и другие злоупотребления на выборах могли иметь место в отдельных случаях афинской политики, но нет никаких доказательств того, что такая практика была характерной чертой демократической системы Древней Греции. В сохранившихся источниках афиняне часто обвиняли друг друга в получении взяток за выступления в Ассамблее, предложения указов или рекомендаций определенного курса действий, но не для того, чтобы повлиять на итоги выборов. Относительное отсутствие интереса к подкупу избирателей может быть частично объяснено процедурой проведения самих выборов. Ведь заставить большинство членов Ассамблеи поднять руки в поддержку конкретного кандидата достаточно сложно и, учитывая срок избрания, экономически невыгодно, более целесообразным здесь представляется влияние на голосование по конкретному указу.

Социальные факторы и особенности процедуры отбора, возможно, играли более заметную роль в политической жизни Афин, чем злоупотребления на выборах. Должности распределялись по социально-экономическим соображениям. Некоторые граждане намеренно избегали избрания на определенные должности, особенно связанные с обеспечением безопасности государства, потому что не хотели брать на себя ответственность за сопряженные с должностными обязанностями риски. Тем не менее богатство, несомненно, было фактором политической активности, ведь более богатые слои населения, в том числе родовая аристократия, были непропорционально представлены во многих сферах общественной жизни. Действительно, более половины всех засвидетельствованных выборов привели к появлению чиновников определенного имущественного ценза.

Финансовые ресурсы были не единственным фактором, влияющим на распределение должностей. Племенная принадлежность и местожительство также являлись важными детерминантами электорального поведения и выбора. Требование по выделению в Совет Афин по 50 граждан из каждого из 10 племен было направлено на обеспечение равного представительства фил, однако выдвижение кандидатов по признаку племенной принадлежности часто усиливало различия и приводило к непредвиденным последствиям. Например, представительство фил и географическое размещение их владений среди избираемых по жребию и путем голосования должностных лиц отличались.

Вопрос о том, в какой степени личная известность или ротация должностей повлияли на демократическую систему Афин, долгое время обсуждался. Считалось, что регулярная смена должностных лиц расширяет степень участия и вовлеченности граждан в социально-политическую жизнь. Возможность занимать должность стратега более одного года и более одного срока могла мотивировать участие в выборах и делала более привлекательной данную должность для политически амбициозных представителей городской элиты.

Выборы посредством голосования чаще приводили к непропорциональному представительству различных регионов Аттики в органах коллегиального управления, чем использование жребия. Так, дикасты, которые избирались по жребию, более репрезентативно отражали значимые социальные характеристики населения, а избранные стратеги и лица, подвергнутые остракизму, были неравномерно представлены по признакам местожительства в Аттике и племенной принадлежности. Соответственно, процедура отбора влияла на политическое участие.

Использование выборов по жребию не только рандомизировало процесс отбора, но и распространило чиновничество на более широкие слои общества и предотвратило монополизацию власти городской элитой. Сравнение данных двух методов выбора должностных лиц показывает, что при проведении голосований представительство кандидатов из города и его окрестностей было непропорциональным. С одной стороны, этот вывод подразумевает, что выборные должности были особенно привлекательны для собственников городских владений. С другой стороны, отсутствие доказательств злоупотреблений на выборах, например подкупа избирателей, говорит о том, что выборы не считались достойными манипуляций и что выборные должности не пользовались большим спросом. Если частота обвинений в подкупе и взяточничестве

имеет значение, то другие политические действия, такие как выступления в Ассамблее или представление государства в посольстве, по-видимому, считались более важными. Служба в качестве стратега, конечно, оказывала влияние, привлекая видных граждан на службу. Возможность переизбрания, вероятно, также играла свою роль в непропорциональном представительстве среди избранных кандидатов лиц, проживающих и владеющих имуществом в городе.

Члены элиты могли соперничать друг с другом за влияние в Ассамблее, но выборы позволяли им еще больше продемонстрировать это влияние при завоевании голосов избирателей. Таким образом, избирательный процесс следует рассматривать в контексте агонистической аристократической культуры. Возможно, что непропорционально большое число избранных должностных лиц из числа городской элиты объясняется большим объемом социального капитала и мобилизацией их родственников, соседей, сторонников. Территории, расположенные в городе и недалеко от города, вероятно, были хорошо представлены не только кандидатами, но и избирателями, число которых превышало число избирателей, прибывших на голосование из отдаленных владений.

Сравнение выборных и избранных должностных лиц позволяет предположить, что городская элита была чрезмерно представлена на выборных ответственных должностях, а также свидетельствует об избирательном поведении афинского демоса. С. Форсдайк [5] предполагает, что остракизм был преднамеренно направлен на то, чтобы привлечь как можно больше граждан к принятию решения об изгнании, но обеспечить явку на голосование граждан отдаленных районов Аттики, возможно, было непросто. Лицам, постоянно проживающим за пределами городского центра, было сложнее принимать участие в выборах и быть избранными потому, что ни они сами, ни их родственники и сторонники постоянно не находились в городе. А чтобы добиться успеха на выборах, кандидат должен быть хорошо известен электорату. Исходя из минимальных доказательств подкупа или иных злоупотреблений в ходе электоральных кампаний, возможно, более правдоподобно говорить, что явка избирателей из городского района была значительно выше, чем представительство других частей Аттики.

Заключение. Выборные должности в Древних Афинах занимали в основном более состоятельные граждане, проживающие городе или недалеко от него. В силу существования коллегиальных органов управления и коллективного принятия решения в рамках советов и магистратур ни один избранный чиновник в рамках афинской демократии не обладал огромной единоличной властью. Выборы позволили членам элиты конкурировать друг с другом и демонстрировать свое влияние на демос. Они играли двойную роль в политической жизни Афин. С одной стороны, голосования позволяли распределять должности, требующие специальных знаний, умений и навыков, опыта и компетенций, в соответствии с пожеланиями демоса, и допускали строго контролируемую форму аристократической конкуренции. С другой стороны, жребий свел к минимуму географическую предвзятость и позволил большему числу граждан из других частей Аттики участвовать в политическом процессе, поскольку выборы по жребию широко использовались в то время, когда посредством голосования они были сравнительно редкими.

Для политической жизни Афин характерен жребии, чем всенародное голосование. Выборы по жребию более эффективно делегировали политическую власть по всей Аттике и побуждали членов буле принимать активное участие в государственных делах.

Список литературы

1. Bers V. Mere Rituals: Why the Nonsense of the Fourth-Century Athenian Courts? Studies in Ancient Greek History, presented to Herman Hansen of Mogen on his Sixtieth Birthday, August 20, 2000. Ed. by P. Flensted-Jensen, T. H. Nielsen, and L. Rubinstein. Copenhagen, 2000. 553 p.

2. Traill J. S. The Political Organization of Attica: A Study of the Demes, Trittiae, and Phyla, and Their Representation on the Athenian Council. Princeton, 2005. 365 p.

3. Rosivach V. J. 1987. Some Fifth- and Fourth-Century Views on the Purpose of Ostracism. Tyche, 2010. 239 p.

4. Hansen M. H. The 190 Ostraca of Themistocles as Evidence of Large Political Groups in Ancient History Matters. Rome, 2002. 463 p.

5. Forsdyke S. Exile, Ostracism, and Democrac: The Politics of Expulsion in Ancient Greece, Princeton, 2005. 311 p.

References

1. 1. Bers V. Mere Rituals: Why the Nonsense of the Fourth-Century Athenian Courts? Studies in Ancient Greek History, presented to Herman Hansen of Mogen on his Sixtieth Birthday, August 20, 2000, ed. by P. Flensted-Jensen, T. H. Nielsen, and L. Rubinstein. Copenhagen, 2000. 553 p.

2. Traill J. S. The Political Organization of Attica: A Study of the Demes, Trittiae, and Phyla, and Their Representation on the Athenian Council. Princeton, 2005. 365 p.

3. Rosivach V. J. 1987. Some Fifth- and Fourth-Century Views on the Purpose of Ostracism. Tyche, 2010. 239 p.

4. Hansen M. H. The 190 Ostraca of Themistocles as Evidence of Large Political Groups in Ancient History Matters. Rome, 2002. 463 p.

5. Forsdyke S. Exile, Ostracism, and Democrac: The Politics of Expulsion in Ancient Greece. Princeton, 2005. 311 p.

Информация об авторах

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент». Белорусский национальный технический университет (пр-т Независимости, 65, 220013, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@ mail.ru

Кандричина Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Менеджмент». Белорусский национальный технический университет (пр-т Независимости, 65, 220013, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ikandrichina@ bntu.by

Information about the authors

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Management. Belarusian National Technical University (65 Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@ mail.ru.

Kandrichina Irina Nikolaevna – PhD (Sociology), Associate Professor, Head of Department of Management. Belarusian National Technical University (65 Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ikandrichina@ bntu.by

Поступила 27.02.2025

УДК 94(476)“1813”

А. М. Лукашевич
Белорусский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ВИЛЕНСКОГО ПРОВИАНТСКОГО ДЕПО В 1813 Г. ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РОССИЙСКИХ ВОЙСК ВО ВРЕМЯ ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА

В статье рассматривается деятельность Комиссии Виленского провиантского депо в 1813 г. по обеспечению российских войск провиантом и фуражом во время заграничного похода в Виленской, Гродненской, Минской губерниях и Белостокской области. Раскрываются функции и задачи комиссии как местного учреждения Провиантского департамента Военного министерства. Прослеживаются проблемы, с которыми она столкнулась после возобновления деятельности в декабре 1812 г. (нехватка чиновников и денежных средств). Указывается, что на комиссию возлагались обязанности по наполнению провиантом и фуражом только путевых (расходных) магазинов, учрежденных на военных дорогах (вели от линии рек Западная Двина и Днепр к западной границе). На основе рапортов провиантских чиновников и генерал-провиантмейстера Н. О. Лабы раскрывается механизм функциюнирования комиссии в течение 1813 г. Делается вывод, что формально наполнение путевых магазинов в зоне ответственности Комиссии Виленского провиантского депо осуществлялось путем закупки. В то же время в связи с нехваткой денежных средств у Провиантского департамента в белорусско-литовских губерниях сбор провианта и фуража часто осуществлялся и на реквизиционной основе.

Ключевые слова: Комиссия Виленского провиантского депо, провиантское обеспечение, белорусско-литовские губернии, заграничный поход российской армии 1813–1815 гг.

Для цитирования: Лукашевич А. М. Деятельность Комиссии Виленского провиантского депо в 1813 г. по обеспечению российских войск во время заграничного похода // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 16–24.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-3.

A. M. Lukashevich
Belarusian State University

ACTIVITIES OF THE COMMISSION OF THE VILNO PROVISION DEPOT IN 1813 TO PROVIDE RUSSIAN TROOPS DURING THE FOREIGN CAMPAIGN

The article examines the activities of the Commission of the Vilno Provision Depot in 1813 to provide Russian troops with provisions and forage during the Foreign Campaign in the Vilno, Grodno, Minsk provinces and the Belostok region. The functions and tasks of the commission as a local institution of the Provision Department of the War Ministry are revealed. The problems it encountered after resuming its activities in December 1812 (lack of officials and funds) are traced. It is shown that the commission was responsible for filling only the travel (expenditure) stores established on military roads (from the line of the Western Dvina and Dnieper rivers to the western border) with provisions and forage. Based on the reports of provision officials and General Provisions Master N. O. Laba, the mechanism of the commission's functioning during 1813 is revealed. It is concluded that formally the filling of travel stores in the area of responsibility of the Commission of the Vilno Provision Depot was carried out by purchasing. At the same time, due to the lack of funds in the Provisions Department in the Belarusian-Lithuanian provinces, the collection of provisions and forage was often carried out on a requisition basis.

Keywords: Vilna Provisions Depot Commission, provisioning, Belarusian-Lithuanian provinces, foreign campaign of the Russian army in 1813–1815.

For citation: Lukashevich A. M. Activities of the Commission of the Vilno Provision Depot in 1813 to provide Russian troops during the Foreign Campaign. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 16–24 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-3.

Введение. В историографии вопросы тылового обеспечения российской армии во время заграничных походов 1813–1815 гг. до настоящего времени остаются малоизученными. Начало исследованию этой проблемы было положено в дореволюционное время Ф. П. Шелеховым [1]. Среди современных российских историков наибольшее внимание снабжению армии уделял

С. В. Гаврилов. В своей кандидатской диссертации один из параграфов он посвятил организации обеспечения войск в 1813–1815 гг. [2]. В то же время в его диссертации и публикациях [3] не раскрывался механизм функционирования Комиссии Виленского провиантского депо.

Некоторые аспекты организации тылового обеспечения российской армии в конце 1812 – начале 1813 г. в белорусско-литовских губерниях нашли отражение в монографии В. В. Шведа и С. В. Донских [4], а также в публикациях А. М. Лукашевича (поставка провианта и фуража войскам и проблема их компенсации; роль витебского, затем гродненского гражданского губернатора Лешерна К. К. в провиантском обеспечении войск; подготовка территории Беларуси как вероятного театра военных действий и др.) [5–8]. Однако деятельность Комиссии Виленского провиантского депо в этих публикациях не рассматривались.

Цель статьи – раскрыть деятельность Комиссии Виленского провиантского депо по обеспечению российских войск провиантом и фуражом во время заграничного похода в 1813 г. в Виленской, Гродненской, Минской губерниях и Белостокской области.

При подготовке статьи использовались различные источники, и прежде всего материалы военного делопроизводства (переписка сотрудников Провиантского департамента и комиссии с военными и гражданскими чиновниками). Материалы были частично опубликованы в различных сборниках документов [9–11].

В статье также использовались неопубликованные материалы, которые хранятся в архивах Беларуси (Национальном историческом архиве Беларуси [12]) и России (Российском государственном историческом архиве [13]).

Персональный состав Комиссии Виленского провиантского депо, а также иных сотрудников Провиантского департамента был восстановлен по справочным изданиям начала XIX в. – Месяцесловам с росписью чиновных особ или Общему штату Российской империи [14–15].

Все даты в статье приводятся по юлианскому календарю.

Основная часть. *Функции комиссии*. Комиссия Виленского провиантского депо (далее – КВПД) впервые была создана в начале XIX в. и являлась местным учреждением Провиантской экспедии (1797–1812 гг.). В ее задачи входило обеспечение продовольствием российских войск, дислоцированных на территории Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области (с 1808 г.). В частности, известно, что в мае 1808 г. в 1-м департаменте Сената по указу императора Александра I было начато расследование «о злоупотреблениях, происшедших при покупке Комиссией Виленского провиантского депо провианта и фуража» [13].

КВПД после упразднения 27 января 1812 г. Провиантской экспедиции являлась местным органом вновь созданного Провиантского департамента Военного министерства [1, с. 382–385]. Структурно комиссия состояла из управляющего (руководителя), членов (чиновников, отвечавших за различные аспекты работы), двух секретарей (ведение документации) и комиссионеров (агентов, занимавшихся непосредственными закупками и распределением провианта). Основными функциями комиссии являлись: заготовка провианта (закупка зерна, муки, крупы и других продуктов для армии); хранение и распределение запасов (организация складов и транспортировка продовольствия к местам дислокации войск); контроль качества (проверка закупаемых продуктов на соответствие стандартам); финансовый учет (ведение отчетности по закупкам и расходам).

В июне 1812 г., в связи с нашествием Наполеона, КВПД временно прекратила свою деятельность. По мере разгрома Великой армии руководивший Провиантским департаментом генерал-провиантмейстер Лаба Н. О. осенью 1812 г. восстановил деятельность комиссий провиантского депо в Москве и Витебске (последнюю он снабдил «по возможности суммами и чиновниками») [10, с. 277].

После изгания Наполеона из пределов Российской империи Н. О. Лаба приказал чиновникам КВПД, следовавшим с осени 1812 г. за Главной армией, остановиться в Вильно. Комиссия должна была возобновить свою деятельность и «вступить во все распоряжения по продовольствию войск до обязанности ее относящиеся». В свою очередь, Н. О. Лаба оказывал ей помощь «посылкою преимущественных сумм и откомандированием комиссионеров» [10, с. 277–278]. В своей деятельности комиссия также подчинялась литовскому военному губернатору генералу от инфантерии Римскому-КорсаковуА. М.

В течение 1813 г. КВПД возглавлял Николай Иванович Посников, чиновник 7-го класса (соответствовал чину надворного советника по Табелю о рангах) [14, с. 225]. Однако в 1815 г. он уже числился только членом комиссии, а ее управляющим являлся чиновник 7-го класса Николай Ионович Демьянов [15, с. 261]. Кроме него штат комиссии в 1813 г. составляли: члены – чиновники 7-го (Алексей Петрович Чайкинов) и 8-го (Евстафий Павлович Литвинов и Петр Николаевич Юрьевский) классов; секретарь комиссии – губернский секретарь Дмитрий Филимонович Тимофеев, а также секретарь «по отделению старых дел» титулярный советник Иван Андреевич Максимов; комиссионеры 7-го (Николай

Федорович Макеев, Федор Карлович Гирс, Николай Федорович Удалов, Александр Иванович Гогин, Иван Федорович Проль) и 8-го (Василий Акимович Масловский) классов [14, с. 225].

Задачи комиссии в 1813 г. С началом подготовки заграничного похода 5 января 1813 г. главнокомандующими всеми армиями светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский (далее – М. И. Кутузов) отдал Н. О. Лабе предписание о безостановочном продовольствии всех команд, «которые отделены на время от армии и остаются в губерниях от неприятеля очищенных, также находящиеся в пути к армии и из армии» [10, с. 277]. Поэтому Провиантский департамент и подчиненные ему комиссии должны были отвечать за своевременное обеспечение войск в пограничных губерниях, «где при истощенных обстоятельствах у самых жителей требуется принятия особенных мер к верному обеспечению войск необходимым продовольствием» [10, с. 277].

Вскоре произошли существенные изменения в организации провиантского обеспечения в Виленской, Гродненской, Минской губерниях и Белостокской области. Они были обусловлены предписаниями М. И. Кутузова о создании сети как запасных (армейских), так и путевых (расходных) магазинов (складов). Основным резервом для российских войск служили запасные магазины. Их наполнение до апреля 1813 г. возлагалось на «главноуправляющего по части продовольствия армий» сенатора Ланского В. С. [11, с. 166] и осуществлялось за счет реквизиций через гражданских губернаторов, губернских и поветовых маршалов [4, с. 191].

Еще 8 декабря 1812 г. М. И. Кутузов определил основные места для учреждения запасных магазинов – Шавли, Вилькомир и Вильно (в каждом – муки и сухарей по 20 000 четвертей (далее – четв.) «с пропорцией круп», овса – по 15 000 четв.), Ковно и Меречь (сухарей по 10 000 четв. «с пропорцией круп», овса – по 7500 четв.). Эти запасы формировались за счет новых реквизиций в Виленской (для магазинов в Шавлях и Вилькомире) и Минской (для магазина в Вильне) губерниях. В то же время магазины в Ковно и Мерече следовало наполнить за счет «недоимок по реквизициям французского правительства или за недостатком оных посредством новых на обывателей раскладок». При этом требовалось, чтобы запасы «были налицо и ни под каким видом не выходили в расход на внутреннее продовольствие войск» [10, с. 279].

И, как сообщил виленский гражданский губернатор Лабе Н. О., на составление запасов в Шавлях, Вилькомире, Ковно и Мерече следовало собрать с губернии 60 044 четв. муки, 4709 четв. круп и 45 052 четв. овса [10, с. 279].

13 января 1813 г., в дополнение к уже установленным местам [11, с. 120], М. И. Кутузов предписал В. С. Ланскому учредить новые запасные магазины в Гродно, Белостоке, Бельске, Дрогичине и Таурогене. В частности, запасной магазин в Гродно должен был содержать 25 000 четв. муки («с пропорцией круп») и 15 000 четв. овса. Обеспечить этот сбор предписывалось «из недоимки по реквизициям французского правительства», а если ее будет недостаточно, то «чтобы налажен был новый сбор» [11, с. 166]. 16 января 1813 г. о создании запасных магазинов в Виленской и Гродненской губерниях на имя А. М. Римского-Корсакова последовал императорский рескрипт [11, с. 192].

В свою очередь, для передвигавшихся войск и воинских команд в пределах империи на военных дорогах создавались путевые (расходные) магазины. В рапорте Александру I от 13 января 1813 г. главномандующий сообщал, что по «большим трактам» Виленской и Гродненской губерний он предписал заложить через 50–60 верст сеть путевых магазинов (в Каменце, Скиделе, Белице, Желудке, Щучине, Кореличах, Мире и Новогрудке) [10, с. 279; 4, с. 191]. В каждом из них должна была содержаться месячная норма провианта на 5000 человек и фуража – на 2000 лошадей (с постоянным пополнением). Поставку запасов следовало осуществлять реквизиционным способом [11, с. 120]. Более того, в населенных пунктах, где для больших провиантских запасов не было пригодных помещений, приказывалось «чтоб хозяйственным попечением начальников губерний непременно изысканы были средства к устроению кровельной защиты для сбережения запасов при сближающихся весенних ненастьях от повреждения» [11, с. 121].

С 16 января 1813 г. создание путевых магазинов перешло к Провиантскому департаменту [6, с. 9]. В частности, формирование этих магазинов в Виленской и Гродненской губерниях и Белостокской области возлагалось на КВПД [11, с. 74], а их наполнение должно было осуществляться за счет казенных средств с помощью подрядных поставок [11, с. 192–193].

Однако этот порядок фактически не действовал. В связи с недостатком финансовых средств и чиновников в Провиантском департаменте 6 января 1813 г. М. И. Кутузов просил А. М. Римского-Корсакова «всеми мерами побуждать местные начальства о поставке провианта и фуража посредством реквизиций из тех мест, которые наименее потерпели, прекращая тем самым взаимную неудобность фуражировки и для войск, и для жителей» [11, с. 74].

Уже в начале 1813 г. Н. О. Лаба обращал внимание управляющего Военным министерством генерал-лейтенанта князя Горчакова А. И.

(далее – А. И. Горчаков), что «скудные отпуски» денег «не позволяли уделять на сии части таких сумм, какие непременно были бы там нужны <...> по заготовлениям припасов для действующих армий», а также по доставке их в С.-Петербург и Ригу и «по предназначавшимся отправлениям оных морем за границу» [10, с. 278]. При этом «особливо затрудняло» генерал-провиантмейстера продовольствие войск «в двух Литовских и Минской губерниях и в Белостокской области по новому их лишь только восстановлению» [10, с. 278].

Состояние дистанций в Виленской губернии. 31 января 1813 г. «для личного обозрения и удостоверения о положении дел Виленской комиссии» Н. О. Лаба командировал чиновника 5-го класса Петра Петровича Львова. На неотложные нужды генерал-провиантмейстер выделил ему 50 тыс. руб. и снабдил «наставлением» [10, с. 278]. В 1813 г. П. П. Львов числился в Комитете при Провиантском департаменте «для решения дел прежнего времени». Это был один из наиболее ответственных сотрудников ведомства, награжденный за службу орденами Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени, а также золотой медалью на ленте ордена Св. Владимира [14, с. 220].

В первую очередь П. П. Львов осмотрел запасной магазин в Таурогене, заложенный для войск генерала от кавалерии графа П. Х. Витгенштейна. Он обнаружил «большую медленность в транспортировке к Таврогену (так в тексте. – Авт.) хлеба для запасов Ригских по разным от распутицы затруднениям и недостаточной поставке подвод» [10, с. 278]. Поэтому П. П. Львов обратился к рижскому военному губернатору генерал-лейтенанту маркизу Паулуччи Ф. О., а также к лифляндскому и курляндскому гражданским губернаторам. Благодаря их вмешательству «запас таврогенской составлен местною покупкою». Эту задачу рижский военный губернатор возложил на генерал-аудитора-лейтенанта 6-го класса Дурнова (инициалы не установлены. – Авт.) и провиантского комиссионера 8-го класса Клокачева И. И. [10, с. 278]. Они с успехом провели закупку и даже удостоились признательности Ф. О. Паулуччи. Военный губернатор обещал довести о старании этих чиновников до сведения императора и исходатайствовать им «всемилостивейшее награждение» [10, с. 278].

Затем П. П. Львов отправился в Вильно, где запросил у КВПД сведения о числе войск, состоянии магазинов и провиантских комиссионерах, а также о полученных и расходованных суммах. Однако на Виленской дистанции он встретил ряд затруднений.

9 марта 1813 г. комиссия пояснила, что в документах она указала только войска, о которых сведения были получены от гражданских властей. И это были далеко не все войска, поскольку «получаются беспрерывно донесения о новых в разных местах [войсках], да и те кои прибыть имеют показаны только известные, а без сомнения будет их на ее дистанции больше, по положению края того на границе и по нахождению действующих армий впереди» [10, с. 278]. Кроме того, обращалось внимание на то, что многие магазины «не имеют нисколько провианта и фуража». При этом комиссионеры на сумму, выделенную им на все дистанции, «не в состоянии повсеместно не только полной потребности, но и части нужной на продовольствие войск приготовить» [10, с. 278–279]. Все эти проблемы были обусловлены тем, что Провиантский департамент не выделил средств из предназначенной для КВПД на январскую треть 1813 г. суммы в 1 207 766 руб. серебром и 1 974 215 руб. ассигнациями [10, с. 279].

В дополнение к этому литовский военный губернатор упразднил ранее учрежденные им по «тракту» (военной дороге) от Вильно до Меречи все путевые магазины (они должны были наполняться провиантом и фуражом «от земли», т. е. за счет реквизиций). Также А. М. Римский-Корсаков освободил Виленскую губернскую исполнительную комиссию (1812–1813 гг.), которая временно выполняла функции местной власти, от обеспечения продовольствием артиллерийских рот. Он же запретил использовать для продовольствия проходящих войск «продукты по уездам от неприятеля оружием отнятые», и направил их для создания запасных (армейских) магазинов [10, с. 279].

В итоге, как отмечал 7 июля 1813 г. в своем рапорте Н. О. Лаба (на основании донесения П. П. Львова) управляющему Военным министерством, «все то, что служило комиссии пособием от земли к продовольствию войск и восстановлению магазейнов изменилось» [10, с. 279]. Несмотря на приближение весны, остановка в продовольствии войск не произошла, и «ниоткуда не доходило жалоб». Однако Н. О. Лаба отмечал, что если Провиантский департамент «не умедлит выслать» сумму, необходимую к 1 мая и не обеспечит КВПД комиссионерами, вахтерами и служителями, она не сможет «отвратить ожидаемую неприятность» [10, с. 279].

В этих обстоятельствах П. П. Львов в рапорте Н. О. Лабе предложил радикальное решение – «подкрепить» правый фланг Виленской дистанции. Для этого он рекомендовал «двинуть часть хлеба по Двине до реки Дисны с тем, что сею рекою можно будет отправить хлеб до местечка Козяны», а «киевский хлеб отправить до Нового Сверженя». В итоге, в Вильно, как центре дистанции, «составится запас довольно

значительной из сборного хлеба Минской губернии, равномерно в Вилькомире и Шавле из сборного хлеба Виленской губернии» [10, с. 279].

Однако это предложение П. П. Львова не нашло поддержки у Н. О. Лабы. По его мнению, доставка хлеба в «Литовские губернии» была невозможна потому, что вдоль Западной Двины не было существенных запасов. Покупать же там было невыгодно, поскольку в Риге, Дриссе, Полоцке и Витебске заготавливались большие припасы для отправки за границу. К тому же подобная заготовка на месте оказалась бы чрезвычайно дорогой. Кроме того, предполагались издержки на доставку запасов из Киева в Пинск (по распоряжению М. И. Кутузова) для формирования там запаса. Остальной провиант шел на обеспечение местных войск. При этом в Виленской, Гродненской и Минской губерниях заготовка была возможна за наличные деньги [10, с. 280–281].

Долгое время ситуация с провиантским обеспечением путевых магазинов в белорусско-литовских губерниях оставалась крайне сложной. Военному министерству не удавалось поддерживать в постоянной готовности и путевые, и запасные провиантские магазины. Как отмечал в рапорте А. И. Горчакову от 25 февраля 1813 г. генерал-провиантмейстер армии Лаба Н. О., выполнение возложенных на Провиантский департамент обязанностей в западных губерниях осложнялось тем обстоятельством, что он не получал запланированное финансирование. Так, к 25 февраля не были выплачены суммы не только за первые два месяца 1813 г., но и за прошедшие два года (8 397 592 руб. 16 ¼ коп за 1811 г. и 7 019 244 руб. 18 ¼ коп за 1812 г.) [10, с. 276].

Поэтому Провиантский департамент наибольшее внимание уделил состоянию дел в КВПД. По мере получения денег в марте, апреле и мае 1813 г. он немедленно высылал их комиссии «сверх мер возможности», в общей сумме 2 387 121 руб. и 81 коп. ассигнациями. И к июлю 1813 г., по словам Н. О. Лабы, недостатка в продвольствии войск уже не было [10, с. 279].

Впрочем, как отмечал М. И. Кутузов в своем письме к А. И. Горчакову от 5 марта 1813 г., до него доходили беспрерывные «жалобы на недостаток продовольствия по военным дорогам, особливо в фураже, начиная от Смоленска до самой границы, отчего транспорты, к армии идущие, совершенно расстроиваются, лошади изнуряются и даже гибнут, а люди при транспортах разбегаются» [11, с. 365–366]. Поэтому главнокомандующий просил следить, чтобы в каждом путевом магазине «всегда была по крайней мере третья часть предположенной пропорции провианта и фуража в готовности» [11, с. 366].

Обострение ситуации в апреле 1813 г. Вскоре о проблеме с обеспечением провиантом и фуражом на военных дорогах стало известно императору, и в ее решение был вынужден вмешаться М. И. Кутузов. В письме от 5 апреля он сообщил А. И. Горчакову, что, согласно рапорту инспектора всей артиллерии барона Меллер-Закомельского П. И., «выступившие из Вильны и других мест артиллерийские роты и парки, следующие за границу в армию, не получают по пути надлежащего продовольствия, ибо нигде почти по установленным дорогам не существует магазейнов. А хотя комиссионеры в тех местах и находятся, но они ни в натуре продовольствия, ни сумм для того потребных не имеют. Чрез что роты продолжают марш свой медленнее, нежели по маршруту назначено» [11, с. 531]. Поэтому главнокомандующий потребовал наказать виновных, заменить нерадивых провиантских чиновников и выделить необходимые денежные средства для провиантских комиссий [11, с. 532]. Все это активизировало деятельность Н. О. Лабы, который внимательно следил за инспекционной поездкой П. П. Львова.

Состояние дистанций в Минской губернии. Из Виленской губернии П. П. Львов направился в Минск. Здесь он обнаружил «хлеба значительное количество». Однако назначенные путевые (расходные) магазины не были учреждены. Это произошло потому, что на запросы комиссионера Минской дистанции гражданский губернатор П. М. Добринский не предоставил сведений о количестве запасов, оставшихся от неприятеля, и о количестве войск, находящихся в губернии [10, с. 281]. Кроме того, отпущенные этому комиссионеру средства были потрачены на «местное продовольствие» войск, а также на обеспечение проходящих команд и на военные госпитали. В итоге на закупку провианта и фуража в путевые магазины средств уже не было [10, с. 281].

В связи с этим П. П. Львов просил минского военного губернатора генерал-майора Игнатьева Г. А. сообщить, остались ли запасы провианта от неприятеля или по иным обстоятельствам, чтобы «воспособствовать открытию путевых расходных магазейнов и тем прекратить выдачу сумм на путевое продовольствие» [10, с. 281]. Военный губернатор уведомил, что от противника ничего не осталось и что есть небольшое количество хлеба, собранное из потерь проходящих казенных транспортов. Однако его можно использовать только для проходящих команд [10, с. 281].

Поэтому Н. О. Лаба принял решение осуществить закупку провианта и фуража для путевых (расходных) магазинов и войск, квартирующих в Минской губернии, за счет кредита у продавцов. А так как в этой губернии закупкой хлеба занимались «особы от курских дворян взамен

высочайше повеленной траспортировки и притом за наличные деньги», то П. П. Львов «при всем его старании не мог убедить продавцов сделать кредит казне» [10, с. 281]. В итоге, чтобы «предупредить казну от предыдущих убытков», чиновник вынужден был просить Г. А. Игнатьева запретить закупку курскими дворянами запасов (если на это не было предписаний императора или М. И. Кутузова). Это следовало сделать в случае, если поветовые маршалы не согласятся принять на себя поставки хлеба по выгодным для казны ценам [10, с. 281]. Для обеспечения местных войск и открытия путевых (расходных) магазинов П. П. Львов выдал дистанционному комиссионеру 15 тыс. руб. и «вменил в непосредственную его ответственность буде войска останутся без продовольствия» [10, с. 281].

В целом закупка провианта и фуража проходящими войсками и командами в белорусско-литовских губерниях осуществлялась тремя способами: «под квитанции от обывателей», т. е. за счет реквизиций; «покупкой за казенные деньги» (за счет средств КВПД); «закупкой за собственные средства, с компенсацией от казны» [12, л. 2]. В последнем случае КВПД запрашивала подробные сведения. В частности, 6 июня 1813 г. управляющий КВПД Н. И. Посников просил минского гражданского губернатора представить сведения (ведомости и выписки из шнуровых книг) со всех уездов и городов о квитанциях, выданных с 1 января по 1 июня 1813 г. (в их число не должны были входить квитанции или требования на поставку провианта и фуража по реквизициям для путевых магазинов). При поступлении этих данных КВПД проводила «сличение» квитанций с выписками из шнуровых книг [12, л. 2]. А впредь все квитанции по реквизициям у жителей провианта и фуража следовало представлять в нижние земские суды, которые передавали их в КВПД [12, л. 2 об.].

Состояние дистанций в Гродненской губернии и Белостокской области. В Гродненскую губернию и Белостокскую область П. П. Львов сам не поехал, а отправил туда комиссионера 8-го класса Ивана Ивановича Клокачева [10, с. 281]. В 1813 г. он числился чиновником Новгородского комиссионерства Комиссии Санкт-Петербургского провиантского депо [14, с. 222]. И. И. Клокачеву была поставлена задача «обозреть магазейны, особенно в тех местах, где наиболее находится на пути его проезда войск», и уточнить, «достаточны ли распоряжения, сделанные комиссионарами к наполнению магазейнов». При необходимости ему поручалось «все беспорядки исправить и обеспечить продовольствие войск» [10, с. 282].

В первую очередь И. И. Клокачев отправился на дистанцию комиссионера «Гогена» (вероятно, речь идет о комиссионере 7-го класса КВПД Александре Ивановиче Гогине [14, с. 225]). По прибытии в Новогрудок он осмотрел местные магазины и обнаружил, что провианта в них «весьма довольно», но фуража почти не осталось (из-за большого расхода проходящими войсками). Поэтому до очередной закупки И. И. Клокачев убедил новогрудского маршала, в случае необходимости, отпускать фураж в магазины Новогрудка [10, с. 282].

Затем И. И. Клокачев отправился в Гродно и потребовал от «Гогена» ведомости о магазинах в Гродненской губернии и Белостокской области. Ознакомившись с документами, он установил, что до высылки из КВПД дополнительной суммы в довольствии войск не должно быть остановки. Об этом чиновник сообщил комиссии и просил выслать «Гогену» до 25 тыс. руб. серебром. При этом И. И. Клокачев «поставил на вид комиссионеру Гогену дорогие цены, по коим он производит закупку и напомнил ему о лучшей деятельности к наполнению попутных расходных магазейнов» [10, с. 282].

Из Гродно И. И. Клокачев направился в Слоним, где обнаружил, что кроме наличного, в магазинах ожидался хлеб, закупленный «Гогеном». В то же время часть хлеба, привезенного в Слоним на транспортах из Полтавской губернии (частично в сухарях и крупах) «по отсырелости и замочке» начала портиться, хотя еще и годилась в расход. Поэтому И. И. Клокачев предписал смотрителям магазинов отпустить эти сухари и крупы в первую очередь. Сообщая об этом «Гогену», он указал ему «о медленной поставке продавцами купленного им у них провианта и фуража» [10, с. 282].

Из Слонима И. И. Клокачев отправился на Брестскую дистанцию, которой заведывал комиссионер 12-го класса Козубовский (инициалы не установлены. – Авт.). Проведя ревизию магазинов, он обнаружил, что квартирующие на дистанции войска обеспечены провиантом. Козубовский также закупил или договорился о приобретении на будущее припасов, о чем И. И. Клокачев написал КВПД, прося о своевременном выделении средств [10, с. 282]. А чтобы не было остановки, чиновник выделил Козубовскому 5000 руб. из суммы, отпущенной ему П. П. Львовым. На эти средства комиссионер должен был закупить провиант на 10 дней для 20 батальонов Резервной армии, следовавших под командой генерал-майора И. С. Адамовича [10, с. 282].

После возвращения в С.-Петербург И. И. Клокачев представил Н. О. Лабе рапорт, в котором отметил, что при объезде и осмотре Гродненской губернии и Белостокской области «войска тогда удовлетворялись продовольствием безнужно и безостановочно, из готовых и покупных

комиссионерами припасов, и что расходные и путевые магазейны учреждались в должном и повеленном порядке» [10, с. 283]. Поэтому И. И. Клокачев надеялся, что войска не встретят недостатка в продовольствии, «особливо когда покупные комиссионерами количества поступят скоро и они снабжены будут нужными суммами» [10, с. 283].

Однако с подходом войск Резервной армии (апрель 1813 г.) ситуация на дистанции КВПД изменилась. Провиантский департамент был озабочен обеспечением этих войск, поскольку в крае «войною истреблены все его запасы и обыватели военными требованиями истощены» [10, с. 279].

Стараясь обеспечить поставки продовольствия в Виленской, Минской, Гродненской губерниях и Белостокской области, Н. О. Лаба в апреле и мае 1813 г. от КВПД выслал 2 050 000 руб. в Комиссию, учрежденную при Резервной армии (занималась непосредственно обеспечением войск этой армии). Кроме того, в апреле – мае 1813 г. генералу от кавалерии А. С. Кологривову (формировал кавалерийские части Резервной армии) Н. О. Лаба дополнительно выслал 687 тыс. руб. и командировал от КВПД «немалое число и комиссионеров» [10, с. 279–280].

Рапортуя об этом 7 июня 1813 г. А. И. Горчакову, генерал-провианмейстер писал: «О таковом обозрении Виленского депо, которое по настоящему положению более всех других представляло заботы и попечения, долгом поставляю донести Вашему Сиятельству, докладывая притом, что я ничего не упускал и не упускаю из виду, что только к поддержанию исправного продовольствия войск в том крае по теперешнему положению нужно и подтверждая всякой раз тамошей комиссии, о удержании исправности, снабжаю ее суммами по мере возможности» [10, с. 283].

Впрочем, несмотря на все старания военных чиновников, Александр I был крайне недоволен деятельностью Провиантского департамента. Поэтому все представления о награждении служащих этого ведомства в течение 1813 г. он откладывал. Об этом монарх 5 мая 1813 г. оставил собственноручную резолюцию на одном из представлений Н. О. Лабы. В ней говорилось: «Быв недоволен ген.-провиантмейстером, его представления останутся без движения впредь до времени» [9, с. 328–329].

Заключение. Таким образом, Комиссия Виленского провиантского депо как местное учреждение Провиантского департамента Военного министерства была образована в январе 1812 г. В июне этого года, в связи с нашествием Наполеона, она прекратила свою деятельность и была восстановлена в декабре 1812 г. В ее функции входило обеспечение провиантом и фуражом российских войск, дислоцированных в Виленской, Гродненской, Минской губерниях и Белостокской области. Главной задачей комиссии в течение 1813 г. являлось обеспечение припасами проходящих команд и войск, направлявшихся на заграничный театр военных действий. С этой целью по приказу М. И. Кутузова на военных дорогах, которые вели от линии рек Западная Двина и Днепр к западной границе, была создана сеть путевых (расходных) магазинов. На скромный штат комиссии (в 1813 г. – 11 чиновников) возлагались обязанности по наполнению путевых магазинов закупками за счет средств Провиантского департамента.

Однако в своей деятельности Комиссия Виленского провиантского депо столкнулась как с нехваткой чиновников, так и продолжительным отсутствием денежных средств (они начали поступать с опозданием в 2–3 месяца). Для исправления ситуации генерал-провиантмейстер Лаба Н. О. направил на дистанции этой комиссии чиновника 5-го класса П. П. Львова, снабдив его суммой в 50 тыс. руб. Этот чиновник смог организовать инспектирование провиантских магазинов в трех губерниях и области, а на наиболее проблемных дистанциях выделил дополнительные средства. В то же время, в случае нехватки денег, чиновникам Провиантского дераптамента и Комиссии Виленского провиантского депо приходилось прибегать к заготовке необходимых запасов на реквизиционной основе.

Список литературы

1. Столетие Военного министерства: 1802–1902 / гл. ред. Д. А. Скалон. В 13 т. Т. 5. Главное интендантское управление. Ч. 1. Введение и царствование императора Александра I: ист. очерк / сост. Ф. П. Шелехов. СПб.: тип. «Бережливость», 1903. 523 с.

2. Гаврилов С. В. Организация снабжения русской армии накануне и в ходе Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1815 гг.: исторические аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2003. 22 с.

3. Гаврилов С. В. Особенности организации снабжения русской армии за границей в 1813–1814 годах // Война и оружие: Новые исследования и материалы: труды Третьей междунар. науч.-практ. конф. 16–18 мая 2012 г.: в 3 ч. / отв. ред. С. В. Ефимов. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. Ч. 1. С. 284–297.

4. Швед В. В., Данскіх С. У. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў. 1805–1815 гады. Гродна: ГрДУ, 2006. 251 с.

5. Лукашевич А. М. Определение размера материального ущерба, нанесенного войной 1812 года населению, и проблема его компенсации (на примере белорусско-литовских губерний) // 1812 год.

Люди и события великой эпохи: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 23 апр. 2010 г. / отв. ред. Г. И. Герасимова, С. В. Львов. М.: Кучково поле, 2010. С. 25–41.

6. Лукашевич А. М. «В действиях моих имел я одну ту цель чтобы соблюдать пользу Отечества…»: следственное дело губернатора К. К. Лешерна о злоупотреблениях в провиантском обеспечении российской армии в 1812–1813 гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 2. С. 5–20.

7. Лукашевич А. М. Белорусские земли как вероятный театр военных действий: изучение, инженерная и топографическая подготовка (70-е гг. XVIII в. – 1812 г.). Минск: БГУ, 2010. 319 с.

8. Лукашевич А. М. Политическая ситуация в западных (белорусских) губерниях накануне и в начале войны 1812 года в оценке российских служб контрразведки // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XV Междунар. науч. конф., 9–11 сент. 2008 г. / ред.-изд. совет: А. В. Горбунов (пред.) [и др.]. Можайск: Гос. Бород. военно-ист. музей-заповедник, 2009. С. 54–70.

9. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. В 10 ч. Ч. 4. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1899. 361 с.

10. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. В 10 ч. Ч. 9. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1905. 358 с.

11. М. И. Кутузов: сб. док. и материалов: в 5 т. / под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Военное изд-во, 1956. Т. 5. 867 с.

12. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 18.

13. Российский государственный исторический архив. Ф. 1341. Оп. 9. Д. 3557.

14. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1813. СПб.: Императ. Акад. наук, 1813. Ч. 1. 712 с.; Ч. 2. 537 с.

15. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1815. СПб.: Императ. Акад. наук, 1815. Ч. 1. 784 с.; Ч. 2. 546 с.

Referenses

1. Shelekhov F. P. (comp). *Stoletiye Voyennogo ministerstva: 1802–1902. T. 5. Glavnoye intendantskoye upravleniye. Ch. 1. Vvedeniye i tsarstvovaniye imperatora Aleksandra I: istoricheskiy ocherk* [A Century of the Ministry of War: 1802–1902. Vol. 5. Main Quartermaster Directorate. Part 1. Introduction and reign of Emperor Alexander I: historical essay]. St. Petersburg, tip. “Berezhlivost'” Publ., 1903. 523 p. (In Russian).

2. Gavrilov S. V. *Organizatsiya snabzheniya russkoy armii nakanune i v khode Otechestvennoy voyny 1812 g. i zagranichnykh pokhodov 1813–1815 gg.: istoricheskiye aspekty: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Organization of supplies of the Russian army on the eve of and during the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of 1813–1815: historical aspects. Abstract of thesis PhD (History). St. Petersburg, S.-Peterb. gos. un-t Publ., 2003. 22 p. (In Russian).

3. Gavrilov S. V. Features of the organization of supplies of the Russian army abroad in 1813–1814. In: Efimov S. V. (ed.). *Voyna i oruzhiye: Novyye issledovaniya i materialy: trudy Tret'yey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 16–18 maya 2012 g.* [War and weapons: New research and materials. Proceedings of the Third international scientific and practical conference on 2012, May 16–18]. St. Petersburg, VIMAIViVS Publ., 2012, part 1, pp. 284–297 (In Russian).

4. Shved V. V., Danskikh S. U. *Zakhodni regiyon Belarusi u chasy napaleonauskikh voynau. 1805–1815 gady* [Western regions of Belarus during the Napoleonic wars. 1805–1815 reptiles]. Grodna, GrDU Publ., 2006. 251 p. (In Belarusian).

5. Lukashevich A. M. Determination of the amount of material damage caused by the war of 1812 to the population, and the problem of its compensation (on the example of the Belarusian-Lithuanian provinces). In: Gerasimova G. I., L’vov S. V. (ed.) *1812 god. Lyudi i sobytiya velikoy epokhi: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 23 aprelya 2010 g.* [1812. People and events of the great era: proceedings of the International scientific conference, 2010 April 23]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2010, pp. 25–41 (In Russian).

6. Lukashevich A. M. “In my actions, I had that one purpose to observe the benefit of the Fatherland…”: investigatory case of governor K. K. Leshern on abuses in the Russian army provision supply in 1812–1813. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Journal of the Belarusian State University. History], 2023, no. 2, pp. 5–20 (In Russian).

7. Lukashevich A. M. *Belorusskiye zemli kak veroyatnyy teatr voyennykh deystviy: izucheniye, inzhenernaya i topograficheskaya podgotovka (70-e gg. XVIII v. – 1812 g.)* [Belarusian lands as a probable theater of military operations: study, engineering and topographic preparation (70s of the 18th century – 1812)]. Minsk, BGU Publ., 2010. 319 p. (In Russian).

8. Lukashevich A. M. Political situation in the western (Belarusian) provinces on the eve and at the beginning of the war of 1812 in the assessment of the Russian counterintelligence services. In: Gorbunov A. V. (chairman editorial and publ. council). *Otechestvennaya voyna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 9–11 sent. 2008 g.* [The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems: materials of the XV International scientific conference, 2008, September 9–11]. Mozhaysk, Gos. Borodinskiy voyenno-ist. muzey-zapovednik Publ., 2009, pp. 54–70 (In Russian).

9. *Bumagi, otnosyashchiyesya do Otechestvennoy voyny 1812 goda, sobrannyye i izdannyye P. I. Shchukinym* [Papers relating to the Patriotic War of 1812, collected and published by P. I. Shchukin. Part 4]. Moscow, T-vo tip. A. I. Mamontova, 1899. 361 p. (In Russian).

10. *Bumagi, otnosyashhiyesya do Otechestvennoy voyny 1812 goda, sobrannyye i izdannyye P. I. Shchukinym* [Papers relating to the Patriotic War of 1812, collected and published by P. I. Shchukin. Part 9]. Moscow, T-vo tip. A. I. Mamontova, 1905. 358 p. (In Russian).

11. Beskrovny L. G. (edit.). *M. I. Kutuzov: sb. dok. i materialov. T. 5* [M. I. Kutuzov: Collection of documents and materials. Vol. 5]. Moscow, Voyennoe izdatel'stvo Publ., 1956. 867 p. (In Russian).

12. *Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi* [National Historical Archive of Belarus]. Fund 1537. I. 1. F. 18.

13. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 1341. I. 9. F. 3557.

14. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob ili obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na leto ot Rozhdestva Hristova 1813* [The calendar with a list of officials, or the general staff of the Russian Empire for the summer of AD 1813]. St. Petersburg, Imperat. Akad. nauk Publ., 1813, part 1. 712 p.; part 2. 537 p. (In Russian).

15. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob ili obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na leto ot Rozhdestva Hristova 1815* [The calendar with a list of officials, or the general staff of the Russian Empire for the summer of AD 1815]. St. Petersburg, Imperat. Akad. nauk Publ., 1815, part 1. 784 p.; part 2. 546 p. (In Russian).

Информация об авторе

Лукашевич Андрей Михайлович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Белорусский государственный университет (пр-т Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: lukashevand@mail.ru

Information about the author

Lukashevich Andrei Mikhailovich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of history of Belarus of new and contemporary times. Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: lukashevand@mail.ru

Поступила 01.03.2025

УДК 271.22(476.1)

С. М. Восович
Брестский государственный технический университет

МИНСКОЕ СВЯТО-НИКОЛАЕВСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ БРАТСТВО В КОНЦЕ 1880-Х ГГ.

В статье анализируется преобразование Минской братской епархиальной организации в 1888 г. 9 мая 1888 г. вступил в силу новый братский устав, утвержденный епископом Минским и Туровским Варлаамом в апреле того же года. Братство стало называться Свято-Николаевским. Оно учреждалось в честь святого Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского. Члены братства рассчитывали на его молитвенную помощь перед Богом в достижении поставленных задач.

Изменились приоритеты братской деятельности. Она была направлена, прежде всего, на организацию и поддержку церковно-приходских школ. Раскрываются причины изменений этих приоритетов, а также объединение с Минским епархиальным училищным советом. Разбирается деятельность Минского епархиального братства в конце 1880-х гг.

Делается вывод о том, что вся активность Минского Свято-Николаевского епархиального братства была направлена на укрепление позиций Русской православной церкви на Минщине. С целью предоставления детям школьного возраста возможности обучения хотя бы начальной грамоте и первоначальным истинам православной веры и христианской нравственности, а также сохранения у выпускников церковных школ полученных знаний Свято-Николаевское братство сосредоточило свою активность на развитии церковно-школьного дела, проведении внебогослужебных бесед и открытии книжных складов.

Ключевые слова: Минское Свято-Николаевское епархиальное братство, церковная школа.

Для цитирования: Восович С. М. Минское Свято-Николаевское епархиальное братство в конце 1880-х гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 25–30.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-4.

S. M. Vosovich
Brest State Technical University

MINSK ST. NICHOLAS DIOCESAN BROTHERHOOD IN THE LATE 1880S

The article analyzes the transformation of the Minsk fraternal diocesan organization in 1888. On May 9, 1888, a new fraternal charter, approved by Bishop Varlaam of Minsk and Turov in April of the same year, came into force. The brotherhood became known as St. Nicholas one. It was established in honor of St. Nicholas the Wonderworker, Archbishop of Myra in Lycia. The members of the brotherhood counted on his prayerful help before God in achieving their goals.

The priorities of fraternal activities changed. It was primarily aimed at organizing and supporting church schools. The reasons for changes in these priorities, as well as unification with the Minsk diocesan school council, are revealed. The activities of the Minsk diocesan brotherhood in the late 1880s are analyzed.

It is concluded that all the activities of the Minsk St. Nicholas Diocesan Brotherhood were aimed at strengthening the position of the Russian Orthodox Church in the Minsk region. In order to provide school-age children with the opportunity of learning at least basic literacy and the original truths of Orthodox faith and Christian morality, as well as preserving the knowledge acquired by the church school-leavers the St. Nicholas Brotherhood focused its activities on the development of church and school affairs, holding extra-liturgical conversations and opening book warehouses.

Keywords: Minsk St. Nicholas Diocesan Brotherhood, church school.

For citation: Vosovich S. M. Minsk St. Nicholas Diocesan Brotherhood in the late 1880s. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 25–30 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-4.

Введение. В белорусской исторической науке до сих пор не проведено всестороннего и глубокого исследования культурно-просветительской активности православных братств Беларуси конца XIX в. Не исключением является Минское Свято-Николаевское епархиальное братство. Поэтому целью указанной работы является рассмотрение развития Свято-Николаевского братства в конце 1880-х гг. В связи с этим определены следующие задачи: 1) рассмотреть преобразование Минской

братской епархиальной организации в 1888 г.; 2) проанализировать деятельность Свято-Николаевского братского союза с 9 мая 1888 г. по 31 августа 1889 г.

Основная часть. 9 мая 1888 г. в церковной жизни Минской губернии произошло значимое событие. Состоялось преобразование Минского Николаевского православного братского объединения. Если до этого момента считалось, что оно было основано в память о покойном цесаревиче Николае Александровиче, то с указанного дня данная епархиальная организация стала именоваться Свято-Николаевской. Учреждалась в честь Святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского.

Доверившись покровительству Святителя Николая, братчики во главе с правящим архиереем Минской епархии рассчитывали на его молитвенную помощь пред Богом в успешном достижении поставленных задач. Не случайно преобразование епархиальной братской организации состоялось 9 мая – в день памяти Святителя Николая. Заметим, до 1888 г. общие собрания епархиального братства, согласно параграфу 19 прежнего братского устава, устраивались обычно 12 апреля – в день смерти цесаревича Николая Александровича.

Поменялись не только мотивация создания братской организации, ее название. С 9 мая 1888 г. вступил в силу новый братский устав. С целью активизации деятельности организации общее собрание братчиков 22 марта 1887 г. попросило братский совет выработать новый проект устава. Специальная комиссия под председательством инспектора Минской духовной семинарии А. Черницына в составе священников И. Борковского и П. Афонского составила проект нового устава Минского братского союза. После рассмотрения проекта устава членами Минского епархиального училищного совета данный документ был утвержден епископом Минским и Туровским Варлаамом (Чернявским) 15 апреля 1888 г. [1].

Согласно уставу, братство должно было содействовать «укрѣпленію и процвѣтанію св. православной вѣры въ предѣлахъ Минской епархіи» [1, с. 243]. Для этого оно обязано было не только содействовать материальному обеспечению и благоустройству существовавших в Минской епархии церковно-приходских школ и школ грамоты, но и заботиться об открытии новых церковных школ. Помимо содействия строительству и благоустройству православных храмов, организации церковного пения в школах и коллективного пения верующих в храмах при богослужении необходимо было: помогать нуждавшимся лицам православного исповедания; устраивать склады и иконные лавки для продажи по низким ценам книг религиозно-нравственного и патриотического содержания, учебников и пособий для начальных школ, икон и крестиков, картин из священной и русской истории; с целью развития у народа любви к чтению книг религиозно-нравственного содержания открывать при школах и церквах библиотеки и читальни, а также бесплатно раздавать книги; помогать организовывать внебогослужебные собеседования и чтения об истинах православной веры и благочестии; оказывать содействие в издании книг и брошюр, разъяснявших истины православного вероучения и обличавших всевозможные «посягательства на чистоту и целость православия» [1, с. 243–244].

По сравнению с предшествующим временем изменились приоритеты братской деятельности. Свято-Николаевская церковно-общественная организация сосредоточила свою активность на развитии церковно-школьного дела, проведении внебогослужбных бесед и распространении духовно-нравственной литературы. Братство, прежде всего, стремилось обучить всех детей школьного возраста Минской губернии хотя бы начальной грамоте и первоначальным истинам православной веры и христианской нравственности. А затем сохранить у выпускников церковных школ полученные знания, поддерживая их самообразование, любовь к чтению книг. Для этого планировалось открывать склады книг и библиотеки, организовывать внебогослужебные чтения [2, с. 52].

На трансформацию приоритетов братской деятельности повлияла не только поддержка российским имперским правительством начального церковного образования после утверждения 13 июня 1884 г. императором Александром III «Правилъ о церковно-приходскихъ школахъ», но и личная позиция правящего архиерея Минской епархии по вопросу конфессиональной ситуации на Минщине. По мнению епископа Минского и Туровского Варлаама, католичество на территории Минской губернии в рассматриваемый период существенно ослабло и стало «менѣе вреднымъ» в сравнении с 1860-х гг., а в соотношении с могуществом российского государства «совсѣмъ безопаснымъ». Учитывая значительное ослабление римско-католического влияния, потребность страны в образованных людях, епископ Варлаам предложил направить всю братскую активность не на достижение многосложных задач, а на организацию и поддержку церковно-приходских школ. Принималась во внимание правящим архиереем и целесообразность церковного образования. Лишь через школу – преддверие церкви, по его мнению, народ мог освоить в большей или меньшей степени истины православной церкви, воспитываться в соответствии с правилами православной веры и христианской нравственности [3, с. 240–241].

Смещение акцентов в работе епархиального братского союза привело к тому, что цели Минского епархиального училищного совета и Минского Свято-Николаевского братства стали почти одинаковыми. Одинаковой была, по словам современников, и господствовавшая в указанных объединениях атмосфера – дух «христіанской любви къ ближнему» [4, с. 21].

Схожесть целей и характера деятельности указанных объединений, юридическая возможность выполнения функций епархиального училищного совета епархиальным братством послужили основой для объединения Минского епархиального училищного совета с Минским Свято-Николаевским братством. На объединение повлияло стремление епископа Минского и Туровского Варлаама привлечь местное православное население к активной организации церковных школ, книжных складов и внебогослужебных собеседований. Думается, правящим архиереем Минской епархии бралась в расчет также необходимость улучшения положения самой епархиальной братской организации, которая во второй половине 1880-х гг. переживала далеко не лучшие времена. Братство в указанное время не располагало значительными денежными средствами, которые можно было тратить на достижение заявленных уставом целей. К 9 мая 1888 г. в его распоряжении находилось 354 руб. 65 коп. наличными, 500 руб. в виде ценных бумаг и 1990 руб., числившихся в виде долга за минской кладбищенской церковью. В то время как имперское правительство в 1887 г. приняло решение выделять Минскому епархиальному училищному совету ежегодно в течение 3 лет 10 000 руб. из губернского земского сбора на пособия церковным школам [4, с. 20, 22].

Объединение Минского епархиального училищного совета с Минским Свято-Николаевским братством состоялось 9 мая 1888 г. в доме управляющего Либаво-Ровенской железной дороги Николая Евграфовича Ададурова после завершения богослужения в кафедральном соборе. На общем собрании братчиков и лиц, сочувствовавших братской деятельности и пожелавших записаться в указанную организацию, был образован братский совет в составе 16 человек. Семеро из них, согласно параграфу 35 братского устава, были назначены епископом Варлаамом, а именно: протоиереи Г. Галин и А. Конский, Н. Смолич и И. Проволович, инспектор местной духовной семинарии А. Черницын, священники А. Юрашкевич и И. Борковский. Остальные 7 членов с председателем были избраны общим братским собранием. Ими оказались следующие лица: Н. Е. Ададуров, Н. К. Антошин, В. Е. Кольнер, В. В. Гинденбург, А. А. Свечников, Н. Ф. Акоронко, священник Ф. Миткевич и протоиерей Г. Тарновольский. Из их числа правящий архиерей назначил председателем братского совета Н. Е. Ададурова. Заметим, что шестнадцатым членом братского совета автоматически стал директор народных училищ Минской губернии Тимофеев Е. Е.

На собрании также были избраны на трехлетний срок 4 кандидата в члены совета: О. М. Бутурлина, К. В. Александрович, священник И. Волочкович и Е. Г. Таранович. Казначеем братства стал А. А. Свечников, а инспектор семинарии А. Черницын был назначен епископом Варлаамом секретарем братского совета [5, с. 266]. Заметим, что 30 ноября 1888 г., согласно предложению епископа Варлаама, в состав братского совета вошел священник П. Афонский в помощь канцелярии совета. Священник П. Афонский стал отвечать за письменное ведение дел, касавшихся строительства школьных зданий [2, с. 55].

На собрании у Н. Е. Ададурова в ряды преобразованного братского объединения записалось лишь 55 человека. Они внесли 222 руб. наличными, а священник Ф. Миткевич пожертвовал учебные пособия общей стоимостью 10 руб. Думается, надежды епископа Минского и Туровского Варлаама на оживление братской жизни через реформирование братства не оправдались в полной мере. Об этом наглядно свидетельствует 63-я статья братского устава, разрешавшая открывать приходские отделы в составе не менее 30 человек. А на практике оказалось, что количественный состав всего реформированного братства в первый год ненамного превосходил предполагаемые к открытию приходские отделы! Тем не менее Минская братская организация постепенно пополнялась. В течение двух последовавших после открытия братства недель в его состав изъявили записаться 5 человек, внесших в пользу братской организации 31 руб. А 1 июля число желавших стать братчиками пополнилось еще 4 человеками, передавшими братству 8 руб. К концу 1888/1889 братского года в Минской епархиальной организации насчитывался уже 81 человек. В их числе были 6 почетных членов, 70 действительных и 5 членов-соревнователей [2, с. 53]. Заметим, что, согласно статье 19 братского устава, все приходские священники Минской епархии номинально считались действительными членами братства, а остальные члены причта – членами-соревнователями.

Изменение приоритетов деятельности, объединение с Минским епархиальным училищным советом привело к изменению сроков братского года. Отчет братского года ежегодно начали отсчитывать с 1 сентября, т. е. с начала учебного года. Исключение составил лишь первый братский год. Его началом считалось 9 мая 1888 г.,

когда состоялось первое общее собрание членов Свято-Николаевского братства.

На первых заседаниях братского совета, прежде всего, окончательно решались оставшиеся от Минского епархиального училищного совета вопросы. Так, 23 мая 1888 г. братский совет постановил приобрести за 1000 руб. в м. Ракове под двухклассную церковно-приходскую школу дом с состоявшими при нем постройками у наследников Новицкого. Заметим, что вопрос о приобретении зданий начал прорабатываться Минским епархиальным училищным советом с 14 апреля. Тогда была создана специальная комиссия для осмотра построек и составления заключения о соответствии их требованиям, предъявляемым для размещения начального церковного учебного заведения. Также было назначено пособие в размере 25 руб. для завершения строительства здания Хмарино-Городецкой церковно-приходской школы в дополнение к уже ранее выделенным Минским епархиальным училищным советом 75 руб.

Заметим, что братский совет зачастую выделял суммы в неполном объеме для проведения ремонтно-строительных работ. Так, 15 июня 1888 г. на завершение строительства школьного здания в с. Малые Жуховичи Новогрудского уезда было решено выделить 125 руб. вместо 185 руб., запрашиваемых местным священником Н. Гомолицким. На просьбу прихожан Сервечско-Любаничской церкви Новогрудского уезда о выделении 350 руб. на ремонт обветшавшего школьного здания братский совет согласился передать лишь 125 руб. А на ремонт Ивенецкой школы было решено отпустить 100 руб. вместо запрашиваемых 135 руб. [6, с. 480–484]. Думается, частичное финансирование ремонтно-строительных работ было вызвано как острейшей потребностью в проведении таких работ в крупных масштабах на Минщине вследствие открытия огромного количества церковных школ, так и недостатком средств, находившихся в распоряжении Свято-Николаевского братства, ведь братство не только финансировало строительство и благоустройство школ, но и выделяло пособия учителям.

Первое единовременное пособие в размере 10 руб. братский совет постановил выдать 15 июня 1888 г. учителю Орешковичской церковно-приходской школы Блужского прихода Игуменского уезда Т. Р. Бокачеву. Из-за прекращения с 21 апреля занятий в школе родители учеников отказались оплачивать работу учителю, вынужденному оставаться при школе до проведения экзамена на получение желающими выпускниками льготы в прохождении военной службы. Не имея возможности заработать средства к существованию, Т. Р. Бокачев вынужден был, заручившись поддержкой местного священника В. Плышевского, отметившего старательность и успешность учителя, обратиться за помощью к Свято-Николаевскому братству, которое его поддержало.

В тот же самый день братский совет выделил 30 руб. учительнице школы грамоты с. Иодчиц Слуцкого уезда С. Воллосович, оценив ее 3-летний бесплатный труд в указанном учебном заведении, которое, по словам местного наблюдателя церковно-приходских школ, находилось «въ очень хорошомъ положеніи» [6, с. 486–487].

Братский совет не только назначал и увольнял учителей церковных школ, выделял пособия наставникам и училищам, но и пытался упорядочить открытие и содержание церковных начальных учебных заведений, правильно организовать их учебно-воспитательный процесс.

15 июня 1888 г. по инициативе секретаря А. Черницына братским советом был принят ряд важных постановлений. Руководствуясь совместными заключениями благочинных – наблюдателей церковно-приходских школ и приходских священников о необходимости учреждения училищ определенного типа в различных местностях и учитывая источники их содержания, совет должен был упорядочить открытие церковно-приходских школ и школ грамоты. Помимо этого, с 1888/1889 учебного года было решено во всех церковных школах завести книги для записи не только поступавшей литературы, классной мебели, оборудования и другого имущества, но и прихода и расхода средств, переданных церквями, сельскими обществами, попечительствами, родителями учеников, благотворителями и братским советом на нужды этих школ. Учителя должны были вести записи вновь поступивших и выбывших учеников с выяснением причин их ухода из школ, а также ежедневно фиксировать содержание уроков. Для введения с начала 1888/1889 учебного года примерного расписания уроков в церковно-приходских школах и школах грамоты ректору семинарии А. Конскому и священнику Ф. Миткевичу поручалось составить такое расписание. Помимо этого они должны были представить список приемлемых по цене и одобренных Святейшим Синодом для церковных школ учебных пособий. А также сформировать примерный каталог книг для школьных библиотек [6, с. 502–505].

В 1888/1889 учебном году в Минской епархии насчитывалось 1160 церковных школ. Это всего лишь на 3 больше, чем в 1887/1888 учебном году. При этом одноклассных церковно-приходских школ стало меньше на 15. Три из них в течение рассматриваемого учебного года были преобразованы в двухклассные церковно-приходские школы, а остальные переведены в разряд школ грамоты из-за недостатка средств для

привлечения хорошо подготовленных наставников, способных организовать на должном уровне учебно-воспитательный процесс в соответствии с программами одноклассных церковно-приходских школ. Двухклассные церковно-приходские школы с целью подготовки учителей школы грамоты были открыты в м. Турове Мозырского уезда, м. Бабчине Речицкого уезда и м. Ракове Минского уезда [2, с. 59–60].

С целью поддержания грамотности среди выпускников церковных школ Свято-Николаевское братство открыло книжные склады во всех уездных городах Минской губернии, а также в м. Клецке Слуцкого уезда, м. Турце и м. Цырине Новогрудского уезда. Больше всего книг в рассматриваемый период было продано в игуменском складе, – на сумму, превышавшую 200 руб. [2, с. 89].

Помимо указанных складов при братском совете существовал специальный склад, литература которого бесплатно рассылалась беднейшим церковным школам Минской епархии. Для этого склада в течение 1888/1889 братского (учебного) года Свято-Николаевская организация приобрела 52 245 экземпляров книг и брошюр духовно-нравственного содержания, а также учебных пособий. Помимо этого было закуплено 1000 аспидных досок и 200 дюжин грифелей [2, с. 90].

В большинстве приходов Минской епархии устраивались внебогослужебные чтения и беседы. Проводились они преимущественно в школьных зданиях. Организаторами подобных мероприятий помимо священников были учителя церковных школ.

С целью исполнения утвержденных императором Александром III 28 мая 1888 г. «Правилъ объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ спархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ» в течение 1888/1889 братского года были учреждены во всех уездных городах Минской губернии, за исключением г. Речица, соответствующие братские отделения. При этом слуцкое, бобруйское, борисовское и игуменское отделения отличились активностью уже в первые месяцы существования. Так, борисовское отделение сумело настолько заинтересовать своих горожан, что несколько десятков из них изъявило желание оказывать содействие братской просветительской деятельности [2, с. 55].

Заключение. Таким образом, с целью содействия развитию церковных школ и активизации деятельности епархиального братства 9 мая 1888 г. Минский Николаевский братский союз был преобразован в Свято-Николаевскую братскую организацию, а также объединен с Минским епархиальным училищным советом.

Согласно новому братскому уставу, церковно-школьная работа стала приоритетной. Свято-Николаевская организация стремилась обучить всех детей школьного возраста Минской губернии начальной грамоте и первоначальным истинам православной веры, христианской нравственности. С целью сохранения у выпускников церковных школ полученных знаний и развития любви к чтению книг братство открыло в конце 1880-х гг. во всех уездных городах и трех местечках Минской губернии склады книг. Братство содействовало также проведению внебогослужебных бесед и чтений.

В целом вся деятельность Минского Свято-Николаевского епархиального братства была направлена на укрепление позиций Русской православной церкви на территории Минской губернии.

Список литературы

1. УСТАВЪ Минскаго Епархіальнаго Братства во имя Святителя Николая // Минскія епархіальныя вѣдомости. 1888. 1 мая (часть оффиціальная). С. 242–257.

2. Извлеченіе изъ отчета о дѣятельности Минскаго Епархіальнаго Св.-Николаевскаго Братства за прошлый 1888/9 годъ // Минскія епархіальныя вѣдомости. 1890. 15 января (часть неоффиціальная). С. 50–61. 1 февраля (часть неоффиціальная). С. 78–91.

3. СЛОВО, сказанное Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Варлаамомъ, Епископомъ Минскимъ и Туровскимъ, въ Минскомъ Каѳедральномъ соборѣ по случаю введенія въ дѣйствіе новаго Устава Минскаго Свято-Николаевскаго Братства. 9 Мая 1888 г. // Минскія епархіальныя вѣдомости. 1888.15 мая (часть неоффиціальная). С. 242–249.

4. Извлеченіе изъ отчета о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Минской епархіи за 1887/8 учебный годъ // Минскія епархіальныя вѣдомости. 1889. 1 января (часть неоффиціальная). С. 12–24. 15 января (часть неоффиціальная). С. 54–65.

5. Годичное Общее Собраніе членовъ Минскаго Свято-Николаевскаго Братства 9 сего Мая // Минскія епархіальныя вѣдомости. 1888. 15 мая (часть неоффиціальная). С. 264–266.

6. ЖУРНАЛЪ засѣданія Совѣта Минскаго Епархіальнаго Св.-Николаевскаго Братства, отъ 15 іюня 1888 года, утвержденный резолюціею Его Преосвященства 8 Августа того же года за № 3164 // Минскія епархіальныя вѣдомости. 1888. 1 сентября (часть оффиціальная). С. 478–487, 15 сентября (часть оффиціальная). С. 501–514.

References

1. CHARTER of the Minsk Diocesan Brotherhood in the name of St. Nicholas. *Minskiye eparkhial'nyye vedomosti* [Minsk Diocesan Gazette], 1888, May 1 (official part), pp. 242–257 (In Russian).

2. Extract from the report on the activities of the Minsk Diocesan St. Nicholas Brotherhood for the last 1888/9 year. *Minskiye eparkhial'nyye vedomosti* [Minsk Diocesan Gazette], 1890, January 15 (unofficial part), pp. 50–61, February 1 (unofficial part), pp. 78–91 (In Russian).

3. A WORD spoken by His Grace, the Most Reverend Varlaam, Bishop of Minsk and Turov, in the Minsk Cathedral on the occasion of the introduction of the new Charter of the Minsk St. Nicholas Brotherhood, May 9, 1888. *Minskiye eparkhial'nyye vedomosti* [Minsk Diocesan Gazette], 1888, May 15 (unofficial part), pp. 242–249 (In Russian).

4. Extract from the report on the state of parishes schools and literacy schools of the Minsk diocese for the 1887/8 academic year. *Minskiye eparkhial'nyye vedomosti* [Minsk Diocesan Gazette], 1889, January 1 (official part), pp. 12–24, January 15 (official part), pp. 54–65 (In Russian).

5. Annual General Meeting of the members of the Minsk St. Nicholas Brotherh)ood on May 9. *Minskiye eparkhial'nyye vedomosti* [Minsk Diocesan Gazette], 1888. May 15 (unofficial part), pp. 264–266 (In Russian).

6. JOURNAL of the meeting of the Council of the Minsk Diocesan St. Nicholas Brotherhood, dated June 15, 1888, approved by the resolution of His Grace on August 8 of the same year, No. 3164. *Minskiye eparkhial'nyye vedomosti* [Minsk Diocesan Gazette], 1888, September 1 (official part), pp. 478–487, September 15 (official part), pp. 501–514 (In Russian).

Информация об авторе

Восович Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук. Брестский государственный технический университет (ул. Московская, 267, 224017, г. Брест, Республика Беларусь). E-mail: svosovich@list.ru

Information about the author

Vosovich Sergey Mikhailovich – PhD (History), Associate Professor, Asistant Professor, the Humanities Department. Brest State Technical University (267 Moskovskaya str., Brest, 224017, Republic of Belarus). E-mail: svosovich@list.ru

Поступила 10.03.2025

УДК 37.011.3-051:371“18/19”(476)

В. М. Острога
Белорусский государственный технологический университет

МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДА СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.*

В статье рассматривается материальное положение сельского учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Подчеркивается, что остаточный принцип в финансировании школы отражался в мизерных средствах, выделяемых царским правительством на нужды народного просвещения. Качество образования населения зависело не только от уровня теоретической и методической подготовки учителя, но и от его социального статуса, в первую очередь достойного правового и материального положения в обществе. В течение рассматриваемого периода проблема материального обеспечения школ и стимулирования учительского труда оставалась нерешенной. Выделяемые средства обеспечивали самые минимальные требования «учащих» и являлись определяющим принципом при укомплектовании начальных школ педагогическими кадрами – учителями, как правило, выходцами из разночинской среды или низших сословий. На основе конкретно-исторического материала, в том числе архивных материалов, отражается динамика изменения заработной платы в зависимости от средств казны, крестьянских обществ, доходов земских учреждений и др. Автор приходит к выводу, что в дореволюционной России отсутствовала единая система финансирования труда учителя, уровень заработной платы оставался не только низким, но и нестабильным. Кроме основного дохода за преподавание в сельской школе существовали и иные пути повышения материального благосостояния, но они были ограниченными, зависели от местных условий и использовались только незначительной частью сельского учительства.

Ключевые слова: сельский учитель, народное образование, материальное положение, финансирование, уровень заработной платы, начальная школа, «ссыпка», учительский доход.

Для цитирования: Острога В. М. Материальное стимулирование труда сельских учителей Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293) С. 31–37.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-5.

V. M. Ostroga
Belarusian State Technological University

MATERIAL INCENTIVES FOR THE WORK OF RURAL TEACHERS IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 19 – BEGINNING OF THE 20 CENTURY

The article examines the material situation of rural teachers in Belarus in the second half of the XIX – beginning of the XX century. It is emphasized that the residual principle in school financing was reflected in the meager funds allocated by the tsarist government for the needs of public education. The quality of education of the population depended not only on the level of theoretical and methodological training of the teacher, but also on his social status, first of all, a decent legal and material position in society. During the period under review, the problem of material support for schools and incentives for teachers' work remained unresolved. The allocated funds provided for the most minimal requirements of the “teachers” and were the determining principle in staffing primary schools with teaching staff – teachers, as a rule, from the raznochintsy environment or the lower classes. Based on specific historical material, including archival materials, the dynamics of changes in wages are reflected depending on the funds of the treasury, peasant societies, income of zemstvo institutions, etc. The author comes to the conclusion that in pre-revolutionary Russia there was no unified system of financing the work of teachers, the level of wages remained not only low, but also unstable. In addition to the basic income for teaching in a rural school, there were other ways to improve material well-being, but they were limited, depended on local conditions and were used only by a small part of the rural teaching staff.

Keywords: rural teacher, public education, material situation, financing, salary level, primary school, “ssypka”, teacher's income.

For citation: Ostroga V. M. Material incentives for the work of rural teachers in Belarus in the second half of the 19 – beginning of the 20 century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 31–37 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-5.

* Статья подготовлена в рамках проекта БФНИ “Фарміраванне эліт ва ўмовах трансфармацыйных працэсаў беларускага грамадства XIX – пачатку XX ст.” (договор с БФНИ ном. Г23ИП-002 от 02.05.2023).

Введение. Главным ведомством царского правительства, которое должно было заботиться об образовании народа, являлось созданное в 1802 г. Министерство народного образования. Но до 1860-х гг. оно оставалось в этом деле практически пассивным наблюдателем. Чиновники были убеждены, что увеличение количества образованных людей из простого народа может принести больше вреда, чем пользы. Поэтому, как справедливо отмечал известный педагог Каптеров П. Ф., царизм заботился не столько о распространении просвещения, сколько о защите его «разумными ограничениями». Разрешая открывать народные начальные школы, правительство не допускало и мысли о ее полном содержании на средства казны. Финансирование образования считалось делом самого народа. В 1866 г. из общей суммы государственного бюджета на просвещение отводилось только 1,6%, причем на начальные народные училища и церковные школы – 0,3%. В 1895 г., по сравнению с 1860-ми гг., бюджет государства вырос в 3 раза, но размер выделяемых средств остался практически на прежнем месте – 2,3%, доля начального образования составила 0,7%. В Беларуси сфера народного просвещения финансировалась еще хуже, чем в центральных регионах. Если в 1887 г. средства на нее в расчете на одного человека по земским губерниям России составляли 36,1 коп., то в Витебской – 25,5, Гродненской – 19,3, Минской – 18,7, Могилевской – 10,8 коп. [1, с. 12]. В 1908 г. редакция газеты «Наша нива» сравнивала выделяемые средства на все сферы развития общества за последние 25 лет. Оказалось, что бюджет военного министерства увеличился на 225 млн руб., финансов – на 331, дорог – на 530 и т. д., а просвещения – только на 34 и составил 53 млн руб. Поэтому «не удивительно, что народ наш и темный, и бедный: мы бедные, потому что мы темные, а темные мы, потому что бедные» [2, с. 3].

Основная часть. Соответствующим было и материальное положение сельского учителя, который считался гражданским служащим по Министерству народного просвещения. Категория сельских народных «учащих» среди всей учительской интеллигенции отличалась своей особенной бедностью и необеспеченностью. Главным критерием материального благосостояния был уровень заработной платы, единая система которой в дореволюционной России отсутствовала. До 1861 г. учительский гонорар определялся по взаимной договоренности между учителем и родителями учеников. В одних случаях соглашались на денежной плате, которая колебалась от 1 до 5 руб. с ученика, в других – давали сельскохозяйственные продукты и одежду. Но чаще всего она была смешанной, в состав которой не входили обязательные «учительские дары» при поступлении каждого нового ученика в школу (предметы ручного производства – нитки, кусок полотна, полотенце, пояс или продукты: яблоки, орехи, яйца, пироги, сало, мед и др.) [3, с. 44]. Обучение проходило в так называемых подвижных школах, существовавших и во второй половине XIX в., учителя которых пользовались квартирой и столом хозяев.

Как свидетельствуют документы, в пореформенный период размер заработной платы сельского учителя не только в губернии, но и в уезде и даже волости был разным и в течение всей второй половины XIX в. колебался обычно от 120 до 250 руб. В министерских школах, которые создавались с 1863 г., изначально определялась гарантированная и одинаковая для всех преподавателей заработная плата – 150 руб., размер которой к концу столетия вырос до 250–300 руб. Так, на 1 января 1890 г. заработок учителей начальных училищ Витебской губернии составлял: в 156 (80%) училищах от 150 до 200 руб., в 34 (17,5%) не превышала 250 руб. и только в 5 (2,5%) была больше 250 руб. в год [4, с. 45]. Сам размер «содержания» учителя постоянно изменялся. Ежегодно, в первые дни января, крестьяне собирались на собрание, которое определяло размеры общественных расходов, в том числе и на училища. Общим решением назначался и размер заработка учителя. Причину его уменьшения объясняли бедностью или неурожаем. Если же сумма была настолько маленькая, что ее нельзя было снизить, то на летние месяцы могли лишить освещения, прислуги и др. В рассматриваемый период государство обычно платило только третью часть заработной платы, а остальные деньги давало общество. Иной раз крестьяне сами без помощи государства содержали своих учителей. Неурожайные годы отрицательно сказывались и на материальном положении педагогов. Например, учительнице Казимирово-Слободского училища вместо 250 руб. было назначено только 150, снято 5 руб. на канцтовары и 20 – на освещение ее квартиры. А в Рековской волости той же Могилевской губернии крестьяне вообще отменили решение о выплате заработной платы учителю и всех иных расходов на школу, так что «жить и вести учебную работу в таких условиях стало невозможно» [5, л. 34, 32]. Нестабильность в оплате труда вызывала в среде учительства неуверенность в завтрашнем дне, подрывало желание работать и толкало на поиски лучшего места.

Учителя церковно-приходских школ имели еще меньшую заработную плату. Так, в Полоцкой епархии в 1895 г. средний учительский оклад составлял 120 руб. В 1900 г. он был увеличен до 200 руб., а в 1902 г. в некоторых школах нашли

возможность его поднять до 240 руб. «Качество учителей церковно-приходских школ находится в полной зависимости от средств, которые отпускаются на их содержание», – открыто заявлялось в отчете Епархиального училищного совета. Уровень заработной платы зависел и от количества тех средств, которые собирали на содержание этих школ крестьянские общества, казна, епархиальные училищные советы, братства и др., но он практически всегда был меньше по сравнению с учителями народных училищ [6, с. 18, 20].

В лучшем положении находились педагоги из центральных губерний России, которые после событий 1863 г. активно привлекались к работе в Беларуси. В соответствии с постановлением «Об особых преимуществах службы в Западных губерниях» «лицам русского происхождения» выдавалась повышенная на 50% заработная плата, участок земли от 20 до 50 десятин, бесплатный проезд к месту службы, а также помощь семейным и лицам, которые женились, отправляясь на место своего нового назначения – в размере полугодового оклада, а одиноким – 1/3 его часть. Закон «О приеме на гражданскую службу» предусматривал право для учителей, воспитанников учебных заведений всех ведомств, а также для лиц, которые приобрели право на преподавание по специальным экзаменам, при первоначальном назначении на учебную службу дополнительный оклад из государственной казны, который можно было получить в течение первых 10 лет своего учительского труда, и прогонные деньги на двух лошадей, независимо от расстояния до места службы [7, с. 919, 735].

Еще с 1865 г. попечительский совет округа просил М. Муравьева выделять учителям из крестьянской земли по 1 десятине земли для огородов. Но это предложение было отклонено и перенесено на рассмотрение самих крестьян. Вместо этого 15 апреля того же года М. Муравьев издал циркуляр, которым поручал губернаторам делать распоряжения, чтобы тем учителям, которые не получали денег от казны, и вне зависимости от платы от крестьянских обществ, выдавали из сельских запасных магазинов по 6 четвертей муки и крупы в год. Кроме этого требовалось, чтобы крестьяне выделяли учителям квартиры с отоплением и освещением. С этого времени в практику оплаты учительского труда начала вводиться так называемая натуральная «ссыпка» -- зерном, картошкой, другими овощами, которая собиралась иногда самим учителем с каждого двора. Но ее давали не всегда охотно и аккуратно. Так, учитель Краменитского училища Волковыского уезда получал 100 руб. деньгами и натурой 6 четвертей ржи и 10 четвертей ярового зерна, что в переводе на деньги составляло около 57 руб. [8, л. 4]. «Ссыпка» была очень распространенным явлением и в содержании учителей школ духовного ведомства. В Могилевской губернии, например, с учителями рассчитывались не только деньгами, но и хлебом с овощами, а в некоторых местах по очереди «содержанием столом в течение всего времени обучения». Вместе с тем плата от родителей учеников всегда была источником бедным и неустойчивым.

Такой расчет за труд был неудобным и унизительным для учителя. Часто «сельские старосты брали с крестьян зерно в двойном размере, а отдавали учителям с недочетами, наполовину с мякиной». Если пробовали спорить, то в следующем году можно было потерять и это. Поэтому «сельский учитель вынужден был, как нищий, получать то, что ему дают, а не то, что ему принадлежит» [9, с. 271]. «Ссыпка» зерном, картошкой или же ежедневное питание для учителей школ грамоты снижали их заработную плату до 30–50 коп. с ученика за сезон. Из «Дневника» сельской учительницы, которая работала в Беларуси, можно узнать, что на волостном собрании крестьяне очень просто могли отменить «ссыпку», ибо, как они объясняли, «годы худые, хлеб дорогой… самим есть нет чего, а тут и тому дай, и другому дай» [10, с. 22]. Лишившись даже такой, не всегда хорошей и качественной поддержки, учитель должен был влачить жалкое существование.

Следует отметить, что «ссыпка» оставалась одной из форм оплаты труда учителей Беларуси и в начале XX в. На повестку дня стал вопрос о замене ее деньгами. Так, в ряде школ Витебской губернии с 1906 г. вместо «ссыпки» хлеба начали выдавать денежную компенсацию в размере 50 руб. В 1908 г. на совещании инспекторов и директоров Виленского округа говорилось, что «ссыпка и всякие вообще натуральные повинности являются в настоящее время архаизмом» и «необходимо принять меры о постепенной замене натуральной повинности денежной, а относительно новых школ, не открывать таких с обеспечением от крестьян натурой» [11, с. 162].

В конце XIX в. материальное положение учителей ухудшилось. Дирекции признали необходимым увеличение зарплаты народным учителям до 300 руб. Но столько платили далеко не в каждом училище. Исключением были лишь министерские школы с учительским окладом 360 руб. в год. Так, один из педагогов Вилейского уезда сообщал, что ему приходится жить на 3 коп. в день, или 12 руб. в год, ибо крестьяне денег больше не дают, а из казны он получал всего 30 руб. доплаты, из которой 18 руб. вычитали в пенсионную кассу [12, с. 7]. Многие учителя в это время продолжали получать всего 150 руб. и «ссыпку». «Засыпать приходилось с голодным желудком», а «ссыпку» ждать 4 месяца. Учителя церковных

школ Рогачевского уезда в 1907 г. и вовсе 5 месяцев не получали зарплату. «То нас увольняли, перемещали, а теперь и голодом начинают морить», – писали возмущенные педагоги [13, с. 180].

Получение «жалования» из волостного правления, даже в условиях хороших отношений с руководством, было связано с большими неудобствами. Выплату денег могли задержать на 3–6 месяцев, в то время как министерским циркуляром 4 декабря 1878 г. устанавливалось требование обязательной ежемесячной выдачи зарплаты в установленный срок, но не позже первого дня следующего месяца. Если училище и правление были в разных селах, многие учителя должны были ездить за деньгами за 10–15 верст, причем не раз. Подвода также предоставлялась на платной основе. Если деньги привозили в школы, то казначеи, писари, старшины «за свой труд по доставке жалования» и за «заботы об учителе» удерживали их часть в свою пользу. Это вызывало большое неудовлетворение у учителей. Так, А. Сержант из Старинского училища Минской губернии просил дирекцию перевести его в другое училище, чтобы «получать жалование из казначейства, а не из волостного правления, где учителя терпят насмешку от его членов» [14, л. 13]. С введением земских управ последние ежемесячно высылали зарплату учителям почтой, вычитая в год за пересылку с земского учителя по 3 руб., а с учителя церковно-приходской школы по 1 руб. 80 коп. «Учащие» Оршанского уезда жаловались, что при небольшой зарплате такие вычеты были «достаточно чувствительными». Но были и позитивные примеры: Могилевская губернская управа издержки по пересылке денег брала на свой счет.

Периодическая печать того времени отмечала, что с увеличением зарплаты за физический труд стало более выгодно быть у помещика батраком, чем сельским народным учителем. Батраки жили «на хозяйском столе», освещении, отоплении, без всякого образования и моральной ответственности получали от 60 до 80 руб. в год. Учитель И. Кузьмин из Витебской губернии в этой связи вспоминал слова отца, который, узнав, что его сын будет получать только 14 руб. в месяц, советовал оставаться у него служить сторожем на железной дороге за 16 руб. [15, с. 52]. Учителя городских начальных школ имели сравнительно более высокую плату. Например, в Витебской губернии на 1 января 1891 г. за труд в приходском училище платили 250 руб. в год, через 10 лет (1901 г.) в двух Витебских – 400 руб., в остальных губернских и уездных – по 300 руб. Через 2 года минимальная зарплата составляла уже 360 руб. [16, с. 43]. В этот период учитель городского училища получал 300 руб. Положение педагогов средних школ было значительно лучшим. Выходцы главным образом из дворянских или зажиточных буржуазных классов, имея высшее образование, могли рассчитывать на хорошее обеспечение – от 60 до 170 руб. в месяц.

На заседании Училищного совета Витебской дирекции констатировалось, что «жалование в размере 250 руб., которое установлено как норма, нельзя признать достаточным для лица, которое специально к этому готовилось и считало возможным долгое время оставаться на должности учителя» [17, л. 106]. Недостаточная материальная обеспеченность вынуждала многих учителей бросать службу и переходить в другие ведомства. Дополнительная денежная помощь со стороны дирекций и волостных управ в размере 20–50 руб. лишь незначительно улучшала положение учителя, да и то выдавалась она один раз и не каждому, как правило, после многократных обращений учителей в самых безвыходных случаях (болезнь, пожар, многодетность и настоящий голод).

3 мая 1908 г. был принят закон, который касался выделения новых денежных средств на нужды народного образования в размере 6 900 000 руб. Для существовавших и новых школ казна давала по 390 руб. на оплату труда преподавателям (по 360 – учителям, и по 30 тем, кто преподавал Закон Божий). Остальные расходы на школу должны были покрываться за счет местных земских и крестьянских средств [18, л. 24]. С 1908 г. из отпущенного государственного кредита стало возможным увеличить заработную плату всем учителям и учительницам до 360 руб. в Могилевской губернии. Во всех остальных – частично, из-за недостатка средств, но планировалось в скором времени так поставить дело, чтобы «во всем округе не было преподавателя, который бы получал менее 360 руб.». В отношении учителей церковно-приходских школ такое решение было принято только 12 июля 1913 г. [19, л. 3].

Несмотря на то, что для большинства педагогов основной доход состоял из заработной платы, при благоприятных условиях и желании материальное положение могло измениться в лучшую сторону. Такими путями являлись безукоризненная дополнительная работа в школе, преподавание Закона Божьего, а также в качестве факультативов ремесла, рукоделия, пения, и др. Стимулировались премией также создание церковного хора и руководство им, подготовка крестьянских детей к сдаче экзамена на льготное свидетельство по отбыванию воинской повинности, участие в учреждениях мелкого кредита, заведование библиотекой и продажа книг из складов и др. Определенный доход семье учителя приносили занятия сельским хозяйством на пришкольном участке.

Во многих европейских странах материальное положение сельских учителей при примерно одинаковой стоимости жизни было значительно лучшим. Так, в 1907 г. в Бельгии минимальный оклад 450 руб. и квартира, через каждые 4 года надбавка по 38 и более руб., в Пруссии – 586 руб., Норвегии – 366 руб. и надел земли, Великобритании – 1200 руб. В США городские учителя зарабатывали 1200, а сельские – 600 руб. в год [20, с. 463–470].

Министерство народного просвещения и епархиальные училищные советы стремились различными способами увеличить продолжительность службы. Еще в 1865 г. Витебская дирекция народных училищ высказала мысль о прибавке к зарплате учителям в размере 40 руб. после каждых 5 лет службы. Но долгое время из-за отсутствия денежных средств данное предложение не могло быть реализовано. Вопрос был рассмотрен только в 1885 г. Планировалось, что «за каждые 5 лет, прослуженные по одной учебной части свыше 25 лет, добавляется 1/5 часть полной пенсии» [21, л. 67]. Но только законом от 7 июля 1913 г. были установлены периодические прибавки к зарплате народным учителям за каждые отработанные 5 лет в размере 60 руб., которые с 1918 г. должны были распространяться на всех учителей начальных школ.

В 1900 г. была утверждена пенсионная касса народных учителей. В 1910 г. к обязательному участию в ней привлекались и «учащие» церковно-приходских школ. Вычеты с членов кассы проводились ежемесячно в размере 6% от месячной зарплаты. Учителя, которые приобрели право на пенсию, могли пользоваться ею не только после оставления службы, но и во время педагогической деятельности при условии выслуги не менее 25 лет. Кто отработал от 20 до 25 лет при отставке получал половинный, а 25 и более лет – полный оклад. При выходе в отставку по состоянию здоровья получали: прослужившие от 10 до 15 лет – 1/3 оклада, от 15 до 20 – 2/3 оклада, 20 и более лет – полный оклад. Если у неспособного к труду учителя были дети, то размер пенсии увеличивался в зависимости от их количества (по 30 руб. в расчете на одного несовершеннолетнего ребенка). Предусматривались также пенсии и вдовам народных учителей, если они, утратив кормильца, больше не выходили замуж [22, л. 3].

Заключение. Таким образом, в большинстве случаев основным доходом для семьи учителя являлась его заработная плата. Найти дополнительные средства по объективным обстоятельствам сельскому учителю было значительно тяжелее, чем городскому. По причине ограниченной, не превышающей содержания простого рабочего и постоянно изменявшейся заработной платы, плохой обеспеченности старости и тяжелых условий жизни и труда, учителя в большом количестве оставляли свою службу и переходили в другие ведомства, что имело негативные последствия для учебно-воспитательного процесса. Государство, которое экономило средства на образовании, на финансировании народных школ и заработках учителей, не могло добиться того, чтобы педагоги дорожили своим местом. Поэтому положение народных учителей, в руках которых находилась судьба духовного и культурного развития народа, как в социальном, так и материальном отношении не соответствовала тем целям и задачам, которые они призваны были решать.

Список литературы

1. Снапкоўская С. В. Асвета на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст.: стан і тэндэнцыі развіцця // Адукацыя і выхаванне. 1997. № 8. С. 11–24.

2. Расходы на народную прасьвету // Наша ніва. 1908. 6 чэрвеня. С. 3.

3. Никифоровский Н. Я. Сельско-школьное обучение в юго-восточной окраине Витебской Белоруссии, каким застает его реформа 19 февраля 1861 г. Витебск: Губ. тип., 1893. 46 с.

4. Кукушкин И. П. Последнее десятилетие в истории Витебской Дирекции народных училищ (1891–1901). Витебск: Губ. тип., 1904. 59 с.

5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2254. Оп. 2. Д. 488.

6. Краткий историко-статистический отчет развития церковной школы Полоцкой епархии за 1884–1909 гг. / сост. Н. Серебренников. Витебск: Губ. тип., 1909. 26 с.

7. Настольная книга по народному образованию: в 3 т. / сост.: Г. Фальборк, В. Чарнолуский. СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1901. Т. II. С. 715–1538.

8. НИАБ в г. Гродно. Ф. 38. Оп. 1. Д. 53.

9. Положение деревни // Народное образование в Виленском учебном округе. 1907. № 5/6. С. 271–272.

10. В. К. Тяжелая доля. Отрывки из «Дневника» сельской учительницы (работавшей в Белоруссии). Витебск, 1903. 42 с.

11. Учительское жалование натурой // Народное образование в Виленском учебном округе. 1908. № 4. С. 150–162.

12. З Вілейскага павета // Наша ніва. 1907. 7 чэрвеня. С. 7.

13. Голодовка среди учителей // Народное образование в Виленском учебном округе. 1907. № 4. С. 180–182.
14. НИАБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 215.
15. Кузьмин И. Первые шаги и впечатления о моей школьной деятельности. Воспоминания старого учителя // Народное образование в Виленском учебном округе. 1907. № 2. С. 51–57.
16. Кукушкин И. П. Последнее десятилетие в истории Витебской Дирекции народных училищ (1891–1901). Витебск: Губ. тип., 1904. 59 с.
17. НИАБ. Ф. 2519. Оп. 1. Д. 15.
18. НИАБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 50.
19. НИАБ. Ф. 2084. Оп. 1. Д. 158.
20. Материальное положение учителей низших школ в иностранных государствах // Народное образование в Виленском учебном округе. 1907. № 12. С. 463–470.
21. НИАБ. Ф. 2507. Оп. 1. Д. 878.
22. НИАБ. Ф. 2254. Оп. 2. Д. 691.

References

1. Snapkouskaya S. V. Education in Belarus in the late XIXth and early XXth centuries: state and development trends. *Adukatsyya i vykhavanne* [Education and upbringing], 1997, no. 8, pp. 11−241 (In Belarusian).
2. Expenditures on public education. *Nasha niva* [Our field], 1908, 6 June, p. 3 (In Belarusian).
3. Nikiforovskiy N. Ya. *Sel'sko-shkol'noye obucheniye v yugo-vostochnoy okraine Vitebskoy Belorussii, kakim zastaet ego reforma 19 fevralya 1861 g.* [Rural school education in the south-eastern outskirts of Vitebsk Belorussia, as its reform of February 19, 1861 remains]. Vitebsk, Gub. tip. Publ., 1893. 46 p. (In Russian).
4. Kukushkin I. P. *Posledneye desyatiletiye v istorii Vitebskoy Direktsii narodnykh uchilishch (1891–1901)* [The last decade in the history of the Vitebsk Directorate of Public Schools (1891–1901)]. Vitebsk, Gub. tip. Publ., 1904. 59 p. (In Russian).
5. *Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi (NIAB)* [National Historical Archive of Belarus (NHAB)]. Fund 2254. I. 2. F. 488.
6. *Kratkiy istoriko-statisticheskiy otchet razvitiya tserkovnoy shkoly Polotskoy eparkhii za 1884–1909 gg.* [A brief historical and statistical report on the development of the church school of the Polotsk diocese for 1884–1909]. Comp. N. Serebrennikov. Vitebsk, Gub. tip. Publ., 1909. 26 p. (In Russian).
7. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu: v 3 t.* [Table book on national education: in 3 vol.]. Comp.: G. Fal'bork, V. Charnoluskiy. St. Petersburg, tip. B. M. Vol'fa Publ., 1901. Vol. II, pp. 715–1538 (In Russian).
8. NHAB in Grodno. Fund 38. I. 1. F. 53.
9. Location of the village. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilnius educational district], 1907, no. 5/6, pp. 271−272 (In Russian).
10. V. K. *Tyazhelaya dolya. Otryvki iz "Dnevnika" sel'skoy uchitel'nitsy (rabotavshey v Belorussii)* [A heavy lot. Excerpts from the "Diary" of a rural teacher (who worked in Belarus)]. Vitebsk, 1903. 42 p. (In Russian).
11. Teacher salary in kind. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilnius educational district], 1908, no. 4, pp. 150−162 (In Russian).
12. From Vileika County. *Nasha niva* [Our field], 1907, 7 June, p. 7 (In Belarusian).
13. There is a hunger strike among teachers. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilnius educational district], 1907, no. 4, pp. 180−182 (In Russian).
14. NHAB. Fund 458. I. 2. F. 215.
15. Kuz'min I. The first steps and impressions about my school activities. Memories of an old teacher. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilnius educational district], 1907, no. 2, pp. 51−57 (In Russian).
16. Kukushkin I. P. *Posledneye desyatiletiye v istorii Vitebskoy Direktsii narodnykh uchilishch (1891–1901)* [The last decade in the history of the Vitebsk Directorate of Public Schools (1891–1901)]. Vitebsk, Gub. tip. Publ., 1904. 59 p. (In Russian).
17. NHAB. Fund 2519. I. 2. F. 15.
18. NHAB. Fund 325. I. 1. F. 50.
19. NHAB. Fund 2084. I. 1. F. 158.

20. Material status of teachers of lower schools in foreign countries. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilnius educational district], 1907, no. 12, pp. 463−470 (In Russian).
21. NHAB. Fund 2507. I. 1. F. 878.
22. NHAB. Fund 2254. I. 2. F. 691.

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 10.03.2025

УДК 323.325(476)

Н. Е. Семенчик
Белорусский государственный технологический университет

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО В БЕЛАРУСИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Дается общая оценка разработанности отечественными историками вопроса о городских и земских самоуправлениях. Указывается на ограниченность избирательного права в Российской империи накануне Февральской революции. Обращается внимание на состояние и применение избирательного права в западных губерниях до свержения самодержавия. Раскрываются изменения избирательного права, осуществленные Временным правительством. Приводятся данные о трансформации органов государственной власти в первые месяцы после революции. Отмечается новая политическая сущность городского и земского самоуправлений. Указывается на использование апробированных прежде методов формирования властных структур. Освещается использование разных избирательных методов при создании волостных комитетов. Последовательно излагаются формы и методы избирательной кампании по выборам в городские думы, а также называются их общественно-политические результаты. Освещаются обстоятельства избирательной кампании по выборам в волостные и уездные земства, отмечаются ее недостатки и достижения по сравнению с городскими выборами. Обращается внимание на абсентеизм и проявление насилия во время выборов. Характеризуется значимость Учредительного собрания в реформационном обновлении Российского государства, в том числе Беларуси. Раскрываются подготовка, ход и результаты выборов в белорусских и Западно-фронтовом округах. Акцентируется внимание на воздействии ленинских декретов на избирателей и применении большевиками насилия в отношении их политических конкурентов. В заключении отмечается большой вклад Временного правительства в становление демократических институтов, в том числе всеобщих, равных, прямых выборов при тайном голосовании, а также их (институтов) упадок после прихода к власти большевиков.

Ключевые слова: избирательное право, Государственная дума, городское и земское самоуправление, Февральская революция, Западный фронт, Беларусь, Временное правительство, избирательная кампания, выборы, волостной комитет, городская дума, земское собрание, Учредительное собрание.

Для цитирования: Семенчик Н. Е. Избирательное право в Беларуси после Февральской революции 1917 г. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 38–43.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-6.

N. Ye. Semenchyk
Belarusian State Technological University

ELECTORAL LOW IN BELARUS AFTER THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917

A general assessment of the development of domestic historians of the issue of urban and zemstvo self-government. It is pointed out that the suffrage in the Russian Empire on the eve of the February Revolution is limited. Attention is paid to the state and application of suffrage in the western provinces before the overthrow of the autocracy. The changes in the electoral law implemented by the Provisional Government are revealed. Data on the transformation of state authorities in the first months after the revolution is given. The new, political essence of city and zemstvo self-government is noted. It is pointed out the use of the methods of formation of power structures, which had been tested before. The use of different electoral methods in the creation of volost committees is highlighted.

Consistently outlines the forms and methods of the election campaign for elections to city councils, as well as their socio-political results. The circumstances of the election campaign for elections to volost and district zemstvos are covered in detail, its shortcomings and achievements compared to the city elections are noted. Attention is paid to absenteeism and violence during the elections. The significance of the Constituent Assembly in the reformation of the Russian state, including Belarus, is characterized. The preparation, course and results of the elections in the Belarusian and Western Front districts are revealed. It emphasizes the decisive impact of Lenin's decrees on voters and the use of violence by the Bolsheviks against their political rivals. The conclusion notes the great contribution of the Provisional Government to the establishment of democratic institutions, including universal, equal, direct elections by secret ballot, as well as their (institutions') decline after the Bolsheviks came to power.

Keywords: electoral law, State Duma, city and zemstvo self-government, February Revolution, Western Front, Belarus, Provisional Government, election campaign, elections, volost committee, city duma, zemstvo assembly, Constituent Assembly.

For citation: Semenchyk N. Ye. Electoral Law in Belarus after the February Revolution of 1917. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 38–43 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-6.

Введение. Отечественные историки в своих трудах, посвященных Февральской революции 1917 г. в России, как правило, уделяли основное внимание ее нерешенным проблемам и главным образом для того, чтобы обосновать историческую необходимость новой, Октябрьской революции. По этой причине изучение иных путей развития страны не относилось к числу приоритетных. Завоевания Февральской революции, в том числе демократически избранные в Беларуси органы власти, до сих пор не нашли адекватных исследователей.

Основная часть. О том, что после первой русской революции Россия становилась на путь политических реформ, свидетельствовало наличие парламента – Государственной думы и органов общественного самоуправления – городских и земских собраний. Как известно, воспользоваться избирательным правом могли далеко не все. Так, претендентам на должность депутатов Думы, а также городских и земских гласных приходилось проходить через сито цензовых ограничений [1]. Что касается управления населением западных губерний, то даже по отношению к польской и еврейской элите правительство опиралось на циркуляры М. Муравьева-вешателя [2, с. 67]. По тем же соображениям земства в Виленской и Гродненской губерниях так и не были введены. Впрочем, земства и думы, с 1911 г. действовавшие в Витебской, Минской и Могилевской губерниях, еще не обрели достаточных сил, чтобы отстаивать перед царской администрацией местные интересы. По мере развития идей парламентаризма прогрессивная общественность все сильнее ощущала потребность в децентрализации и дебюрократизации существовавшей формы управления государством.

Разрушительное для России участие в мировой войне превратило потребность реформ в их необходимость. Одной из примет протестных по отношению к самодержавию настроений стала публичная критика правительства со стороны парламента. Поэтому не случайно, что именно Государственная дума стала признанным лидером народного движения в самые сложные дни Февральской революции, а Временное правительство возглавил председатель Всероссийского земского союза (ВЗС) Г. Львов. В числе важнейших мероприятий нового верховного органа власти объявлялись «основные требования освобождающейся России: амнистия, права гражданской свободы, равноправие, созыв Учредительного собрания, избранного всеобщим прямым равным и тайным голосованием, избранные таким же порядком органы местного самоуправления» [3].

До сих пор избирательное право являлось достоянием имущих слоев, главным образом, дворян-землевладельцев, чиновничества и буржуа. Теперь, как и во всей стране, в западных губерниях империи его приобретало все население «обоего пола всех национальностей и вероисповеданий», достигшее 20-летнего возраста, в том числе военнослужащие, студенты и другие лица, за исключением монашествующих, признанных недееспособными, осужденных за ряд преступлений и др. Однако реализация этого права при формировании новых органов власти произошла не сразу. С первых чисел марта 1917 г. в городах и местечках прифронтовой Беларуси по причине напряженной обстановки развернулась организация общественных комитетов, имевших целью поддержание порядка и обычной жизнедеятельности населения. Их инициаторами являлись служащие городских и земских управ, деятели других организаций под контролем и при участии военного командования.

Характерно, что все здешние губернаторы приветствовали Временное правительство, но его санкций на продолжение службы не получили. Как и повсюду, вместо них на эти должности назначались губернские комиссары из числа председателей губернских земств. Аналогичные перемены осуществлялись и на уровне уездов, где земских начальников сменили уездные комиссары. Таким образом, опорой новой власти становилось руководство земств, а последние приобретали статус государственных учреждений с полномочиями, выходившими за пределы прежних общественных организаций. В дальнейшем должности комиссаров стали избираемыми, правда, на безальтернативной основе. Подобным образом комиссариат Витебской губернии возглавили А. Волкович (март – ноябрь), Виленской – О. Балай (апрель – ноябрь), Минской – И. Метлин (октябрь – ноябрь), Могилевской – Н. Друцкой-Соколинский (май – июль). Летом 1917 г. уездные комиссары почти поголовно переизбирались на крестьянских съездах.

На протяжении марта – апреля в белорусских губерниях на базе городских и земских

самоуправлений прошли расширенные собрания с участием делегатов от общественных организаций (Советов рабочих и солдатских депутатов, комитетов ВЗС и т. д.), землевладельцев, христианского и иудейского духовенства, чиновников, торговцев, крестьян, ремесленников и других. Избранные ими общественные комитеты и отдельные их представители вошли в состав новых органов государственной власти – уездных и губернских комиссариатов.

Формирование волостных комитетов (комиссариатов) происходило менее организованно. Волостная управа как сословная креатура, созданная в интересах царской администрации и местных помещиков, в новых условиях не могла служить консолидирующим все население центром. Не случайно в ряде деревень Витебской губернии, заслышав о революции, разбежались не только полицейские, но и волостные старшины с писарями [4]. В Могилевской губернии наблюдалось «повсеместное возбуждение крестьян против волостных старшин и писарей» [5, л. 315]. В результате Временному правительству вместе с организацией службы правопорядка довелось срочно заниматься формированием и внедрением всесословных волостных комитетов «для поддержания в пределах волости спокойствия, порядка, и общественной безопасности и содействия новому правительству во всех его начинаниях» [6, л. 2]. Соответствующая инструкция по этому поводу была разослана всем губернским и уездным комиссарам. В соответствии с ней, формирование волостных комитетов должно было осуществляться по прежним правилам, с соблюдением представительных норм. Так, 31 марта Горецкий уездный комиссар И. Красиков предписал волостным управам провести выборы в сельских обществах с участием проживающих там рабочих, служащих, учителей и других, а затем созвать волостной сход (с участием лиц обоего пола, не моложе 21 года, без различия вероисповедания, национальности, сословий и состояний, кроме лиц, понесших наказание по судебным приговорам) для избрания волостного исполнительного комитета и волостного комиссара [7, л. 167].

Идею создания волостных комитетов поддержали крестьянский съезд Виленской, Минской и Могилевской губерний, а также съезд рабочих и солдатских депутатов Западного фронта. По сообщению Витебского губернского комиссара, уже в апреле волостные общественные комитеты заменили старые волостные правления, а старшины уступили место волостным комиссарам. По мере упрочения нового строя и политизации общественной жизни местное население стремилось поскорее избавиться от наследия старого режима, в числе «цензовых» городских и земских управ. Так, в Городке и Дриссе «старые думы уступили добровольно свое место избранным на основе всеобщего голосования временным думам». А для того, чтобы в Витебске прежняя дума передала полномочия новой, «демократической», понадобилось вмешательство из столицы [8, л. 62].

В ответ на ходатайства гласных из Могилевской губернии о разрешении провести новые выборы самоуправлений на основе всеобщего избирательного права товарищ министра внутренних дел С. Леонтьев предложил «сохранить существующий состав уполномоченных, пополнив его, если это вызывается местными условиями, представителями местных демократических организаций» [9].

В ходе демократизации городских и земских самоуправлений состав гласных пополнился представителями профсоюзов, советских и партийных организаций. Но это была лишь временная мера, имевшая целью сохранить жизнеспособность самоуправлений до их полной реорганизации посредством нового избирательного права. Начало его осуществления связывают с 15 апреля 1917 г., когда Временное правительство издало постановление о выборах гласных городских дум всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Его пропаганда и осуществление способствовало упрочению демократии в стране и вселяло надежды на мирное разрешение всех проблем.

Проводимая летом 1917 г. предвыборная кампания в городские думы представляла собой невиданный до сих пор уровень общественно-политической активности населения и военнослужащих Беларуси, что нашло свое воплощение в различных формах и методах агитации, пропаганды в пользу своих кандидатов. При множестве и разнообразии избирательных платформ сторонники каждой имели возможность свободно реализовать свое право выбора. В результате практически все значимые социальные, политические и другие группы получили соответствующее представительство. Важным достижением новой избирательной системы можно считать избрание женщин в думы Бобруйска, Гомеля, Минска, Могилева, Мозыря, Орши. В целом, городская дума закрепляла за собой статус реального органа власти.

21 мая 1917 г. Временное правительство одобрило Положение о волостном земском управлении. Правом участия в выборах наделялись граждане обоего пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие 20 лет, проживающие в данной волости или состоящие здесь на военной службе. Избирательных прав лишались признанные умалишенными либо глухонемыми, а также монахи и осужденные за ряд

преступлений. Процедура выборов предусматривала образование избирательных комиссий, формирование избирательных списков, обнародование времени, места и порядка подачи и подсчета голосов, определение избранных. Власти делали многое, чтобы выборы соответствовали правилам.

Используя опыт участия в городских выборах, партийные, советские, национальные и другие группы заинтересованных в избрании своих кандидатов разрабатывали свои платформы, искали союзников, определяли тактику участия в кампании и т. д. В газетах публиковались статьи о назначении земств, их статусе и отношениях с общественными организациями. Но по сравнению с городскими выборами земская кампания значительно уступала по масштабу участия выборщиков. Так, в Могилевском уезде с первого раза было выбрано 75% гласных, в Витебском – 66% [10]. «Такая неразбериха и бестолковщина объясняется тем, – писала газета, – что крестьяне не были объединены и мало вообще подготовлены к выборам. …Женщины совершенно безразлично относятся к выборам и на таковые 13 августа почти ни одна не явилась» [11]. «Таким образом, первая проверка демократической зрелости крестьянства показала, – писала «Мстиславская газета» 23 августа, – что этой зрелости нет. Крестьяне не понимали, почему выбирать и как выбирать и кого выбирать».

Серьезными причинами этого явился низкий уровень образования, политической культуры и гражданского самосознания крестьян. Как оказалось, кое-где они боялись идти на выборы, потому что «когда старые порядки вернутся, им придется платить за свое участие в новых организациях» [12]. В Полоцком уезде «велась агитация против выборов, вплоть до разгрома избирательных ящиков, избиения председателей избирательных комиссий и разгона собраний» [13]. «В Оршанском уезде во многих деревнях выборы в уездное земство подвергаются своеобразному бойкоту, – сообщала 28 сентября «Могилевская жизнь», – крестьяне жгут баллотировочные ящики и уничтожают списки кандидатов, заявляя при этом, что паны достаточно дурили им головы, и что они теперь понимают панскую затею: под видом “тайны” закабалять вновь мужиков под свою власть».

В большинстве населенных пунктов победу одержали кандидаты левых партий, а также национальных групп (в основном евреев и поляков). Из 47 гласных Могилевского уезда 35 имели высшее или домашнее образование. В их число входили 6 учителей, 2 юриста, 1 врач и 3 фельдшера. По национальному признаку 41 гласный относился к русским, 2 – к полякам и 4 – к евреям [14]. В Дриссенском уезде избрали крестьян, учителей, мировых судей, помещика, священника, несколько женщин [15]. В Друйское земство попали в основном зажиточные крестьяне, а социалистам местные жители не доверяли [16]. В ряде мест земства возглавили представители администрации и общественных организаций.

В середине сентября Министерство внутренних дел предупредило губернские комиссариаты об упразднении волостных комитетов и передаче всех дел новым земским управам, но из-за значительного абсентеизма сельских выборщиков формирование новых собраний задерживалось. Несмотря на все недостатки, по окончании выборов вместо прежних «цензовых» земств возникли новые, демократически избранные. По подобию городских дум, земства становились местными органами государственной власти.

Новое избирательное право уже с момента его провозглашения было сориентировано на выборы Всероссийского парламента. К осени прежняя Государственная дума не только прекратила деятельность, но и утратила былой авторитет. Временное правительство неоднократно заявляло о подготовке к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, долженствовавшего установить форму правления и Конституцию страны. Но только 2 октября 1917 г. оно утвердило соответствующее Положение. Выборы в парламент должны были завершиться не позже 12 ноября, а датой его созыва объявлялось 28 ноября 1917 г. [17]. Практически вся общественность с энтузиазмом встретила эту новость. Даже большевики-ленинцы, заявлявшие о необходимости новой, социалистической революции, приняли решение об участии в выборах.

Еще в августе в Беларуси были созданы 4 окружные избирательные комиссии, в том числе 1 фронтовая. Тогда же начали составляться списки кандидатов. Их предварительное обсуждение и утверждение происходило в августе – октябре на съездах Советов всех уровней (от уездного крестьянского до объединенного губернского), на партийных конференциях. Там же определялись предвыборные платформы, обсуждалась тактика и создавались избирательные фонды. При наличии демократических свобод и прогрессивного избирательного права практически все участники выборов в будущий парламент были вправе связывать с ним решение своих и общественных проблем.

26 октября 1917 г. после взятия восставшими Зимнего дворца большевистский состав II Всероссийского съезда Советов постановил «создать для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет называться Советом Народных Комиссаров». Принятые

съездом постановления «О полноте власти Советов» и «Об армейских революционных комитетах», помимо прочего, упразднили прежние органы власти.

В числе первых шагов Советской власти стало провозглашение Декрета о мире и Декрета о земле, рассчитанных на широкую поддержку, в первую очередь со стороны солдат и крестьян. Оценивая мощный агитационный потенциал этих документов, лидер эсеров В. Чернов полагал, что Октябрьская революция являлась «избирательным трюком большевиков для получения большего числа голосов в Учредительное собрание [18, с. 53].

На самом деле активность большевиков вышла за границы конкурентной борьбы за мандаты гласных в парламенте. Опираясь на вооруженную силу военно-революционных комитетов (ВРК), они сосредоточили все усилия на упрочении своей власти через разгон или переизбрание неугодных Советов, отстранение офицеров от командования и др. Эта деятельность сопровождалась нарушением существовавших свободы слова, печати, собраний, союзов. В Беларуси, несмотря на победу большевиков на выборах в Учредительное собрание в трех округах из четырех, их репрессии по отношению своих политических противников только усилились. На смену демократическим принципам взаимоотношений в обществе пришли интересы «пролетариата и беднейшего крестьянства», монополизировавших Советы, а также «революционная целесообразность». В свете новых реалий такие завоевания Февральской революции, как городские и земские органы государственного самоуправления и даже Учредительное собрание, выглядели рудиментами «буржуазного парламентаризма» и поэтому подлежали ликвидации.

Заключение. Таким образом, предоставленное Временным правительством гражданам Российской империи (Республики) право избирать и быть избранным в органы власти обеспечило присутствие в них широкого представительства заинтересованных в демократическом строе лиц. Однако с победой Октябрьской революции избранные самоуправления и Учредительное собрание стали ими отождествляться с буржуазными пережитками, а многие завоевания Февраля, в том числе всеобщие, равные, прямые выборы новых органов власти при тайном голосовании были отброшены. Избрание Советов как органов государственной власти осуществлялось через представительство в них лояльных классовых организаций под контролем большевистских ВРК.

Список литературы

1. Слобожанин В. П. Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.). Минск: Ин-т философии и права АН Беларуси, 1994. 85 с.
2. Курлов П. Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. 256 с.
3. Вестник Временного правительства. 1917. 5 мар.
4. Витебский листок. 1917. 13 мар.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 113.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Оп. 3. Д. 167.
7. НАРБ. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 130.
8. ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 2. Д. 73.
9. Гомельская копейка. 1917. 2 апр.
10. Известия Витебского губернского Совета. 1917. 22 сент.; Молот. 1917. 29 сент.
11. Могилёвская жизнь. 1917. 25 авг.
12. Свободное слово. 1917. 10 сент.
13. Известия Витебского Совета. 1917. 15 сент.
14. Могилёвская жизнь. 1917. 26 окт.
15. Известия Витебского губернского Совета. 1917. 22 сент.
16. Голос крестьянина. 1917. 21 сент.
17. Вестник Минского губернского комиссариата. 1917. 12 авг.
18. Лелевич Г. Октябрьские дни в Могилеве // Известия Гомельского губернского комитета РКП. 1920. № 5. С. 53–54.

References

1. Slobozhanin V. P. *Zemskoye samoupravleniye v Belarusi (1905–1917 gg.)* [Zemstvo self-government in Belarus (1905–1917)]. Minsk, In-t filosofii i prava AN Belarusi Publ., 1994. 85 p. (In Russian).
2. Kurlov P. G. *Gibel' Imperatorskoy Rossii* [The Death of Imperial Russia]. Moscow, Sovremennik Publ., 1992. 256 p. (In Russian).
3. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva* [Herald of the Provisional Government], 1917, March, 5 (In Russian).
4. *Vitebskiy listok* [Vitebsk leaflet], 1917, March, 13 (In Russian).

5. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossyiskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund 1788. I. 2. F. 113.

6. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus'* [Natsional Archive of Republic of Belarus (NARB)]. Fund 60. I. 3. F. 167.

7. NARB. Fund 2038. I. 1. F. 130.

8. SARB. Fund 1778. I. 2. F. 73.

9. *Gomel'skaya kopeyka* [Gomel kopeck], 1917, April, 2 (In Russian).

10. *Izvestiya Vitebskogo gubernskogo Soveta* [News of the Vitebsk Provincial Council], 1917, September, 22; *Molot* [Hammer], 1917, September, 29 (In Russian).

11. *Mogilyovskaya zhizn'* [Mogilev life], 1917, August, 25 (In Russian).

12. *Svobodnoye slovo* [Free speech], 1917, September, 10 (In Russian).

13. *Izvestiya Vitebskogo Soveta* [News of the Vitebsk Council], 1917, September, 15 (In Russian).

14. *Mogilyovskaya zhizn'* [Mogilev life], 1917, October, 26 (In Russian).

15. *Izvestiya Vitebskogo gubernskogo Soveta* [News of the Vitebsk Provincial Council], 1917, September, 22 (In Russian).

16. *Golos krest'yanina* [Peasant's voice], 1917, September, 21 (In Russian).

17. *Vestnik Minskogo gubernskogo komissariata* [Bulletin of the Minsk Provincial Commissariat], 1917, August, 12 (In Russian).

18. Lelevich G. October days in Mogilev. *Izvestiya Gomel'skogo gubernskogo komiteta RKP* [News of the Gomel Provincial Committee of the RCP], 1920, no. 5, pp. 53–54 (In Russian).

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchyk Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 20.03.2025

УДК 378.6:61(476-25)

А. В. Миронюк
Белорусский государственный технологический университет

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

В статье рассматриваются вопросы организации, становления и развития военно-медицинского образования на территории современной Беларуси. Анализируется деятельность учреждений высшего образования Республики Беларусь, таких как Минский, Витебский, Гродненский и Гомельский медицинский университеты, осуществляющих подготовку медицинских кадров для нужд как гражданского, так и военного ведомств, с момента их создания. Приводятся причины внутреннего и внешнего характера, способствовавшие образованию и открытию военных кафедр в учреждениях высшего образования. На основе анализа литературы и нормативно-правовых актов дается исторический обзор процесса становления и развития военно-медицинской подготовки в учебных заведениях Беларуси. Делается акцент на истории военно-медицинского образования на военно-медицинском факультете, а впоследствии в Военно-медицинском институте Белорусского государственного медицинского университета: рассмотрены порядок прохождения обучающимися военной подготовки, организация образовательного процесса, материально-технической базы и др. Сделан вывод о том, что деятельность медицинских кафедр в учреждениях высшего образования Республики Беларусь строится с учетом лучших традиций и достижений советского периода истории, которая регламентирована существующей нормативно-правовой базой Республики Беларусь в области образования, здравоохранения и обороны.

Ключевые слова: медицинское образование, военная кафедра, военная подготовка, университет, институт, факультет.

Для цитирования: Миронюк А. В. Становление и развитие военно-медицинского образования в Беларуси // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 44–49.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-7.

A. V. Mironyuk
Belarusian State Technological University

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF MILITARY MEDICAL EDUCATION IN BELARUS

The article considers the issues of organization, formation and development of military medical education in the territory of modern Belarus. The article analyzes the activities of higher education institutions of the Republic of Belarus, such as Minsk, Vitebsk, Grodno and Gomel Medical Universities, which train medical personnel for the needs of both civil and military departments, since their establishment. The internal and external reasons that contributed to the formation and opening of military departments in higher education institutions are given. Based on the analysis of literature and regulatory legal acts, a historical overview of the process of formation and development of military medical training in educational institutions of Belarus is given. Emphasis is placed on the history of military medical education at the military medical faculty, and later, at the military medical institute of the Belarusian State Medical University: the procedure for students to undergo military training, the organization of the educational process, the material and technical base, etc. are considered. It is concluded that the activities of medical departments in higher education institutions of the Republic of Belarus are built taking into account the best traditions and achievements of the Soviet period of history, which is regulated by the existing regulatory framework of the Republic of Belarus in the field of education, health care and defense.

Keywords: medical education, military department, military training, university, institute, faculty.

For citation: Mironyuk A. V. The formation and development of military medical education in Belarus. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 44–49 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-7.

Введение. После окончания Первой мировой войны 1914–1918 гг. в ходе восстановления разрушенного народного хозяйства, инфраструктуры населенных пунктов, установления мирной жизни на территории вновь созданной БССР повсеместно стала создаваться и расширяться имеющаяся сеть лечебно-профилактических учреждений. Проблема подготовки врачебных кадров в связи с этими мероприятиями стала остро насущной на повестке дня у руководящего

состава Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ). Подготовка высококвалифицированных медицинских кадров для системы здравоохранения руководство молодой советской республики рассматривало как составную часть общей задачи построения здорового государства в целом, и именно поэтому была проведена реорганизация «старых, царских» дореволюционных учебных заведений.

Основная часть. 21 января 1919 г. был подписан Декрет СНК РСФСР «Об учреждении ряда новых государственных университетов». Для реализации требований указанного Декрета 16.02.1919 в Минске состоялось заседание исполкома Минского Совета рабочих и крестьянских депутатов по вопросу об основании в Минске университета [1]. А уже 25 февраля был издан Декрет Центрального Исполнительного Комитета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов ССР Белоруссии об открытии в городе Минске Государственного университета [2]. Для проведения подготовительных работ при Минском губернском комиссариате народного просвещения создана университетская комиссия. Наряду с Минской университетской комиссией, которая сосредоточила свое внимание на хозяйственных вопросах (составление и утверждение проектно-сметной документации, изыскание зданий для факультетов, приобретение книг для университетской библиотеки, создание учебной базы университета и др.), по предложению ЦИК Советов Белоруссии была учреждена подобная комиссия в Москве. Обе комиссии в тесном сотрудничестве провели большую деятельность по разработке и утверждению учебных планов, подбору профессорско-преподавательского состава, изысканию учебно-научного оборудования и др. Однако в связи с польской оккупацией части белорусских земель мечту об открытии первого в республике высшего учебного заведения осуществить не удалось. Тем не менее в это непростое время медицинская общественность Минска принимала меры по созданию медицинского факультета. Были организованы высшие медицинские курсы университетского типа. Их слушатели комплектовались из студентов других университетов, вынужденно задержавшихся в Минске во время оккупации. Обучение было организовано на первых трех курсах. Практические занятия проводились в больницах города и в специально оборудованной химической лаборатории. Торжественное заседание, посвященное открытию БГУ, состоялось 11 июля 1921 г. в Городском театре Минска. Фактически же университет был открыт 30 октября 1921 г. В университете вначале было организовано три факультета: общественных наук, медицинский и рабочий. На всех трех факультетах 1 ноября 1921 г. начались регулярные занятия для 1390 студентов. Первый выпуск молодых специалистов состоялся в 1925 г. в количестве 81 дипломированного специалиста. В их числе 21 человек получил диплом об окончании медицинского факультета по специальности «врач». Таким образом, на белорусской земле появилась возможность иметь свое высшее медицинское учебное заведение. Первым таким учебным заведением в составе БГУ стал медицинский факультет.

Острая потребность в медицинских кадрах повлияла на ужесточение режима подготовки врачей в стране, в том числе и для нужд Красной Армии, что было оформлено в июле 1920 г. соответствующим Декретом СНК РСФСР «Об утверждении Временного положения по проведению милитаризации высших медицинских школ РСФСР» [3]. Оно предусматривало введение на факультетах должности военкома, строгий учет студентов-медиков и оперативную отправку выпускников на фронт в случае соответствующих правительственных решений. Эти требования легли в основу дальнейшего отношения к военной подготовке медицинских кадров во время их обучения на медицинских факультетах и последующей системы учета военнообязанных медицинских работников. Положение стало основой для формирования мобилизационного резерва военно-медицинских кадров для государства в целом.

С момента основания в 1921 г. и до 1924 г. как в целом в БГУ, так и на медицинском факультете преподавание военных дисциплин не проводилось. Стоит отметить, что процесс военизации обучения студентов как БГУ, так и медицинского факультета проходил достаточно медленно. В течение 1924/1925 учебного года для обучения студентов БГУ военным дисциплинам был составлен временный учебный план. Для медицинского факультета вначале для 1-го курса планом предусматривался 1 час в неделю (35 учебных недель). Всего на военные предметы отводилось 35 часов. [4]. В октябре 1926 г. при согласовании с НКЗ БССР был принят Перспективный план подготовки врачей запаса на медицинском факультете БГУ на 5 лет вплоть до 1936/1937 учебного года [5]. В данном плане число подготавливаемых студентов должно было равняться потребностям НКЗ БССР. Иными словами, их число соответствовало заказу НКЗ на подготовку врачей запаса на текущую «пятилетку». Согласно вышеуказанному положению, с целью общего руководства и контроля за преподаванием военных дисциплин в БГУ была введена должность военного руководителя, на которого возлагалось: руководство методикой преподавания санитарно-оборонных предметов; участие в работе других кафедр по санитарно-оборонной

подготовке; оказание помощи в преподавании военных и военно-оборонных предметов.

21 июня 1930 г. Совет Народных Комиссаров БССР издал Постановление о реорганизации БГУ. В короткое время при активном участии самого БГУ в Минске были открыты новые высшие учебные заведения, в том числе и Белорусский государственный медицинский институт (далее – БГМИ) [6]. В штате вновь образованного БГМИ к 1930/1931 учебному году уже имелась самостоятельная военная кафедра (высшей допризывной подготовки студентов) в составе трех сотрудников. В 1931/1932 учебном году кафедра была расширена до пяти штатных должностных единиц. Начиная с 1930/1931 учебного года на военной кафедре в общей системе допризывной подготовки кроме военных преподавалась дисциплина военно-медицинской направленности «Санитарная тактика». Кроме того, параллельно с изучением клинических дисциплин шло преподавание и военной составляющей общих хирургии и терапии, а на кафедре общей гигиены дополнительно проводились занятия по дисциплине «Войсковая гигиена» [7]. В предвоенные годы БГМИ – одно из самых крупных высших учебных заведений в республике, обеспеченный учебно-научной базой и профессорско-преподавательскими кадрами. В январе 1930 г. были сданы в эксплуатацию анатомический и медицинский корпуса института, в которых разместились теоретические кафедры. Клинический городок, построенный к 11 июля 1931 г., за короткое время превратился в одну из крупнейших больниц Советского Союза и стал центром лечебно-профилактического обслуживания населения, развития медицинской науки и подготовки врачебных кадров для Беларуси. Его клиники имели новейшее для своего времени лечебное, диагностическое и научное оборудование. БГМИ в довоенный период на своих факультетах (лечебно-профилактическом, санитарно-профилактическом и охраны материнства и детства) подготовил свыше 2 тыс. врачей. В связи с начавшейся Великой Отечественной войной БГМИ был вынужден временно приостановить свою работу на целых два года. Согласно приказу по Всесоюзному комитету по делам Высшей школы при Совете Народных Комиссаров СССР и Народного комиссариата здравоохранения СССР от 2 июня 1943 г. за № 124/264, а также в соответствии с распоряжением СНК СССР от 27 мая 1943 г. № 10557-р Белорусский государственный медицинский институт, через два года после своего вынужденного закрытия, в июне 1943 г., возобновил свою деятельность в Ярославле. Согласно решению исполкома Ярославского областного Совета депутатов трудящихся, институту были предоставлены помещения в здании, в котором в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. размещался военный госпиталь [8]. После освобождения г. Минска от немецких оккупационных войск уже в октябре 1944 г. институт, согласно постановлению СНК БССР от августа 1944 г. «О реэвакуации Белорусского Государственного медицинского института», вернулся на свое довоенное место дислокации. Перемещением института из Ярославля в Минск руководил полковник медицинской службы Чепёлкин В. Н., назначенный начальником кафедры военно-медицинской и физической подготовки (ВМиФП) и по совместительству на время реэвакуации – начальником эшелона [8]. В июне 1945 г. состоялся 21-й выпуск студентов, давший республике 141 врача, прошедших подготовку в том числе на кафедре ВМиФП. Впоследствии выпуски врачей-специалистов стали регулярными [8].

К 1 ноября 1944 г. в Минске, согласно Постановлению СНК СССР от 13 апреля 1944 г. № 413, военно-медицинская подготовка (ВМП) была уже введена во всех медицинских институтах СССР. В учреждениях медицинского образования с 5–6-летним обучением на ВМП отводилось 850 часов. Военная подготовка студентов делилась на общевойсковую и специальную. Общевойсковая подготовка предусматривала выработку у студентов военных знаний, необходимых для понимания боевых действий войсковых частей. Студенты должны были изучать общую тактику, огневую, строевую подготовку, уставы, военно-инженерное дело, связь, организацию родов войск и военную администрацию, а также заниматься физической подготовкой. Специальную подготовку предлагалось проводить не только на кафедре ВМиФП, но и других смежных кафедрах. На кафедру ВМ и ФП возлагались непосредственная организация и проведение занятий по организации и тактике медицинской службы (санитарной тактике) (ОТМС, СТ), санитарно-химической защите (СХЗ), а также патологии и терапии поражений боевыми отравляющими веществами (БОВ). Другие предметы специального цикла, такие как военная гигиена (ВГ), военно-полевая терапия (ВПТ), военно-полевая хирургия (ВПХ), военная эпидемиология (ВЭ), военно-врачебная экспертиза и военно-медицинская статистика изучались на соответствующих кафедрах института.

В послевоенные годы кафедра ВМиФП располагалась в основном здании института и имела 3 учебных класса, несколько кабинетов для преподавателей, учебно-вспомогательного персонала и секретной части. С 1968 г. кафедра размещалась по адресу улица Сухая, дом 28. Здесь в распоряжении профессорско-преподавательского состава (ППС) насчитывалось 10 учебных классов,

2 лаборатории и другие подсобные помещения. В 1980–1995 гг. кафедра размещалась в учебном корпусе № 2 Минского государственного медицинского института (МГМИ) по улице Ленинградской [8].

Приказом Министра обороны Республики Беларусь и Министра здравоохранения Республики Беларусь по согласованию с Министром образования Республики Беларусь 6 июня 1995 г. был образован военно-медицинский факультет на базе военной кафедры Минского государственного медицинского института и 71 Интернатуры медицинского состава Белорусского военного округа, ставший первым и единственным военным факультетом страны до 2003 г. Первым начальником факультета был назначен полковник медицинской службы Гусев С. Г., а заместителем начальника факультета по учебной и научной работе – полковник медицинской службы Денисенко А. А. Впоследствии, в 2000 г., Минский государственный медицинский институт был переименован в Белорусский государственный медицинский университет. 7 июня 2021 Военно-медицинский факультет был реорганизован в Военно-медицинский институт в учреждении образования «Белорусский государственный медицинский университет», тем самым впервые в нашей стране образован военный институт в структуре учреждения высшего образования, а также институт в структуре медицинского университета страны [9, 10].

В подготовке офицеров медицинской службы запаса для нужд ВС СССР в советское время принимали участие 76 военных кафедр медицинских институтов страны. На территории БССР кроме военной кафедры БГМИ функционировали еще две военные кафедры на базе государственных медицинских институтов в Витебске и Гродно. В 1993 г. к ним «присоединилась» военная кафедра Гомельского государственного медицинского института, сегодня это учреждение образования «Гомельский государственный медицинский университет».

На кафедры изначально были возложены следующие основные задачи: планирование, организация и осуществление учебной, методической, воспитательной работы, текущего и итогового контроля обучения студентов университетов; организация и осуществление обучения студентов университетов по программам подготовки офицеров медицинской службы запаса по специальностям: «лечебное дело в наземных войсках» (общая практика), ВУС 901000, «эпидемиология общая» ВУС 905001, «гигиена общая» ВУС 905601, «фармация» ВУС-909000; научная разработка теории и практики военной медицины, проведение научных исследований по профилю кафедры; проведение воспитательной и военно-патриотической работы среди всех категорий обучаемых на кафедрах.

Военная кафедра Витебского государственного медицинского университета (ВГМУ) ведет отсчет своей истории со дня основания Витебского государственного медицинского института (ВГМИ) в 1934 г. Изначально она называлась военно-санитарной, а впоследствии – кафедрой санитарно-оборонительных наук, на которой проводились занятия по общевойсковой и специальной военно-медицинской подготовке. Приказом ректора от 8 января 1939 г. № 2 в ВГМИ была организована группа самообороны из состава работников института. Она включала: звено революционного порядка, звено связи, звено медицинской санитарной обороны, звено пожарной охраны, химическое звено. Занятия в группе самообороны проводились три раза в месяц. Для командного состава группы самообороны были организованы курсы по ПВО. Контроль за работой группы был возложен на начальника военной кафедры. До 1941 г. было осуществлено семь выпусков врачей, каждый из которых прошел подготовку на военной кафедре. С началом Великой Отечественной войны институт был эвакуирован в Челябинск, а затем, вместе с БГМИ, в 1943 г. – в Ярославль. В 1944 г. часть сотрудников института возвратилась в Минск, участвовала в восстановлении Минского медицинского института. И только в 1946 г. институт был реэвакуирован на родную Витебщину. После окончания войны вместе с возобновлением работы института на основании приказа Министерства высшего образования от 10 мая 1947 г. № 619-К/2 была создана самостоятельная кафедра ВМП, переименованная затем в военную кафедру и до сегодняшнего дня осуществляющая свою деятельность [11, 12].

Военная кафедра в Гродненском государственном медицинском институте была сформирована в соответствии с приказом Министра обороны СССР и Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 1 октября 1968 г. № 0173 и вначале размещалась в здании по улице Антонова, дом 21, а с 1974 г. – в главном корпусе института на улице Горького, дом 80 г. Гродно [13]. В первый преподавательский состав кафедры входили опытные офицеры медицинской службы, прошедшие Великую Отечественную войну, участвовавшие в различных локальных военных конфликтах и имеющие большой опыт службы в войсках. Главной задачей первого коллектива военной кафедры в то время было создать необходимую учебно-материальную базу и организовать учебный процесс, с чем он успешно справился. Одной из важнейших задач кафедры являлась работа по отбору студентов и направлению их после окончания

4-го курса университета для обучения на военно-медицинские факультеты. Сегодня военная кафедра размещается в главном корпусе университета и успешно осуществляет подготовку офицеров медицинской службы запаса по специальности «лечебное дело в наземных войсках», а также обучение будущих врачей выполнению своих профессиональных обязанностей в военное время и чрезвычайных ситуациях мирного времени.

Постановлением Совета Министров БССР от 14 ноября 1990 г. № 284 и приказом Министра здравоохранения БССР от 20 ноября 1990 г. № 188, с целью обеспечения подготовки врачей и специалистов высшей квалификации для наиболее пострадавших от катастрофы на ЧАЭС Гомельской и Могилевской областей, в ноябре 1990 г. был открыт Гомельский государственный медицинский институт, а спустя три года, в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 марта 1993 г. № 152 образована военная кафедра в Гомельском государственном медицинском институте [14, 15]. Изначально военную подготовку проходили студенты, обучающиеся на лечебно-профилактическом факультете (в настоящее время – лечебный факультет), а с ноября 2000 г. к нему добавились студенты открытого лечебно-диагностического факультета (в настоящее время – медико-диагностический факультет).

Заключение. Сегодня деятельность обозначенных выше кафедр регламентирована нормативными правовыми актами Республики Беларусь в области образования, здравоохранения и обороны и направлена на подготовку военно-медицинских специалистов, которые в процессе учебы овладевают теоретическими знаниями, практическими умениями и навыками, и как результат – формируются компетенции в области военно-медицинского дела. Сотрудники военно-специализированных кафедр военно-медицинского факультета в учреждении образования «Белорусский государственный медицинский университет» и военных кафедр государственных университетов Республики Беларусь всемерно сохраняют и преумножают славные традиции военно-медицинского образования, заложенные предыдущими поколениями профессорско-преподавательского состава, научно-педагогических коллективов учреждений медицинского образования нашей страны.

Список литературы

1. Местная жизнь. Заседание исполкома Совета // Звезда. 1919. 16/II. № 375.
2. Декреты и распоряжения правительства // Звезда. 1919. 1/III. № 386.
3. Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 939. Л. 1.
4. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1009. Л. 13.
5. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1034. Л. 36.
6. Шишко Е. И. Развитие и деятельность Минского государственного медицинского института (1921–1971 гг.) / под ред. проф. Д. П. Беляцкого. Минск: Беларусь, 1971. 176 с.
7. НАРБ. Ф. 218. Оп. 1 Д. 517. Л. 9.
8. Ишутин О. С., Богдан В. Г. Военно-медицинское образование в Республике Беларусь. История и современность. В 2 т. Т. 1. История создания и деятельности военной кафедры Белорусского, Минского государственного медицинского института 1930–1995 гг. Минск: Колорград, 2017. 339 с.
9. Миронюк А. В. Правовые основы развития военного образования в гражданских учреждениях высшего образования Республики Беларусь // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 1 (281). С. 75–81. DOI: 10.52065/2520-6885-2024-281-14.
10. Военно-медицинский институт. URL: https://www.bsmu.by/universitet/fakultety-institut/voenno-meditsinskiy-institut/ (дата обращения: 25.02.2025).
11. История ВГМУ. URL: https://www.vsmu.by/about-vsmu/history.html (дата обращения: 26.02.2025).
12. История военной кафедры ВГМУ. URL: https://www.vsmu.by/about-vsmu/kategoriya-kafedr/48-kafedra-voennoj-podgotovki-i-ekstremalnoj-meditsiny/1338-obshchaya-informatsiya-o-kafedre-istoriya-kafedry.html (дата обращения: 26.02.2025).
13. Военной кафедре учреждения образования «Гродненский государственный медицинский университет» – 40 лет / В. Н. Корабач [и др.] // Военная медицина. 2008. № 4. С. 125–127.
14. Военная кафедра. URL: https://gsmu.by/about_the_university/kafedry/558/ (дата обращения: 26.02.2025).
15. История ГГМУ. URL: https://gsmu.by/about_the_university/history/ (дата обращения: 26.02.2025).

References

1. Local life. Meeting of the Executive Committee of the Council. *Zvezda* [Zvezda], 1919, 16/II, no. 375 (In Russian).
2. Decrees and orders of the government. *Zvezda* [Zvezda], 1919, 1/III, no. 386 (In Russian).
3. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 205. I. 1. F. 939. Sheet 1.

4. NARB. Fund 205. I. 1. F. 1009. Sheet 13.
5. NARB. Fund 205. I. 1. F. 1034. Sheet 36.
6. Shishko Ye. I. *Razvitiye i deyatel'nost' Minskogo gosudarstvennogo meditsinskogo instituta (1921–1971 gg.)* [Development and activities of the Minsk State Medical Institute (1921–1971)]. Minsk, Belarus' Publ., 1971. 176 p. (In Russian).
7. NARB. Fund 218. I. 1. F. 517. Sheet 9.
8. Ishutin O. S., Bogdan V. G. *Voyenno-meditsinskoye obrazovaniye v Respublike Belarus'. Istoriya i sovremennost'. V 2 t. T. 1. Istoriya sozdaniya i deyatel'nosti voyennoy kafedry Belorusskogo, Minskogo gosudarstvennogo meditsinskogo instituta 1930–1995 gg.* [Military medical education in the Republic of Belarus. History and modernity. Vol. 1. History of the creation and activities of the military department of the Belarusian, Minsk State Medical Institute in 1930–1995]. Minsk, Kolorgrad Publ., 2017. 339 p. (In Russian).
9. Mironyuk A. V. Legal framework for the development of military education in civil institutions of higher education of the Republic of Belarus. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], issue 6, History, Philosophy, 2024, no. 1 (281), pp. 75–81. DOI: 10.52065/2520-6885-2024-281-14 (In Russian).
10. Military Medical Institute. Available at: https://www.bsmu.by/universitet/fakultety-institut/voenno-meditsinskiy-institut/ (accessed 25.02.2025) (In Russian).
11. History of VSMU. Available at: https://www.vsmu.by/about-vsmu/history.html (accessed 26.02.2025) (In Russian).
12. History of the military department of VSMU. Available at: https://www.vsmu.by/about-vsmu/kategoriya-kafedr/48-kafedra-voennoj-podgotovki-i-ekstremalnoj-meditsiny/1338-obshchaya-informatsiya-o-kafedre-istoriya-kafedry.html (accessed 26.02.2025) (In Russian).
13. Korabach V. N., Drokin A. V., Ivashin V. M., Flurik S. V. The Military Department of the Educational Institution "Grodno State Medical University" is 40 years old. *Voyennaya meditsina* [Military medicine], 2008, no. 4, pp. 125–127 (In Russian).
14. Military Department. Available at: https://gsmu.by/about_the_university/kafedry/558/ (accessed 26.02.2025) (In Russian).
15. History of GSMU. Available at: https://gsmu.by/about_the_university/history/ (accessed 26.02.2025) (In Russian).

Информация об авторе

Миронюк Артём Васильевич – магистр, начальник учебной части – заместитель начальника военной кафедры. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: mironyuk.art@mail.ru

Information about the author

Mironyuk Artyom Vasilievich – Master of Sciences, Head of the academic Department – deputy Head of the Military Department. Belarusian State Technological University (13a Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: mironyuk.art@mail.ru

Поступила 17.03.2025

УДК 339.726(091)

В. У. Коваль
Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

ДАБРАЧЫННАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКАЙ ДЫЯСПАРЫ Ў 1920-Я ГГ.

Артыкул даследуе ролю гуманітарнай і дабрачыннай дзейнасці беларускіх эмігрантаў у працэсе фарміравання нацыянальнай дыяспары ў 1920-я гг. У даследаванні аналізуецца дзейнасць Беларускага Чырвонага Крыжа ў Літве на аснове малавядомых дакументаў Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва. Беларускае таварыства Чырвонага Крыжа супрацоўнічала з нацыянальнай дыяспарай у розных краінах Еўропы, арганізоўвала збор фінансавах ахвяраванняў на аснове Статута ад 19 мая 1921 г. Беларускі Чырвоны Крыж у Літве займаўся не толькі вырашэннем сацыльных праблем, але і ажыццяўляў маральную падтрымку беларусам замежжа. Актывістка Чырвонага Крыжа Паўліна Мядзёлка праводзіла працу па камплектаванні бібліятэкі і рыхтавала да друку беларускія выданні ў Літве. Асаблівая ўвага ў даследаванні надаецца пытанням сацыяльнай і матэрыяльнай дапамогі беларускім эмігрантам у Літве, Чэхаславакіі і ЗША. Чэхаславацкі Чырвоны Крыж арганізоўваў медыцынскую дапамогу і лячэнне беларускіх студэнтаў у санаторыях і шпіталях, павышаў гігіенічную граматнасць моладзі ў барацьбе з інфекцыямі. Адной з асноўных мэт грамадскай дзейнасці беларускай дыяспары ў ЗША была арганізацыя фінансавай дапамогі для патрэб Бацькашчыны. З 1921 г. дабрачыннай дзейнасцю займаўся Беларускі нацыянальны камітэт у ЗША. У 1927 г. у Дэтройце было створана гуманітарнае Таварыства дапамогі Беларусі. Беларускія эмігранты ў ЗША збіралі дабрачынныя ахвяраванні для дзяцей-сірот з Заходняй Беларусі, для студэнцкай моладзі замежжа і на карысць палітычных арганізацый метраполіі.

Ключавыя словы: дабрачынная дзейнасць, беларуская дыяспара, Чырвоны Крыж, гуманітарная дзейнасць, Літва, Чэхаславакія.

Для цытавання: Коваль В. У. Дабрачынная дзейнасць беларускай дыяспары ў 1920-я гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 50–54.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-8.

V. U. Koval
Belarusian State Technological University

CHARITABLE ACTIVITIES OF THE BELARUSIAN DIASPORA IN THE 1920S

The article investigates the role humanitarian and charitable activities in the process of formation of the national diaspora. The study presents the activities of the Belarusian Red Cross in Lithuania based on little-know documents from the Belarusian State Archives and Museum of Literature and Art. The Belarusian Red Cross cooperated with the national diaspora in different countries of Europe and organized the reception of donations on the basis of the statute of May 19, 1921. The Belarusian Red Cross in Lithuania solved social issues and also organized moral support for Belarusians aroad. Belarusian Red Cross activist Paulina Myadelka collected the library and prepared Belarusian publications for printing in Lithuania. Particular attention was paid to the issues of social aid and financial supporting of Belarusian emigrants in Lithuania, Czechoslovakia and the USA. The Czechoslovak Red Cross organized medical assistance and financed the stay of Belarusian students in sanatorium and hospitals and raised the hygiene literacy of young people in the fight against infection. One of the main goals of the civil activity of the Belarusian diaspora in the USA was the organization of financial support for the Motherland. The Belarusian National Committee in the USA was engaged in charitable activities in 1921. The humanitarian partnership for aid to Belarus was founded in 1927 in Detroit. Belarusian emigrants in the USA organized voluntary donations for orphans in Western Belarus, for students abroad and political organizations in the metropolis.

Keywords: charitable activities, Belarusian diaspora, Falcon Movement, Red Cross, humanitarian activities, Lithuania, Czechoslovakia.

For citation: Koval V. U. Charitable activities of the Belarusian diaspora in the 1920s. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 50–54 (In Belarusian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-8.

Уводзіны. Дабрачынная дзейнасць беларусаў замежжа была важным кансалідуючым аспектам грамадскага і палітычнага жыцця дыяспары. Комплекснага даследавання па гуманітарнай дзейнасці беларускай дыяспары пакуль не праведзена, аднак захавалася крыніцазнаўчая база, якая дазваляе аднавіць гістарычныя факты дабрачынных акцый. Міжваенны перыяд быў часам станаўлення нацыянальных арганізацый дыяспары, калі ў 1920-я гг. была рэалізавана значная колькасць беларускіх дабрачынных ініцыятыў. Удзел беларускіх эмігрантаў у гуманітарным руху аб'ядноўваў дыяспару, дазваляў грамадскім дзеячам атрымаць каштоўны арганізацыйны вопыт міжнароднага супрацоўніцтва.

Асноўная частка. Беларусы ў розных краінах свету арганізоўвалі збор сродкаў для дзяцей-сірот і малазабяспечаных сем'яў; праводзілі акцыі па зборы ахвяраванняў на карысць арыштаваных беларускіх дзеячаў і для развіцця нацыянальных арганізацый Заходняй Беларусі; ладзілі вечарыны і канцэрты.

Міжнародны Чырвоны Крыж быў адной з асноўных гуманітарных арганізацый у міжваенны перыяд. У еўрапейскіх краінах найбольш уплывовымі і актыўнымі былі Чырвоны Крыж у ЗША і Чырвоны Крыж у Францыі, на дзейнасць якіх у значнай ступені арыентаваліся іншыя нацыянальныя таварыствы. У 1920-я гг. актывізавалі сваю работу Міжнародны камітэт і Ліга таварыстваў Чырвонага Крыжа.

У асяроддзі беларускага замежжа ў 1921 г. быў заснаваны Чырвоны Крыж ў Літве, статут якога быў зарэгістраваны адміністрацыяй г. Коўна 19 мая 1921 г. [1, арк. 39]. Дакументы нацыянальнага дабрачыннага таварыства (статут, пратаколы, фінансавыя справаздачы, афіцыйная перапіска) захоўваюцца ў фондах Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва.

Мэты арганізацыі пазначаліся ў статуце таварыства: «аказваць як найшырэйшую матэрыяльную і маральную дапамогу у першы чарод усім беларускім грамадзянам, незалежна ад іх нацыянальнасьці і веры, пацярпеушым ад вайны, недародау, попасьцяу і інш. напасьцяу» [1, арк. 6]. У выпадку ваеннай пагрозы Беларускі Чырвоны Крыж браў на сябе абавязак аказваць медыцынскую і санітарную дапамогу, дастаўляць пошту, ствараць тылавыя пункты харчавання, франтавыя перавязачныя цэнтры, арганізоўваць санітарныя цягнікі і эвакуацыю параненых. Задачы беларускай дабрачыннай арганізацыі цалкам адпавядалі кірункам дзейнасці Міжнароднага камітэта Чырвонага Крыжа ў Жэневе.

Члены таварыства ў Літве рэгулярна збіралі вопратку, бялізну, медыкаменты і прадукты для медыцынскіх устаноў. У статуце пазначаліся магчымасці фарміравання бюджэту Беларускага Чырвонага Крыжа: «Фундушы Таварыства складаюцца: а) з аднаразовых ахвяраваньняу грашыма і рэчыма; б) з аднаразовых і штагодных узносау яго сяброу; в) са усялякіх зборау: канцэртау, лекцыяу, ігрышау і інш.; г) з дзяржауных дапамогау Таварыству» [1, арк. 6 зв.]. Беларускі Чырвоны Крыж быў юрыдычнай асобай, аднак не меў права займацца палітычнай дзейнасцю, бо таварыства з'яўлялася выключна гуманітарнай арганізацыяй.

У члены Чырвонага Крыжа не прымалі грамадзян з крымінальным мінулым, што падкрэслівалася ў статуце [1, арк. 7]. Гуманітарная арганізацыя складалася з дарослых асоб, таму членам таварыства можна было стаць толькі з 18-гадовага ўзросту. Членства ў міжнародным руху мела сваю іерархію ў залежнасці ад памераў фінансавай дапамогі на карысць дабрачыннасці. Члены Беларускага Чырвонага Крыжа падзяляліся на чынных, сталых і членаў-дабрачынцаў. Сталыя члены таварыства вызваляліся ад рэгулярных узносаў.

Таварыства мела сваю пячатку і знак Чырвонага Крыжа, якія выкарыстоўваліся на бланках і афіцыйных лістах. Знак беларускай арганізацыі быў тыповым, яго хутка пазнавалі ў розных краінах свету. Сімвалам стала выява роўнаканечнага чырвонага крыжа на белым полі, прынятая Першай Жэнеўскай канвенцыяй. Для міжнароднай перапіскі выкарыстоўваліся бланкі з афіцыйнай сімволікай Чырвонага Крыжа без дадатковых надпісаў.

Нацыянальнае Таварыства Чырвонага Крыжа ў Коўна імкнулася праводзіць дабрачынную дзейнасць для беларусаў з розных краін свету. Сродкі для арганізацыі збіраліся праз афіцыйных прадстаўнікоў, якіх вылучала і зацвярджала таварыства. Перапіска Беларускага Чырвонага Крыжа сведчыць, што таварыства атрымлівала грошы ад Берлінскай Місіі, яго члены збіралі ахвяраванні таксама ў ЗША, Чэхаславакіі і Латвіі [1, арк. 17–18]. Сабраныя сумы накіроўваліся ў першую чаргу на арганізацыю харчавання для хворых і бедных, на медыцынскую дапамогу і бясплатнае пражыванне для малазабяспечаных беларусаў. Чырвоны Крыж у Літве набываў і выдаваў кнігі, арганізоваў адукацыйныя праграмы і культурныя мерапрыемствы. Напрыклад, 7 студзеня 1922 г. бургамістр літоўскай сталіцы дазволіў Беларускаму Чырвонаму Крыжу правесці калядную вечарыну-баль у Ковенскай ратушы [1, арк. 48]. На дабрачыннай акцыі ў цэнтры літоўскай сталіцы не толькі сабралі ахвяраванні на карысць Чырвонага Крыжа, але і задаволілі культурныя патрэбы беларусаў Літвы.

Міжнародная гуманітарная арганізацыя надавала значную ўвагу развіццю культуры як ключавому фактару маральнай падтрымкі асоб. Беларускі

Чырвоны Крыж у Літве прымаў удзел у выдавецкай дзейнасці дыяспары, бо ў статуце было прапісана права таварыства на выданне і продаж літаратуры [1, арк. 9] з мэтай папулярызацыі міжнароднага гуманітарнага руху. Зацверджаны статут Беларускага Чырвонага Крыжа быў выдадзены асобнай кніжкай тыражом 1000 экзэмпляраў [1, арк. 39]. Адказнай за камплектаванне кніжнай калекцыі арганізацыі была таленавітая настаўніца з вопытам працы ў рэдакцыі і вядомы грамадскі дзеяч Паўліна Вікенцьеўна Мядзёлка. Пратаколы сходаў Беларускага Чырвонага Крыжа сведчаць, што П. В. Мядзёлка выступала з дакладамі пра падрыхтоўку да выдання новых кніг і ўносіла прапановы па фондах бібліятэкі [1, арк. 17]. Паўліна Мядзёлка мела вопыт выдавецкай дзейнасці, бо ў 1921 г. рыхтавала да друку выданні ў Берліне [2, арк. 2 зв.] Складанасцю камплектавання фондаў бібліятэк у пачатку 1920-х гг. былі значныя абмежаванні паштовых службаў і мытных законаў. У сваіх успамінах П. В. Мядзёлка эмацыйна падкрэслівала: «Праклятыя гэтыя межы – нічагусенька пераслаць нельга. Кніжак па пошце не прынімаюць» [2, арк. 3 зв.]. Абмежаванні ў перасылцы кніг стваралі дадатковыя праблемы для камплектавання замежнымі выданнямі бібліятэк беларускіх устаноў г. Коўна.

Беларускі Чырвоны Крыж у Літве меў шырокія міжнародныя кантакты. Перапіска таварыства сведчыць, што ў 1921 г. да беларускай арганізацыі была накіравана прапанова аб стварэнні нацыянальнага аддзялення Чырвонага Крыжа ў Канстанцінопалі [1, арк. 13]. У пачатку 1920-х гг. Беларусы ў Турцыі, якія трапілі туды з ваеннымі фарміраваннямі белага руху, мелі вострую патрэбу ў матэрыяльнай дапамозе і прававой падтрымцы. У афіцыйным звароце ад 27 жніўня 1921 г. да кіраўніцтва Беларускага Чырвонага Крыжа ў Літве пазначалася: «Дзеля таго што у Канстантінопалі у данны момэнт знаходзіцца вялізная цыфра беларускіх утэкачоу, якія нуждаюцца у дапамозэ як матэрыальнаі, так і мэдіцынскаі, маю гонар звернуцца да Вас с прозьбаі аб даручэньні добра вядомаму мне беларусу доктору Песоцкому адчыненьні у Канстантінопалі атдзеленія Беларускага Чырвона Крыжа» [1, арк. 13]. Ініцыятыва фарміравання таварыства ў Канстанцінопалі была лагічнай, аднак не атрымала шырокай падтрымкі з боку беларусаў замежжа, таму праект не быў рэалізаваны.

Пачатак дзесяцігоддзя адзначаецца тым, што беларускія эмігранты маглі легалізавацца за мяжой яшчэ з дакументамі былой Расійскай імперыі. Беларусы ў Канстанцінопалі далучаліся да іншых славянскіх супольнасцей і арганізацый. У 1920-я гг. для былых грамадзян Расійскай імперыі значную дапамогу ў Турцыі ажыццяўляў Амерыканскі Чырвоны Крыж. У 1920 г. у Канстанцінопалі амерыканскі аддзел міжнароднай гуманітарнай арганізацыі адчыніў санаторый на 100 месцаў для эмігрантаў і бежанцаў для лячэння туберкулёзу [3, с. 3]. Для барацьбы з эпідэміяй Амерыканскі Чырвоны Крыж значныя сродкі накіроўваў на арганізацыю харчавання для асоб са складанай матэрыяльнай сітуацыяй і на ізаляцыю людзей з цяжкай формай туберкулёзу ў спецыяльных медыцынскіх установах.

Міжнародны рух Чырвонага Крыжа вызначыўся таксама сваёй значнай дапамогай для беларускай дыяспары ў Празе. Чэхаславацкі аддзел Чырвонага Крыжа быў створаны ў лютым 1919 г. пад кіраўніцтвам дачкі прэзідэнта краіны Алісы Масарык [3, с. 2]. Як першы кіраўнік арганізацыі, Аліса Масарык значную ўвагу надавала ажыццяўленню медыцынскай дапамогі для моладзі, павышэнню яе гігіенічнай граматнасці ў барацьбе з эпідэміямі і інфекцымі. Яна займала сваю пасаду старшыні Чэхаславацкага Чырвонага Крыжа амаль два дзесяцігоддзі – з 1919 па 1938 г. [4, с. 48]. У пачатку 1920-х гг. у розных еўрапейскіх краінах значна актывізаваўся міжнародны гуманітарны рух, таму Аліса Масарык адчыніла ў Празе першую вышэйшую навучальную ўстанову для сацыяльных работнікаў.

Беларуская моладзь з тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд ехала ў Прагу, каб атрымаць там вышэйшую адукацыю. Недахоп прадуктаў і фінансавых сродкаў, спецыфічныя кліматычныя ўмовы прыводзілі да распаўсюджвання інфекцый і высокай смяротнасці студэнтаў. Медыцынскі штат Чырвонага Крыжа рабіў агляд студэнтаў-замежнікаў, якія набывалі адукацыю ў Чэхаславакіі. У 1923 г. Чырвоны Крыж правёў агляд 1398 студэнтаў у Празе, у выніку якога было выяўлена 30 выпадкаў вострай формы туберкулёзу (хворыя адразу былі накіраваны ў санаторыі); 150 студэнтаў мелі першапачатковую стадыю туберкулёзу, 131 студэнт меў праблемы са зрокам, у 75 чалавек была выяўлена анемія, а 230 студэнтаў атрымалі дыягназ неўрастэніі [5, с. 21]. Міжнародны камітэт Чырвонага Крыжа займаўся лячэннем студэнцкай моладзі, таму з гуманітарнай арганізацый актыўна супрацоўнічала Міністэрства замежных спраў Чэхаславакіі.

У 1920-я гг. Злучаныя Штаты Амерыкі сталі адной з асноўных краін, дзе паспяхова ажыццяўляліся акцыі гуманітарнай дапамогі. З 1921 г. актыўную грамадскую дзейнасць арганізаваў Беларускі нацыянальны камітэт, яго суполкі плённа працавалі ў Нью-Йорку і Чыкага, беларускія эмігранты таксама стваралі нацыянальныя арганізацыі ў Дэтройце, Пітсбургу і Кенашы. Пры камітэце дзейначаў Жаночы гурток, які праводзіў культурныя вечарыны, арганізоўваў дапамогу малазабяспечаным ці хворым беларусам у ЗША. Напрыклад, 19 жніўня 1923 г.

Беларускі нацыянальны камітэт праводзіў дабрачынны пікнік у Чыкага, пра арганізацыю якога першай змясціла аб'яву газета «Свабодная Расія», што рыхтавалася да друку ў ЗША [6, с. 62]. У часопісе «Крывіч» падкрэсліваліся ўмовы правядзення дабрачыннай акцыі: «Мэта пікніка – помач палітычным вязьням Беларусі ў Польшчы. Просім усе спачуваючыя беларускай справе арганізацыі ў гэты дзень не ладзіць народных сходаў» [6, с. 63]. Эмігранты ў ЗША лічылі сваім абавязкам супрацоўнічаць з нацыянальнымі арганізацыямі Заходняй Беларусі, яны разумелі важнасць фінансавай падтрымкі для палітычных акцый у барацьбе з дыскрымінацыяй беларусаў з боку польскіх улад.

Адметным кірункам гуманітарнай дапамогі ў міжваенны перыяд стала падтрымка дзяцей і сірот. Беларускі нацыянальны камітэт у Чыкага рэгулярна збіраў сродкі для школьнікаў з Заходняй Беларусі [7]. У 1920-я гг. пачалі стварацца толькі першыя арганізацыі і праекты для ажыццяўлення дапамогі дзецям, сярод якіх найбольш пашыранымі сталі акцыі Амерыканскага Чырвонага Крыжа і Амерыканскай адміністрацыі дапамогі [8, с. 671]. Міжнародныя арганізацыі пачалі будаваць дзіцячыя прытулкі і цэнтры здароўя з праграмамі спецыяльных дыет і фізічнай актыўнасці для дзяцей. Беларускія эмігранты ў ЗША далучыліся да праграм і праектаў дзіцячай дапамогі, таму імкнуліся збіраць і дасылаць сродкі для сірот з Заходняй Беларусі.

Вядомымі палітычнымі лідарамі беларускай дыяспары ў ЗША сталі Я. Чарапук і Я. Варонка, якія актыўна супрацоўнічалі як з аб'яднаннямі Заходняй Беларусі, так і з грамадскімі арганізацыямі БССР. Сярод асноўных форм работы дыяспары адметнае значэнне мела гуманітарная дапамога беларусам метраполіі і збор дабрачынных ахвяраванняў. У часопісе «Беларускі студэнт» за 1923 г., які рыхтаваўся да друку ў Празе, быў апублікаваны матэрыял, дзе падкрэслівалася: «Дзеля просьбы Беларускага Студэнскага Саюза ў Вільні аб матар'яльнай дапамозе Саюзу і ліста Я. Купалы да Чарапука аб цяжкім палажэньні беларускіх вучоных, паэтаў і літаратараў у Радавай Беларусі, а так сама й цяжкога палажэньня беларускае прэсы ў Заходняй Беларусі, арганізаваўся камітэт пад старшынствам Чарапука на збор ахвяр на патрэбныя мэты. З паведамленьняў відаць, што ўсе гэтыя справы знайшлі спачуцьцё ў амэрыканскіх Беларусоў, якія ахвотна даюць грошы» [9, с. 23]. Варта падкрэсліць, што беларускі класік Янка Купала паспяхова развіваў міжнародныя кантакты з дыяспарай, што дапамагала паэту ў развіцці літаратурных сувязей падчас візітаў у краіны Еўропы ў складзе дзяржаўных дэлегацый.

Дапамога беларусаў ЗША для Бацькаўшчыны кансалідавала дыяспару, давала магчымасць эмігрантам акрэсліць мэты дабрачыннай дзейнасці, адчуць запатрабаванасць у грамадскай працы. Падзяка за дапамогу на старонках беларускамоўнай віленскай прэсы падтрымлівала памкненні эмігрантаў у арганізацыі гуманітарных акцый. Прыкладам такіх матэрыялаў з'яўляецца кароткая інфармацыя з газеты «Сялянская ніва»: «Перад гэтым "Сялянская Ніва" падала некалькі вестак аб жыцьці Беларусаў у Амэрыцы. І як сьведчаць гэтыя весткі, там далёка за многаводным акіянам Беларусы жывуць сваім жыцьцём і арганізуюцца, каб дапамагаць у тэй ці іншай форме і меры сваёй загнанай і паняволенай Бацькаўшчыне» [10, с. 1]. Гуманітарныя акцыі спрыялі сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі эмігрантаў, беларусы знаходзілі маральныя сілы для паспяховай інтэграцыі ў прымаючым грамадстве, бо іх стымулявала адчуванне ўласнай запатрабаванасці на Бацькаўшчыне. Прыкладам для арганізацыі дабрачыннай дзейнасці амерыканскіх беларусаў былі іншыя дыяспары ЗША, якія дзяліліся сваім вопытам паспяховых праграм і гуманітарных праектаў. Менавіта паводле прыкладу іншых дыяспар прамысловыя рабочыя г. Дэтройта ў 1927 г. заснавалі грамадскую арганізацыю «Таварыства дапамогі Беларусі», асноўнай мэтай якой быў збор ахвяраванняў на карысць беларусаў метраполіі [11, с. 4]. Сярод актыўных беларускіх дзеячаў, якія працавалі на карысць дабрачыннасці ў Дэтройце, варта вылучыць Я. Беразоўскага, З. Скарбука, А. Ціхановіча, А. Чарніковіча і А. Шчалкуна [11, с. 4]. Адметнасцю дабрачынных акцый Таварыства дапамогі Беларусі былі яго палітычныя мэты ў барацьбе з дыскрымінацыяй беларускага насельніцтва з боку польскіх улад.

Заключэнне. Такім чынам, дабрачынная дзейнасць у асяроддзі нацыянальнай дыяспары была накіравана на адукацыю, падтрымку моладзі, медыцынскую і фінансавую дапамогу для беларусаў замежжа і патрэб метраполіі. Значную гуманітарную дапамогу з 1921 г. ажыццяўляў Беларускі Чырвоны Крыж у Літве. Международны гуманітарны рух праводзіў мерапрыемствы па барацьбе з эпідэміямі, рэалізоўваў асветніцкія і медыка-санітарныя праекты. Чэхаславацкі Чырвоны Крыж пад кіраўніцтвам А. Масарык праводзіў медыцынскія агляды беларускіх студэнтаў у Празе, арганізоўваў іх лячэнне ў санаторыях і шпіталях.

Беларускія дабрачынныя акцыі рэгулярна ладзілі эмігранты ў ЗША, найбольш актыўна ў гуманітарнай сферы працаваў Беларускі нацыянальны камітэт і Таварыства дапамогі Беларусі. Гуманітарная дзейнасць садзейнічала сацыяльна-псіхалагінай адаптацыі эмігрантаў у іншакультурным асяроддзі, павышала актыўнасць грамадскага руху дыяспары, спрыяла развіццю міжнародных кантактаў і пашырэнню культурнага супрацоўніцтва.

Спіс літаратуры

1. БДАМЛМ (Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва). Ф. 3. Воп. 1. Спр. 171.
2. БДАМЛМ. Ф. 403. Воп. 1. Спр. 15.
3. Klimivich L., Suvorov V., Shaipak L. International Committee of the Red Cross: supporting, protecting, and providing medical care to Russian emigrants in the 1920s–1930s // Russian Open Medical Journal. 2020. Vol. 9, issue 4. P. 1–3.
4. Zaoralová R., Kutnohorská J., Mikšová Z. International Contacts of Czechoslovak Nurses, 1920–1938 // PROFESE. 2015. Vol. 8/1. P. 47–53.
5. Czechoslovak Help to the Russian and Ukraine emigration. Prague: Ministry for Foreign Affairs, 1924. 140 p.
6. Праца беларусау ў Амэрыцы // Крывіч. 1923. № 2. С. 62–63.
7. Беларускі камітэт у г. Чыкаго // Крывіч. 1923. № 4. С. 57.
8. Fathi R., Oppenheimer M., Rosential P. Voluntary organizations, the Red Cross and the features of humanitarian reconstruction in Western Europe after the World Wars // European Review of History. 2023. Vol. 30, no. 5. P. 665–684.
9. Беларусы ў Амерыцы // Беларускі студэнт. 1923. № 2–3. С. 23.
10. Прывітаньне // Сялянская ніва. 1927. № 47. С. 1.
11. Амерыка // Сялянская ніва. 1927. № 46. С. 4.

References

1. BSAMLA (Belarusian State Archives and Museum of Literature and Art). Fund 3. I. 1. F. 171.
2. BSAMLA. Fund 403. I. 1. F. 15.
3. Klimivich L., Suvorov V., Shaipak L. International Committee of the Red Cross: supporting, protecting, and providing medical care to Russian emigrants in the 1920s–1930s. *Russian Open Medical Journal,* 2020, vol. 9, issue 4, pp. 1–3.
4. Zaoralová R., Kutnohorská J., Mikšová Z. International Contacts of Czechoslovak Nurses, 1920–1938. *PROFESE*, 2015, vol. 8/1, pp. 47–53.
5. Czechoslovak Help to the Russian and Ukraine emigration. Prague, Ministry for Foreign Affairs Publ., 1924. 140 p.
6. Activities of Belarusians in America. *Kryvich* [Kryvich], 1923, no. 2, pp. 62–63 (In Belarusian).
7. Belarusian Committee in Chicago. *Kryvich* [Kryvich], 1923, no. 4, p. 57 (In Belarusian).
8. Fathi R., Oppenheimer M., Rosential P. Voluntary organizations, the Red Cross and the features of humanitarian reconstruction in Western Europe after the World Wars. *European Review of History*, 2023, vol. 30, no. 5, pp. 665–684.
9. Belarusians in America. *Belaruski student* [Belarusian Student], 1923, no. 2–3, p. 23 (In Belarusian).
10. Greeting. *Syalyanskaya niva* [The Rural Field], 1927, no. 47, p. 1 (In Belarusian).
11. America. *Syalyanskaya niva* [The Rural Field], 1927, no. 46, p. 4 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (вул. Свярдлова, 13а, 220006, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koval@belstu.by

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Associate Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a Svyardlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koval@belstu.by

Паступіў 20.03.2025

УДК: 904(476).641.338.2.323«1920»

А. В. Денисов
Белорусский национальный технический университет

«ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ КУХОННОГО РАБСТВА». ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В МИНСКЕ В 1920-Х ГГ.

В статье на основе широкого круга источников обозначены ключевые направления развития системы общественного питания в Минске, а также деятельность основных организаций, которые занимались ее управлением. В первой половине 1920-х гг. в Минске частные и кооперативные предприятия общественного питания: чайные, столовые, буфеты, – действовали параллельно. Поддержкой кооперативных рабочих столовых занималось паевое товарищество «Народное питание» («Нарпит»), организованное в 1923 г. В Минске в 1924 г. было создано общество «Белнарпит», которое выполняло те же функции. Столовые Белнарпита получали государственные льготы, практиковался отпуск обедов в кредит, но они не могли удовлетворить запросы большей части горожан. По этой причине во второй половине 1920-х гг. по всему СССР началось строительство крупных предприятий общественного питания, фабрик-кухонь, которые занимались массовым производством обедов, изготовлением полуфабрикатов и доставкой еды на предприятия. Советские специалисты старались перенять передовой опыт западных стран в сфере развития массового питания. Кроме практической функции система общественного питания решала важные идеологические задачи: пропаганда нового быта, развитие коллективизма и освобождение советской женщины от «кухонного рабства». В итоге в 1929 г. принимается решение о строительстве в Минске крупной фабрики-кухни, которая могла бы производить около 12 000 обедов в день.

Ключевые слова: общественное питание, новый быт, Нарпит, фабрика-кухня, эмансипация, индустриализация.

Для цитирования: Денисов А. В. «Освобождение от кухонного рабства». Организация общественного питания в Минске в 1920-х гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 55–59.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-9.

A. V. Denisov
Belarusian National Technical University

“LIBERATION FROM KITCHEN SLAVERY”. ORGANIZATION OF SYSTEM OF MASS CATERING IM MINSK IN THE 1920S

The article based on a wide range of sources indicates the main directions of the public catering system in Minsk, as well as the activities of the main organizations that were engaged in its management. In the first half of the 1920s. In Minsk, frequent and cooperative catering enterprises: tea, canteens, buffets acted in parallel. The support of cooperative workers' canteens was engaged in the Popular Power Partnership, created in 1923 in Minsk in 1924, a Belnarpit society was created, which performed the same functions. Canteen of Belnarpit received state benefits, the release of dinners on credit was practiced, but they could not satisfy the requests of most of the townspeople. For this reason, in the second half of the 1920s. Throughout the USSR, the construction of large public catering enterprises, Factory-kitchen, which were engaged in mass production of dinners, manufacture of semi-finished products and the delivery of food to enterprises, began. Since the mid-1920s. In the housing and communal policy of the Soviet government, the principles of collectivism in the organization of living space began to dominate. Soviet experts were trying to adopt the best practices of Western countries in the field of mass food development. In addition to the practical function, the public catering system solved important ideological problems: the propaganda of a new life, collectivism and the liberation of the Soviet woman. As a result, in 1929, a decision was made on the construction of a large Factory-kitchen in Minsk, which could produce about 12 000 dinners per day.

Keywords: mass catering, new life, Narpit, Factory-kitchen, emancipation, industrialization.

For citation: Denisov A. V. “Liberation from kitchen slavery”. Organization of system of mass catering in Minsk in the 1920s. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 55–59 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-9.

Введение. После Октябрьской революции и победы большевиков в Минске новые власти стали предпринимать меры по национализации предприятий, магазинов, ресторанов и столовых. По инициативе рабочих кооперативов 20 декабря 1918 г. был образован Центральный рабочий кооператив (ЦРК). После принятия Новой экономической политики в столице БССР в первой половине 1920-х гг. действовали коммерческие чайные и закусочные, общедоступные столовые и столовые при фабриках и заводах.

Вместе с тем растущее население города испытывало недостаток в предприятиях общественного питания, нуждалось в повышении качества пищи и обслуживания. Решение этих проблем накладывалось на культурную политику по организации нового быта в советском обществе, реализации стандартов равенства, коллективизма.

Основная часть. Уже в первой половине 1920-х гг. власти предприняли ряд мер для организации централизованной системы общественного питания. 2 мая 1923 г. было создано паевое товарищество «Народное питание» (Нарпит, позже СоюзНарпит). Инициатором его создания выступил Центрсоюз – Центральный орган советской кооперации, организовавший образцовые столовые для рабочих предприятий и железной дороги. Председателем товарищества стал государственный деятель Халатов (Халатянц) А. Б.

Халатов А. Б. возглавлял также Центральную комиссию по улучшению быта ученых при Совете народных комиссаров СССР (СНК), заведовал вопросами снабжения и питания.

С середины 1920-х гг. в жилищно-коммунальной политике советской власти начали доминировать принципы коллективизма в организации жилого пространства. Началась реализация проектов строительства домов-коммун, где жильцы вместе проводили свободное от работы время, а квартирам отводилась роль спальной ячейки. Для коллективного культурного досуга строились клубы и дворцы культуры.

Питание также должно было быть коллективным актом. Задачи производства порционной еды и кормления трудящихся были возложены на так называемые фабрики-кухни – крупные предприятия общественного питания, которые включали в себя производственные цеха, торговые помещения и обеденные залы. Фабрики-кухни выполняли важную идеологическую функцию: освобождали женщин-работниц от приготовления пищи на дому. Эти новые формы организации жизни, работы и досуга стремились свести жилье, работу и досуг к единым принципам массовости и коллективизма.

Проекты по созданию больших автоматизированных столовых для рабочих предприятий и жителей советских городов, где жизнь, труд и быт подчинены идеологии, нашли свое воплощение в строительстве фабрик-кухонь.

Первая крупная фабрика-кухня была открыта 29 марта 1925 г. в городе Иваново-Вознесенске в доме № 9 на улице Крутицкой в помещении общежития фабрики. Ее отличительная черта состояла в том, что при производстве пищи, нарезании хлеба, чистке овощей, мытье посуды использовался машинный труд. Специальные котлы, подъемники и другое оборудование были закуплены в Германии.

Помимо руководства Нарпитом, А. Б. Халатов занимался вопросами советской литературы и искусства. Он много выступал и писал об идеологическом и воспитательном значении нового быта и приема пищи. Иваново-Вознесенскую фабрику-кухню А. Б. Халатов называл силой, способной взорвать старый быт, дать хорошее, вкусное и здоровое питание массам: «*Строительство фабрик-кухонь в деле развития общественного питания полностью совпадает с установкой нашей партии на проведение быстрым темпом индустриализации страны*» [1, с. 27].

Одна из главных целей товарищества «Нарпит» заключалась в содействии развитию системы общественного питания, в основном через оказание помощи рабочим кооперативам [2, с. 129–130].

Из-за того, что столовые Нарпита были освобождены от налогов и имели льготы при оплате аренды помещений, стоимость питания там была ниже, чем в частных столовых. Практиковался отпуск питания в кредит: его можно было открыть либо самому рабочему, либо через администрацию предприятия.

Научные институты разработали типовые меню обедов, калорийность которых колебалась от 1200 до 1400 калорий, около половины суточной потребности рядового рабочего в пище [2, с. 129–130].

В БССР достаточно быстро стали перенимать опыт центра. В 1924 г. начало работу Белорусское паевое товарищество «Народное питание» – «Белнарпит». Его устав гласил: «*В целях предоставления рабочим и служащим и членам их семейств улучшенного, удешевленного питания на основах безубыточности и самоокупаемости путем создания сети доступных столовых, ресторанов, чайных и т. п. предприятий – учреждается паевое товарищество “Нарпит” “Белнарпит” с местонахождением правления в Минске. Учредителями товарищества являются Центральный совет профсоюзов Беларуси, Высший совет народного хозяйства Беларуси, Минский центральный рабочий кооператив,* (МЦРК)*, Народный комиссариат здравоохранения, Народный комиссариат труда, Мингорисполком, СоюзНарпит».*

«*Цели Белнарпита:*

а) организовывать образцовые предприятия и содействовать всем кооперативным и общественным организациям и учреждениям, технически осуществляющим общественное питание, как путем предоставления им необходимых кредитов, так и снабжения соответствующим и продуктами, и инвентарем;

б) пропагандировать идею общественного питания и инструктаж организаций общественного питания;

в) заготовлять и покупать в пределах СССР, а также за границей в установленном порядке всякого рода проекты и инвентарь, продовольственные продукты и инвентарь;

д) хранить денежные суммы, пользоваться кредитом на общих основаниях, устанавливать корреспондентские отношения с русскими и иностранными фирмами» и т. д. [3, л. 11–12].

В августе 1926 г. экономическим совещанием (ЭКОСО) при СНК БССР в Минске был создан Комитет содействия общественному питанию. Главными его задачи были пропаганда общественного питания, составление и рассмотрение планов на развитие сети предприятий питания, решение вопросов качества и калорийности пищи, предоставление кредитов организациям и кооперативам для строительства столовых и буфетов [4, л. 153–154].

У паевого товарищества «Нарпит» были свои органы печати: журналы «Нарпит», «Работник общественного питания», газета «Рабочая столовая». В них публиковались отчеты о деятельности товарищества, проекты новых столовых, рецепты, новинки пищевой и бытовой техники.

Кроме того, советские специалисты старались перенять передовой опыт западных стран в сфере развития массового питания. Их вдохновлял фастфуд, производимый в США и Англии, механизированные и автоматизированные столовые крупных городов Германии и Франции. Вместе с тем все эти новшества предполагалось адаптировать к социалистическим идеям и плановой экономике. Новая общественная столовая, как писал член Нарпита П. Кожаный, должна была стать «*наковальней, где будет выковываться и создаваться новый быт и советская общественность*» [5, с. 8].

Одновременно с новой культурой принятия пищи и движением эмансипации женщин в СССР возникло и утвердилось новое направление в архитектуре – конструктивизм. Новый общественный строй требовал новой архитектуры. Сама конфигурация конструктивистских зданий, их внутренняя планировка выполняли задачу психофизиологического воздействия на сознание человека как организующего начала.

Вскоре началось широкое строительство предприятий общепита, в первую очередь в Москве и Ленинграде, а также других крупных городах союзных республик. Проекты подобных сооружений, технологические схемы производства, новые механизмы для обработки продуктов создавались паевым товариществом «Нарпит». Темпы проектирования и строительства были очень интенсивными.

В 1928–1929 гг. обсуждалась возможность создания в Минске крупного предприятия общественного питания, которое могло бы решить проблему снабжения жителей города обедами и полуфабрикатами. Одновременно БССР была включена в план товарищества «Нарпит» по строительству столовых и фабрик-кухонь.

В 1928 г. СНК БССР издал постановление по докладу Белрабсекции (Белорусская секция рабочей кооперации при МЦРК) о состоянии и задачах общественного питания. В нем утверждалось, что основное направление общественного питания должно идти по линии обслуживания фабрично-заводских рабочих, рабочих и служащих-одиночек, сезонных и строительных рабочих, пролетарского студенчества, рабочей и учащейся молодежи и военнослужащих, а также организации отпусков обедов на дом [6, л. 31–32].

В ходе строительства сети столовых надлежало укрупнять существующие столовые, реорганизовывать их в центральные городские кухни-столовые с механизацией отдельных процессов работы, организацией сети распределителей и развозки обедов в термосах на предприятия и места нахождения сезонных рабочих.

Капитальное строительство по общественному питанию включалось в пятилетний план Госплана БССР. Белрабсекции и Госплану было поручено приступить к подготовке типовых проектов для строительства новых крупных столовых.

Журнал «Нарпит» отмечал, что рабочая кооперация БССР имеет в деле общественного питания определенные успехи. Количество кооперативных столовых увеличилось с 44 в 1927 г. до 64 в 1929 г., из них 50 находились в городах. Сеть и оборот общепита росли. В первой половине 1929 г. в Беларуси было открыто 6 новых столовых, 2 чайных и ряд буфетов. В штат работников столовых входили 789 человек. Если в 1927 г. оборот 50 городских столовых составил 2,5 млн руб., то в 1928 г. – уже 3,2 млн [7, с. 8].

Согласно планам первой пятилетки, в БССР в сфере общественного питания было запланировано вложить в строительство до 2,5 млн советских руб. На эти средства предполагалось построить 15 пунктов питания: 1 фабрику-кухню на 10 тыс. обедов, 2 центральные кухни-заготовочные для изготовления обедов в термосах (по 1500 в день каждая), а также ряд столовых.

В начале 1929 г. инструктор Белрабсекции Л. Мазелев проанализировал состояние общественного питания в столице республики и констатировал неудовлетворительное положение: 7 столовых открытого типа и 4 специализированных изготовляли 9200 порций в день [8, л. 9–10].

Большое количество рабочих и госслужащих, учащихся школ и техникумов не были охвачены сетью столовых. Действующие рестораны и столовые размещались в зданиях бывших коммерческих заведений и жилых домах.

С учетом нехватки в столице жилья нужно было начинать новое строительство. Кроме этого, отсутствовала возможность организовать столовые на всех фабриках и заводах, которые кормили бы рабочих и одновременно были доступны для рядовых граждан. Поэтому необходимо было иметь такое заведение общепита, которое занималось бы не только приготовлением обедов, но и доставкой их в термосах на предприятия. Эту функцию и должна была выполнить новая фабрика-кухня.

В 1929 г. в Минске было намечено построить в 1930-х гг. одну фабрику-кухню на 12 тыс. обедов, а также по одной крупной столовой в Минске и Витебске [9, с. 3].

На заседании президиума Госплана БССР 12 сентября 1929 г. состоялось обсуждение хода проектирования столичной фабрики-кухни. Президиум постановил, что ее мощность должна составлять 12 тыс. обедов в день при возможном увеличении до 15 тыс. (с учетом доставки на предприятия). Планировалось, что в здание фабрики-кухни будет входить собственно кухня, помещения для обслуживания столующихся, цеха для изготовления полуфабрикатов и холодильник, где продукты хранились бы 5–7 дней [10, л. 457].

Выводы. Таким образом, в БССР в 1920-х происходило становление системы общественного питания. По мере того, как советское руководство стало отходить от принципов НЭПа, коммерческие столовые стали заменяться государственными столовыми, буфетами и чайными, которые управлялись ведомствами и рабочими кооперативами. В БССР управление системой общественного питания осуществляло Белорусское товарищество Нарпит, созданное спустя год после центрального органа Нарпит СССР.

Его главными задачами было создание и разветвленной системы общественного питания, предприятия которой должны были обеспечивать рабочих, служащих и учащихся комплексными обедами по доступным ценам. Помимо БелНарпит, большую роль в Минске играли Центральный рабочий кооператив и Комитет содействия общественному питанию.

Кроме практических задач, система общественного питания выполняла важную идеологическую функцию: она осуществляла пропаганду нового быта, коллективных стандартов труда и отдыха в советском обществе, способствовала эмансипации и освобождению белорусских женщин от так называемого «кухонного рабства».

Товарищество БелНарпит также занималось строительством новых столовых в городе: общедоступных для горожан и закрытых для рабочих предприятий. Поскольку ситуация с общедоступными и закрытыми столовыми была неудовлетворительной, в 1928–1929 гг. был разработан проект крупного предприятия общественного питания – фабрики-кухни, которая должна была коренным образом изменить ситуацию с питанием в столице и послужить примером для других городов БССР.

Список литературы

1. Халатов А. Еще об общественном питании (строительство фабрик-кухонь) // Революция и культура. 1928. № 3–4.
2. Кондратьева Т. Кормить и править. О власти в России XVI–XX вв. М., 2006. 207 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 18. Оп. 1. Д. 96.
4. Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 256.
5. Кожаный П. М. Долой частную кухню! М., 1924. 12 с.
6. НАРБ. Ф. 7. Оп 1. Д. 734.
7. Общественное питание в БССР // Нарпит. № 3–4. 1929.
8. НАРБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 285.
9. Мы строим: пищевые комбинаты, ф-ки-кухни, столовые. На социалистической стройке // Рабочий народного питания. 1929. № 10.
10. НАРБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 419.

Referenses

1. Khalatov A. Still on public nutrition (construction of Factory-kitchen). *Revolyutsiya i kul'tura* [Revolution and culture], 1928, no. 3–4, pp. 26–27 (In Russian).
2. Kondrat'eva T. *Kormit' i pravit'. O vlasti v Rossii XVI–XX vv.* [Feed and rule. On power in Russia of the 16th–20th]. Moscow, 2006. 207 p. (In Russian).
3. National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 18. I. 1. F. 96.

4. State Archive of the Minsk Region (SAMR). Fund 3. I. 1. F. 256.
5. NARB. Fund 296. I. 1. F. 169.
6. Kozhany P. M. *Doloy chastnuyu kukhnyu!* [Dopt Private Kitchen!]. Moscow, 1924. 12 p. (In Russian).
7. NARB. Fund 734. I. 1. F. 734.
8. Catering in the BSSR. *Narpit* [Narpit], 1929, no. 3–4 (In Russian).
9. We are building: food plants, Factory-kitchens, dining rooms. At the socialist construction. *Rabochiy narodnogo pitaniya* [Worker of public food], 1929, no. 10 (In Russian).
10. NARB. Fund 296. I. 1. F. 419.

Информация об авторе

Денисов Антон Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Социальное управление». Белорусский национальный технический университет (пр-т Независимости, 65, 220013, Минск, Республика Беларусь). E-mail: dzianisau.1982@gmail.com

Information about the author

Denisov Anton Vladimirovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Social Management. Belarusian National Technical University (65 Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). Email: dzianisau.1982@gmail.com

Поступила 11.03.2025

УДК 94(476)

А. С. Горны
Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы

ЛЕВАРАДЫКАЛЬНАЯ ПЛЫНЬ БЕЛАРУСКАГА НАЦЫЯНАЛЬНАГА РУХУ: СПРОБЫ ЛЕГАЛІЗАЦЫІ Ў МІЖВАЕННАЙ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ*

Для падрыхтоўкі комплекснага даследавання па гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі актуальным з'яўляецца вызначэнне розных плыняў гэтага руху з мэтай іх асобнага даследавання. У артыкуле акцэнт робіцца на вывучэнні леварадыкальнай плыні беларускага руху і спробах яе легалізацыі ў грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. Камуністычная партыя Заходняй Беларусі з'яўлялася ключавой арганізацыяй гэтага палітычнага накірунку, аднак яна лічылася нелегальнай арганізацыяй і не магла паўнавартасна ажыццяўляць сваю працу сярод шырокіх колаў грамадства. Легалізацыя леварадыкальнага руху ў Заходняй Беларусі мела некалькі спроб, кожная з якіх была звязана з дзейнасцю пэўнай палітычнай структуры. На аснове гістарыяграфічных здабыткаў і раней невядомых крыніц у артыкуле праводзіцца аналіз дзейнасці такіх арганізацый, як Беларуская сялянска-работніцкая грамада, Таварыства беларускай школы, дэпутацкі клуб «Змаганне», Цэнтр нацыянальна-вызваленчага руху, раскрываюцца прычыны іх стварэння і асаблівасці фарміравання арганізацыйных структур. У заключэнні аўтар прыходзіць да высноў, што легальныя праекты беларускіх леварадыкалаў сталі прыкметнымі і масавымі з'явамі палітычнага жыцця Заходняй Беларусі, аднак усе яны беспадстаўна былі ліквідаваны польскімі ўладамі, якія бачылі ў іх значную канкурэнцыю для сваіх адміністрацыйных інстытутаў на так званых «крэсах усходніх».

Ключавыя словы: беларускі нацыянальны рух, Заходняя Беларусь, міжваенная Польшча, нацыянальныя працэсы, леварадыкальны рух.

Для цытавання: Горны А. С. Леварадыкальная плынь беларускага нацыянальнага руху: спробы легалізацыі ў міжваеннай Заходняй Беларусі // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. 2025. № 1 (293). С. 60–66.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-10.

A. S. Gorny
Yanka Kupala State University of Grodno

RADICAL LEFT-WING DIRECTION OF THE BELARUSIAN NATIONAL MOVEMENT: ATTEMPTS OF LEGALIZATION IN INTERWAR WESTERN BELARUS

In order to prepare a comprehensive study on the history of the Belarusian national movement in interwar Western Belarus, it is important to identify the various directions of this movement. The article is devoted to the study of the left-radical direction of the Belarusian movement, attempts to legalize it in the socio-political life of Western Belarus in the interwar period. The Communist Party of Western Belarus was the main organization of this political direction, but was considered an illegal organization, so it could not fully carry out its work among wide circles of society. There were several attempts to legalize the left-wing radical movement in Western Belarus, each of which was associated with the activities of a specific political structure. Based on historiographical documents and previously unknown sources, the article analyzes the activities of such organizations as the Belarusian Peasant-Worker Hramada, the Belarusian School Society, the deputy club "Zmahannie", the Center of the National Liberation Movement. The article reveals the reasons for their creation and the features of the formation of organizational structures. In conclusion, the author comes to the conclusion that the legal projects of the Belarusian left radicals have become a significant and mass phenomenon in the political life of Western Belarus.

Keywords: Belarusian national movement, Western Belarus, interwar Poland, national processes, left-wing radical movement.

For citation: Gorny A. S. Radical left-wing direction of the belarusian national movement: attempts of legalization in interwar Western Belarus. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 60–66 (In Belarusian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-10.

* Артыкул падрыхтаваны ў рамках гранта Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў № Г23ИП-036 «Грамадска-палітычнае развіццё Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы (1921–1939 гг.) у замежнай гістарыяграфіі».

Уводзіны. Пасля заключэння Рыжскага міру 1921 г. польскія ўлады разгарнулі на тэрыторыі Заходняй Беларусі палітыку асіміляцыі і эканамічнага ціску адносна беларускага насельніцтва. Рэакцыяй на яе стала фарміраванне масавага нацыянальнага руху з мэтай барацьбы за аб'яднанне беларускіх земляў у адзіны дзяржаўны арганізм. Адной з самых уплывовых і арганізаваных плыняў гэтага руху была леварадыкальная, якая спалучала нацыянальныя і сацыяльныя лозунгі ў сваёй дзейнасці. Сярод беларускага насельніцтва, якое значна пацярпела ад ваенных дзеянняў Першай сусветнай і польска-савецкай войнаў, вельмі папулярнымі былі левыя пастулаты аб перадачы зямлі без выкупу, рэвалюцыйных зменах, нацыянальнай эмансіпацыі на прыкладзе палітыкі беларусізацыі ў БССР. Ключавой арганізацыяй гэтай плыні з'яўлялася Камуністычная партыя Заходняй Беларусі (КПЗБ), утвораная ў 1923 г. У тагачасным польскім прававым полі гэтая арганізацыя лічылася нелегальнай, а яе актывістаў пераследавалі і падвяргалі судовым пакараннем.

Беларускі леварадыкальны рух у Заходняй Беларусі намагаўся выкарыстоўваць усе магчымыя палітычныя сродкі, у тым ліку легальныя, каб дамагчыся прасоўвання сваіх ідэй сярод насельніцтва. Легальная дзейнасць дазваляла пашыраць кола патэнцыйных прыхільнікаў, стварала для нацыянальнага руху значную грамадскую базу актывістаў і пасіўных прыхільнікаў. Легалізацыя леварадыкальнага руху ў Заходняй Беларусі мела некалькі спробаў, кожная з іх была звязана з дзейнасцю пэўнай палітычнай структуры, якая імкнулася існаваць у рамках польскага заканадаўства. Пры гэтым дадзеныя структуры існавалі паралельна з КПЗБ і шмат у чым знаходзіліся пад яе арганізацыйным уплывам. На сённяшні час дадзены аспект палітычнай гісторыі Заходняй Беларусі, з улікам новай крыніцавай і метадалагічнай базы, не стаў асобным прадметам комплекснага даследавання ў айчыннай гістарыяграфіі.

Асноўная частка. Ідэя стварэння легальнай леварадыкальнай структуры ў беларускім руху на першым этапе была звязана з фарміраваннем агульных прасавецкіх настрояў сярод заходнебеларускай інтэлігенцыі ў сярэдзіне 1920-х гг. Гэты працэс быў абумоўлены шэрагам фактараў. Па-першае, палітыка беларусізацыі і першае тэрытарыяльнае ўзбуйненне БССР у 1924 г. прымусілі многіх прадстаўнікоў беларускіх эліт у розных краінах перагледзець свае антысавецкія пазіцыі. Па-другое, савецкія ўлады ў гэтыя часы пачалі вельмі актыўна ўплываць на замежныя беларускія палітычныя групоўкі з мэтай стварэння сярод іх прасавецкіх сіл. У міжваеннай Польшчы такія захады рабіліся з дапамогай супрацоўнікаў савецкага паўнамоцнага прадстаўніцтва ў Варшаве ці высокапастаўленых функцыянераў КПЗБ, якія імкнуліся раскалоць існуючыя беларускія палітычныя структуры і стварыць у іх выразна леварадыкальныя групы [1, с. 52]. Вынікам гэтых фактараў стаў раскол у беларускім парламецкім прадстаўніцтве, калі 24 чэрвеня 1925 г. частка дэпутатаў (Б. Тарашкевіч, П. Мятла, П. Валошын і С. Рак-Міхайлоўскі) выйшлі са складу Беларускага пасольскага клуба (БПК) і заснавалі пасольскі клуб Беларускай сялянска-работніцкай грамады (БСРГ).

Пасля расколу беларускай парламенцкай фракцыі лідары КПЗБ і кіраўніцтва БССР вырашылі пачаць працэс стварэння масавай легальнай палітычнай партыі ў Заходняй Беларусі. Ядром гэтай арганізацыі павінен быў стаць пасольскі клуб БСРГ. У жніўні 1925 г. у Сопаце каля Гданьска на гэты конт адбылася палітычная нарада. Ад заходнебеларускага актыву ў ёй прынялі ўдзел Б. Тарашкевіч, Р. Астроўскі, М. Марцінчык, Я. Шнаркевіч, КПЗБ прадстаўлялі С. Мертэнс, Л. Аранштам, І. Лагіновіч, М. Арэхва, дэлегатамі КП(б)Б былі А. Славінскі, У. Ігнатоўскі і А. Ульянаў [2, с. 72]. На нарадзе абмяркоўвалася пытанне праграмы будучай партыі і накірункаў яе працы. Праект праграмы, распрацаваны С. Мертэнсам, быў прызнаны дастаткова радыкальным, бо прадугледжваў арганізацыю вузкай сялянскай нелегальнай партыі паводле прыкладу КПЗБ. Было прынята рашэнне стварыць шырокую легальную арганізацыю, якая закранула б адначасова рабочае, сялянскае і нацыянальнае пытанні. Змены ў праект праграмы было даручана ўнесці Б. Тарашкевічу.

Пачаткам фарміравання структур БСРГ можна лічыць красавік 1926 г., калі ў «Бюлетэню Соймавага Клюбу БСРГ» была надрукавана партыйная праграма, а месяцам пазней быў зацверджаны і надрукаваны асобнай брашурай арганізацыйны статут партыі. Нізавой партыйнай адзінкай з'яўляўся гурток, якім кіравала тройка актывістаў – старшыня, сакратар і скарбнік. Гурткі аб'ядноўваліся па тэрытарыяльным прынцыпе тагачаснай Польшчы і ўтваралі павятовыя партыйныя камітэты. У тых мясцовасцях, дзе структуры БСРГ яшчэ не былі афармлены, дазвалялася дзейнічаць так званым «мужам даверу», якія мелі паўнамоцтвы на арганізацыю гурткоў. Вышэйшым партыйным органам лічыўся агульны з'езд [3, с. 13–20]. Уся выканаўчая і каардынуючая праца арганізацыі вялася ў межах Цэнтральнага сакратарыята, які быў створаны ў Вільні 1 чэрвеня 1926 г.

Асаблівасцю ўзнікнення лакальных структур БСРГ з'яўляўся іх значны рост на працягу лета і восені 1926 г. Усяго, паводле падлікаў М. Бурсевіча, на час ліквідацыі БСРГ польскімі ўладамі было зарэгістравана 1930 гурткоў партыі [4, с. 555]. Згодна з рознымі падлікамі, у шэрагах БСРГ на час яе ліквідацыі польскімі ўладамі налічвалася

каля 100 тыс. сябраў. Геаграфічна структуры БСРГ ахоплівалі 27 паветаў паўночна-усходніх ваяводстваў Польшчы. Паводле падлікаў У. Палуяна, найбольшая колькасць сябраў БСРГ на снежань 1926 г. была ў Дзісненскім павеце (9980 чалавек), а найменшая – у Кобрынскім (4 чалавекі). Па колькасці партыйных гурткоў на першае месца выходзіў Гродзенскі павет [5, с. 88–89].

Масавы наплыў беларусаў у Грамаду вымусіў польскія ўлады пачаць працэс яе дэлегалізацыі. 14 і 15 студзеня 1927 г. былі арыштаваны члены пасольскага клуба БСРГ і яе лідары Б. Тарашкевіч, С. Рак-Міхайлоўскі, П. Валошын. 16 студзеня таго ж года быў затрыманы дэпутат П. Мятла. Адначасова адбываліся затрыманні і ператрусы ў павятовых камітэтах і асобных партыйных структурах па ўсёй тэрыторыі Заходняй Беларусі: па некаторых даных у гэтыя дні было затрымана каля 400 актывістаў Грамады [6, с. 328–331]. Пры гэтым паліцыя нярэдка падкідвала падчас ператрусу актывістам Грамады камуністычныя лістоўкі, каб пасля абвінаваціць іх у сувязях з камуністамі. Адным з непасрэдных арганізатараў ліквідацыі партыі быў міністр юстыцыі Польшчы, буйны землеўласнік А. Мэйштовіч, які дзеля гэтага быў вымушаны нават парушыць дэпутацкую недатыкальнасць, гарантаваную канстытуцыяй польскай дзяржавы.

Пасля ліквідацыі БСРГ легальны леварадыкальны рух сфакусіраваўся на гуртках Таварыства беларускай школы (ТБШ), дзейнасць якога фактычна на той час набыла значныя палітычныя абрысы. ТБШ стала другой спробай легалізацыі леварадыкальнага накірунку: з 1926 г. і да свайго скасавання гэтая арганізацыя знаходзілася ў вельмі цесных стасунках з дзеячамі КПЗБ і іншых левых структур беларускага руху. Карыстаючыся легальным статусам, актывісты ТБШ не толькі зрабілі значны ўклад у справу пашырэння і захавання нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў, але і прымалі ўдзел у шэрагу палітычных акцый. З 1926 г. пачалося фарміраванне павінцыйных гурткоў ТБШ. Сваёй кульмінацыі гэты працэс дасягнуў у 1927 г., калі на хвалях забароны Грамады многія мясцовыя актывісты дзеля легалізацыі фарміравалі гурткі ТБШ. Паводле падлікаў, на 1 ліпеня 1927 г. налічвалася 10 548 сябраў арганізацыі, якія працавалі ў 385 гуртках, 134 бібліятэках-чытальнях, 41 народным доме [7, с. 23]. На 1930 г. налічвалася ўжо каля 15 000 сябраў арганізацый, аб'яднаных у 500 гурткоў [8, с. 41]. Для больш паспяховай каардынацыі мясцовых структур таксама з 1926 г. пачалі фарміравацца акруговыя ўправы таварыства, першая з якіх была створана ў Глыбокім 23 мая 1926 г. На 1929 г. было арганізавана 11 акруговых упраў: Баранавіцкая, Беластоцкая, Вілейская, Глыбоцкая (на Дзісненскі павет), Гродзенская, Косаўская, Лідская, Мірская (на Стаўбцоўскі павет), Навагрудская, Слонімская і Свіслацкая (на Ваўкавыскі і Бельскі паветы). Акруговыя ўправы дапамагалі мясцовым гурткам у арганізацыі мерапрыемстваў, распаўсюджвалі літаратуру і перыядычныя выданні, знаходзіліся ў кантактах з віленскім цэнтрам.

Яшчэ адной спробай легалізацыі леварадыкальнай плыні беларускага нацыянальнага руху стала дзейнасць сялянска-работніцкага пасольскага клуба «Змаганне» ў 1928–1930 гг. Фарміраванне гэтай леварадыкальнай структуры было неразрыўна звязана з працэсамі ліквідацыі БСРГ і парламенцкімі выбарамі ў Польшчы, прызначанымі на сакавік 1928 г. Частка былога актыву БСРГ пасля пераследаванняў з боку ўладаў значна радыкалізавалася і зблізілася з КПЗБ у сваіх поглядах. З другога боку, заходнебеларускія леварадыкалы атрымлівалі ад Камінтэрна дырэктывы аб узнаўленні легальнай дзейнасці пасля разгрому БСРГ [9, с. 26]. Парламенцкія выбары сталі добрай нагодай для гэтага, бо дазвалялі праводзіць легальнымі сродкамі палітычную агітацыю. Камуністы вырашылі прымаць актыўны ўдзел у выбарах 1928 г., каб правесці ў сейм сваіх дэпутатаў, якія з парламенцкай трыбуны павінны былі крытыкаваць «фашысцкія» ўлады і праводзіць рэвалюцыйную прапаганду [10, s. 6]. У прыватнасці, польскімі камуністамі быў заснаваны выбарчы камітэт «Рабоча-сялянскае адзінства», падтрыманы ў тым ліку і актывістамі КПЗБ. Аднак асцерагаючыся таго, што дзейнасць дадзенага камітэта будзе пераследавацца з боку ўладаў, было прынята рашэнне ствараць іншыя камітэты, куды ўвайшоў бы, у тым ліку, і былы актыў БСРГ. Так, у снежні 1927 г. у Вільні быў арганізаваны сялянска-работніцкі выбарчы камітэт «Змаганне за інтарэсы работнікаў і сялян».

У выніку выбараў, якія адбыліся 4 сакавіка 1928 г., выбарчы спіс «Змагання» меў пераканаўчую перамогу ў Навагрудскай выбарчай акрузе, атрымаўшы больш за 70 000 галасоў. У польскі парламент у выніку прайшлі тры прадстаўнікі спісу «Змагання» – Аляксандр Стагановіч, Ігнат Дварчанін і Язэп Гаўрылік [10, s. 8]. Неўзабаве яны арганізавалі ў сейме парламенцкую фракцыю – беларускі пасольскі клуб «Змаганне». Адразу да гэтай фракцыі далучыўся актывіст Грамады і ТБШ з Косаўскага павета Іван Грэцкі, які быў абраны ў сейм па спісе ўкраінскай левай партыі «Сельроб-левіца». У маі 1928 г. да «Змагання» таксама далучыўся грамадскі дзеяч з Вілейкі Флягонт Валынец, які прайшоў у парламент па памяркоўным спісе былых грамадаўцаў «Выбарчага камітэта беларускіх сялян і работнікаў». У сакавіку 1929 г. замест А. Стагановіча дэпутацкі мандат атрымаў Павел Крынчык і,

такім чынам, быў сфарміраваны асноўны касцяк «Змагання» [10, s. 9, 13]. 25 мая 1930 г. пасля перавыбараў у Лідскай акрузе дэпутацкі мандат атрымаў М. Верамей, які таксама далучыўся да адзначанай фракцыі, хоць і працаваў у яе межах літаральна некалькі месяцаў [9, с. 156]. З мая 1928 г. фракцыя пачала афіцыйна называцца Беларускім сялянска-работніцкім пасольскім клубам (БСРПК). Яе старшынёй быў абраны Я. Гаўрылік, намеснікам – І. Дварчанін, сакратаром – І. Грэцкі [9, с. 33].

Канцэпцыя функцыянавання БСРПК прадугледжвала паступовае ўтварэнне на яе базе легальнай палітычнай арганізацыі, падобнай ранейшай Грамадзе. Тым не менш паўтарыць грамадаўскі вопыт у новых умовах ужо было вельмі цяжка: значная колькасць мясцовага актыву падвяргалася перасследаванню з боку ўладаў, былыя партыйныя лідары знаходзіліся ў турмах, польскія спецслужбы павялічылі ўзровень нагляду за любой праявай беларускай актыўнасці. Сам клуб, паводле ўсіх заканадаўчых нормаў, не мог фарміраваць свае лакальныя арганізацыйныя структуры, падобна партыйным, аднак меў права ствараць на правінцыі ўласныя сакратарыяты, куды маглі звяртацца людзі з просьбамі і хадайніцтвамі да дэпутатаў. Дадзеная лакуна і была выкарыстана членамі БСРПК для выхаду на правінцыйны ўзровень. У гэтым накірунку яны мелі значную дапамогу мясцовых ячэек КПЗБ, якія атрымалі магчымасць выйсці з падполля. 15 красавіка 1929 г. у Вільні быў створаны Цэнтральны сакратарыят клуба, пасля гэтага пачалася арганізацыя сакратарыятаў у розных гарадах і мястэчках Заходняй Беларусі [9, с. 38]. Неабходна заўважыць, што БСРПК імкнуўся ахапіць сваёй дзейнасцю ўсе чатыры паўночна-ўсходнія ваяводствы міжваеннай Польшчы; гэта была адна з нешматлікіх беларускіх арганізацый, што звяртала вялікую ўвагу на арганізацыю сваіх лакальных структур на Палессі, дзе беларускі рух меў дастаткова нетрывалыя пазіцыі. Пры гэтым «Змаганне» практыкавала незвычайны падбор кадраў на кіраўніцтва сакратарыятаў: іх кіраўнікамі маглі прызначаць не толькі мясцовага грамадскага дзеяча, але і чалавека з зусім іншага рэгіёна. Напрыклад, сакратарыят БСРПК у Брэсце арганізоўваў актывіст з Браслаўскага павета К. Сапонька [11, арк. 8].

Пашырэнне ўплыву клуба «Змагання» ў Заходняй Беларусі і выкліканая гэтым агульная радыкалізацыя настрояў грамадства звярталі на сябе ўвагу польскіх спецслужбаў і адміністрацыі. У першую чаргу, памятаючы ранейшы ўрок Грамады, улады наносілі значныя ўдары па лакальных і віленскіх структурах БСРПК. У студзені 1930 г. быў разгромлены Цэнтральны сакратарыят клуба ў Вільні, яго супрацоўнікі М. Астапчык, М. Тарасюк, Я. Міська, П. Пяткун і інш. былі арыштаваны і асуджаны на розныя турэмныя тэрміны [12, с. 84–85]. Паступова былі ліквідаваны сакратарыяты клуба на правінцыі, іх кіраўнікі таксама затрымліваліся паліцыяй і абвінавачваліся ў сувязях з КПЗБ. Наступным крокам уладаў павінен быў быць арышт дэпутатаў БСРПК, якія, аднак, паводле заканадаўства, мелі недатыкальнасць. Але ў гэтай справе польскім уладам, як і ў выпадку БСРГ, часткова прыйшлося парушыць уласныя законы. 19 жніўня 1930 г. у мяст. Алекшыцы Гродзенскага павета дэпутаты І. Дварчанін і Ф. Валынец хацелі арганізаваць мітынг падчас царкоўнага свята. Паліцыя пачала разганяць натоўп, прымяняючы зброю і затрымліваючы найбольш актыўных удзельнікаў, у тым ліку і дэпутатаў. Пасля праверкі дакументаў Валынец быў вызвалены, а Дварчанін, якога абвінавацілі ва ўжыванні зброі супраць паліцыі, быў арыштаваны і пераведзены 27 жніўня ў Гродзенскую турму. 30 жніўня 1930 г. па рашэнні Ю. Пілсудскага польскі парламент быў распушчаны і прызначаны новыя парламенцкія выбары, што дало юрыдычнае права затрымліваць ужо былых дэпутатаў БСРПК. Так, у гэты дзень былі арыштаваны П. Крынчык, Я. Гаўрылік і Ф. Валынец [13, с. 80]. Дэпутаты І. Грэцкі і М. Верамей некаторы час хаваліся ад польскіх спецслужбаў, а пасля нелегальна перабраліся ў СССР. Таксама ў савецкую Беларусь вымушаны былі ўцякаць і многія тэхнічныя супрацоўнікі розных структур клуба «Змаганне», у асноўным маладыя людзі, былыя навучэнцы беларускіх гімназій. У верасні 1932 г. у выніку абмену палітзняволенымі ў СССР апынуцца І. Дварчанін, П. Крынчык, Я. Гаўрылік і Ф. Валынец [14, арк. 22].

Крызіс легальных формаў дзейнасці ў беларускім леварадыкальным руху суправаджаўся таксама і агульным змяншэннем прасавецкіх сімпатый у грамадстве міжваеннай Польшчы. Звесткі пра разгортванне палітычных рэпрэсій у СССР, барацьбу з унутрыпартыйнай апазіцыяй, гвалтоўныя захады ў правядзенні калектывізацыі актыўна абмяркоўваліся ў тагачаснай інфармацыйнай прасторы Польшчы і, безумоўна, падхопліваліся мясцовай прапагандай. Як прызнаваліся самі функцыянеры КПЗБ, зніжэнне даверу да камуністычнай агітацыі было выклікана ў пачатку 1930-х гг. прыватнай карэспандэнцыяй, што дасылалі сваім сваякам у Заходнюю Беларусь тыя мігранты, якія нелегальна перасяклі польска-савецкую мяжу і пражывалі ў СССР [15, s. 181]. Таму для актыву КПЗБ стала актуальным стварыць пазітыўны вобраз савецкай дзяржавы, асабліва ў асяроддзі моладзі, у якім значнымі канкурэнтамі былі польскія адукацыйныя ўстановы і моладзевыя арганізацыі. Менавіта творчая моладзь і была выбрана ў якасці прамоўтара яшчэ аднаго легальнага праекта заходнебеларускіх

леварадыкалаў, які пачаў фарміравацца ў Вільні ў 1932–1933 гг.

У ліпені 1932 г. поле для ажыццяўлення легальнай леварадыкальнай дзейнасці ў Польшчы стала больш шырокім. У гэты месяц была заключана савецка-польская дамова аб ненападзе і на некаторы час градус геапалітычнага супрацьстаяння паміж краінамі знізіўся. Гэты момант быў выкарыстаны членамі КПЗБ для актывізацыі дзейнасці ў стварэнні новых палітычных праектаў. У снежні 1932 г. польская паліцыя знайшла ў Маладзечанскім павеце першы нумар «Бюлетэня Цэнтра нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі», на якім была пазнака аб месцы і даце выдання – «Вільня, жнівень 1932 г.». Гэты бюлетэнь стаў першым прыкладам выкарыстання назвы «Цэнтр нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі», хаця да сённяшняга часу невядома, хто першапачаткова ўваходзіў у гэтую групу леварадыкальных актывістаў і з'яўляўся аўтарам яе друкаваных матэрыялаў [16, арк. 14 адв.]. Паводле ўспамінаў Якуба Міско, віленскія актывісты КПЗБ прапанавалі яму далучыцца да працы Цэнтра ў канцы жніўня 1932 г., гэта значыць, што нейкая арганізацыйная структура ўжо існавала ў гэты час [12, с. 117].

Яшчэ ў кастрычніку 1932 г. сябрамі Цэнтра было ўзнята ідэя выдання ў Вільні легальнага друкаванага органа. Як узгадваў Я. Міско, доўгі час яны не маглі знайсці неабходнага памяшкання для рэдакцыі і дамовіцца з друкарнямі [12, с. 119]. У рэшце рэшт у чэрвені 1933 г. выдавецкі праект Цэнтра быў рэалізаваны пад назвай «Беларуская газэта». У сувязі з гэтым выданнем пачало паступова выяўляцца персанальнае аблічча Цэнтра. Удзел у гэтым праекце ў якасці тэхнічных супрацоўнікаў першапачаткова прымалі Я. Міско і В. Таўлай. Са снежня 1933 г. на іх змену ў рэдакцыю газеты прыйшлі Алена Буднік і паэт Янка Патаповіч (псеўд. Янка Чабор) [16, арк. 33]. Рэдактарам выдання стаў інжынер А. Карповіч.

Матэрыялы выдання мелі радыкальна-крытычны характар адносна польскай дзяржавы. Адзінаццаты нумар газеты за 28 лістапада 1933 г. быў канфіскаваны ўладамі з-за шэрагу артыкулаў і нататак пра выбары ў мясцовае самакіраванне. У прыватнасці, рэдакцыя ў адным з артыкулаў сцвярджала, што мае дакумент з 126 подпісамі жыхароў вёскі Рачканы Баранавіцкага павета, якія пратэставалі супраць парушэнняў падчас галасавання з боку мясцовай адміністрацыі. Наступны нумар быў выдадзены ўжо з «белымі палосамі» замест канфіскаваных матэрыялаў [16, арк. 29]. Сітуацыя з газетай значна ўскладнілася, калі ў студзені 1934 г. за спробу перасекчы польска-савецкую мяжу былі арыштаваны В. Таўлай і Я. Міско [12, с. 123]. Апошні нумар выдання выйшаў 30 студзеня 1934 г., пасля гэтага ў пачатку лютага былі арыштаваны рэдактар А. Карповіч, а таксама тэхнічныя супрацоўнікі А. Буднік, Я. Патаповіч і інш. Фактычна на гэты час большасць актыву Цэнтра нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі ўжо знаходзілася за кратамі польскіх турмаў.

Судовы працэс па справе Цэнтра, які распачаўся ў Віленскім акруговым судзе 23 сакавіка 1936 г., атрымаў публіцыстычную назву «працэсу 16-ці» па колькасці абвінавачаных, а ў леварадыкальных колах – «працэсу малой Грамады». Неабходна заўважыць, што гэта быў апошні маштабны працэс над беларускімі актывістамі ў міжваеннай Польшчы. У выніку дзейнасці польскіх следчых на лаве падсудных аказалася 16 дзеячаў, сярод іх палова (Я. Міско, А. Карповіч, В. Таўлай, Я. Патаповіч, А. Рэдзька, П. Пестрак, А. Буднік, П. Радзюк) з'яўляліся найбольш актыўнымі прадстаўнікамі Цэнтра і маладой плеяды заходнебеларускіх літаратараў. Па дадзенай справе ў цэлым праходзіла каля 70 сведкаў [16, арк. 85–87 адв.]. У выніку суд прыгаварыў абвінавачаных па справе Цэнтра нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі да розных турэмных тэрмінаў.

Заключэнне. Лідары КПЗБ спрабавалі пашырыць уплывы сваёй партыі сярод розных пластоў тагачаснага беларускага грамадства, што прывяло іх да неабходнасці легалізаваць леварадыкальную плынь у польскім палітычным жыцці. Першай значнай спробай легалізацыі леварадыкальных структур стала дзейнасць БСРГ у 1925–1927 гг., у рамках якой працавала каля ста тысяч членаў. Ліквідацыя структур БСРГ польскімі ўладамі не спыніла працэсаў пошуку легалізацыі леварадыкальнага руху, што вылілася ў палітызацыю гурткоў ТБШ і пашырэнне праз іх левых палітычных лозунгаў. Трэцяй спробай беларускіх леварадыкалаў стварыць сваю легальную даччыную структуру стала дзейнасць БСРПК «Змаганне» ў польскім парламенце і ў заходнебеларускай правінцыі. У адрозненне ад БСРГ, дзеячы гэтага парламенцкага клуба надавалі большую ўвагу вырашэнню сацыяльных праблем беларускага насельніцтва, а іх палітычныя лозунгі былі дастаткова радыкальнымі і фактычна капіравалі палітычную праграму КПЗБ. У той жа час шэраг лідараў «Змагання» (І. Дварчанін, Я. Гаўрылік, Я. Грэцкі і інш.) актыўна ўдзельнічалі ў беларускім культурна-асветніцкім жыцці, падтрымлівалі структуры ТБШ і іншыя нацыянальныя праекты. Чацвёртай спробай легалізацыі леварадыкальнага руху стала дзейнасць Цэнтра нацыянальна-вызваленчага руху ў 1932–1934 гг., вынікам якой было фактычна толькі выданне некалькіх легальных газет і часопісаў. Празмерна радыкальныя і прасавецкія погляды прадстаўнікоў Цэнтра прывялі да яго хуткага

разгрому з боку польскіх уладаў, вынікам якога стаў судовы «працэс 16-ці» – апошні значны судовы працэс над беларускімі актывістамі ў Польшчы. З 1935 г. заходнебеларускія левараздыкалы ў адпаведнасці з рашэннем сваіх кіраўнічых структур змяняюць адносіны да іншых беларускіх нацыянальных арганізацый і імкнуцца ажыццявіць з імі супольныя палітычныя праекты.

Спіс літаратуры

1. Пашкевіч А. В. Парламенцкія формы змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў міжваеннай Польшчы (1921–1930 гг.): дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.02. Мінск, 2006. 162 арк.
2. Орехво Н. С. Дела и люди КПЗБ: воспоминания. Минск: Беларусь, 1983. 287 с.
3. Праграма і арганізацыйны статут Беларускай сялянска-работніцкай грамады. Вільня: Н. Левін, 1926. 20 с.
4. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: документы и материалы: в 2 т. Минск: Госиздат БССР, 1962. Т. 1. 620 с.
5. Палуян У. Беларуская сялянска-рабочая грамада. Мінск: Навука і тэхніка, 1967. 222 с.
6. Кароткі нарыс беларускага пытаньня. Мінск: Логвінаў, 2009. 396 с.
7. Мятла П. Аб Таварыстве беларускай школы і яго барацьбе. Мінск, 1932. 33 с.
8. Вабішчэвіч А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст: БрДУ, 2008. 319 с.
9. Даніловіч В. В. Дзейнасць арганізацыі «Змаганне» ў Заходняй Беларусі (1927–1930 гг.). Мінск: Беларуская навука, 2007. 155 с.
10. B.W.R.K.P. jako agentura Kominternu. Warszawa: Wydział narodowościowy MSW, 1930. 109 s.
11. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). Ф. 93. Воп. 1. Спр. 1152.
12. Міско Я. Маё маўклівае сэрца: з літ. спадчыны. Мінск: Юнацтва, 1983. 493 с.
13. Годы испытаний и мужества / сост.: Н. С. Орехво, Н. С. Сташкевич. Минск: Беларусь, 1973. 416 с.
14. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). Ф. 540. Воп. 2. Спр. 2.
15. Cichoracki Piotr. Komuniści na Polesiu w latach 1921–1939. Łomianki: LTW, 2016. 271 s.
16. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). F. 131. Ap. 2. B. 3122.

References

1. Pashkievich A. V. *Parlamentskiya formy zmagannya za natsyyanal'nyya i satsyyal'nyya pravy belaruskaga naroda u mizhvayennay Pol'shchy (1921–1930 gg.). Dys. kand. gist. navuk* [Parliamentary forms of struggle for national and social rights of the Belarusian people in interwar Poland (1921–1930). Diss. PhD (History)]. Minsk, 2006. 162 Sheet (In Belarusian).
2. Orekhvo N. S. *Dela i lyudi KPZB: vospominaniya* [The affairs and people of the KPZB: memories]. Minsk, Belarus' Publ., 1983. 287 p. (In Russian).
3. *Pragrama i arganizatsyyny statut Belaruskay syalyanska-rabotnitskay gramady* [Program and organizational charter of the Belarusian Peasant-Worker Hramada]. Vil'nya, N. Levin Publ., 1926. 20 p. (In Belarusian).
4. *Bor'ba trudyashchikhsya Zapadnoy Belorussii za sotsial'noye i natsional'noye osvobozhdeniye i vossoyedineniye s BSSR: dokumenty i materialy* [The struggle of workers of Western Belarus for social and national liberation and reunification with the BSSR: documents and materials.]. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1962, vol. 1. 620 p. (In Russian).
5. Paluyan U. *Belaruskaya syalyanska-rabochaya gramada* [Belarusian peasant-worker hramada]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1967. 222 p. (In Belarusian).
6. *Karotki narys belaruskaga pytannya* [A short essay on the Belarusian question]. Minsk, Logvinau Publ., 2009. 396 p. (In Belarusian).
7. Myatla P. *Ab Tavarystve belaruskay shkoly i yago barats'be* [About the Belarusian School Society and its struggle]. Minsk, 1932. 33 p. (In Belarusian).
8. Vabishchevich A. M. *Natsyyanal'na-kul'turnaye zhytstsyo Zakhodnyay Belarusi (1921–1939 gg.)* [National and cultural life of Western Belarus (1921–1939)]. Brest, BrDU Publ., 2008. 319 p. (In Belarusian).
9. Danilovich V. V. *Dzeynasts' arganizatsyi "Zmaganne" u Zakhodnyay Belarusi (1927–1930 gg.)* [Activities of the "Zmahannie" organization in Western Belarus (1927–1930)]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2007. 155 p. (In Belarusian).
10. *B.W.R.K.P. jako agentura Kominternu* [B.W.R.K.P. as an agent of the Comintern]. Warsaw, Wydział narodowościowy MSW Publ., 1930. 109 p. (In Polish).
11. State Archives of Brest Region (SABR). Fund 93. I. 1. F. 1152.

12. Misko Ya. *Mayo mauklivaye sertsa: z litaraturnay spadchyny* [My Silent Heart: From the Literary Heritage]. Minsk, Yunatstva Publ., 1983. 493 p. (In Belarusian).
13. *Gody ispytaniy i muzhestva* [Years of trials and courage]. Comp.: N. S. Orekhvo, N. S. Stashkevich. Minsk, Belarus' Publ., 1973. 416 p. (In Russian).
14. State Archives of Grodno Region (SAGR). Fund 540. I. 2. F. 2.
15. Cichoracki P. *Komuniści na Polesiu w latach 1921–1939* [Communists in Polesie in the years 1921–1939]. Lomianki LTW Publ., 2016. 271 p. (In Polish).
16. Central State Archives of Lithuania (CSAL). Fund 131. Ap. 2. B. 3122.

Інфармацыя пра аўтара

Горны Аляксандр Сяргеевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін, кіраўнік Цэнтра даследавання дыяспар і замежнага беларусазнаўства. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы (вул. Ажэшкі, 22, 230023, г. Гродна, Рэспубліка Беларусь). E-mail: litvin.gorny@gmail.com

Information about the author

Gorny Aliaksandr Siargeevich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus, Archeology and Special Historical Disciplines, Head of the Center for Diaspora Studies and Foreign Belarusian Studies. Yanka Kupala State University of Grodno (22 Azheshki str., 230023, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: litvin.gorny@gmail.com

Паступіў 27.03.2025

УДК 94(476)«1943–1945»

Т. В. Опиок
Белорусско-Российский университет

ФИНАНСОВАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНИЯ ВИТЕБСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ БССР ФРОНТУ (ОСЕНЬ 1943–1945 ГГ.)

В статье проанализирована деятельность органов власти, общественных организаций и населения Могилевской и Витебской областей БССР по оказанию помощи фронту осенью 1943–1945 г. Отмечается, что она имела свои особенности и на первом этапе была сопряжена со значительными проблемами и трудностями, связанными, прежде всего с тем, что до полного освобождения территории БССР в ходе операции «Багратион» летом 1944 г. многие районы этих областей являлись прифронтовыми. Автором обобщен опыт деятельности партийных и советских органов, общественных организаций и патриотическое движение населения по оказанию помощи фронту, показано содержание, основные направления, формы и методы этой работы. С опорой на фактический материал проанализирована финансовая и материальная помощь населения фронту (сбор средств в фонд обороны, фонд Красной Армии, на боевую технику, подписка на военные займы, помощь госпиталям). Показана значительная непосредственная помощь населения частям Красной Армии и управлений военно-восстановительных работ в воссоздании дорог, мостов и других важных для наступающей армии и возрождения народного хозяйства объектов. Отмечается, что в патриотическое движение помощи фронту были вовлечены практически все социальные группы, в том числе православное духовенство и верующие. Выявлены основные проблемы и трудности, возникавшие в деятельности государственных структур, общественных организаций и населения по оказанию помощи фронту в регионе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, помощь фронту, фонд обороны, фонд Красной Армии, военные займы, средства на строительство танковых колонн, помощь госпиталям.

Для цитирования: Опиок Т. В. Финансовая и материальная помощь населения Витебской и Могилевской областей БССР фронту (осень 1943–1945 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 67–72.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-11.

T. V. Opiok
Belarusian-Russian University

FINANCIAL AND MATERIAL ASSISTANCE FROM THE POPULATION VITEBSK AND MOGILEV REGIONS OF THE BSSR TO THE FRONT (AUTUMN 1943–1945)

The article analyzes the activities of the authorities, public organizations and the population of the Mogilev and Vitebsk regions of the BSSR in providing assistance to the front in the autumn of 1943–1945. It is noted that it had its own peculiarities and at its first stage encountered significant problems and difficulties, primarily due to the fact that before the complete liberation of the territory of the BSSR during Operation Bagration in the summer of 1944, many districts of these regions were frontline areas. The author summarizes the results of the activities of the Communist Party and Soviet bodies, public organizations and the patriotic movement of the population in providing assistance to the front, and shows the content, main directions, forms and methods of this work. Based on factual material, the financial and material assistance of the population to the front was analyzed (raising money for the Defense Fund, the Red Army Fund, and for military equipment, subscriptions to war loans, and hospital care). The significant direct assistance of the population to the units of the Red Army and the departments of military and reconstruction works in the restoration of roads, bridges and other important facilities for the advancing army and the restoration of the national economy is shown. It is noted that almost all social groups, including the Orthodox clergy and parishioners, were involved in the patriotic movement of helping the front. The main problems and difficulties in the activities of government agencies, public organizations and the population in providing assistance to the front in the region have been identified.

Keywords: The Great Patriotic War, assistance to the front, the defense Fund, the Red Army Fund, war loans, funds for the construction of tank columns, assistance to hospitals.

For citation: Opiok T. V. Financial and material assistance from the population Vitebsk and Mogilev regions of the BSSR to the front (autumn 1943–1945). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 67–72 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-11.

Введение. Понимание весомости и значимости утверждения о том, что Победа советского народа в Великой Отечественной войне была достигнута не только благодаря ратному подвигу воинов Красной Армии, но и поистине всенародной помощи населения страны воюющей армии-освободительнице, невозможно без изучения и анализа содержания конкретных направлений работы местных органов власти, общественных организаций, мероприятий и инициатив граждан разных регионов большой страны. Масштаб, возможности, формы и результативность помощи населения БССР фронту имели существенные отличия на разных этапах Великой Отечественной войны (в период оккупации, после освобождения части территории осенью 1943 г. – весной 1944 г. или в условиях продолжающейся войны, но после полного освобождения республики).

Отметим, что планомерный и систематический характер помощь фронту и как государственная политика, и как широкое патриотическое движение населения приобретает практически сразу после освобождения части территории Могилевской и Витебской областей осенью 1943 г. – весной 1944 г. При этом следует учитывать, что оказывалась она людьми, перенесшими неимоверные тяготы и лишения оккупационного режима, а во многих районах до полного освобождения летом 1944 г. – в экстремальных прифронтовых условиях. Но и в относительно отдаленных от фронта районах, и даже после освобождения всей территории Беларуси, возвращение к мирной жизни происходило в условиях огромных разрушений, людских и материальных потерь и крайней ограниченности сил и средств, что создавало значительные трудности в деле оказания помощи фронту.

Основная часть. Организацией всей работы по оказанию помощи фронту, контролем за выполнением планов и сроков помощи, анализом возникших проблем и их решением занимались местные советские и партийные органы. В сферу их деятельности входило также максимально широкое вовлечение в эту работу профсоюзных и комсомольских организаций, Осоавиахима, поддержка и распространение патриотических инициатив и починов граждан. Немаловажное значение имело взаимодействие и координация помощи с командованием фронтов, армий, отдельных воинских частей, управлениями военно-восстановительных работ.

В первые месяцы после освобождения во всех освобожденных районах особое внимание уделялось организации работы по выполнению планов поставок в фонд Красной Армии. На заседании Могилевского облисполкома и обкома партии уже 14 ноября 1943 г. были установлены нормы, основания для освобождения и льготы для отдельных категорий населения по всем видам поставок сельхозпродукции на 1943 г. Предусматривалось, что «сдача государству зерна урожая 1943 г. колхозами в районах, освобожденных от немецкой оккупации, производится в хлебный фонд Красной Армии, имеющий силу налога, исчисляемый с каждого гектара убранной площади зерновых культур в размере 50 кг, картофеля – 7 центнеров, овощей – 10 центнеров, сена с гектара пашни – 3 кг, с гектара суходольных лугов – 18 кг и с гектара заливных лугов – 29 кг» [1, л. 60]. В 1943 г. освобождались от поставок полностью или частично «колхозные дворы, единоличные хозяйства, хозяйства рабочих, служащих и кустарей, пострадавших от немецкой оккупации». Важно отметить, что в отдельную категорию полностью освобожденных от поставок были включены хозяйства красноармейцев и партизан, если «в семьях их остались дети до 7-летнего возраста при одном трудоспособном члене семьи, занятом в хозяйстве». Освобождались и «хозяйства нетрудоспособных родителей воинов Красной Армии и партизан при отсутствии трудоспособных членов семьи, занятых в хозяйстве». Предоставлялись «льготы в размере 50% от норм сдачи сельскохозяйственных продуктов хозяйствам воинов Красной Армии и партизан, в семьях которых при одном трудоспособном, занятом в хозяйстве, имеется двое и более нетрудоспособных членов семьи» [1, л. 61].

Результаты выполнения поставок в фонд Красной Армии обсуждались на совещании секретарей райкомов и председателей райисполкомов 14 полностью или частично освобожденных районов Могилевской области 20 декабря 1943 г. В выступлении уполномоченного наркомата заготовок отмечалось, что «план заготовок сельхозпродуктов по фонду Красной Армии, по области выполнен: зерновые – 100%, картофель – 108%, мясо – 117%, сено – 290%, овощи – 36%, молоко – 10%... Кричевский и Хотимский районы не выполнили зерно и картофель». Ставилась задача до 1 января 1944 г. обеспечить выполнение плана по всем видам каждым хозяйством. Вместе с тем подчеркивалось, что «имело место обложение хозяйств тех, которые подлежат освобождению (семьи красноармейцев и партизан). Отдельные исполкомы райсоветов и райкомы партии не серьезно отнеслись к учету хозяйств, пострадавших от немецких оккупантов и до настоящего времени в Кричевском районе не выполнено решение на освобождение этих хозяйств» [1, л. 14]. Отметим, что в некоторых освобожденных районах по объективным причинам (частично освобожденная территория, переселение из прифронтовой полосы, значительное сокращение населения, уничтожение

промышленных предприятий, разграбление колхозов и индивидуальных хозяйств во время оккупации) выполнить планы поставок в фонд Красной Армии было практически невозможно. Так, 23 января 1944 г. в Витебский обком КП(б)Б с просьбой освободить от поставок в фонд Красной Армии до полного освобождения района обратились председатель райисполкома и секретарь райкома партии Полоцкого района. В докладной записке отмечалось, что освобождавшим район частям Красной Армии уже передано 39 974 кг зерна. Населением также было сдано 5 т зерна для вышедших из тыла врага партизанских формирований. Заготовка продуктов была проведена и для 3200 эвакуированных из занятой противником территории района (300 пудов зерна и 180 пудов картофеля). А на освобожденной от противника территории одного из сельсоветов (Васильевского) проводить заготовки было невозможно «так как там не сохранилось ни одного населенного пункта, а оставшиеся жители, 400 чел., проживают в колхозах Арлейского с/с» [2, с. 41–42].

Иногда к объективным обстоятельствам добавлялись субъективные – плохо поставленная организационная работа соответствующих отделов местных органов власти, несогласованность в действиях уполномоченных наркомата заготовок и заготовителей воинских частей. Так было, например, в декабре 1943 г. в Лиозненском районе, где не было «учетности и списков хозяйств воинов Красной Армии и партизан, а также по преклонности лет и пострадавших наиболее от немецких захватчиков… не произведен тщательный учет объектов обложения среди населения р-на. Помещения для приема зерна не подготовлены. Бланков по доведению заданий в районе не было» [2, с. 30]. Произведенная заготовителями Красной Армии фактическая заготовка зерна, овощей, картофеля и сена не соответствовала документам: «По району Красной Армией заготовлено гораздо больше, чем имеется собранных документов» [2, с. 30]. Приходилось реагировать и на имевшие место случаи «самоуправства» воинских частей. Так, в частично освобожденном в декабре 1943 г. Городокском районе в фонд Красной Армии к началу марта 1944 г. было сдано 355 центнеров зерна, 7915 центнеров картофеля, сена – 1528 центнеров, соломы – 498 центнеров. А «самоуправно, без документов, взято воинскими частями: 1. Зерна 1880 ц. 2. Картофеля 8491 ц. 3. Сена 5297 ц. 4. Соломы 3185 ц… РК КП(б)Б считает, что забранный хлеб и картофель воинскими частями, а также фураж, должны быть зачислены в сдачу в фонд Красной Армии» [2, с. 65–66].

В течение всего исследуемого периода значительная массово-политическая, разъяснительная и организационная работа проводилась местными партийными и советскими органами, комсомольскими организациями Могилевской и Витебской областей по сбору средств в фонд обороны, на строительство танковых колонн и самолетов. К середине марта 1944 г. в Витебской области в фонд обороны, на строительство танков и самолетов было собрано 1167 тыс. руб. [2, с. 68]. В Городокском районе была «развернута большая работа по сбору средств на танковую колонну «Советская Белоруссия» [2, с. 64]. В Суражском районе к середине апреля 1944 г. на строительство танковой колонны «Витебский колхозник» было собрано 8515 руб. В письме секретаря Суражского РК КП(б)Б Ковалевского Т. Р. в Витебский обком партии сообщалось: «Сбор средств продолжается. Колхозник к-за “Чырвоны металист” Кравцовского с/с, отец двух сыновей-фронтовиков, Данилов Иван Федорович выступил на общем собрании с призывом о помощи Красной Армии на постройку танковой колонны и первым внес 600 руб. На его призыв вносят в фонд Красной Армии: старый колхозник Горшков Николай Иванович внес 500 р., Корзун Анна Ивановна, жена фронтовика, вносит 250 р. деньгами и 500 руб. облигациями. Трудящиеся района с большим желанием вносят [деньги] в фонд Красной Армии» [2, с. 68–69].

В патриотическом движении помощи фронту принимали участие все слои населения (разных возрастных групп, социального происхождения и положения, разного уровня обеспеченности и достатка). Отметим и активное участие в деле оказания помощи Красной Армии духовенства и верующих Русской православной церкви освобожденной осенью 1943 г. – летом 1944 г. территории БССР. Всего ими было собрано и передано в фонд обороны и в фонд помощи семьям и сиротам бойцов Красной Армии около 2,3 млн руб. Порой это были значительные суммы, например, «10 000 руб. в фонд Красной Армии и 12 000 руб. в фонд помощи семьям и сиротам бойцов Красной Армии внес священник Покровской церкви г. Толочин Витебской области Абрамов [3, с. 59–60].

Весомым вкладом в Победу в годы Великой Отечественной войны было участие населения в подписке на выпускавшиеся ежегодно государственные военные займы, средства из которых использовались и на помощь фронту, и на восстановительные работы на освобожденной территории. Осенью 1943–1945 гг. на освобожденной территории Могилевской и Витебской областей проводилась подписка на 3-й и 4-й государственные военные займы. Особое внимание при проведении подписки местные советские и партийные органы власти, руководители предприятий и учреждений, общественные организации уделяли срокам и привлечению к подписке всех категорий граждан. Уже на втором

после освобождения города заседании Могилевского горкома КП(б)Б 7 августа 1944 г. анализировались результаты работы по подписке на 3-й Государственный военный заем. К этому времени подписались на заем 824 рабочих и служащих г. Могилева на сумму 275 875 руб., что оценивалось как «недопустимо медленный охват». В постановлении также обращалось внимание на следующее: «Не развернута совершенно работа по охвату рабочих и служащих ж. д. узла, домохозяек, кустарей, жен командного состава, не производится продажа облигаций за наличный расчет. Промартели не приобрели облигаций процентного займа. Комсоды и руководители учреждений и предприятий не развернули политической массовой работы вокруг возобновления подписки на заем. Первичные парторганизации не возглавили этой работы» [4, л. 14]. Перед первичными парторганизациями и руководителями предприятий и учреждений ставилась задача «не позже 15 августа охватить подпиской на заем всех рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций» [4, л. 15]. Отметим, что повсеместно подписка сопровождалась массово-политическими мероприятиями, специальной наглядной агитацией, широко пропагандировалась в газетах и по радио. Как результат массово-политической работы и активного участия населения оценивалась Витебским обкомом партии в конце сентября 1944 г. дополнительная подписка на заем в сумме 15 758 000 руб. [2, с. 184]. А в отчете Витебского обкома партии в ЦК КП(б)Б в мае 1945 г. было отмечено: «Имеется немало примеров и результатов хорошо организованной работы в массах. Одним из наиболее ярких примеров является успешное размещение в области облигаций 4-го Государственного военного займа на сумму 35 491 тысяча рублей, или 112,7% к намеченному плану» [2, с. 353].

Постоянную помощь оказывали власти и население находящимся в госпиталях раненым бойцам Красной Армии и партизанам. Повсеместно собирали и передавали госпиталям различное оборудование и инвентарь, одежду и обувь, книги и письменные принадлежности. Предприятия и колхозы брали шефство над размещенными на освобожденной территории госпиталями. Большое значение в условиях продолжающейся войны имела помощь продуктами питания. Так, пережившие оккупацию жители освобожденного к 1 октября 1943 г. Краснопольского района Могилевской области к 20 декабря 1943 г. уже собрали для госпиталей 2582 кг масла и мяса, 2810 л молока, 1070 кур и 4850 яиц [5, л. 26]. На территории Витебской области к началу 1945 г. были размещены 12 госпиталей Наркомата здравоохранения: 6 – в Витебске (№ 1081, 2557, 5381, 5762, 4115, 5865); 4 – в Орше (№ 4660, 3550, 3594, 2495) и по одному – в Старом Селе (№ 2813) и Городке (№ 3676). Они, как следовало из письма заместителя командующего войсками Белорусского военного округа по местной обороне в Витебский обком КП(б)Б от 9 декабря 1944 г., «остро нуждаются в неотложной помощи, а именно: по заготовке и вывозке дров, ремонту, остеклению и отеплению помещений, в осветительных средствах и, по некоторым госпиталям, в недостающем количестве коек» [2, с. 221]. В письме подчеркивалось: «Оказание должной помощи как со стороны местных партийных и советских органов, так и местного гарнизона даст возможность в должной мере обеспечить госпитали Наркомздрава самым необходимым для нормального и бесперебойного обслуживания раненых и больных бойцов и офицеров Красной Армии» [2, с. 221]. Для оказания помощи во всех районах и городах Витебской области были созданы комитеты помощи госпиталям, действовал и областной комитет. Было организовано шефство промышленных предприятий и колхозов области над конкретными госпиталями, которым поставлялись продукты питания и топливо, оказывалась необходимая помощь в ремонте. Для раненых бойцов собирались подарки, проводились культурно-массовые мероприятия. Вместе с тем, в условиях крайней ограниченности в ресурсах не все потребности госпиталей возможно было удовлетворить в полном объеме. В письме секретаря Витебского обкома КП(б)Б Познякова И. Б. заместителю командующего войсками Белорусского военного округа генерал-майору Панову об оказании помощи госпиталям, расположенным на территории Витебской области, от 31 декабря 1944 г., сообщается, что «…перечисленная помощь еще далеко недостаточно обеспечивает нужд госпиталей, а тем более [невозможно] обеспечить присланную Вами заявку на недостающее оборудование, как движки, стекла, лампы, горючее, – такими материалами мы не располагаем. Это можно выполнить только при Вашей помощи по линии БВО» [2, с. 239].

Население Могилевской и Витебской областей оказало существенную помощь частям Красной Армии и управлений военно-восстановительных работ в восстановлении разрушенных дорог, мостов, железнодорожных путей. 16 октября 1943 г. Могилевский обком партии и облисполком, учитывая «исключительное значение срочности восстановления железнодорожной линии Кричев – Могилев», приняли решение об оказании помощи частям Управления военно-восстановительных работ-4 в ремонте железнодорожного моста через реку Сож и мобилизации «по Кричевскому, Мстиславскому и Климовичскому районам для проводимых восстановительных работ на железной дороге УВВР-4, 450 подвод,

2350 человек местного населения, мужчин в возрасте 15-55 и женщин – 16-45 лет» [1, л. 10]. К 10 декабря 1943 г. в Могилевской области силами дорожных рабочих, местного населения и воинских частей были восстановлены все мосты и пути на железнодорожных участках, что позволило «отправлять поезда до самых передовых линий фронта…». Только в Краснопольском районе (освобожден к 1 октября 1943 г.) на восстановление дорог и мостов было затрачено 75 600 человеко-дней и 98 000 коне-дней [5, л. 12]. Помощь населения была востребована и на других важных объектах. Примером может служить решение о привлечении к помощи по очистке Бобруйского аэродрома для обеспечения зимней и весенней эксплуатации 1944– 1945 гг. населения ближайших к аэродрому сельсоветов и Березинского форштадта. В «порядке трудовой повинности» необходимо было направить «сроком с 20 декабря 1944 года по 25 апреля 1945 года… рабочую силу в количестве 1000 человек и подвод – 200» [6, л. 131].

Привлекалось население прифронтовых городов и деревень и к непосредственной помощи воинским частям, партизанам и отрядам НКВД в борьбе с оставшимися в тылу неприятельскими группами и диверсантами. Такого рода помощь была востребована и в ходе осуществления операции «Багратион» и некоторое время после ее завершения. Осуществляли ее созданные на освобожденной территории истребительные батальоны. Всю работу по их созданию и деятельности проводили военные отделы обкомов и райкомов партии и районные отделы НКВД. Батальоны без отрыва от производства, численностью 100–200 человек «из числа партийных, советских и комсомольских работников, а также проверенных рабочих, служащих и колхозников, способных владеть оружием и выполнять боевые задания» в освобожденных районах Витебской области, например, были созданы в соответствии с постановлением бюро обкома КП(б)Б от 22 июля 1944 г. [2, с. 144]. По информации начальника УНКВД Витебской области подполковника госбезопасности П. Е. Крысанова, в результате оперативно-войсковых мероприятий к 25 июля 1944 г. силами полка НКВД, партизан, истребительных батальонов и групп содействия были уничтожены или взяты в плен 8202 немецких солдата и офицера. К обезвреживанию скрывающихся в лесах 370 немецких солдат и офицеров во время этих мероприятий в двух сельских советах Лепельского района привлекались организованные участковым уполномоченным группы содействия из местных жителей [2, с. 147, 152]. В отчете Витебского обкома в ЦК КП(б)Б от 25 сентября 1944 г. отмечалось: «Примером жгучей ненависти к врагу и высокого патриотизма к Родине является активное участие трудящихся в вылавливании разбежавшихся в результате успешного наступления Красной Армии по лесным массивам немецких солдат и офицеров.… Члены групп содействия Чашникского истребительного батальона Горбодей И. Г. (54 г.) и Горбодей П. Я. (53 лет) задержали и доставили в РО НКВД 23 немецких солдата и офицера и уничтожили 10 солдат противника» [2, с. 184]. Всего к 25 сентября 1944 г. в области «Органами НКВД при непосредственном участии групп содействия истребительных батальонов задержано и уничтожено при оказании сопротивления около 9000 немецких солдат и офицеров» [2, с. 184].

Заключение. Проанализированный документальный материал свидетельствует о том, что оказание помощи фронту на освобожденной территории Беларуси, в том числе в Могилевской и Витебской областях, осуществлялось местными партийными и советскими органами власти, общественными организациями как одно из важных направлений государственной политики, призванное содействовать победоносному завершению Великой Отечественной войны. Отмечая роль государственных структур региона в организации оказания помощи фронту, следует особое внимание обратить на то, что помощь фронту приобрела масштабы широкого патриотического движения. Несмотря на огромные людские, материальные и финансовые потери, а также трудности и лишения первого этапа восстановительных работ, население Могилевской и Витебской областей, освобожденное от оккупационного режима, участвовало в сборе средств в фонд обороны, средств на строительство боевой техники, подписке на военные займы, проявляло заботу о находящихся в госпиталях больных и раненых. Приближая Победу, местное население оказывало помощь частям управлений военно-восстановительных работ в воссоздании стратегически важных для наступающей Красной Армии объектов, участвовало в военно-оперативных мероприятиях в составе истребительных батальонов и групп содействия по обезвреживанию оставшихся в тылу немецких солдат и офицеров.

Список литературы

1. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 1.

2. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 – декабрь 1945 г.: документы и материалы / сост.: Н. В. Воронов [и др.]. Витебск: Витебск. обл. тип., 2019. 584 с.

3. Василицын А. Г. Материальная помощь фронту от Русской православной церкви в БССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы науки и образования. № 1 (13). 2018. URL: http://scientificpublication.ru (дата обращения: 03.03.2025).
4. ГАООМО. Ф. 42. Оп. 1 Д. 1.
5. ГАООМО. Ф.9. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАООМО. Ф 4317. Оп. 1. Д. 3.

References

1. The State Archive of Public Associations of the Mogilev Region (SAPAMR). Fund 9. I. 1. F. 1.
2. Voronova N. V., Kokhanko V. P., Petukhov Yu. S., Pishchulenok M. V., Selemenev V. D., Skalaban V. V., Shirma V. G. *Vitebshchina osvobozhdennaya: oktyabr' 1943 – dekabr' 1945* [Vitebsk region liberated: October 1943 – December 1945]. Vitebsk, Vitebsk. obl. tip. Publ., 2019. 584 p. (In Russian).
3. Vasilitsyn A. G. Material assistance to the front from the Russian Orthodox Church in the BSSR during the Great Patriotic War. *Voprosy nauki i obrazovaniya* [Issues of science and education], 2018, no. 1 (13). Available at: http://scientificpublication.ru (accessed 03.03.2025) (In Russian).
4. SAPAMR. Fund 42. I. 1. F. 1.
5. SAPAMR. Fund 9. I. 1. F. 2.
6. SAPAMR. Fund 4317. I. 1. F. 3.

Информация об авторе

Опиок Тамара Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины». Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Белорусско-Российский университет» (пр-т Мира, 43, 212000, г. Могилев, Республика Беларусь). E-mail: tamara.opiok@yandex.by

Information about the author

Opiok Tamara Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of humanitarian subjects. Interstate Educational Institution of Higher Education “Belarusian-Russian University” (43 Mira Ave, 212000, Mogilev, Republic of Belarus). E-mail: tamara.opiok@yandex.by

Поступила 15.03.2025

УДК 658.7:005.932(476)«1944/1991»

В. А. Острога
Белорусский государственный университет

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЛОГИСТИКИ В БССР В 1944–1991 ГГ.

В статье анализируются развитие основных направлений логистики в Белорусской ССР в 1944–1991 гг. Отмечается, что исследования по этой тематике немногочисленны и поэтому работа имеет актуальный характер. Подчеркивается, что для восстановления подорванной войной экономики БССР были необходимы большие организационные усилия, потому были важны именно логистические методы для реализации глобальных экономических планов. Но логистические подходы игнорировались в реальной экономике, вместо этого использовалось понятие «рохрематика» как наука об изучении процессов движения материалов от первичного источника к конечному потребителю с помощью экономико-математического моделирования. В итоге логистика ушла из сферы практического применения в академическую сферу. Дается характеристика развития и республиканских особенностей транспорта перевозки в рассматриваемый период – железнодорожного, автомобильного, воздушного и водного. Делается вывод, что несмотря на очевидные успехи в области развития и рационального использования транспорта, в БССР долгое время преобладала точка зрения, что логистика является математическим теоретизированием и служит исключительно интересам наживы капиталистических фирм и поэтому не имеет особого значения для социалистической экономики. Логистические подходы нашли свое применение только в ходе новых социально-экономических трансформаций конца 1980-х гг.

Ключевые слова: Белорусская ССР, логистика, рохрематика, рациональная организация грузоперевозок, железнодорожный транспорт, автомобильный транспорт, воздушный транспорт, водный транспорт, экономика.

Для цитирования: Острога В. А. Основные направления развития логистики в БССР в 1944–1991 гг. // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. 2025. № 1 (293). С. 73–77.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-12.

V. A. Astroha
Belarusian state university

THE MAIN DIRECTIONS OF LOGISTICS DEVELOPMENT IN THE BSSR in 1944–1991

The article analyzes the development of the main directions of logistics in the Byelorussian SSR in the 1944–1991. It is noted that there are few studies on this topic and therefore the work is relevant. It is emphasized that great organizational efforts were needed to restore the economy of the BSSR, which was undermined by the war, and therefore logistical methods were important for the implementation of global economic plans. But logistical approaches were ignored in the real economy, instead the concept of "rochemistry" was used as the science of studying the processes of movement of materials from the primary source to the final consumer using economic and mathematical modeling. As a result, logistics has moved from the field of practical application to the academic field. A description is given of the development and republican features of transportation in the period under review - railway, automobile, air and water. It is concluded that despite the obvious successes in the field of development and rational use of transport, for a long time the prevailing view in the BSSR was that logistics was mathematical theorizing and served solely the interests of capitalist firms and therefore had no special significance for the socialist economy. Logistic approaches found their application only during the new socio-economic transformations of the late 1980s.

Keywords: Belarusian SSR, logistics, rokhrematics, rational organization of cargo transportation, railway transport, road transport, air transport, water transport, economy.

For citation: Astroha V. A. The main directions of logistics development in the BSSR in 1944–1991. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 73–77 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-12.

Введение. В настоящее время мы наблюдаем резко возросший интерес к использованию логистических методов в различных сферах экономики, в первую очередь в области внешнеэкономической деятельности. Считается, что в Беларуси становление логистики пришлось на конец 1990-х – начало 2000-х гг. Однако в нашей стране использование логистических подходов

в управлении товародвижением существует уже не одно десятилетие. В этой связи целью данной работы является анализ развития основных направлений логистики в БССР в 1944–1991 гг. Необходимо отметить, что на данный момент исследования по этой тематике немногочисленны, поэтому работа имеет актуальный характер и высокий уровень новизны.

Основная часть. Для восстановления подорванной войной экономики БССР были необходимы большие ресурсы и организационные усилия. Также в это время мог быть востребован и военно-логистический опыт недавно отгремевшей Великой Отечественной войны, который продемонстрировал колоссальные возможности эффективного использования логистических подходов для решения глобальных задач перемещения гигантских объемов материальных ресурсов. Один из лучших этому примеров – стратегическая наступательная операция Красной Армии под кодовым наименованием «Багратион» летом 1944 г., в результате которой от захватчиков была освобождена территория Беларуси, часть Литвы и Латвии, восточные районы Польши. Отличительной особенностью операции стал огромный пространственный размах. Советские войска, начав наступление на фронте 700 км, продвинулись за два месяца на 550–600 км на запад и расширили фронт до 1100 км. Для выполнения замыслов командования были сконцентрированы колоссальные силы и средства четырех фронтов: 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских: 2430 тыс. солдат и офицеров, около 32 тыс. артиллерийских орудий и минометов, 5200 танков и самоходных артиллерийских установок, 5300 боевых самолетов [1, с. 55]. Но чтобы эта огромная военная сила эффективно выполнила все поставленные боевые задачи, необходимо было отличное военно-логистическое обеспечение, что и было продемонстрировано наряду с полководческим талантом командования и героизмом советских солдат. Но, к сожалению, в мирной послевоенной жизни этот опыт на тот момент не был востребован.

В конце 1940-х гг. в нашей республике, как и в целом СССР, логистика являлась не сферой управления материальными потоками, а только вторичного плана разновидностью материально-технического и транспортного обеспечения. Более того, даже сам термин «логистика» был исключен из профессионального употребления. Так, в Белорусской советской энциклопедии термин «логистика» трактовался как «устаревшее название математической логики» [2, с. 238]. Зато использовалось понятие «рохрематика» – наука об изучении процессов движения материалов от первичного источника к конечному потребителю с помощью экономико-математического моделирования [3, с. 88]. В итоге рохрематика-логистика ушла из сферы практического применения в академическую сферу и теоретизирование.

Однако в начале 1950-х гг. в связи бурным экономическим ростом СССР и увеличением объемов грузоперевозок практика потребовала активизации и согласованности работы различных видов транспорта. С конца 1950-х гг. в Советском Союзе уже начался новый этап для экономики – установление внешнеэкономических связей как с социалистическими, так и капиталистическими странами. Это вынуждало к использованию логистических подходов.

В середине 1960-х гг. в СССР проходила экономическая реформа народного хозяйства, направленная и на структуризацию транспорта. Ученые БССР из Белорусского научно-исследовательского и технологического института автомобильного транспорта (БелНИИТИАТ) Минавтотранса БССР в 1970-х – 1980-х гг. стали проводить специальные исследования по оперативному планированию перевозок на автомобильном транспорте, при этом уделялось особое внимание доставке грузов в срок и сокращению запасов у клиентов [4, с. 3]. В это же время в Белорусском институте инженеров железнодорожного транспорта (БелИИЖТ, г. Гомель) была разработана межотраслевая система «Ритм» для железнодорожных перевозок. Ее основное предназначение – уменьшение у потребителей больших запасов сырья и топлива.

К концу 1970-х гг. в республике большое развитие получило производство транспортно-складского оборудования, новых видов тары и упаковки. Формируются автоматизированные складские комплексы, активно внедряется контейнерная перевозка грузов. Однако для большинства предприятий БССР применение логистических подходов в целях уменьшения затрат не стало приоритетным. Особенности существовавшей в стране до конца 1980-х гг. экономической модели не позволяли гибко внедрять организационные изменения и решения для управления материальными потоками. Лишь в 1990 г., когда в СССР был принят Закон «О предприятиях», произошла либерализация внешнеэкономической деятельности и предприятия получили право самостоятельно реализовывать продукцию и услуги за пределами СССР. Благодаря этому транспортной отрасли Советской Беларуси, и в частности автотранспортным предприятиям, представилась возможность осуществлять активные международные коммерческие грузоперевозки.

Как известно, одним из ключевых факторов развития логистики является уровень развития транспорта перевозки. В нашем случае прежде всего железнодорожного, автомобильного, воздушного и водного.

Железнодорожный транспорт. После войны советская железнодорожная сеть была реконструирована и в дальнейшем расширена. В СССР к концу 1980-х гг. железная дорога перевозила почти на порядок больше тонно-километров грузов, чем грузовыми автомобилями, а в 1991 г. был принят закон, согласно которому железные дороги стали основной транспортной системой СССР.

В свою очередь, в БССР сразу после окончания войны произошло восстановление железнодорожного хозяйства, и довоенного уровня разрушенная железная дорога достигла достаточно быстро – к 1950 г. С 1957 г. существует единая Белорусская железная дорога (БелЖД). Ее особенность в то время заключалась в том, что она преимущественно обслуживала транзитные грузы. В общем объеме ее грузооборота транзит составлял 56%. Эксплуатационная линия БелЖД на 1970 г. составляла 5400 км, или 4% от протяженности всей сети железных дорог СССР. В 1960-х гг. началось техническое переоснащение железнодорожного хозяйства БССР. Так, 1963-м скоростные поезда начали водить тепловозы, а в 1967-м – тепловоз стал применяться в грузовом движении, но полностью на тепловозную тягу в республике перешли только в 1975 г.

В последующие годы появились вычислительная техника в планировании работы. В результате, если в 1960 г. было перевезено грузов 23 673 тыс. т, то в 1972 г. – 71 698 тыс. т [5, с. 239].

Основными железнодорожными линиями на территории БССР являлись: Москва – Минск – Брест; Невель – Витебск – Могилев – Гомель; Вильнюс – Минск – Гомель. По ним осуществлялись экономические связи республики с центральными районами РСФСР, УССР и Прибалтикой, а также с Польшей и ГДР. Отметим, что основной железнодорожной линией считался маршрут Москва – Брест, который связывал СССР со странами Европы.

Автотранспорт. Своих автомобилей до войны белорусы не выпускали. Первые авто на белорусской земле стали собирать на окраине Минска осенью 1944 г. из американских машинокомплектов грузовиков Mack-NR, GMC и знаменитого Studebaker. В 1945 г. Минский автосборочный завод стал одним из крупнейших подобных предприятий в СССР. В том же году завод был преобразован в автомобильный и начал производить грузовики**.** В конце 1947 г. на заводе были собраны первые пять самосвалов МАЗ-205, которые стали началом автомобилестроения Беларуси.

С конца 1950-х гг. одним из инструментов реализации интереса СССР к широкой внешней торговле стало специальное автотранспортное предприятие для международных перевозок грузов. И в 1963 г. было создано Кунцевское автохозяйство междугородних сообщений при Главмежавтотрансе Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР. Уже в августе этого года состоялся и первый международный авторейс в Варшаву на минских МАЗ-200 [6]. В 1968 г. в Москве было образовано Главное управление международных автомобильных сообщений «Совтрансавто» Минавтошосдора РСФСР. Предприятие имело региональные филиалы, в том числе и в БССР – Минске и Бресте.

Белорусское предприятие «Совтрансавто-Брест» являлось крупнейшим в системе «Совтрансавто». Создано оно было в 1975 г. и представляло собой большой контейнерный терминал по обслуживанию линии грузопотока «Япония – Дальний Восток – Брест – Европа».

Около 80% международных перевозок из Бреста приходилось на контейнеры из Японии [7, с. 89]. Они двигались в Брест по железной дороге, перегружались в большегрузные автомобили и развозились по многим европейским странам.

Автопоезда в период своей максимальной активности во второй половине 1980-х гг. перемещались по дорогам 25 стран мира. Совтрансавто просуществовало до 1988 г., перед распадом СССР оно достигло максимально высоких финансово-экономических показателей и находилось в числе крупнейших мировых автоперевозчиков. Конечно, успехи этой организации напрямую были связаны с ее автопарком. Флагманским автомобилем компании стал МАЗ-504, составлявший почти 80% машин автопарка. С 1981 г. в компании появились автомобили нового поколения, в частности МАЗ-5432. Этот автомобиль первым в СССР прошел испытания по безопасности в Международном центре института ЮТАК в Париже. В 1987 г. выпущен тягач МАЗ-64229, получивший неофициальное наименование «СуперМАЗ». В конце 1980-х автоконструкторы начали работу над знаменитым МАЗ-2000 «Перестройка» – проектом, который опередил свое время. Как оказалось, в СССР не было для подобной уникальной машины ни достаточной инфраструктуры, ни достаточного спроса. Роль белорусских МАЗов в деятельности Совтрансавто была колоссальна. Мощные и соответствовавшие высоким международным требованиями автомобили стали «лицом» единственной в СССР транспортно-логистической компании.

В 1979 г. в БССР Минавтотрансом республики было создано производственное управление магистральных перевозок грузов «Белмагистральавтотранс», в состав которого входили восемь автопредприятий. Основной задачей объединения являлась организация и выполнение междугородних перевозок грузов в БССР и межреспубликанских перевозок для предприятий и организаций. В управлении «Белмагистральавтотранс» имелось 2 тыс. автомобилей и 16 тыс. контейнеров [7].

Предприятие было уникальным в системе автомобильного транспорта БССР. В рамках выполнения возложенных функций на нем внедрялись и проходили апробацию самые передовые методы организации автоперевозок – контейнерные, графиковые междугородние, создавались грузовые автостанции и терминалы, транспортно-экспедиционное обслуживание. Разработанные технологии затем активно перенимали коллеги из других регионов Советского Союза.

Воздушный транспорт. После окончания войны шло интенсивное строительство аэропортов во всех уголках республики. К началу 1946 г. значительная часть довоенных местных воздушных линий была восстановлена. Наряду с этим в Минском аэропорту «Лошица» успешно обслуживались международные рейсы на Берлин, Прагу, Варшаву и другие зарубежные города. Интенсивность авиаперелетов была значительной. Так, только за январь 1947 г. через аэропорт было пропущено 15 самолетов, 71 член экипажей, 20 советских граждан, 20 иностранных граждан, 26 пассажиров в упрощенном порядке и оформлено 6,1 т груза [8, с. 35]. В 1957 г. был введен в эксплуатацию новый Минский аэропорт. В это же время обновлялся и самолетный парк Белорусского управления гражданского воздушного флота, что способствовало дальнейшему развитию авиалиний как на территории республики, так и за ее пределами.

В 1970-х гг. столичный аэропорт был достаточно развит и обслуживал более миллиона пассажиров в год. В 1970 г. состоялось открытие первой международной линии Минск – Варшава – Берлин – Минск, что символизировало значительный уровень развития белорусского воздушного флота. Иногда аэропорт принимал и воздушные суда иностранных государств: социалистических Польши, ГДР, Венгрии и Чехословакии. Однако из-за технической ограниченности и наличия единой взлетно-посадочной полосы он не мог принимать тяжелые воздушные суда, что препятствовало развитию международных авиасвязей столицы БССР.

В последующие годы были построены новые аэропорты в Бресте, Витебске и Гомеле. В 1977 г. началось строительство нового аэропорта «Минск-2», с взлетно-посадочной полосы которого в 1983 г. начались регулярные полеты. В 1989 г. из аэропорта был выполнен первый международный рейс в Берлин. В последующие годы были построены новые аэропорты в Бресте, Витебске и Гомеле.

Водный транспорт. 31 марта 1944 г. правительство БССР и ЦК КП(б)Б подняли вопрос о восстановлении разрушенного в годы войны речного транспорта. Но, несмотря на все усилия, реконструкцию и строительство новых причалов, механизацию работ в 1970-х гг. речной транспорт республики отставал в развитии от других видов транспорта. На 1972 г. доля речного транспорта в грузоперевозках оставалась очень малой: железнодорожный – 63,3%, автомобильный – 11,3%, трубопроводный – 24% и речной – только 1,4% [9, с. 282]. И в 1980-х гг. этот вид транспорта в перемещении грузов оставался низко востребованным.

Заключение. Таким образом, несмотря на очевидные успехи в области развития и рационального использования транспорта, в БССР ввиду господства теории рохрематики преобладала точка зрения, что логистика в управлении физическим распределением является математическим теоретизированием и служит исключительно интересам наживы капиталистических фирм и поэтому не имеет значения для социалистической экономики, особенно в условиях приоритета выполнения планов перевозок. Логистические подходы нашли свое применение только в ходе новых социально-экономических трансформаций конца 1980-х гг., когда их значимость стремительно возросла.

Список литературы

1. Острога В. А. Операция «Багратион»: логистика Победы // Логистика.by. 2024. № 3. С. 54– 61.

2. Лагістыка // Беларуская савецкая энцыклапедыя: у 12 т. Мінск: БелСЭ. 1972. Т. VI. 624 с.

3. Острога В. А. Автомобиль МАЗ в деятельности главного управления международных автомобильных сообщений «СОВТРАНСАВТО». 1968–1988 гг. // I Международный логистический форум = I International Logistics Forum: материалы форума, Минск, 25 апр. 2024 г. Минск, 2024. С. 87–93.

4. Белорусский научно-исследовательский институт транспорта «Транстехника». Минск, 2021. 20 с.

5. Чыгуначны транспарт // Беларуская савецкая энцыклапедыя: у 12 т. Мінск: БелСЭ, 1974. Т. XI. 653 с.

6. 53 года назад советские дальнобойщики впервые отправились в заграничный рейс. URL: https://vk.com/wall-63402044_2610 (дата обращения: 10.03.2025).

7. Белмагистральавтотранс. URL: https://bmat.by/about/history/ (дата обращения: 05.03.2025).

8. Астрога В. А. Мінская рэгіянальная мытня на варце паветранай граніцы (1925–2021 гг.) // Граница и пограничье. 2022. № 1. С. 32–41.

9. Транспарт // Беларуская савецкая энцыклапедыя: у 12 т. Мінск: БелСЭ, 1974. Т. X. 655 с.

References

1. Ostroga V. A. Operation Bagration: logistics of Victory. *Logistika.by* [Logistics.by], 2024, no. 3, pp. 54−61 (In Russian).

2. Logistes. *Belaruskaya savetskaya entsyklapedyya* [Belarusian Soviet Encyclopedia]. Minsk, BelSE Publ., 1972, vol. XI. 624 p. (In Belarusian).

3. Ostroga V. A. MAZ car in the activities of the main directorate of international road transport «SOVTRANSAVTO». 1968–1988. *I Mezhdunarodnyy logisticheskiy forum = I International Logistics Forum: materialy foruma* [I International Logistics Forum = I International Logistics Forum: forum materials]. Minsk, 2024, pp. 87–93 (In Russian).

4. *Belorusskiy nauchno-issledovatel'skiy institut transporta "Transtekhnika"* [Belarusian Research Institute of Transport "Transtechnika"]. Minsk, 2021. 20 p. (In Russian).

5. Rail transport. *Belaruskaya savetskaya entsyklapedyya* [Belarusian Soviet Encyclopedia], Minsk, BelSE Publ., 1974, vol. XI. 653 p. (In Belarusian).

6. *53 goda nazad sovetskiye dal'noboyshchiki vpervyye otpravilis' v zagranichnyy reys* [53 years ago, Soviet truck drivers set off on a foreign flight for the first time]. Available at: https://vk.com/wall-63402044_2610 (accessed 10.03.2025).

7. *Belmagistral'avtotrans* [Belmagistralavtotrans]. Available at: https://bmat.by/about/history (accessed 05.03.2025).

8. Astroga V. A. Minsk regional mytnya on the border of the border (1925–2021). *Granitsa i pogranich'ye* [Border and borderlands], 2022, no. 1, pp. 32−41 (In Belarusian).

9. Transpart. *Belaruskaya savetskaya entsyklapedyya* [Belarusian Soviet Encyclopedia], Minsk, BelSE Publ., 1974, vol. X. 655 p. (In Belarusian).

Информация об авторе

Острога Виктор Александрович – доктор исторических наук, профессор заведующий кафедрой таможенного дела и международной логистики. Белорусский государственный университет (пр-т Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Astroha Victor Alexandrovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of customs affairs and international logistics. Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Поступила 10.03.2025

УДК 94(930.253)

Л. І. Масейчук
Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт

ДАКУМЕНТЫ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА НАВУКОВА-ТЭХНІЧНАЙ ДАКУМЕНТАЦЫІ ПА ГІСТОРЫІ ПАСЛЯВАЕННАГА АДНАЎЛЕННЯ Г. МІНСКА

У артыкуле асаблівая ўвага надаецца аналізу дакументальнай базы па гісторыі аднаўлення беларускай сталіцы пасля Вялікай Айчыннай вайны. Аўтар вылучае некалькі груп праектна-тэхнічнай дакументацыі, якая з'яўляецца найбольш інфарматыўнай пры вывучэнні заяўленай тэмы. Асаблівую цікавасць уяўляе апісанне дакументаў Нацыянальнага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі (Ф. 3, 10, 68, 76, 188, 263), паколькі матэрыялы пералічаных фондаў вельмі сціпла выкарыстоўваюцца сучаснымі беларускімі даследчыкамі пры вывучэні пасляваеннай рэканструкцыі г. Мінска.

На падставе аналізу архіўных крыніц: праектнай і кіраўніцкай дакументацыі, статыстычных матэрыялаў, матэрыялаў асабістых фондаў беларускіх архітэктараў і фотаматэрыялаў паказваецца, што дакументальная база па гісторыі аднаўлення беларускай сталіцы з'яўляецца шырокай і разнапланавай. Робіцца вывад аб тым, што матэрыялы фондаў Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі адкрываюць новыя перспектывы для даследавання тэм, звязаных не толькі з аднаўленнем г. Мінска пасляваеннага перыяду, але і з рэканструкцыяй іншых беларускіх гарадоў. Выкарыстанне матэрыялаў афіцыйнага і прыватнага характару, якія закранаюць гэту праблематыку, дае магчымасць з вялікай доляй дакладнасці ўзнавіць асаблівасці развіцця беларускай дзяржавы ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе.

Ключавыя словы: архіў, гістарычны дакумент, вайна, разбурэнне, узнаўленне, дзяржаўнасць.

Для цытавання: Масейчук Л. І. Дакументы Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі па гісторыі пасляваеннага аднаўлення г. Мінска // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 78–82.

DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-13.

L. I. Maseichuk
Belarusian National Technical University

DOCUMENTS OF THE BELARUSIAN STATE ARCHIVE OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL DOCUMENTATION ON THE HISTORY OF THE POST-WAR RECONSTRUCTION OF MINSK

The article pays special attention to the analysis of the documentary base on the history of the restoration of the Belarusian capital after the Great Patriotic War. The author singles out several groups of design and technical documentation, which are the most informative when studying the stated topic. Of particular interest is the description of the documents of the National State Archive of Scientific and Technical Documentation (Fund 3, 10, 68, 76, 188, 263), since the materials of the listed funds are very modestly used by modern Belarusian researchers when studying the post-war reconstruction of the Minsk.

Based on the analysis of archival sources: project and management documentation, statistical materials, materials of personal funds of Belarusian architects and photographic materials, it is shown that the documentary base on the history of the restoration of the Belarusian capital is extensive and diverse. It is concluded that the materials of the funds of the Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation open up new perspectives for the study of topics related not only to the reconstruction of Minsk of the post-war period, but also with the reconstruction of other Belarusian cities. The use of materials of an official and private nature, which touch on this issue, makes it possible to reproduce with a high degree of accuracy the peculiarities of the development of the Belarusian state in the first post-war decade.

Keywords: archive, historical source, war, memories, destruction, restoration, statehood.

For citation: Maseichuk L. I. Documents of the Belarusian state archive of scientific and technical documentation on the history of the post-war reconstruction of Minsk. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 78–82 (In Belarusian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-13.

Уводзіны. Пасля вызвалення ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў у Мінску ўцалела толькі 20% капітальных збудаванняў, а цэнтр горада ўвогуле ператварыўся ў руіны. Сярод цэлых будынкаў былі помнікі канструктывізму 1930-х гг.: Оперны тэатр, Дом афіцэраў і Дом урада. Адступаючы, нямецкія войскі замініравалі гэтыя аб'екты, але ўзарваць не паспелі.

Пасля канчатковага размініравання будынкаў і першаснага агляду горада, здавалася, што яго аднаўленне немагчымае. У сувязі з гэтым на ўзроўні ўрада БССР абмяркоўвалася пытанне аб будаўніцтве новага горада за некалькі кіламетраў ад руін старога Мінска. Пасля шэрагу абмеркаванняў было прынята рашэнне аб адраджэнні сталіцы на яе ранейшым гістарычным месцы. З гэтай мэтай была заснавана новая арганізацыя – трэст па разборцы разбураных будынкаў і аднаўленні будаўнічых работ. У мерапрыемствах, якія праводзіліся трэстам, актыўна ўдзельнічалі мясцовыя жыхары, якія абавязаны былі штомесяц адпрацаваць не менш за 15 гадзін на работах па добраўпарадкаванні горада. Для гэтага прадстаўнікі раённых выканкамаў выдавалі кожнаму паўналетняму жыхару Мінска «Індывідуальную кніжку ўдзельніка аднаўлення Мінска», у якой фіксаваўся адпрацаваны час.

Пры вывучэнні кіна- і фотахронікі таго часу можна ўбачыць, што шматлікія паўразбураныя будынкі горада магчыма было аднавіць, але архітэктары, якія займаліся праектнымі працамі, прыйшлі да высновы аб неабходнасці зносу большасці старых пабудоў і стварэння новага горада. Такое рашэнне атрымала падтрымку ў гарадскога і рэспубліканскага кіраўніцтва. Часткова гэта было звязана са знішчэннем праектна-тэхнічнай дакументацыі і архіўных дакументаў. Тым не менш генеральны план г. Мінска ад 1936 г. захаваўся. Пасля вайны яго дапрацавалі і пачалося маштабнае будаўніцтва [1].

Дакументы, якія асвятляюць пасляваеннае ўзнаўленне гарадоў і прамысловасці Беларусі (1944–1950-я гг.), захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ), Беларускім дзяржаўным архіве навукова-тэхнічнай дакументацыі (далей – БДАНТД) і Беларускім дзяржаўным архіве кінафотафонадакументаў (далей – БДАКФФД).

Архіўныя фонды шырока выкарыстоўваюцца даследчыкамі. Гэтаму ў немалой ступені спрыяе і выдавецкая дзейнасць устаноў. Так, у 2007 г. па матырыялах БДАНТД быў выдадзены зборнік біяграфічных нарысаў і дакументаў вядомых беларускіх архітэктараў «Архитектура во имя жизни» [2]. У 2017 г. выйшаў зборнік дакументаў «Возрожденный из руин», прысвечаны аднаўленню і развіццю Мінска ў 1944–1955 г. [3]. У выданне былі ўключаны заканадаўчыя дакументы з Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці і Расійскага дзяржаўнага архіва эканомікі. У 2023 г. выйшла кніга дакументаў «Восстановление сельского хозяйства Беларуси: 1946–1950» [4]. Усё гэта дазволіла вучоным пашырыць дакументальную базу сваіх даследаванняў.

Варта адзначыць, што фонды НАРБ і БДАКФФД, якія асвятляюць гісторыю пасляваеннага аднаўлення беларускай сталіцы, выкарыстоўваюцца даследчыкамі часцей. Разам з тым матэрыялы, сканцэнтраваныя ў фондах БДАНТД, мала запатрабаваныя і, адпаведна, застаюцца невядомымі шырокаму колу чытачоў і вучоных. Да іх адносяцца: праектна-тэхнічная дакументацыя, эскізы, фотадакументы, дакументы асабістага паходжання непасрэдных удзельнікаў падзей і інш.

Асноўная частка. Найбольш інфарматыўным відам крыніц пры вывучэнні названай тэмы з'яўляецца навукова-тэхнічная дакументацыя фонду № 76 БДАНТД «Камітэт архітэктуры і горадабудаўніцтва Мінскага гарадскога выканаўчага камітэта».

4 чэрвеня 1946 г. пастановай Савета Міністраў БССР Упраўленне галоўнага архітэктара г. Мінска было пераўтворана ва Упраўленне па справах архітэктуры г. Мінска, якому было даручана ажыццяўляць кіраўніцтва і кантроль над праектаваннем, аднаўленнем і рэканструкцыяй беларускіх гарадоў і вёсак [5]. У фондзе упраўлення захоўваюцца дакументы аб выдзяленні зямельных участкаў арганізацыям і прадпрыемствам пад жыллёвае і іншыя віды будаўніцтва (пратаколы, рашэнні, акты, даведкі, планы зямельных участкаў пад будаўніцтва і схемы адвядзення ўчасткаў); пастановы гарадскога выканаўчага камітэта аб дазволе правядзення праектна-пошукавых работ, будаўніцтва і рэканструкцыі.

Уся праектная дакументацыя, якая дазваляе больш дакладна і дэталёва прасачыць усе этапы пасляваеннай забудовы г. Мінска, захоўваецца ў фондзе № 3 БДАНТД «Арэнднае прадпрыемства «Інстытут "Белпраект"». Менавіта ў гэтай арганізацыі, у выніку працы архітэктараў Н. Я. Трахтэнберга і В. М. Андросава, а таксама інжынераў К. Іванова, В. Талмачова і Р. Абразцовай, быў створаны першы пасляваенны Генеральны план Мінска (канец 1945 г.) (кансультатыўную падтрымку аказалі прафесары В. М. Сямёнаў і М. М. Палякоў). Перад гэтым, у 1944 годзе, быў складзены «Эскіз планіроўкі Мінска», у распрацоўцы якога актыўна ўдзельнічалі вядомыя архітэктары: Шчусеў А. В., Мардвінаў А. Р., Коллі М. Д., Сямёнаў У. М., Рубаненка Б. Р., Лангбард І. Р. і Трахтэнберг Н. Я.. Пасля ўважлівай дапрацоўкі, якая ўзбагаціла праект новымі ідэямі і дэталямі, Генеральны план быў зацверджаны ў сярэдзіне 1946 г. (воп. 1 уд., спр. 141, 142). Па ім і ажыццяўлялася забудова беларускай сталіцы.

Сярод дакументаў названага фонду № 3 захоўваюцца праекты будынкаў ЦК КПБ (1945–1947) (воп. 1 пд., спр. 274–288), Акадэміі навук БССР (1945–1952) (воп. 1 пд., спр. 453–473), галоўнага корпуса Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (1951–1963) (воп. 1 пд., спр. 2070–2117), Беларускага політэхнічнага інстытута (воп. 1, спр. 385, арк. 2), Дзяржаўнага рускага драматычнага тэатра БССР імя М. Горкага (1949–1951) (воп. 3 пд., спр. 468–470), Мінскага цырка (воп. 1, спр. 1877, арк. 3), Галоўнага паштамта (воп. 1, спр. 699, арк. 2), Цэнтральнага тэлеграфа (воп. 1, спр. 732, арк. 3), жылых дамоў па вул. Савецкай (воп. 1, спр. 946, 1679) і інш.

Акрамя матэрыялаў па рэканструкцыі беларускай сталіцы тут захоўваюцца генеральныя планы гарадоў БССР: Мінска (1946, 1959 гг.), Брэста (1953, 1964 гг.), Віцебска (1948 г.), Гродна (1948, 1963 гг.), Магілёва (1934, 1939, 1948 гг.).

У 1953 г. архітэктары Мусінскі С. С., Сысоеў Г. В., Каджары Л. А. скончылі працу над праектам цэнтральнага ўваходу ў Батанічны сад. Чарцяжы гэтага праекта таксама знаходзяцца на захоўванні ў фондзе № 3 [6, арк. 4].

Не менш цікавыя і праекты дома з кінатэатрам «Цэнтральны» архітэктараў Баданава Г. П. і Асмалоўскага М. С. (ф. 3, воп. 3, спр. 1132, арк. 1).

Упраўленчая дакументацыя, звязаная з гісторыяй пасляваеннага аднаўлення беларускай сталіцы, захоўваецца ў фондзе № 68 «Грамадскае аб'яднанне "Беларускі саюз архітэктараў г. Мінск"». Яе складаюць пратаколы пасяджэнняў праўлення саюза, агульных сходаў архітэктараў, стэнаграмы творчых нарад, пленумаў, з'ездаў, грамадскіх конкурсных праектаў; планы творчых мерапрыемстваў, дакументы аб рабоце праўлення (водгукі, даведкі, інфармацыя), справаздачы аб фінансава-гаспадарчай і іншай дзейнасці. У гэтым шэрагу варта адзначыць і такія дакументы, як перапіска з Саветам Міністраў БССР (воп. 1 уд., спр. 35), творчымі саюзамі, членамі Саюза савецкіх архітэктараў БССР аб удакладненні месцазнаходжання членаў саюза (воп. 1 уд., спр. 115, 140), аказанні дапамогі (воп. 1 уд., спр. 4), аб удзеле ў працах па аднаўленні гарадоў і населеных пунктаў Беларусі (воп. 1 уд., спр. 51, 59, 74, 188), па пытаннях абмеркаванняў праектаў аднаўлення і рэканструкцыі гарадоў БССР (воп. 1 уд., спр. 19), забудовы г. Мінска (воп. 1 уд., спр. 38, 74, 105).

Важныя крыніцы па тэме змяшчае фонд № 263 «Калекцыя дакументаў праектнага інстытута "Ваенпраект"», да якіх адносіцца архітэктурна-будаўнічая дакументацыя Дома афіцэраў (1944–1950 гг.) (воп. 1 пд., спр. 111), адміністрацыйны будынак ваеннага міністэрства ў г. Мінску (воп. 1 пд., спр. 1710) і інш.

За гады вайны ў пажарах і топках загінулі практычна ўсе зялёныя насаджэнні горада. Таму ў сваіх праектах архітэктары дэталёва прадумвалі азеляненне сталіцы [7].

У фондзе № 10 «Праектнае камунальнае ўнітарнае прадпрыемства "МІНСКПРАЕКТ"» Камітэта архітэктуры і горадабудаўніцтва Мінскага гарадскога выканаўчага камітэта г. Мінска» захоўваюцца дакументы па ўладкаванні дзіцячага парка імя М. Горкага (воп. 1, спр. 1372, арк. 1), парка адпачынку каля тэатра оперы і балета (воп. 1, спр. 1634, арк. 1), сквера на Цэнтральнай плошчы (воп. 1, спр. 146, 147), рэканструкцыі галоўнага корпуса Беларускага політэхічнага інстытута (воп. 1, спр. 918, арк. 7) і інш.

Фотадакументы фонду БДАНТД № 188 «Калекцыя фотадакументаў па гісторыі архітэктуры, горадабудаўніцтва г. Мінска і іншых населеных пунктаў Беларусі» даюць магчымасць не толькі візуалізаваць гісторыю пасляваеннага Мінска, але і ўсвядоміць маштаб разбурэнняў (воп. 1, спр. 27, 28, 181, 257), прасачыць за будаўніцтвам новых дамоў (воп. 1, спр. 42, 46, 54, 59) і адміністрацыйных будынкаў (воп. 1, спр. 30, 33, 39, 41, 115, 220, 230, 333), высветліць, як выконваліся рэстаўрацыйныя работы ў гістарычнай частцы горада (воп. 1, спр. 109, 110, 175, 220, 230). Акрамя таго, фонд змяшчае эскізы, праекты планіровак, фотакалажы гарадоў, вуліц, жылых пасёлкаў, цэркваў, касцёлаў, паркаў, помнікаў і ў іншых гарадах Беларусі (воп. 1, спр. 539, 545, 569).

Унікальную частку дакументальнай разнастайнасці БДАНТД складаюць асабістыя фонды архітэктараў, якія непасрэдна прынялі ўдзел у пасляваеннай рэканструкцыі г. Мінска.

Так, у фондзе № 51 «Кароль Уладзімір Адамавіч (1912–1980)» захоўваюцца: «Панарама цэнтральнай часткі г. Мінска», над якой архітэктар працаваў у суаўтарстве з М. С. Асмалоўскім, С. Б. Баткоўскім, С. П. Святліцкім (воп. 1, спр. 254, арк. 2), праект 1948 г. Цэнтральнай плошчы г. Мінска (у суаўтарстве з М. С. Асмалоўскім) (воп. 1, спр. 254, арк. 3, 4), эскіз праекта Галоўнага паштамта (воп. 1, спр. 255), праект забудовы плошчы Свабоды (воп. 1, спр. 251).

Вялікі ўклад у стварэнне ансамбля цэнтральнай магістралі г. Мінска ўнёс Навум Яфімавіч Трахтэнберг. Сярод дакументаў фонду БДАНТД № 75 «Трахтэнберг Навум Яфімавіч (1910–1977)» знаходзяцца матэрыялы, звязаныя з яго працай над генеральным планам аднаўлення і развіцця г. Мінска (1946) (воп. 1, спр. 17), з планіроўкай і забудовай Ленінскага праспекта (зараз праспект Незалежнасці) г. Мінска (воп. 1, спр. 1), а таксама прыгараднай зоны горада ў канцы 1940-х – пачатку 1950-х гг. (воп. 1, спр. 2).

Асаблівую цікавасць для даследчыкаў вышэй названай тэмы прадстаўляе фонд № 25 «Лангбард Іосіф Рыгоравіч (1882–1951)». Вопыт дойліда, яго веданне асаблівасцей горада, мясцовых

умоў аказаліся карыснымі і каштоўнымі пры аднаўленні Мінска пасля вайны. У верасні 1944 г. пастановай СНК БССР Іосіфа Рыгоравіча прызначаюць творчым кіраўніком архітэктурна-планіровачнай майстэрні Упраўлення па справах архітэктуры пры СНК БССР. І. Р. Лангбард кіраваў аднаўленнем і рэканструкцыяй будынкаў у г. Мінску, пабудаваных па яго праектах да вайны.

Так, пад кіраўніцтвам Іосіфа Лангбарда ў г. Мінску былі рэканструяваны Дом Урада БССР (воп. 2, спр. 4), Дом Чырвонай Арміі (сучасны Дом афіцэраў) (воп. 2, спр. 11), Беларускі тэатр оперы і балета (сучасны Вялікі тэатр оперы і балета Рэспублікі Беларусь) (воп. 1, спр. 91, арк. 107), галоўны корпус Акадэміі навук БССР (воп. 1, спр. 75, 90).

У фондзе № 113 «Заборскі Георгій Уладзіміравіч (1909–1999)» захоўваюцца эскізы яго асноўных прац: Суворaўскага вучылішча (воп. 1, спр. 39), корпус Мінскага дзярдаўнага педагагічнага інстытута (воп. 1, спр. 33), будынака ЦК ЛКСМ Беларусі (воп. 1, спр. 40), малюнкі-эскізы манумента Перамогі (воп. 1, спр. 142), конкурсныя праекты Цэнтральнай (Кастрычніцкай) плошчы г. Мінска (воп. 1, спр. 141) і інш.

У фондзе 247 «Духан Абрам Рыгоравіч (1924–1979)» захоўваюцца яго асноўныя работы, выкананыя сумесна з У. А. Каралём: будынкі Галоўнага паштамта і Цэнтральнага тэлеграфа ў г. Мінску (1950-я гг.), жылыя дамы на пл. Я. Коласа і вул. Кісялёва, будынак Цэнтральнага камітэта кампартыі Беларусі (954 г.) [8, арк. 1–3] і інш.

Фатаграфіі разбуранай у гады Вялікай Айчыннай вайны беларускай сталіцы можна знайсці ў асабістых фондах архітэктараў В.І. Кандратовіча (ф. №104, воп. 2, спр. 35, 38, 42) і Г. В. Сысоева (ф. №127, воп. 1, спр. 84).

Варта адзначыць калекцыі асабістых дакументаў і такіх архітэктараў, як Мусінскі Сяргей Сцяпанавіч (ф. № 290), Есьман Ігар Іванавіч (ф. № 223), Парсаданаў Георгій Арцёмавіч (ф. № 111), Усава Любоў Дзмітрыеўна (ф. № 276), у якіх змяшчаюцца творчыя матэрыялы фондаўтваральнікаў: праекты, эскізы, замалёўкі, малюнкі, успаміны; дакументы да біяграфіі, пасведчанні, індывідуальныя і групавыя фатаграфіі і інш.

Асаблівую каштоўнасць пры асвятленні пытанняў, звязаных з пасляваенным аднаўленнем г. Мінска, уяўляюць успаміны непасрэдных удзельнікаў падзей У. А. Караля, Г. А. Парсаданава (ф. № 111, воп. 1, спр. 18, 24), Н. М. Макляцовай (ф. № 77, воп. 2, спр. 13), С. С. Мусінскага (ф. № 290, воп. 1, спр. 24), В. М. Волчака [9, арк. 50–51], І. І. Есьмана, Г. У. Заборскага [10, с. 68–69] і інш.

Пасля Вялікай Айчыннай вайны, акрамя аднаўлення жылля і адміністрацыйных будынкаў у цэнтры сталіцы, на яе ўскраінах пачалося будаўніцтва буйных прамысловых прадпрыемстваў. У 1944 г. пачалося будаўніцтва новых завадскіх карпусоў будучага МАЗа, у 1945 г. – Мінскага веласіпеднага завода (Мотавелазавод), у 1946 г. на базе былога авіязавода прыступілі да будаўніцтва Мінскага трактарнага завода (ф. № 3, воп. 3 уд., спр. 144, 145).

Побач з заводамі будаваліся вялікія жылыя раёны, над праектамі якіх працавалі такія архітэктары, як Г. А. Парсаданаў (ф. № 111, воп. 1, спр. 1) і Л. Д. Усава [10, арк. 1–3]. У новых раёнах планаваліся паркі і скверы, дзіцячыя садкі і школы, паліклінікі і бальніцы. Кожны праект дэтальна абмяркоўваўся на пасяджэннях праектных камісій.

Заключэнне. Такім чынам, аналіз крыніц: праектнай і кіраўніцкай дакументацыі, статыстычных матэрыялаў, матэрыялаў асабістых фондаў беларускіх архітэктараў, – выявіў, што дакументальная база па гісторыі аднаўлення беларускай сталіцы з'яўляецца шырокай і разнапланавай.

Выкарыстанне шырокага спектра матэрыялаў афіцыйнага і прыватнага характару, якія закранаюць гэту праблематыку, дае магчымасць з вялікай доляй дакладнасці ўзнавіць асаблівасці пасляваеннага развіцця беларускай дзяржавы.

Матэрыялы, якія захоўваюцца ў фондах Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі, адкрываюць новыя перспектывы для даследавання тэм, звязаных не толькі з аднаўленнем Мінска пасляваеннага перыяду, але і з рэканструкцыяй іншых беларускіх гарадоў.

Спіс літаратуры

1. Кулинок С. В. Восставший из пепла (как принимали Генеральный план восстановления Минска) // Беларуская думка. № 7. 2017. С. 30–37.

2. Архитектура во имя жизни: сб. биогр. очерков и док. известных деятелей белорус. архитектуры / Белорус. гос. архив науч.-техн. док.; сост. Г. И. Шостак. Минск, 2007. С. 103–108.

3. Возрожденный из руин: восстановление и развитие Минска в 1944–1955 гг.: док. и материалы / редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. Минск: НАРБ, 2017. 436 с.

4. Восстановление сельского хозяйства Беларуси: 1946–1950. Сборник документов: док. и материалы / редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. Минск: НАРБ, 2023. 924 с.

5. Беларускі дзяржаўны архіў навукова-тэхнічнай дакументацыі (БДАНТД). Ф. 76. Воп. 1.

6. БДАНТД. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 464.

7. БДАНТД. Ф. 111. Воп. 1. Спр. 50, 51, 53.

8. БДАНТД. Ф. 247. Воп. 1. Спр. 6.

9. БДАНТД. Ф. 81. Воп. 1. Спр. 21.

10. Мосейчук, Л. И. Воспоминания белорусских архитекторов о Великой Отечественной войне (по документам Белорусского государственного архива научно-технической документации) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 67–70. DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-12.
11. БДАНТД. Ф. 276. Воп. 1. Спр. 15.

References

1. Kulinok C. V. Rising from the ashes (how the Master Plan for the Restoration of Minsk was adopted). *Belaruskaya dumka* [Belarusian thought], 2017, no. 7, pp. 30–37 (In Russian).
2. *Arkhitektura vo imya zhisni: sbornik biograficheskikh ocherkov i dokumentov izvestnykh deyateley belorusskoy arkhitektury* [Architecture in the name of life: a collection of biographical essays and documents of famous figures of Belarusian architecture]. Comp. G. I. Shostak. Minsk, 2007, pp. 103–108 (In Russian).
3. *Vozrozhdennyy is ruin: vosstanovleniye i razvitiye Minska v 1944–1955: dokumenty i materialy* [Reborn from the ruins: restoration and development of Minsk in 1944–1955: documents and materials]. Ed. by: A. K. Demyanyuk [et al.]. Minsk, NARB Publ., 2017. 436 p. (In Russian).
4. *Vosstanovleniye sel'skogo khozyaystva Belarusi: 1946–1950. Sbornik dokumentov: dokumenty i materialy* [Restoration of agriculture in Belarus: 1946–1950. Collection of documents]. Ed. by: A. K. Demyanyuk [et al.]. Minsk, NARB Publ., 2023. 924 p. (In Russian).
5. Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation (BSASTD). Fund 76. I. 1.
6. BSASTD. Fund 3. I. 1. F. 464.
7. BSASTD. Fund 111. I. 1. F. 50, 51, 53.
8. BSASTD. Fund 247. I. 1. F. 6.
9. BSASTD. Fund 81. I. 1. F. 21.
10. Maseichuk L. I. Memories of belarusian architects about the Great Patriotic War (based on documents of the Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation). *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], issue 6, History, Philosophy, 2024, no. 2 (287), pp. 67–70 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-12.
11. BSASTD. Fund 276. I. 1. F. 15.

Інфармацыя пра аўтара

Масейчук Людміла Іванаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры «Гісторыя». Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт (65, пр-т Незадежнасці, 220005, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь). E-mail: limaseichuk@bntu.by

Information about the author

Maseichuk Ludmila Ivanauna – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History. Belarusian National Technical University (65 Ave. Nezalezhnastsi, 220005, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: limaseichuk@bntu.by

Пастуніў 26.02.2025

УДК 94(476)

І. А. Андарала
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў

ШКОЛЫ РАБОЧАЙ І СЕЛЬСКАЙ МОЛАДЗІ БЕЛАРУСІ Ў ПАСЛЯВАЕННЫЯ ГАДЫ

Пасля пераможнага завяршэння Вялікай Айчыннай вайны перад партыйна-савецкімі органамі рэспублікі ўсіх узроўняў, Наркамасветы, абласнымі, раённымі і гарадскімі аддзеламі народнай адукацыі паўстала выключна важная задача – ажыццявіць рэалізацыю ўсеагульнай абавязковай адукацыі дзяцей школьнага ўзросту і стварыць умовы для завяршэння сямігадовай і сярэдняй адукацыі той частцы моладзі, якая ва ўмовах вайны і фашысцкай акупацыі была пазбаўлена магчымасці наведваць школу, а пасля вайны працавала на вытворчасці.

Важкі ўклад у ажыццяўленне ўсянавуча і павышэнне адукацыйнага ўзроўню насельніцтва Беларусі ў складаны пасляваенны перыяд унеслі школы для працуючай моладзі, якія давалі магчымасць атрымаць юнакам і дзяўчатам неабходную агульную адукацыю без адрыву ад вытворчасці, а затым паступіць у сярэднія спецыяльныя і вышэйшыя навучальныя ўстановы, што мела вялікае палітычнае, абароннае і гаспадарчае значэнне.

У артыкуле раскрыты сацыяльна-эканамічныя абставіны стварэння ў сістэме агульнай сярэдняй адукацыі Беларусі (сярэдзіна 1940-х гг.) новых тыпаў навучальных устаноў – школ рабочай моладзі і вячэрніх школ сельскай моладзі. На аснове нарматыўна-прававых дакументаў і архіўных крыніц прааналізаваны працэс станаўлення і функцыянавання гэтых навучальных устаноў у пасляваенныя гады (1945–1950 гг.). Акрэслена кола праблем, якія ўскладнялі дзейнасць агульнаадукацыйных школ для працуючай моладзі, паказаны шляхі іх пераадолення. Прыведзены статыстычныя дадзеныя аб дынаміцы колькаснага росту сеткі школ рабочай моладзі і вячэрніх школ сельскай моладзі ў рэспубліцы, іх вучнёўскіх кантынгентаў.

Ключавыя словы: агульнаадукацыйная школа, адукацыя без адрыву ад вытворчасці, школа рабочай моладзі, вячэрняя школа сельскай моладзі, кантынгент навучэнцаў.

Для цытавання: Андарала І. А. Школы рабочай і сельскай моладзі Беларусі ў пасляваенныя гады // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 83–88.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-14.

I. A. Andarala
Belarusian State University of Culture and Arts

SCHOOLS FOR WORKING AND RURAL YOUTH OF BELARUS IN THE POST-WAR YEARS

After the victorious end of the Great Patriotic War, the party and Soviet bodies of the republic at all levels, the People's Commissariat of Education, regional, district and city departments of public education faced an extremely important task – to implement universal compulsory education for school-age children and create conditions for the completion of seven-year and secondary education for that part of the youth who, during the war and fascist occupation, were deprived of the opportunity to attend school and after the war worked in production.

A significant contribution to the implementation of universal education and the improvement of the educational level of the Belarusian population in the difficult post-war period was made by schools for working youth, which provided young men and women with the opportunity to receive the necessary general education without being separated from production, and then enter secondary specialized and higher educational institutions, which was of great political, defense and economic importance.

The article reveals the socio-economic circumstances of the creation of new types of educational institutions in the general secondary education system of Belarus (mid-1940s) – schools for working youth and evening schools for rural youth. Based on regulatory documents and archival sources, the process of formation and functioning of these educational institutions in the post-war years (1945–1950) is analyzed. A range of problems that complicated the activities of general education schools for working youth is outlined and ways to overcome them are shown. Statistical data on the dynamics of the quantitative growth of the network of schools for working youth and evening schools for rural youth in the republic, their student contingents are presented.

Keywords: general education school, in-service education, school for working youth, evening school for rural youth, contingent of students.

For citation: Andarala I. A. Schools for working and rural youth of Belarus in the post-war years. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 83–88 (In Belarusian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-14.

Уводзіны. У першыя пасляваенныя гады, нараўне з аднаўленнем разбуранай вайной і акупацыяй школьнай адукацыі вялікая ўвага савецкай дзяржавай надавалася станаўленню сістэмы навучання насельніцтва без адрыву ад вытворчасці ў школах рабочай і сельскай моладзі. Гэта было абумоўлена неабходнасцю ў кароткі тэрмін не толькі ліквідаваць наступствы вайны, але і рэзка павялічыць узровень прамысловай і сельскагаспадарчай вытворчасці.

Фактычна, у пасляваенныя гады школы рабочай і сельскай моладзі з'яўляліся адным са сродкаў мадэрнізацыі і ўдасканалення савецкага грамадства. Яны не проста давалі веды, а падымалі агульную культуру і грамадзянскую актыўнасць савецкіх людзей. Школы рабочай і сельскай моладзі далі магчымасць мільёнам людзей атрымаць сямігадовую і сярэднюю адукацыю, сацыяльна адаптавацца, прадоўжыць навучанне ў сярэдніх спецыяльных і вышэйшых навучальных установах, знайсці свой шлях у жыцці.

Агульную адукацыю моладзі без адрыву яе ад працы ў вытворчасці правамерна разглядаць як сістэму, якая мела ўласную гісторыю фарміравання, прынцыпы, функцыі, структуру, арганізацыю. Яе развіццё ў Беларусі поўнасцю залежала ад сацыяльна-эканамічных і палітычных працэсаў, якія адбываліся ў савецкай дзяржаве. Аднак станаўленне школ для працуючай моладзі ў Беларусі мае сваю сацыяльна-культурную перадгісторыю, логіку развіцця і спецыфічныя асаблівасці.

На жаль, генезіс школ рабочай моладзі і вячэрніх школ сельскай моладзі рэспублікі пакуль не атрымаў глыбокага даследавання, многія аспекты станаўлення і развіцця сістэмы застаюцца нявывучанымі і неасветленымі.

Асноўная частка. Ідэя спалучэння працы падлеткаў на вытворчасці з іх тэарэтычнымі заняткамі ў школе належыць англійскаму філосафу і педагогу, аднаму з першых сацыяльных рэфарматараў Роберту Оўэну. Перавагу такога спалучэння ён бачыў не толькі ў павышэнні прадуктыўнасці працы падлеткаў, але і ва ўдасканаленні іх асобы.

Ідэя Р. Оўэна аб арганізацыі навучання працуючай моладзі без адрыву яе ад вытворчай працы была рэалізавана ў СССР, у тым ліку і Беларусі, у пасляваенныя гады.

Каб даць магчымасць падлеткам, занятым на вытворчасці, прадоўжыць сваю школьную адукацыю, Савет Народных Камісараў СССР 15 ліпеня 1943 г. прыняў пастанову «Аб навучанні падлеткаў, якія працуюць на прадпрыемствах» [1, с. 389]. Згодна з гэтым дакументам, СНК саюзных і аўтаномных рэспублік, краявыя і абласныя Саветы дэпутатаў працоўных былі абавязаны з 1 кастрычніка 1943 г. арганізаваць сетку агульнаадукацыйных школ у гарадах і рабочых пасёлках для навучання падлеткаў, якія працавалі на прадпрыемствах і жадалі без адрыву ад працы павысіць свой адукацыйны ўзровень. Кіраўнікам прамысловых наркаматаў і дырэктарам прадпрыемстваў даручалася забяспечыць школы памяшканнямі, абсталяваннем, ацяпленнем, асвятленнем, прымацаваць выкладчыкаў школ на харчаванне да сталовых прадпрыемстваў.

У першы год функцыянавання школ для падлеткаў выявілася, што большую частку іх кантынгента складаюць юнакі і дзяўчаты сталага ўзросту, чые падлеткавыя гады прыпалі на час нямецкай акупацыі, якая пазбавіла іх магчымасці своечасова атрымаць школьную адукацыю. Гэта стала падставай для перайменавання вясной 1944 г. школ для падлеткаў у школы рабочай моладзі [1, с. 389].

У сувязі з тым, што значная колькасць сельскіх падлеткаў краіны, вымушаная працаваць у сельскай гаспадарцы, не магла наведваць школу ў першай палове дня, СНК СССР 6 ліпеня 1944 г. прыняў пастанову № 829 «Аб арганізацыі вячэрніх школ сельскай моладзі» [1, с. 391–393]. Згодна з патрабаваннямі пастановы, наркаматы асветы рэспублік і іх рэгіянальныя структуры сумесна з органамі мясцовай улады абавязваліся правесці ў сёлах улік усіх падлеткаў, якія не маюць сямігадовай адукацыі, вызначыць пачатковы ўзровень іх ведаў, правесці тлумачальную працу сярод сельскай моладзі гэтага і больш старэйшага ўзросту з нагоды важнасці павышэння іх адукацыйнага ўзроўню, стварыць належныя ўмовы для працы сельскіх вячэрніх школ, а навучэнцам гэтых школ усяляк садзейнічаць у навучанні.

Школы рабочай моладзі звычайна былі сямігадовыя або сярэднія, у той час як школы для сельскай моладзі прадугледжвалі пачатковую і сямігадовую форму навучання. Працягласць навучальнага года ў школах рабочай моладзі складала 49 тыдняў па дзевяць вучэбных гадзін у тыдзень, колькасць навучэнцаў у кожным класе не магла быць больш за 20 чалавек. Навучанне ў школах рабочай моладзі праводзілася па вучэбных праграмах для 5–10 класаў няпоўнай сярэдняй і сярэдняй школы. У вячэрнія школы сельскай

моладзі прымалі маладых людзей і падлеткаў, якія працавалі ў сельскагаспадарчай вытворчасці і не мелі магчымасці наведваць школу ўдзень. Працягласць навучальнага года ў школах сельскай моладзі склакдала 25 тыдняў па 20 вучэбных гадзін у тыдзень. Навучальны год пачынаўся з 1 лістапада, аднак гэты тэрмін мог мяняцца ў залежнасці ад тэрмінаў выканання сельскагаспадарчых работ.

Кіруючыся вышэйназванымі дакументамі, СНК БССР і ЦК КП(б)Б 25 жніўня 1944 г. прынялі пастанову «Аб рэарганізацыі школ для падлеткаў, якія працуюць на прадпрыемствах, у школы рабочай моладзі і аб арганізацыі вячэрніх школ сельскай моладзі» [2, с. 26].

Пастанова абавязвала абласныя і раённыя камітэты партыі, абласныя і раённыя выканкамы, абласныя і раённыя аддзелы народнай адукацыі прыняць неабходныя меры па арганізацыі работы школ рабочай і сельскай моладзі. Ставілася задача да пачатку 1945/46 навучальнага года стварыць у гарадах і рабочых пасёлках сетку сямігадовых і сярэдніх школ рабочай моладзі (ШРМ), у сельскай мясцовасці – пачатковых і сямігадовых вячэрніх школ сельскай моладзі (ШСМ). Кіраўнікам партыйных і савецкіх органаў на месцах, органам народнай адукацыі даручалася вырашыць праблему з выдзяленнем для школ неабходных памяшканняў, мэблі, вучэбнага абсталявання, падручнікаў.

Згодна з планам, падрыхтаваным Наркамасветы ў 1945/46 навучальным годзе, у рэспубліцы павінны былі пачаць дзейнасць 225 школ рабочай моладзі з кантынгентам навучэнцаў 15 000 чалавек і 375 вячэрніх школ сельскай моладзі з кантынгентам 15 405 чалавек [3, арк. 219].

Каб працэс адкрыцця школ прайшоў арганізавана, Наркамасветы выдаў загад, у якім вызначалася сетка школ адпаведна кожнай вобласці і рэкамендацыі па стварэнні неабходных умоў для іх дзейнасці. ЦК ЛКСМБ прыняў пастанову аб аказанні дапамогі органам народнай адукацыі ў правядзенні ўліку моладзі, якая падлягала навучанню, падрыхтоўцы памяшканняў для патрэб школ, забеспячэнні іх асвятленнем і ацяпленнем.

На жаль, валявыя рашэнні зверху, характэрныя для таго перыяду ва ўсіх абласцях жыцця грамадства, праявіліся і пры падрыхтоўцы плана па адкрыцці школ рабочай моладзі і вячэрніх школ сельскай моладзі. Наркамасветы рэспублікі, вызначаючы планавыя заданні абласцям па стварэнні ШРМ і ШСМ, не ўлічыў ні іх спецыялізацыі, ні матэрыяльныя магчымасці, якія мелі вялікае значэнне, асабліва ў першыя пасляваенныя гады, ні наяўнасць кваліфікаваных настаўніцкіх кадраў, ні асаблівасці ўмоў жыцця і працы моладзі ў гарадах і сельскай мясцовасці.

Як паказала практыка, партыйныя і савецкія ўлады на месцах у асноўным абмежаваліся агульнымі ўказаннямі, а органы народнай адукацыі, кіраўнікі прадпрыемстваў, калгасаў аказаліся не гатовыя да арганізацыі навучальных устаноў для працуючай моладзі.

Фармальны падыход да планавання сеткі навучальных устаноў, негатоўнасць мясцовых партыйна-савецкіх улад і органаў адукацыі на месцах да арганізацыі ШРМ і ШСМ сталі галоўнай прычынай таго, што да пачатку навучальнага года ні адна з абласцей не здолела выканаць планавае заданне па адкрыцці школ рабочай моладзі. Паводле справаздач абласных аддзелаў адукацыі, на 1 лістапада 1945 г. у рэспубліцы было створана 133 ШРМ, або толькі 60% ад запланаванай колькасці [3, арк. 219]. Асабліва нізкія паказчыкі былі ў Полацкай вобласці, у якой замест 18 было створана толькі 2 школы, у Пінскай вобласці замест 12 – 2 школы, у Гродзенскай вобласці замест 20 – 7 школ [3, арк. 219].

Істотна стрымлівала адкрыццё школ рабочай моладзі адсутнасць вучэбных памяшканняў. Найбольш рацыянальным падыходам пры стварэнні сямігадовых і сярэдніх ШРМ было размяшчэнне іх у памяшканнях масавых школ. Па-першае, адзін дырэктар мог адначасова ўзначальваць абедзве навучальныя ўстановы. Па-другое, гэта было зручна з улікам вырашэння пытанняў з мэбляй, ацяпленнем, асвятленнем, забеспячэннем наглядзнасцю і г. д. Аднак большасць гарадскіх масавых школ працавалі ў 2–3 змены, а таму не мелі магчымасці выдзеліць класныя пакоі для ШРМ. Калі ж класы і выдзяляліся, то толькі ўвечары. У такім выпадку школы рабочай моладзі функцыянавалі не як зменныя, а толькі як вячэрнія.

Нявыкананым да пачатку навучальнага года аказалася і планавае заданне па кантынгенце ШРМ. Замест 15 000 у школы рэспублікі было залічана 11 443 чалавекі, або 71% ад плана. Найгоршыя паказчыкі былі ў Полацкай вобласці, дзе замест 1260 чалавек у школы было залічана толькі 264, у Гродзенскай вобласці замест 1360 чалавек – 518, у Пінскай вобласці замест 880 чалавек – 264 [3, арк. 219]. Адной з галоўных прычын нізкага ахопу навучаннем рабочай моладзі з'яўлялася адназменная, як правіла вячэрняя, праца большасці ШРМ пры шматзменнай працы маладых рабочых на прамысловых прадпрыемствах.

Што да адкрыцця вячэрніх школ сельскай моладзі, то на пачатак навучальнага года іх у рэспубліцы было створана значна больш, чым планавалася. У адпаведнасці з дадзенымі, прадстаўленымі ў Наркамасветы абласцямі, у рэспубліцы было створана 445 ШСМ пры плане 375. Агульная колькасць навучэнцаў у школах сельскай моладзі таксама перавышала запланаваную. Замест 15 405 навучэнцаў паводле плана было залічана 18798 [3, арк. 217]. Перавышэнне планавых заданняў па колькасці ШСМ і іх кантынгенце адбылося за кошт адкрыцця большай колькасці пачатковых школ.

Аднак Пінская, Віцебская і Баранавіцкая вобласці з планавымі заданнямі не справіліся. У Баранавіцкай вобласці было створана толькі 13 ШСМ з 25 запланаваных, у Пінскай – замест 25 школ – 20, у Віцебскай – замест 34 школ – 31 [3, арк. 219].

Трэба адзначыць, што статыстычныя дадзеныя, прадстаўленыя абласнымі аддзеламі народнай адукацыі аб колькасці адкрытых на пачатак навучальнага года школ рабочай і сельскай моладзі і іх кантынгентах, не адпавядалі сапраўднасці. Баючыся пакарання, загадчыкі раённых і абласных аддзелаў народнай адукацыі завышалі паказчыкі па адкрыцці школ для працуючай моладзі і ахопе яе навучаннем. Пра гэта сведчаць вынікі праверкі работы створаных вучэбных устаноў для працуючай моладзі, праведзенай Наркамасветы рэспублікі ў канцы першага навучальнага паўгоддзя. Так, згодна з інфармацыяй, прадстаўленай Маладзечанскім аддзелам адукацыі, у вобласці на пачатак навучальнага года функцыянавала 9 школ рабочай моладзі з кантынгентам 5067 навучэнцаў, а праверка, праведзеная прадстаўнікамі Наркамасветы праз два месяцы, выявіла, што ў сапраўднасці працавала 5 школ, у якіх навучаўся толькі 391 чалавек [3, арк. 219].

У асобных абласцях партыйныя і савецкія ўлады абмежаваліся толькі фармальным зацвярджэннем сетак ШРМ і ШСМ, партыйна-савецкія органы на месцах не прынялі неабходных мер для стварэння неабходных умоў для арганізацыі вучэбных заняткаў. Школы не былі забяспечаны памяшканнямі, палівам, многія школы ў сельскай мясцовасці не мелі лямпаў і газы, што прыводзіла да сістэматычнага зрыву заняткаў. Не ўдзялялі дастатковай увагі школам рабочай і сельскай моладзі і раённыя аддзелы народнай асветы. Не хапала настаўнікаў, затрымлівалася аплата іх працы, навучэнцы былі дрэнна забяспечаны падручнікамі і вучэбна-пісьмовымі прыладамі.

Асабліва складана ішла справа з арганізацыяй дзейнасці школ рабочай і сельскай моладзі ў заходніх абласцях рэспублікі.

У выключна неспрыяльных умовах пачалі навучальны год школы Палескай вобласці. У большасці з іх не было лямпаў і газы, падручнікаў і пісьмовых прылад. Нязначная колькасць іх была атрымана толькі ў лютым 1946 г. З 168 настаўнікаў, якія працавалі у школах вобласці, штатнымі былі толькі 5. Як вынік, ужо ў першым паўгоддзі адсеў навучэнцаў са школ рабочай і сельскай моладзі вобласці склаў 1091 чалавек (ШРМ – 291 чалавек, ШСМ – 800 чалавек) [4, арк. 176].

Не лепш складваліся справы ў Гродзенскай вобласці. Толькі па прычыне адсутнасці настаўнікаў вучэбныя працэсы не пачаліся ў школах Юрацішскага, Дзятлаўскага і шэрагу іншых раёнаў гэтай вобласці [3, арк. 217].

У сувязі з недастатковым фінансаваннем ва ўсіх абласцях рэспублікі мелі месца затрымкі заработнай платы настаўнікам. Так, настаўнікі школы рабочай моладзі пры шклозаводзе ў г. Гомелі не атрымлівалі зарплату на працягу чатырох месяцаў [3, арк. 218].

Абыякавыя адносіны да дзейнасці школ праяўлялі і асобныя кіраўнікі прамысловых прадпрыемстваў, устаноў і праўленняў калгасаў. Маладыя рабочыя і калгаснікі, якія з'яўляліся навучэнцамі школ, нагружаліся звышурочнай працай, накіроўваліся ў камандзіроўкі (паравознае дэпо Калінкавічы, Гомсельмаш і інш.), мабілізоўваліся на працяглы час на лесанарыхтоўкі (Гарадоцкі, Буда-Кашалёўскі і іншыя раёны) [3, арк. 218].

Дрэнны стан матэрыяльнай і вучэбнай базы школ рабочай і сельскай моладзі, іх недастатковае фінансаванне, адсутнасць педагагічных кадраў і іншыя прычыны сталі прадумовай таго, што на працягу першага навучальнага паўгоддзя колькасць школ для працуючай моладзі і іх кантынгенты значна зменшыліся. Калі на пачатак навучальнага года ў рэспубліцы, згодна са статыстыкай, было створана 455 ШСМ, то на 1 студзеня 1946 г. іх засталося толькі 335. Агульная колькасць навучэнцаў у іх зменшылася з 18 798 да 13 632 чалавек. Істотны адсеў навучэнцаў адбыўся і ў ШРМ. На 1 студзеня 1946 г. з 11 443 залічаных у школы навучэнцаў заняткі наведвала толькі 7707 чалавек [3, арк. 219].

Нездавальняючае становішча з арганізацыяй работы школ для працуючай моладзі стала падставай для таго, каб Наркамасветы рэспублікі і ЦК ЛКСМБ звярнуліся з сумеснай просьбай да ЦК КП(б)Б абмеркаваць пытанне «Аб паляпшэнні работы школ рабочай і сельскай моладзі» на пасяджэнні бюро і прыняць адпаведную пастанову [3, арк. 217–218].

Каб актывізаваць работу па стварэнні навучальных устаноў для працуючай моладзі і паляпшэнні іх вучэбнай дзейнасці, СНК БССР і ЦК КП(б)Б 2 крававіка 1946 г. прынялі пастанову «Аб мерапрыемствах па паляпшэнні работы школ рабочай і сельскай моладзі». Адпаведна свае пастановы прынялі абкамы, гаркамы, райкамы.

Гэта ў пэўнай ступені актывізавала дзейнасць партыйных і савецкіх улад, прадпрыемстваў і ўстаноў па забеспячэнні спрыяльных умоў для работы ШРМ і ШСМ, уключэнні ў працэс навучання юнакоў і дзяўчат, якія не мелі сямігадовай, сярэдняй, а падчас і пачатковай адукацыі.

Істотную ролю ў паляпшэнні дзейнасці навучальных устаноў для працуючай моладзі рэспублікі аказала прынятая 11 лютага 1946 г. пастанова СНК СССР [1, с. 394], згодна з якой у Наркамасветы рэспублікі было створана ўпраўленне школ рабочай і сельскай моладзі, ва ўсіх аблана адпаведных сектараў. У гарадскіх і раённых

аддзелах народнай адукацыі была ўведзена пасада інспектара па ШРМ і ШСМ.

Аднак, нягледзячы на прынятыя пастановы і меры, наладзіць паўнавартасную дзейнасць школ рабочай і сельскай моладзі рэспублікі ў наступным 1946/47 навучальным годзе не атрымалася: усё яшчэ не хапала памяшканняў для правядзення заняткаў, вучэбнага абсталявання, падручнікаў, вучэбных дапаможнікаў, школьных пісьмовых прылад, настаўнікаў. Вялікая колькасць працуючай моладзі заставалася не ахопленай навучаннем.

Калегія Міністэрства асветы БССР, якая 16 кастрычніка 1946 г. разгледзела пытанне «Аб рабоце школ рабочай моладзі г. Мінска», канстатавала, што на пачатак 1946/47 навучальнага года ў горадзе планавалася дзейнасць 11 сярэдніх школ рабочай моладзі, а заняткі пачаліся толькі ў сямі школах. Пры гэтым у школах № 3, 4, 9 адсутнічала асвятленне, не было дастатковай колькасці падручнікаў і некаторых настаўнікаў. Па прычыне адсутнасці святла 4-я школа не працавала больш за тры тыдні, частыя перапынкі былі ў рабоце школ № 1, 6. Падручнікаў па беларускай, рускай мовах і матэматыцы асобныя школы не мелі наогул, а іншых падручнікаў мелі па 2–3 экзэмпляры. У школах № 3 і 7 не хапала настаўнікаў хіміі, у 5-й і 10-й – настаўнікаў фізікі. У школах не было стабільных раскладаў заняткаў, класных журналаў, не ажыццяўляўся кантроль за якасцю работы настаўнікаў [3, арк. 249].

Як і ў папярэднім навучальным годзе, многія кіраўнікі прадпрыемстваў горада не бачылі вострай неабходнасці ў павышэнні агульнаадукацыйнага ўзроўню працуючай моладзі і не стваралі належныя ўмовы для таго, каб яна мела магчымасць вучыцца без адрыву ад вытворчасці. На трактарным і аўтамабільным заводах, фабрыках імя Крупскай, імя Тэльмана і іншых прадпрыемствах маладыя рабочыя вымушаны былі працаваць пазменна, што не дазваляла ім наведваць заняткі ў школах у вячэрні час [3, арк. 249].

Дрэнная падрыхтоўка школ рабочай моладзі горада да пачатку навучальнага года, адсутнасць падручнікаў і настаўнікаў, абыякавыя адносіны кіраўнікоў прадпрыемстваў да павышэння агульнаадукацыйнага ўзроўню іх маладых рабочых з’явіліся перадумовай нізкага ахопу навучаннем працуючай моладзі горада, дрэннага наведвання заняткаў навучэнцамі школ і іх адсеву.

Каб выправіць становішча, Міністэрства асветы БССР звярнулася да Мінскага гарадскога камітэта КП(б)Б з просьбай абмеркаваць пытанне аб рабоце школ рабочай моладзі горада на пасяджэнні бюро гаркама [3, арк. 249].

Не лепшай была арганізацыя работы школ для працуючай моладзі і ў рэгіёнах рэспублікі. Як вынікае з пастановы калегіі Міністэрства асветы БССР ад 11 снежня 1946 г. «Аб стане і мерах па паляпшэнні работы Гродзенскага аблана па кіраўніцтве справай народнай адукацыі ў вобласці», усімі раёнамі вобласці ў 1946/47 навучальным годзе не быў выкананы план па сетцы і кантынгентах школ рабочай і сельскай моладзі. У шэрагу раёнаў школы рабочай і сельскай моладзі праіснавалі два-тры тыдні і спынілі сваю работу. У Сапоцкінскім, Жалудокскім і іншых раёнах школы наогул не былі адкрыты. Адсеў навучэнцаў са ШРМ вобласці за першую чвэрць дасягнуў 60% [3, арк. 278].

Надаючы важнае значэнне арганізацыі агульнаадукацыйнай падрыхтоўкі працуючай моладзі без адрыву ад вытворчасці, СНК БССР і ЦК КП(б)Б 15 красавіка 1947 г. зноў разгледзелі пытанне аб рабоце школ рабочай і сельскай моладзі і прынялі адпаведную пастанову. З мэтай яе выканання партыйныя і савецкія арганізацыі, прадпрыемствы і ўстановы, органы народнай адукацыі разгарнулі актыўную работу па росце колькасці і паляпшэнні дзейнасці школ для працуючай моладзі, павелічэнні іх вучнёўскага кантынгента.

Гэта мела станоўчы вынік. Паступова ўмацоўваліся матэрыяльная база і кадравы склад школ рабочай і сельскай моладзі, яны заваёўвалі ўсё большую папулярнасць. З года ў год ва ўсіх рэгіёнах рэспублікі назіраўся рост колькасці школ і вучняў у іх.

У 1950/51 навучальным годзе колькасць школ рабочай моладзі рэспублікі ўзрасла да 230. Іх кантынгент у параўнанні з 1945/46 навучальным годам узрос у 4 разы і склаў 30 764 чалавекі. Сетка школ сельскай моладзі павялічылася ў два разы. У 714 установах навучаўся 23 401 чалавек.

Агульная колькасць школ рабочай і сельскай моладзі ў рэспубліцы ў параўнанні з 1945/46 навучальным годам павялічылася ў два разы і склала 944 з кантынгентам 54 165 чалавек [5, с. 418].

Заключэнне. Арганізацыя і станаўленне сістэмы агульнай адукацыі працуючай моладзі без адрыву яе ад вытворчасці ў пасляваенныя гады разглядалася партыйна-савецкім кіраўніцтвам рэспублікі як найважнейшая дзяржаўная задача палітычнага, гаспадарчага і абароннага значэння.

Вывучэнне і аналіз архіўных крыніц сведчаць пра тое, што стварэнне і арганізацыя вучэбнай работы школ рабочай моладзі і вячэрніх школ сельскай моладзі рэспублікі адбываліся ў складаных сацыяльна-эканамічных умовах першых пасляваенных гадоў, у тым ліку фактычнай адсутнасці ўласнай матэрыяльнай і вучэбнай базы, педагагічных кадраў, падручнікаў, высокага адсеву навучэнцаў, абумоўленага занятасцю іх

на звышурочных працах. Тым не менш намаганнямі партыйна-савецкіх органаў усіх узроўняў, Наркамасветы, аддзелаў народнай адукацыі, грамадскасці была праведзена вялікая работа, якая дазволіла стварыць сетку школ, у якіх працуючая моладзь мела магчымасць атрымаць сямігадовую і сярэднюю адукацыю, а затым паступіць у сярэднія спецыяльныя і вышэйшыя навучальныя ўстановы.

Спіс літаратуры

1. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сб. док. 1917–1973. М.: Педагогика, 1974. 560 с.

2. Новик Е. К. Ленинский комсомол Белоруссии – общеобразовательной школе: Содержание, формы и методы работы по обучению и коммунистическому воспитанию молодежи (1941–1980 гг.). Минск: Наука и техника, 1982. 352 с.

3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 4 п. Воп. 17. Спр. 43.

4. НАРБ. Ф. 4 п. Воп. 17. Спр. 41.

5. Народное хозяйство БССР. Статистический сборник. Минск: Госиздат БССР, 1963. 450 с.

References

1. *Narodnoye obrazovaniye v SSSR. Obscheobrazovatel'naya shkola: sbornik dokladov. 1917–1973* [Public education in the USSR. Comprehensive school: collection of reports. 1917–1973]. Moscow, Pedagogika Publ., 1974. 560 p. (In Russian).

2. Novik E. K. *Leninskiy komsomol Belorussii – obshcheobrazovatel'noy shkole: Soderzhaniye, formy i metody raboty po obucheniyu i kommunisticheskomy vospitaniyu molodezhi (1941–1980 gg.)* [Lenin Komsomol of Belarus general education schools: the content of the form and methods of work on education and communist education of youth (1941–1980)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1982. 352 p.

3. National Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 4. I. 17. F. 43.

4. NARB. Fund 4. I. 17. F. 41.

5. *Narodnoye khozyaystvo BSSR. Statisticheskiy sbornik* [National economy of the BSSR. Statistical collection]. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1963. 450 p. (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Андарала Ігар Аляксандравіч – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры культуалогіі і псіхолага-педагагічных дысцыплін. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў (вул. Рабкораўская, 17, г. Мінск, 220007, Рэспубліка Беларусь). E-mail: aia1106@mail.ru

Information about the author

Andarala Ihar Alyakndravich – PhD (Pedagogics), Associate Professor, Head of the Department of cultural studies and psychological-pedagogical sciences. Belarusian State University of Culture and Arts (17 Rabkorauskaya Ave., 220007, Minsk, Republic Belarus). E-mail: aia1106@mail.ru

Паступіў 15.05.2025

УДК 376(091)

Е. Н. Мох
ГУО «Академия образования»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СПЕЦИАЛЬНОГО (КОРРЕКЦИОННОГО) ОБРАЗОВАНИЯ В БССР

С началом Великой Отечественной войны обучение детей с особенностями психофизического развития прекратилось. Только с 1944 г. в системе образования БССР стала функционировать сеть учреждений для этой категории воспитанников. Актуальность обращения к исследованию определена тем, что создание и развитие в послевоенное время данных типов учреждений стало одним из приоритетных направлений государственной политики БССР в сфере образования. Цель настоящей работы – рассмотреть проблему функционирования школ для детей с особенностями психофизического развития в условиях послевоенного восстановления экономики БССР. Работа основана на документах Национального архива Республики Беларусь (фонд № 42 «Народный Комиссариат Просвещения Белорусской ССР», опись 4,5), в первую очередь это нормативно-правовые документы Наркома просвещения БССР – приказы, годовые отчеты школ. В работе использованы проблемно-хронологический, историко-системный методы, которые позволили установить мероприятия Наркома просвещения БССР по решению организационных вопросов (научно-методическое кадровое, материально-техническое обеспечение, системы управления данными учреждениями и иные). В системе школьного образования школы для слабослышащих и позднооглохших, для слабовидящих, детей с нарушением опорно-двигательного аппарата, с тяжелыми нарушениями речи, а также школы для детей с задержкой психического развития занимали ключевую роль, обеспечивали право каждого воспитанника на получение образования и социализацию в обществе.

Ключевые слова: специальное образование, дети с особенностями психофизического развития, школы для детей с особенногстями психофизического развития, образовательная политика БССР, образовательный процесс, Нарком просвещения.

Для цитирования: Мох Е. Н. Государственная политика в области специального (коррекционного) образования в БССР // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 89–92.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-15.

H. N. Mokh
State Educational Institution “Academy of Education”

STATE POLICY IN THE FIELD OF SPECIAL (CORRECTIONAL) EDUCATION IN THE BSSR

With the beginning of the Great Patriotic War, the education of children with special psychophysical development features ceased. Only since 1944, a network of institutions for this category of pupils began to function in the education system of the BSSR. The relevance of the study is determined by the fact that the creation and development of these types of institutions in the post-war period became one of the priority areas of the state policy of the BSSR in the field of education. The purpose of this work is to consider the problem of the functioning of schools for children with special psychophysical development features in the context of the post-war recovery of the BSSR economy. The work is based on documents of the National Archives of the Republic of Belarus (fund No. 42 “People's Commissariat of Education of the Byelorussian SSR”, inventory 4.5), primarily these are regulatory and legal documents of the People's Commissar of Education of the BSSR – orders, annual reports of schools. The work uses problem-chronological, historical-systemic methods, which allowed to establish the activities of the People's Commissar of Education of the BSSR to resolve organizational issues (scientific and methodological support, personnel, material and technical management system of these institutions and others). In the school education system, schools for the hearing-impaired and late-deafened, for the visually impaired, children with musculoskeletal disorders, with severe speech disorders, as well as schools for children with mental retardation played a key role, ensuring the right of each pupil to receive an education and socialization in society.

Keywords: special education, children with special psychophysical development needs, schools for children with special psychophysical development needs, educational policy of the BSSR, educational process, People's Commissariat of Education.

For citation: Mokh H. N. State policy in the field of special (correctional) education in the BSSR. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 89–92 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-15.

Введение. Одной из важнейших структур общественной жизни общества является система образования. В условиях Великой Отечественной войны и установления оккупационного режима дети с особенностями психофизического развития (ОПФР) лишились возможности учиться в школе. Восстановление школ-интернатов для данной категории лиц приобретало особое значение. В этой связи опыт деятельности Народного комиссариата (с 1946 г. – Министерства просвещения БССР) представляет определенный интерес. Стратегию развития образования, в том числе и специального (коррекционного), определяет особая область политики государства, местного самоуправления – государственная образовательная политика. Государственная политика в области специального (коррекционного) образования в послевоенный период в БССР – комплекс законодательных актов и практических мероприятий, направленных на восстановление и функционирование различных типов учреждений школ-интернатов, а также социализацию воспитанников с ОПФР.

Цель данной работы – рассмотреть вопросы функционирования школ-интернатов для детей с особенностями психофизического развития, проблемы, с которыми пришлось столкнуться. Научная новизна исследования состоит в анализе самой государственной политики, эффективности ее работы, решения организационных вопросов при создании данных учреждений. В статье использованы документы Национального архива Республики Беларусь (фонд № 42, Наркомат (Министерство) просвещения БССР). Они содержат данные об открытии в БССР школ-интернатов, статистические данные о количестве этих учреждений и учащихся, научно-методическом обеспечении, о мерах, принимавшихся для урегулирования вопросов, связанных с повышением качества образовательного процесса, и иное.

Исследуемая нами тема еще не стала предметом изучения специалистов по истории. Отдельные аспекты государственной политики в области специального (коррекционного) образования в БССР освещались в публикациях белорусских ученых Лещинской Т. Л., Бобла И. М. [1]. В работах были исследованы вопросы развития сети учреждений специального образования, организации процесса обучения и воспитания детей с ОПФР. В отечественной историографии в работе Савицкой Т. М. был введен в научный оборот термин «специальное образование», под которым автор понимает «процесс обучения и воспитания лиц с ОПФР, включающий специальные условия для получения соответствующего образования, оказание коррекционной помощи, способствующие социальной адаптации, интеграции указанных лиц в общество, а также раскрытию и реализации их потенциала» [2].

Основная часть. В апреле 1944 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР приняли постановление о восстановлении сети школ в БССР, в том числе и специальных, в освобожденных от нацистских захватчиков территориях БССР.

Восстановление и развитие системы специального обучения и воспитание детей с ОПФР в БССР в послевоенные годы проходило в условиях преодоления тяжелейших последствий оккупации: была разрушена материальная база учреждений, школы-интернаты не были обеспечены специалистами-дефектологами с высшим образованием, учебно-наглядными пособиями.

1 октября в 1943 г. возобновила свою работу Мстиславская школа-интернат для глухих детей Народного комиссариата просвещения БССР (с 1946 г. – Министерства просвещения БССР), г. Мстиславля Могилевской области БССР. В феврале 1944 г. эта школа была преобразована в Республиканскую школу беспризорных глухонемых подростков на 150 человек.

В апреле 1944 г. было принято постановление «О восстановлении сети школ в освобожденных районах БССР», которое распространялось и на спецшколы [3, л. 40–41].

В 1945 г. в БССР школы для глухонемых функционировали в Мстиславле, Бобруйске, Голошево, Ошмянах, Новогрудке, для слепых детей – в д. Поречье. В числе утвержденных специальных школ значилась и Центральная республиканская школа для детей с расстройствами слуха и речи на 300 учащихся в Минске. Осенью 1945 г. такая же школа начала работать в Кобрине. Открытие запланированных школ глухонемых в Гомельской (Речица), Полесской (Копцевичи) и Пинской (Дрогичин) областях тормозилось отсутствием помещений или материалов для их ремонта и оборудования.

В послевоенные годы происходило восстановление сети вспомогательных школ (для умственно отсталых детей). По статистическим данным областей, в 1946/1947 учебном году в БССР до 700 умственно отсталых детей школьного возраста проживали у родителей. До 200 таких детей содержались в детских домах для детей-сирот. Все они нуждались в специальном обучении и воспитании. Поэтому Министерство просвещения БССР в 1947 г. подготовило проекты штатов вспомогательных школ в Витебске и Минске (на 120 человек каждая) [4, с. 129].

На 1 октября 1958 г. в БССР функционировали в Брестской области три школы глухонемых, две школы для умственно отсталых детей; в Витебской области – две школы для глухонемых и для умственно отсталых детей, одна школа для слепых; в Гродненской области – две школы для глухонемых, одна для умственно отсталых детей, одна школа для слепых; в Гомельской – две школы для глухонемых и для умственно отсталых

детей; в Минской области – по одной школе для глухонемых и для умственно отсталых детей; в Молодечненской области – по одной школе для глухонемых и для умственно отсталых детей; в Могилевской области – две школы для глухонемых, по одной школе для умственно отсталых детей и слепых; в г. Минске – одна школа для глухонемых. Всего в БССР на 1 октября 1958 г. действовало 13 школ для глухонемых детей с общим количеством учащихся 1665 человек, две школы для слепых детей – 223 учащихся, 10 школ для умственно отсталых детей с количеством учащихся 1256 человек. По данным управления школ Министерства просвещения БССР, не охвачены обучением были 381 человек (глухонемые), 991 (умственно отсталые) 118 (слепые) [5, л. 62].

Школы для глухонемых, умственно отсталых и слепых детей находились в непосредственном ведении и на балансе областных, городских отделов народного образования. При данных учреждениях могли быть организованы дошкольные отделения для детей дошкольного возраста и классы переростков для детей 11–14 лет, ранее не обучавшихся в школе.

Обучение и воспитание осуществлялось по специальным учебным планам, программам и учебникам, утвержденным Министерством просвещения БССР для данных типов школ. Учащиеся, не имеющие родителей, а также иногородние принимались в интернаты, организуемые при этих школах. Содержание в интернате лиц с ОПФР было бесплатным. По выходе из школы-интерната дети обеспечивались вещевым и денежным пособием по установленным нормам.

С целью осуществления руководства этими учреждениями образования был создан отдел школ-интернатов, школьных детских домов и спецшкол, подчинявшийся Народному комиссариату просвещения БССР. Данное структурное подразделение осуществляло руководство учреждениями интернатного типа через областные, городские и районные отделы народного образования. Основными задачами являлись: развитие и совершенствование образовательного процесса, осуществление руководства и контроля, оказание помощи отделам народного образования, имеющим в своем ведении учреждения интернатного типа [6, с.48–49].

Районным отделам народного образования необходимо было провести точный учет детей от 7 до 16 лет, которые имели физические недостатки, принять меры для направления их в специальные школы соответствующего типа; информировать население о школах для детей с ограниченными возможностями, их местонахождении и условиях приема на обучение; на протяжении всего учебного года следить за выполнением всеобуча детей с ОПФР.

Государственная политика по возрождению системы коррекционного образования нашла отражение и в создании логопедических пунктов при общеобразовательных школах Министерства просвещения БССР, которые организовывались на основании постановления Совета Министров БССР от 29.12.1961 № 270 «О мероприятиях по улучшению обучения и воспитания детей с дефектами умственного и физического развития». В задачи логопедических пунктов входило исправление различных недостатков речи (недостатков произношения, заикания и др.) у учащихся [7, л. 57].

В 1960 г. Министерством просвещения были выявлены недостатки в работе многих школ для глухонемых детей. Школы глухонемых – Речицкая, Ошмянская, Копцевичская не имели достаточной площади для проведения учебной и внеурочной деятельности, не были созданы условия для специального обучения лиц с ОПФР; не сохранились нормы продовольственного обеспечения; внешний вид учащихся был неопрятным, у детей не сформированы в достаточной степени навыки личной гигиены; многие школы были плохо укомплектованы педагогическими кадрами. Директорами и заведующими учебными частями назначались лица, которые не имели высшего образования. Из 33 руководителей школ для глухонемых детей только 16 имели высшее образование. В Волковысской, Пинской, Дрогиченской и других школах учебно-воспитательная работа проводилась на низком уровне.

В связи с этим заместителем Министра просвещения БССР Умрейко С. А. приказывалось заведующим областным отделам народного образования разработать мероприятия по улучшению материальной базы школ для глухонемых детей; обеспечить на протяжении 1960/1961 учебного года полный охват обучением глухонемых детей школьного возраста; ликвидировать недочеты в организации питания и санитарно-гигиенического режима, создать нормальные условия для жизни, учебы и отдыха воспитанников. Областные институты развития образования должны были с особым вниманием относится к системе повышения квалификации учителей и воспитателей специальных школ, оказывать практическую помощь на местах, распространять лучший методический опыт среди других учреждений [8, с. 19–23].

Выводы. В БССР была разработана нормативная база, представляющая собой целостную систему социальной защиты лиц с ОПФР (типовые положения о специальной общеобразовательной школе-интернате для детей с тяжелыми нарушениями речи, инструкции о порядке приема детей в специальные школы-интернаты, для детей с нарушением слуха, для слепых и слабовидящих, для детей с нрушением речи и перенесших полиомиелит, положение о

логопедических пунктах при общеобразовательных школах Министерства просвещения БССР). В БССР в послевоенное время постепенно выстраивалась система специального образования. Она позволяла воспитанникам овладевать общеучебными навыками и умениями.

Список литературы

1. Ляшчынская Т. Л., Бобла І. М. Развіццё спецыяльных школ у рэспубліцы // Народная асвета. 1976. № 10. С. 7–14.

2. Савицкая Т. М. Развитие системы специального образования Республики Беларусь в 1991–2010 гг. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. 166 с.

3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 42. Оп. 4. Д. 5.

4. Бобла И. М., Макавчик И. Ю. История становления и развития специального образования детей с особенностями психофизического развития в Беларуси. Минск: БГПУ, 2010. 179 с.

5. НАРБ. Ф. 42. Оп. 5. Д. 221.

6. Высшие органы государственной власти и центрального управления Белорусской ССР (1965–1991 гг.): в 3 ч. / редкол.: В. В. Федосов [и др.]. Минск, 2000. Ч. 3. 202 с.

7. НАРБ. Ф. 42. Оп. 5. Д. 1074.

8. Зборнік загадаў і інструкцый Міністэрства асветы БССР // Народная асвета. 1960. № 9. С. 19–23.

References

1. Lyashchynskaya T. L., Bobla I. M. Development of special schools in the republic. *Narodnaya asveta* [Narodnaya asveta], 1976, no. 10, pp. 7–14 (In Belarusian).

2. Savitskaya T. M. *Razvitiye sistemy spetsial'nogo obrazovaniya Respubliki Belarus' v 1991–2010 gg*. [Development of the system of special education in the Republic of Belarus in 1991–2010]. Vitebsk, VGU imeni P. M. Masherova Publ., 2014. 166 p. (In Russian).

3. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 42. I. 4. F. 5.

4. Bobla I. M., I. Makavchik Y. U. *Istoriya stanovleniya i razvitiya spetsial'nogo obrazovaniya detey s osobennostyami psikhofizicheskogo razvitiya v Belarusi* [The history of the formation and development of special education for children with special psychophysical development needs in Belarus.]. Minsk, BGPU Publ., 2010. 179 p. (In Russian).

5. NARB. Fund 42. I. 5. F. 221.

6. *Vysshiye organy gosudarstvennoy vlasti i tsentral'nogo upravleniya Belorusskoy SSR (1965–1991 gg.)* [The highest bodies of state power and central administration of the Byelorussian SSR (1965–1991)]. Ed. by: V. V. Fedosov [et al.]. Minsk, 2000, part. 3. 202 p. (In Russian).

7. NARB. Fund 42. I. 5. F. 1074.

8. Collection of orders and instructions of the Ministry of Education of the BSSR. *Narodnaya asveta* [Narodnaya asveta], 1960, no. 9, pp. 19–23 (In Belarusian).

Информация об авторе

Мох Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лабратории историко-обществедческого и социокультурного образования ГУО «Академия образования» (ул. Короля 16, 220004, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: eln.mokh@gmail.com

Information about the author

Mokh Helen Nikolaevna – PhD (History), Associate Professor, leading researcher of the laboratory of historical, and socio-cultural education. State Educational Institution “Academy of Education” (16 Korolya str., 220004, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: eln.mokh@gmail.com

Поступила 14.03.2025

УДК 323.33(091)(476)«19»

Н. А. Поляк
Белорусский государственный медицинский университет

РАБОЧИЙ КЛАСС БССР В 50–80-Х ГГ. XX ВЕКА: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Рассматривается основная историография по истории СССР и БССР в 50–80-х гг. XX века, в которой затрагивается тема развития промышленности и рабочего класса как основной социальной группы. Приводится обзор некоторых изданий, вышедших в свет в конце 50-х гг. XX – начале XXI века. Дается краткая характеристика опубликованных и неизданных источников. Делается вывод о том, что несмотря на большое количество существующих научных трудов, рабочие как социальный класс в них не рассматривались. Советские исследователи освещали достижения народного хозяйства и результаты труда занятых в промышленности. Изучение социальных изменений и внутриклассовых процессов в них реализовывалось поверхностно и эпизодически. В конце XX века ученые историки, социологи, экономисты тему рабочего класса 50–80-х гг. XX века СССР и БССР практически не исследовали. Только в последнее время социальные аспекты истории советского периода и структурные трансформации общества приобрели актуальность в научных кругах Российской Федерации и Беларуси. Дальнейшее, углубленное изучение качественных характеристик самого многочисленного класса социалистического общества позволит сделать содержательные выводы и существенно обогатит историческую науку.

Ключевые слова: историография, источники, БССР, СССР, Коммунистическая партия, рабочий класс, социальные изменения, структурные характеристики рабочего класса.

Для цитирования: Поляк Н. А. Рабочий класс БССР в 50–80-х гг. XX века: источники и историография изучения // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия, 2025. № 1 (293). С. 93–99.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-16.

N. A. Poliak
Belarusian State Medical University

THE WORKING CLASS OF THE BSSR IN THE 50–80S OF THE 20 TH CENTURY: SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF STUDY

The article examines the main historiography on the history of the USSR and the BSSR from the 1950s to the1980s, which touches on the development of industry and the working class as the main social group. A review of some publications published in the late 1950s to early 21 century is provided. A brief description of published and unpublished sources is given. It is concluded that despite the large number of existing scientific works, workers as a social class were not considered in them. Soviet researchers covered the achievements of the national economy and the results of labor of those employed in industry. The study of social changes and intra-class processes in them was implemented superficially and episodically. At the end of the 20 th century, historians, sociologists, and economists practically did not study the topic of the working class of the 1950s to 1980s of the USSR and the BSSR. Only recently have the social aspects of the history of the Soviet period and the structural transformations of society acquired relevance in the scientific circles of the Russian Federation and Belarus. Further, in-depth study of the qualitative characteristics of the most numerous class of socialist society will allow us to draw meaningful conclusions and significantly enrich historical science.

Keywords: historiography, sources, BSSR, USSR, Communist Party, working class, social changes, structural characteristics of the working class.

For citation: Poliak N. A. The working class of the BSSR in the 50–80s of the 20 th century: sources and historiography of study. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 93–99 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-16.

Введение. Тема социалистического строительства и рабочего класса десятилетиями разрабатывалась советскими учеными и активно освещалась на страницах многотомных трудов и научных публикаций. Историография вопроса обширная, однако большинство работ посвящено деятельности рабочих в промышленном производстве и оценке их труда. Сам рабочий класс и его внутренние структурные характеристики рассматривались косвенно и эпизодически. Только в последнее время тема социальных изменений в 50–80-х гг. XX века в СССР и БССР стала освещаться учеными.

Динамичное индустриальное развитие, вызывающее трансформацию общества, и в первую очередь рабочего класса как самого многочисленного, является проблемой малоизученной и актуальной. Дальнейшая разработка заявленной темы позволит сделать выводы о причинах внутриклассовых изменений и проанализировать особенности структуры рабочего класса БССР.

Основная часть. Историография формирования рабочего класса представлена множеством работ. Большинство из них издано в советский период на основе партийного подхода. Характерной особенностью текстов было изложение материала в зависимости от решений и постановлений съездов и пленумов ЦК КПСС, ЦК КПБ и пятилеток.

Обзорные издания, объектом исследования которых являлись экономическая ситуация в БССР и роль рабочего класса в развитии народного хозяйства, подготовлены белорусскими историками. Коллективные труды «История рабочего класса Белорусской ССР» в четырех томах [1] и «Гісторыя Беларускай ССР» в пяти томах [2] содержат богатый фактологический материал.

Отдельные вопросы деятельности рабочего класса освещены в монографиях, брошюрах, научных статях, опубликованных в БССР начиная с середины 50-х гг. В работах И. Е. Марченко [3], А. Т. Жовнерчика [4], С. Н. Малинина [5], показаны рост трудовой активности рабочих, изменения численности, повышение культурно-технического уровня и материального благосостояния рабочего класса БССР в 50-х – 60-х гг. XX века.

Исследователи В. М. Иванов [6], И. Д. Белогородцев [7], А. Г. Харчев [8], О. Ш. Гинзбург [9], Г. Р. Крючок [10] затрагивали некоторые аспекты повседневной жизни рабочих. Строительство жилья, получение образования, семейно-брачные отношения, условия труда и охраны здоровья рассматривались в контексте рабочих Советского Союза. Наиболее значимой в этой группе является издание 1965 г Института философии АН БССР «Социальные изменения рабочего класса Белоруссии в процессе строительства коммунизма» [11].

Экономическая ситуация и успехи народного хозяйства в цифрах описаны в вышедшей в Москве коллективной монографии «История советского рабочего класса» в шести томах [12]. Исследователи С. Л. Сенявский и В. Б Тельпуховский [13], в своей работе затрагивали специфические условия формирования рабочего класса в БССР.

Следующий этап в историографии истории рабочего класса БССР стал настоящим прорывом по количеству изданных трудов. Период 60-х – 70-х гг. отличался размахом, с которым велась работа научных школ, исследовательских институтов. Чем успешнее была пятилетка, тем больше научных работ о рабочих. Например, ученые В. З. Дробижев [14], И. Л. Полетаев [15] В. И. Староверов [16], не только называли рабочий класс двигателем промышленного прогресса, но и задавались вопросом о внутриклассовых характеристиках и их влиянии на производительность труда.

В отечественной историографии в это время были изданы работы В. К. Коршука [17], А. Е. Козловской [18], Т. Я. Дударева [19], Л. М. Лыча [20] и др. Авторы большое внимание уделяли трудовой активности рабочих БССР, вопросам производительности труда и роли социалистических соревнований. В контексте демографических и философско-социологических исследований авторам А. В. Макарову [21], Е. М. Бабосову [22], Б. Я. Мигасу [23], С. А. Польскому [24] Г. И. Касперович [25] удалось определить условия формирования новых социальных групп. В некоторых работах авторы успешно доказывали влияние социально-демографических факторов на развитие народного хозяйства.

Изменения роли рабочего класса в экономическом развитии страны были замечены исследователями в середине 70-х гг. XX в. Опираясь на конкретные цифры и реалии жизни, ученые заговорили о социальной политике как основном методе повышения производительности труда. Тема социального планирования стала заглавной в изданиях Л. А. Дмитрук [26], Н. Н. Белякович [27], а также в сборниках трудов «Социальный план и его реализация в производственном коллективе» [28].

В конце 90-х гг. тема рабочего класса считалась достаточно разработанной и учеными не замечалась. Сегодня в контексте своих исследований вторую половину XX в. рассматривают М. П. Костюк, [29], Н. В Смехович [30], А. А. Гужеловский [31], А. М. Сасим [32], но о рабочем классе в них не упоминается. В разработку вопроса вносят вклад современные белорусские социологи, которые реализуют свои проекты в исторической парадигме. Е. В. Лебедева [33], А. В. Рубанов [34] приходят к выводу о том, что мощной движущей силой социальных изменений, начавшихся в конце 50-х гг., являлся интенсивный промышленный рост и специфические процессы миграции и урбанизации в Белорусской ССР.

Изучением истории рабочего класса активно занимаются российские ученые. Некоторые современные авторы Ш. Мерль [35], А. К. Соколов [36], В. П. Петров [37] и другие считают, что форсирование темпов экономической модернизации вызывало отставание социальной сферы и сложности в формировании индустриального общества.

Политическая, экономическая, социальная история советских республик рассматривается на страницах российских научных журналов.

В изданиях «Историческая экспертиза», «Экономическая история», «Социальная история» публикуют результаты своих исследований Н. Л. Пушкарёва [38], И. Ю. Асабин [39]. В изучении вопроса участвуют российские социологи Ж. Т. Тощенко [40], Вера и Татьяна Гаврилюк [41].

Богатым, но не до конца проанализированным остается массив источников. Количественные показатели развития народного хозяйства отражены в сборниках статистики «Народное хозяйство БССР» [42]. Постановления ЦК КПБ по совершенствованию форм работы представлены в издании «Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов Пленумов ЦК» [43].

Ценную информацию о состоянии дел в народном хозяйстве содержат доклады первых секретарей ЦК КПБ К. Мазурова [44], П. Машерова [45].

Документы по теме собраны в фондах Национального архива Республики Беларусь и некоторых областных хранилищах. Наиболее ценным является фонд Центрального комитета Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии за 1918–1991 гг. [46], а также фонд Совета Министров БССР [47], а также документы Народного суда и Комитета партийно-государственного контроля [48], находящиеся в фондах Государственного архива Минской области. Упомянутые фонды содержат справки по результатам проверок, стенограммы совещаний, сведения о ходе строительства предприятий, передовиках производства, успехах социалистических соревнований. В них имеются личные дела рабочих, кадровые листки, характеристики, заявления и жалобы.

Заключение. Таким образом, историография формирования рабочего класса БССР 50–80-х гг. XX века характеризуется большим количеством работ. В существующих изданиях в основном освещались успехи развития промышленности и результаты труда рабочих, но сам по себе рабочий класс не рассматривался. Наибольшее количество трудов, подготовленных на марксистской методологической основе, освещали трудовую активность рабочих, выполнение и перевыполнение планов. Издания богаты фактами и цифрами. При этом малоизученными оставались внутренние изменения общества и структурные характеристики рабочего класса, как самого многочисленного и динамично развивающегося. На сегодняшний день в российской и белорусской науке существенно возросла значимость изучения советского прошлого. Перед учеными встает широкий круг проблем, среди которых основной является разработка теоретико-методологической основы дальнейших исследований. Необходим анализ численного и качественного изменения рабочего класса. Дальнейшего изучения требуют географические, демографические, культурно-технические факторы роста и структурных изменений рабочих, в том числе по отраслям. Предметом исследования могут стать социальные и экономические средства мотивации труда, формирования престижа профессии. Последовательное изучение истории рабочего класса БССР в рассматриваемый период позволит обогатить науку и сформировать объективное видение прошлого белорусского народа.

Список литературы

1. История рабочего класса Белорусской ССР. В 4 т. Т. 4. Рабочий класс на этапе совершенствования социализма (1961–1986 гг.) / под ред. И. Е. Марченко [и др.]. 1987. 510 с.

2. Гісторыя Беларускай ССР. У 5 т. Т. 5. Беларуская ССР у перыяд стварэння развітога сацыялістычнага грамадства і будаўніцтва камунізму (1945–1974 гг.) / гал. рэд. А. А. Філімонаў. Мінск: Навука і тэхніка, 1975. 776 с.

3. Марченко И. Е. Рабочий класс БССР в послевоенные годы. Минск: АН БССР, 1962. 257 с.

4. Жаўнерчык А., Міронаў І. Рабочы клас Беларусі ў брацьбе за завяршэнне сацыялістычнай рэканструкцыі народнай гаспадаркі. Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1959. 115 с.

5. Малинин С., Иппа М., Разуменко А. Народное хозяйство Белоруссии на современном этапе. Минск: Беларусь, 1964. 156 с.

6. Иванов В. М. Современный быт рабочих города Минска (историко-этнографическое исследование на материалах железнодорожного узла, завода «Большевик», завода имени Октябрьской революции, радиозавода и тракторного завода): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 07. Киев, 1961. 23 с.

7. Белогородцев И. Д., Гурин И. И., Кустанович С. М. Развитие городов Белоруссии // Сборник научных работ Института строительства и архитектуры АН БССР. Минск: АН БССР, 1961. С. 20–29.

8. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1964. 325 с.

9. Гинзбург О. Ш. Культурно-технический рост рабочего класса Белорусской ССР. Минск, 1958. 29 с.

10. Крючок Г. Р. Очерки истории медицины Беларуссии. Минск: Беларусь, 1976. 263 с.

11. Социальные изменения рабочего класса Белоруссии в процессе строительства коммунизма: сб. науч. ст. / АН Белорусской ССР, Ин-т философии; гл. ред. В. И. Степанов [и др.]. Минск: Наука и техника, 1965. 255 с.

12. История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 5. Рабочий класс СССР на новом этапе развития социалистического общества 1961–1970 гг. / Л. Д. Алексеева [и др.]. М.: Наука. 1988. 430 с.

13. Сенявский С. Л., Тельпуховский В. Б. Рабочий класс СССР (1938–1965 гг.). М.: Мысль, 1971. 533 с.

14. Дробижев В. З. Движение населения в СССР и социальный прогресс. М.: Знание, 1974. 61 с.

15. Полетаев В. Е., Корнаковский И. Л. Социальный облик советской рабочей молодёжи. М.: Знание, 1979. 62 с.

16. Староверов В. И. Социальный облик рабочего-интеллигента. М.: Мысль, 1977. 182 с.

17. Коршук В. К. Рост трудовой активности рабочего класса. Минск: БГУ, 1976. 174 с.

18. Козловская А. Е. Рост материального благосостояния рабочего класса БССР 1946–1970 гг. Минск: Наука и техника, 1987. 195 с.

19. Дударава Т. Я. Культурна-тэхнічны рост рабочага класа Беларусі пасля XX з'езду КПСС. Мінск, 1963. 105 с.

20. Лыч Л. М. Колькасныя і якасныя змяненні саставу чыгуначнікаў Беларусі за 5 гадоў сямігодкі (1959–963) // Весці АН БССР. 1964. № 2. С. 27–35.

21. Макаров А. В. Научно-техническая революция и социальные изменения в производственном коллективе. Минск: Наука и техника, 1980. 176 с.

22. Бабосов Е. М. Социальные аспекты научно-технической революции. Минск: БГУ, 1976. 476 с.

23. Мигас Б. Я. Социальная характеристика советского рабочего (анализ и тенденции роста культурно-технического уровня). Минск: БГУ, 1980. 128 с.

24. Польский С. А. Урбанизация Белорусской ССР: учеб.-метод. пособие. Минск, 1985. 87 с.

25. Касперович Г. И. Миграция населения в города и этнические процессы. Минск: Наука и техника, 1985. 147 с.

26. Дмитрук Л. А. Роль социальных факторов в повышении инженерного труда. Минск, 1976. 36 с.

27. Белякович Н. Н. Социальная активность рабочего класса. Минск: БГУ, 1978. 104 с.

28. Социальный план и его реализация в производственном коллективе: тез. докл. и выступлений на Минской город. науч.-практ. конф., Минск, 6 марта 1973 г. / под ред. Г. П. Давидюка [и др.]. Минск: БелНИИИНТИ, 1973. 51 с.

29. Касцюк М. П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск: Экаперспектыва, 2000. 307 с.

30. Смехович Н. В. История советского государства в зеркале «новой» исторической науки России (конец XX – начало XXI в.) // Гістарычны археалагічны зборнік. Мінск: Беларус. навука, 2022. Вып. 36. С. 63–82.

31. Гужалоўскі А. А. Аперацыя «Таргсін»: невядомыя старонкі індустрялізацыі ў БССР // Беларускі гістарычны часопіс. Мінск: Пачатковая школа. 2021. № 9. С. 3–10.

32. Сасим А. М. Промышленность Беларуси в условиях реформирования и стагнации (1953–1985 гг.). Минск: Экоперспектива, 2009. 242 с.

33. Лебедева Е. В. Город как отражение исторической памяти: реконструкция ментального образа Минска // Социология: науч.-теорет. журн. Минск: БГУ. 2024. № 3. С. 44–51.

34. Рубанов А. В. Социология города: традиции и современные подходы // Социология: науч.-теорет. журн. Минск: БГУ. 2013. № 1. С. 31–39.

35. Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история: ежегодник 2016/2017. М.: РАН, 2017. С. 322–346.

36. Соколов А. К. Трудовая политика на советских предприятиях с середины 1950-х гг. до конца 1980 -х гг.: деградация стимулов к работе // Экономическая история. М.: Росспэн. 2004. С. 100–139.

37. Петров В. П. Некоторые вопросы становления, гибели и возрождения Советского Союза. М.: Ленанд, 2016. 175 с.

38. Пушкарева Н. Л., А. В. Жидченко, Город-сад: советская повседневность 1960-х в социальной памяти горожан // Вестник СПбГУ. История. СПб.: СПбГУ, 2020. Т. 65. Вып. 4. С. 1124–1135.

39. Асабин И. Ю. Особенности советского индустриального развития в 1957–1964 гг. // Экономическая история. Саранск: Мордовский гос. ун-т, 2023. Т. 19, № 2. С. 159–168.

40. Тощенко Ж. Т. Государственная власть и инженерно-техническая интеллигенция в период СССР и годы современной России: от противостояния к сотрудничеству // Социология: науч-теорет. журн. Минск: БГУ. 2024. № 4. С. 6–21.

41. Гаврилюк В. В., Гаврилюк, Т. В. Рабочий класс в советском и российском социологическом дискурсе // Уровень жизни населения регионов России. М.: РАН, 2018. № 4 (210). С. 86–92.

42. Народное хозяйство БССР. Статистический сборник. Минск: Гос. изд-во БССР, 1963. 510 с.

43. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов пленумов ЦК: в 6 т. / под ред. Г. Г. Бартошевича [и др.]. Минск: Беларусь, 1987. 6 т.

44. Мазуров К. Т. Отчетный доклад Центрального комитета Компартии Белоруссии XXV съезду. Минск: Госиздат БССР. Ред. массово-полит. лит., 1961. 77 с.

45. Машэраў П. М. Справаздача Цэнтральнага камітэта Кампартыі Беларусі XXVI зъ'езду. Мінск: Беларусь, 1966. 68 с.

46. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4 п. Оп. 54–56, 79.

47. НАРБ. Ф. 7. Оп. 4. Д. 869.

48. Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 2054, 835.

References

1. *Istoriya rabochego klassa Belorusskoy SSR. V 4 . T. 4. Rabochiy klass BSSR na etape sovershenstvovaniya sotsializma (1961–1986)* [History of the working class of the Byelorussian SSR. Vol. 4. The working class of the BSSR at the stage of improving socialism (1961–1986)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1987. 509 p. (In Russian).

2. *Historyya Belaruskay SSR. U 5 t. T. 5. Belaruskaya SSR u peryyad stvarennya razvitoga satsyyalistychnaga gramadstva i budaunitstva kamunizmu (1945–1974 gg.*) [History of the Belarusian SSR. Vol. 5. The Belarusian SSR during the period of the creation of a developed socialist society and the construction of communism (1945–1974)]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1975. 776 p. (In Belarusian).

3. Marchenko I. Ye. *Rabochiy klass BSSR v poslevoyennyye gody (1945–1950)* [The working class of the BSSR in the post-war years (1945–1950)]. Minsk, Akademiya nauk BSSR Publ., 1962. 257 p. (In Russian).

4. Zaynerchyk A., Mironau I. *Rabochy klas Belarusi u barats'be za zavyarshenne satsyyalistychnay rekanstruktsyi narodnay gaspadarki* [The Working Class of Belarus in the Struggle for the Completion of the Socialist Reconstruction of the National Economy]. Minsk, Dzyarh. vyd-va BSSR Publ., 1959. 115 p. (In Belarusian).

5. Malinin S., Ippa M., Razumenko A. *Narodnoye khozyaystvo Belorussii na sovremennom etape* [National economy of Belarus at the present stage]. Minsk, Belarus' Publ., 1964. 156 p. (In Russian).

6. Ivanov V. M. *Sovremennyy byt rabochikh goroda Minska. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Modern life of workers in the city of Minsk. Abstrakt of thezis PhD (History)]. Kyiv, 1961. 23 p. (In Russian).

7. Belogorodtsev I. D., Gurin I. I., Kustanovich S. M. Development of cities of Belarus. *Sbornik nauchnykh rabot Instituta stroitel'stva i arkhitektury AN BSSR* [Collection of scientific works of the Institute of Construction and Architecture of the Academy of Sciences of the BSSR]. Minsk, 1961, pp. 20–29 (In Russian).

8. Kharchev A. G. *Brak i sem'ya v SSSR: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Marriage and family in the USSR: an experience of sociological research]. Moscow, Mysl', Publ., 1964. 325 p. (In Russian).

9. Ginzburg O. Sh. *Kul'turno-tekhnicheskiy rost rabochego klassa Belorusskoy SSR* [Cultural and technical growth of the working class of the Byelorussian SSR]. Minsk, 1958. 29 p. (In Russian).

10. Kryuchok G. R. *Ocherki istorii meditsiny Belarussii* [Essays on the history of medicine in Belarus]. Minsk, Belarus' Publ., 1976. 263 p. (In Russian).

11. *Sotsial'nyye izmeneniya rabochego klassa Belorussii v protsesse stroitel'stva kommunizma: sbornik nauchnykh statey AN BSSR* [Social changes of the working class of Belarus in the process of building communism: Collection of scientific articles Academy of Sciences of the Byelorussian SSR]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1965. 255 p. (In Russian).

12. *Istoriya sovetskogo rabochego klassa. T. 5. Rabochiy klass SSSR na novom etape razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva 1961–1970 gg.* [History of the Soviet working class. Vol. 5. The working class of the USSR at a new stage of development of socialist society 1961–1970]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 430 p. (In Russian).

13. Senyavskiy S. L., Tel'pukhovskiy V. B. *Rabochiy klass SSSR (1938–1965 gg.)* [Working class of the USSR (1938–1965)]. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 533 p. (In Russian).

14. Drobizhev V. Z. *Dvizheniye naseleniya v SSSR i sotsial'nyy progress* [Population movement in the USSR and social progress]. Moscow, Znaniye Publ., 1974. 61 p. (In Russian).

15. Poletayev V. Ye., Kornakovskiy I. L. *Sotsial'nyy oblik sovetskoy rabochey molodezhi* [Social appearance of Soviet working youth]. Moscow, Znaniye Publ., 1979. 62 p. (In Russian).

16. Staroverov V. I. *Sotsial'nyy oblik rabochego-intelligenta* [Social appearance of the worker-intellectual]. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 182 p. (In Russian).

17. Korshuk V. K. *Rost trudovoy aktivnosti rabochego klassa* [Growth of labor activity of the working class]. Minsk, BGU Publ., 1976. 174 p. (In Russian).

18. Kozlovskaya A. Ye. *Rost material'nogo blagosostoyaniya rabochego klassa BSSR 1946–1970 gg*. [Growth of material well-being of the working class of the BSSR 1946-1970]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1987. 195 p. (In Russian).

19. Dudarava T. Ya. *Kul'turna-technichny rost rabochaga klasa Belarusi paslya XX z'yzdu KPSS* [Cultural and technical growth of the working class of Belarus after the 20th Congress of the CPSU]. Minsk, 1963. 105 p. (In Belarusian).

20. Lych L. M. Quantitative and qualitative changes in the composition of the railway workers of Belarus over the 5 years of the seven-year plan (1959–1963). *Vestsi AN BSSR* [Vesti AN BSSR], 1964, no. 2, pp. 27–35 (In Belarusian).

21. Makarov A. V. *Nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya i sotsial'nyye izmeneniya v proizvodstvennom kollektive* [Scientific and technological revolution and social changes in the production team]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1980. 176 p. (In Russian).

22. Babosov Ye. M. *Sotsial'nyye aspekty nauchno-tekhnicheskoy revolyutsii* [Social aspects of the scientific and technological revolution]. Minsk, BGU Publ., 1976. 476 p. (In Russian).

23. Migas B. Ya. *Sotsial'naya kharakteristika sovetskogo rabochego (analiz i tendentsii rosta kul'turno-tekhnicheskogo urovnya)* [Social characteristics of the Soviet worker (analysis and growth trends of the cultural and technical level)]. Minsk, BGU Publ., 1980. 128 p. (In Russian).

24. Pol'skiy S. A. *Urbanizatsiya Belorusskoy SSR* [Urbanization of the Byelorussian SSR]. Minsk, 1985. 87 p. (In Russian).

25. Kasperovich G. I. *Migratsiya naseleniya v goroda i etnicheskiye protsessy* [Migration of the population to cities and ethnic processes]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1985. 147 p. (In Russian).

26. Dmitruk L. A. *Rol' sotsial'nykh faktorov v povyshenii inzhenernogo truda* [The role of social factors in improving engineering work]. Minsk, 1976. 36 p. (In Russian).

27. Belyakovich N. N. *Sotsial'naya aktivnost' rabochego klassa* [Social activity of the working class]. Minsk, BGU Publ., 1978. 104 p. (In Russian).

28. *Sotsial'nyy plan i yego realizatsiya v proizvodstvennom kollektive: tezisy dokladov i vystupleniy na Minskoy gorodskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Social plan and its implementation in the production team: Abstracts of reports and speeches at the Minsk city scientific-practical conference]. Minsk, BelNIIINTI Publ., 1973. 51 p. (In Russian).

29. Kastsyuk M. P. *Bal'shavitskaya sistema ulady na Belarusi* [The Bolshevik System of Power in Belarus]. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 2000. 307 p. (In Belarusian).

30. Smekhovich N. V. History of the Soviet state in the mirror of the «new» historical science of Russia (late 20th – early 21st centuries). *Gistarychny arkhealagichny zbornik* [Historical archaeological collections]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2022, issue 36, pp. 63–82 (In Russian).

31. Huzhalouski A. A. Operation "Targsin": unknown pages of industrialization in the BSSR. *Belaruski gistarychny chasopis* [Belarusian Historical Journal]. Minsk, Pachatkovaya shkola Publ., 2021, no. 9, pp. 3–10 (In Belarusian).

32. Sasim A. M. *Promyshlennost' Belarusi v usloviyakh reformirovaniya i stagnatsii (1953–1985 gg.)* [Industry of Belarus in the context of reform and stagnation (1953–1985)]. Minsk, Ekoperspektiva Publ., 2009. 242 p. (In Russian).

33. Lebedeva Ye. V. The city as a reflection of historical memory: reconstruction of the mental image of Minsk. *Sotsiologiya: nauchno-teoreticheskiy zhurnal* [Sociology: scientific and theoretical journal]. Minsk, BGU Publ., 2024, no. 3, pp. 44–51 (In Russian).

34. Rubanov A. V Sociology of the city: traditions and modern approaches *Sotsiologiya: nauchno-teoreticheskiy zhurnal* [Sociology: scientific and theoretical journal]. Minsk, BGU Publ., 2013, no. 1, pp. 31–39 (In Russian).

35. Merl' Sh. Soviet Economy: Modern Assessments *Ekonomicheskaya istoriya: yezhegodnik 2016/2017* [Economic History: Yearbook 2016/2017]. Moscow, RAN Publ., 2017, pp. 322–346 (In Russian).

36. Sokolov A. K. Labor policy at Soviet enterprises from the mid-1950s to the end of the 1980s: degradation of incentives to work. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic history]. Moscow, Rosspen Publ., 2004, pp. 100–139 (In Russian).

37. Petrov V. P. *Nekotoryye voprosy stanovleniya, gibeli i vozrozhdeniya Sovetskogo Soyuza* [Some issues of the formation, death and revival of the Soviet Union]. Moscow, Lenand Publ., 2016. 175 p. (In Russian).

38. Pushkareva N. L., Zhidchenko A. V. Garden City: Soviet Everyday Life of the 1960s in the Social Memory of Citizens. *Vestnik SPbGU. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg State University. History]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2020, vol. 65, issue 4, pp. 1124–1135 (In Russian).

39. Asabin I. Yu. Features of Soviet industrial development in 1957–1964. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic history]. Saransk, Mordovskiy gos. un-t Publ., 2023, vol. 19, no. 2, pp. 159–168 (In Russian).

40. Toshchenko Zh. T. State power and engineering and technical intelligentsia during the USSR and the years of modern Russia: from confrontation to cooperation. *Sotsiologiya: nauchno-teoreticheskiy zhurnal* [Sociology: scientific and theoretical journal]. Minsk, BGU Publ., 2024, no. 4, pp. 6–21 (In Russian).

41. Gavrilyuk V. V., Gavrilyuk, T. V. The Working Class in Soviet and Russian Sociological Discourse. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rosii* [Standard of Living of the Population of Russian Regions]. Moscow, RAN Publ., 2018, no. 4 (210), pp. 86–92 (In Russian).

42. *Narodnoye khozyaystvo BSSR. Statisticheskiy sbornik* [The national economy of the BSSR. Statistical collection]. Minsk, Gos. izd-vo BSSR Publ., 1963. 510 p. (In Russian).

43. *Kommunisticheskaya partiya Belorussii v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezdov plenumov TsK* [The Communist Party of Belarus in resolutions and decisions of the congresses of the plenums of the Central Committee]. Minsk, Belarus Publ., 1987. 6 vol. (In Russian).

44. Mazurov K. T. *Otchetnyy doklad Tsentral'nogo komiteta Kompartii Belorussii XXV s"yezdu* [Report of the Central Committee of the Communist Party of Belarus to the XXV th Congress]. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1961. 77 p. (In Russian).

45. Masherau P. M. *Spravazdacha Tsentral'naga kamiteta Kampartyi Belarusi XXVI z"yezdu* [Report of the Central Committee of the Communist Party of Belarus at the XXVI th Congress]. Minsk, Belarus' Publ., 1966. 68 p. (In Belarusian).

46. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus'* (NARB) [National Archives of the Republic of Belarus (NARB)]. Fund 4. I. 54–56 (In Russian).

47. NARB. Fund 7. I. 4. F. 896 (In Russian).

48. *Gosudarstvennyy arkhiv Minskoy oblasti* (GAMO) [State Archives of Minsk Region (SAMR)]. Fund. 2054, 835.

Информация об авторе

Поляк Наталья Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии. Белорусский государственный медицинский университет (пр-т Дзержинского, 83, 220083, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Polyak77@mail.ru

Information about the author

Poliak Natalia Aleksandrovna – PhD (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Political Science. Belarusian State Medical University (83 Dzerzhinsky Ave., 220083, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Polyak77@mail.ru

Поступила 15.03.2025

УДК 338.43.02

Н. М. Якуш
Белорусский государственный технологический университет

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛОРУССКОЙ ССР (1970–1980-Е ГГ.)

Общественно-политическая практика 1970–1980-х гг. в Белорусской ССР базировалась на концепции «развитого социализма», представленной как творческое развитие марксистско-ленинского учения в новых исторических условиях. Советские ученые-обществоведы переосмысливали положения о формах общественной собственности, хозяйственных регуляторах советской экономики, социальной структуре и общественных различиях. Теоретически обосновывалась неизбежность возрастания руководящей роли партии как авангардной силы. В статье проведен анализ теоретико-методологической базы идеологической компоненты аграрной политики Компартии Белоруссии. Рассмотрена структура механизма государственной идеологии и основные направления идеологической работы республиканской партийной организации по усилению идейного влияния на тружеников села. Проанализированы формы и методы информационно-просветительской и агитационно-пропагандистской работы среди хлеборобов и животноводов. Изучены мероприятия по разворачиванию социалистического соревнования на селе, его связи с процессами профессионализации и индустриализации труда аграриев, направленности на повышение качества и эффективности. На примерах достигнутых показателей социально-экономического развития передовых хозяйств республики показана роль идеологического обеспечения аграрной политики в деле формирования развивающей технико-культурной среды. Акцентировано внимание на моментах излишней ангажированности, формализме и бюрократизации идеологической работы, которые проявлялись на уровне районных комитетов и парторганизаций колхозов и совхозов.

Ключевые слова: теория, идеология, социализм, пропаганда, обязательства, соревнование, аграрная политика, партия.

Для цитирования: Якуш Н. М. Идеологическая составляющая аграрной политики в Белорусской ССР (1970–1980-е гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 100–104.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-17.

N. M. Yakush
Belarusian State Technological University

IDEOLOGICAL COMPONENT OF AGRARIAN POLICY IN THE BYELORUSSIAN SSR (1970–1980S)

The socio-political practice of the 1970s and 1980s in the Byelorussian SSR was based on the concept of “developed socialism”, presented as a creative development of Marxist-Leninist teachings in new historical conditions. Soviet social scientists rethought the provisions on forms of public ownership, economic regulators of the Soviet economy, social structure, and social differences. The inevitability of the increasing leading role of the party as a vanguard force was theoretically substantiated. The article analyzes the theoretical and methodological basis of the ideological component of the agrarian policy of the Communist Party of Belarus. The structure of the mechanism of state ideology and the main directions of the ideological work of the republican party organization to strengthen the ideological influence on rural workers are considered. The forms and methods of informational, educational and agitational propaganda work among grain growers and livestock breeders are analyzed. The measures for the development of socialist competition in the countryside, its connections with the processes of professionalization and industrialization of agricultural labor, and the focus on improving quality and efficiency were studied. The role of ideological support for agricultural policy in the formation of a developing technical and cultural environment is shown using examples of achieved indicators of socio-economic development of the republic’s leading farms. Attention is focused on moments of excessive commitment, formalism and bureaucratization of ideological work, which were evident at the level of district committees and party organizations of collective and state farms

Keywords: theory, ideology, socialism, propaganda, obligations, competition, agricultural policy, party.

For citation: Yakush N. M. Ideological component of agrarian policy in the Byelorussian SSR (1970–1980s). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 100–104 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-17.

Введение. На всех этапах советской истории белорусской государственности аграрная политика в вопросах форм земельной собственности, методов хозяйствования и организации производства сельхозпродукции была опосредована социалистической идеологией, идеями построения общества социального равенства и социальной справедливости. В рассматриваемый период идеологической базой советской общества выступила концепция «развитого социализма», которая была использована для ответа на внутри- и внешнеполитические вызовы, вставшие перед Советским Союзом. Она базировалась на представлении о достижении страной высокой степени экономического развития, достаточного для требований современности, и предполагала перенос завершения строительства коммунизма на неопределенное будущее. В официальных документах «развитой социализм» трактовался как обязательный этап на пути продвижения советского общества к коммунизму, в ходе которого предстояло добиться органичного соединения всех сфер общественной жизни. Концепция была попыткой привести идеологию в соответствие с велением времени и учетом идеологического опыта других стран.

Основная часть. В фокус теоретического осмысления были введены актуальные проблемы экономической теории и истории развитого социализма, в том числе проблемы социалистической модернизации аграрного сектора и советской деревни в условиях научно-технической революции. Наиболее дискуссионными стали следующие темы: диалектика взаимодействия обобществления производства, развития социалистической собственности и перестройки хозяйственного механизма; структура и эффективность общественного производства в аграрном секторе; улучшение форм и методов социалистического хозяйствования на селе.

Концепция развитого социализма была подкреплена выводами о повышении ведущей и направляющей роли коммунистической партии в жизни общества, об укреплении его социальной однородности. Появились коллективные труды и монографии, которые раскрывали основные принципы партийного руководства сельским хозяйством и важнейшие перспективные направления работы по усилению рациональных связей тружеников аграрного сектора при сохранении коллективизма, солидарности и взаимопомощи. Показательными в этом отношении стали работы Л. И. Абалкина «Хозяйственный механизм развитого социалистического общества», П. А. Игнатовского «Общественное производство советской деревни», С. П. Трапезникова «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос», которые отразили изменения в развитии социалистического сельского хозяйства после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Проблема деятельности КПБ по обеспечению подъема сельскохозяйственного производства занимала важное место и в исследованиях белорусских ученых-обществоведов. Она нашла отражение в коллективной работе «Возрастание руководящей роли партии в коммунистическом строительстве (На материалах Компартии Белоруссии, 1959–1973 гг.)», в монографиях И. В. Полуяна «Технические кадры белорусской деревни и развитие сельского хозяйства республики», Н. М. Жилинского «Социалистическое соревнование на селе: Из опыта работы КП Белоруссии по развитию активности сельских тружеников (1966–1980 гг.)», И. И. Зубова «Рост производственной активности тружеников села (1965–1980)». Общетеоретические выводы и политические формулировки, развивающие ряд положений марксистско-ленинского учения по аграрному вопросу, получали закрепление в материалах XXVIII, XXIX съездов Компартии Белоруссии, XII (июль 1978 г.), XIX (сентябрь 1979 г.), XXII (июнь 1980 г.), III (сентябрь 1981 г.), VII (июнь 1982 г.) пленумов ЦК КПБ.

Изменения советской аграрной политики во многом обеспечивались идеологической работой республиканской коммунистической партийной организации. С учетом целевой аудитории, форм организации и методов проведения ее можно разделить по направлениям: научно-просветительская, информационно-пропагандистская, идейно-воспитательная, агитационная. Организационной основой развития и функционирования идеологии в БССР выступал централизованный государственный идеологический аппарат, который фактически составлял часть системы государственной власти и управления, хотя формально и не обладал властными полномочиями.

В 1970–1980-х гг. в Белорусской ССР разворачивался процесс формирования территориально-хозяйственного комплекса с развитой промышленностью и сельским хозяйством. При этом отмечались нехватка в сельском хозяйстве квалифицированных механизаторских кадров массовых рабочих профессий, отток молодого трудоспособного населения из деревень в города, неэффективное использование капиталовложений в колхозно-совхозное производство. Эти проблемы и определили идеологический вектор массово-политической работы непосредственно в трудовых коллективах.

Накопленный практикой опыт трудового соперничества нематериальной мотивации производственной активности рассматривался в качестве существенного фактора решения многих производственных задач, ускоренного выполнения пятилетних народнохозяйственных планов и заданий. В 1973, 1974 и 1975 гг. принимаются постановления ЦК КПСС, Совета Министров

СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о развертывании Всесоюзного социалистического соревнования работников сельского хозяйства за увеличение производства и заготовок зерна, других продуктов земледелия и животноводства. Президиум Верховного Совета СССР утвердил такие высокие знаки отличия и признания обществом трудовых заслуг и побед, как орден Трудовой Славы, медаль «Ветеран труда». Особую идеологическую наполненность социалистическое соревнование приобретало в периоды подготовки и празднования 50-летия образования СССР, 30-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Перед республиканской партийной организацией стояла принципиальная задача поиска в новых социально-экономических условиях хозяйствования соответствующих новых форм и методов идеологической работы. Коммунисты села выступили инициаторами социалистического соревнования за высокую культуру земледелия. Особый подъем социалистическое соревнование за внедрение научно обоснованной системы земледелия приобрело в 1975 г., чему во многом поспособствовало принятое в марте этого же года совместное постановление Министерства сельского хозяйства БССР и республиканского объединения «Сельхозтехника» об учреждении Знака качества полей севооборотов. Знак присуждался только тем посевам и полям, урожай которых по своей величине и качеству обеспечивал выполнение социалистических обязательств и соответствовал уровню лучших отечественных и мировых показателей по данной культуре. К примеру, Знак качества присуждался зерновому полю при условии, если его площадь составляла не менее 30 гектаров, а урожайность ржи и овса на нем достигала 40–45 центнеров с гектара, а пшеницы и ячменя – 40–50 центнеров. Достигнуть таких результатов было возможно только при строгом соблюдении сроков полевых работ, равномерном внесении оптимальных доз удобрений, известковании почв, качественной обработке земли и проведении сева лишь первоклассными семенами. Именно выполнив все эти условия соревнования, собрали по 40 и более центнеров с гектара колхозы им. Калинина Несвижского, «Оснежицкий» Пинского, «Маяк коммунизма» Борисовского, «Светлый путь» и им. Ленина Молодечненского, «Звезда» Горецкого, «Прогресс» Гродненского районов, совхозы «Брилево» Гомельского и «Яхимовщина» Молодечненского районов [1, с. 36].

Генеральной линией аграрной политики в Белорусской ССР в 1970–1980-е гг. явилось техническое перевооружение сельского хозяйства, осуществление перехода от механизации наиболее трудоемких процессов к комплексной механизации целых отраслей сельскохозяйственного производства, внедрение интенсивных технологий и норм научно обоснованной организации труда. Это требовало содержательной переориентации идеологической работы на селе и новых подходов в ее организации. Многолетняя практика свидетельствовала, что от глубоко продуманного идеологического обеспечения всего комплекса посевных и уборочных работ, предельной собранности и здоровой конкуренции во многом зависит успех проведения таких скоротечных кампаний, как сев и уборка. Понимая это, партийные комитеты и первичные организации колхозов и совхозов в исследуемый период в рамках массовой политической работы ставили задачу охватить идейным влиянием каждого хлебороба и создать соответствующие условия для наиболее полного проявления его квалификационных умений и творческих способностей [2, л. 3, 7, 168, 170].

Значимость методов идеологического обеспечения сельскохозяйственных кампаний, уровень подготовки кадров политинформаторов и агитаторов, необходимость преодоления формализма в вопросах организации широких агитационно-пропагандистских мероприятий стали предметом обсуждения на Пленуме Центрального Комитета КПБ в апреле 1974 г. [3, с. 14].

Заслуживающую распространения в качестве рациональной организацию, а также проведение идеологической работы во время весенне-полевых кампаний и уборочных работ в изучаемый период продемонстрировали Малоритский РК КПБ Брестской, Столбцовский РК КПБ Минской, Дятловского РК КПБ Гродненской областей. На уровне районного звена здесь разрабатывались конкретные организационные и агитационно-пропагандистские мероприятия, которые предлагались для широкого обсуждения на собраниях коммунистов в тракторных и полеводческих бригадах и принятия первичными парторганизациями колхозов и совхозов. В каждом хозяйстве создавались бригады политорганизаторов из числа партийных работников, специалистов сельского хозяйства, учителей школ, работников культуры. Они доводили до каждого условия социалистического соревнования, рассказывали о ходе полевых работ, информировали о важнейших событиях внутригосударственной жизни и международной политики. Создаваемые при районных партийных комитетах оперативные группы в ежедневном текущем режиме аккумулировали информацию о ходе полевых работ, использовании техники, проблемах. Подобный опыт развертывания социалистического соревнования среди тружеников села был примером удачного соединения информационно-просветительской, агитационно-пропагандистской и организационно-управленческой работы в общем идеологическом контексте.

Достаточно разносторонне в 1970–1980-х гг. велись поиски новых, наиболее результативных форм социалистического соревнования, обеспечивающих его известную переориентацию и разворот к проблемам эффективности и качества. Получило широкое распространение среди тружеников села соревнование по профессиям. Зародившись на Гродненщине как постоянно действующий конкурс механизаторов, оно удачно обеспечивало реализацию главных принципов трудового соперничества – широкая гласность, сравнимость результатов, возможность практического повторения передового опыта. Разработанная система конкурсных требований и оценки результатов не только способствовала повышению уровня теоретических знаний и профессионального мастерства, но и максимально исключала субъективизм, объективно учитывала затраты труда каждого участника социалистического соревнования. В результате соревнование по профессиям к концу исследуемого периода получило распространение во всех хозяйствах, районах и областях республики, приобрело массовый размах. Например, ежегодно в колхозах и совхозах Брестской области в межхозяйственных, районных и областном соревновании механизаторов участвовало около 15 тыс. человек, а в хозяйствах Гродненщины принимало участие в конкурсах свыше 12 тыс. сельскохозяйственных рабочих массовых профессий [4, л. 38].

Удачной формой практического воплощения идей аграрной политики КПСС в новых условиях хозяйствования выступала публичная защита принимаемых обязательств социалистического соревнования. Разработка их требовала от руководителей и специалистов кропотливого поиска, изучения специальной литературы, передового опыта, посещения опытнических учреждений и лучших хозяйств республики. В основу соцобязательств было положено экономическое обоснование всех факторов, обеспечивающих повышение урожайности сельскохозяйственных культур и общего роста производительности труда в земледелии и животноводстве. Такой подход требовал от руководящего и технического кадрового состава аграрного сектора народного хозяйства Белорусской ССР осмысления научно-технических достижений, прогрессивных сельскохозяйственных технологий, эффективных методов и приемов труда. В итоге публичная защита соревновательных обязательства в колхозах, совхозах, на районных и областных комиссиях позволяла принимать действительно реальные напряженные планы, глубже осознать стоящие перед сельским хозяйством задачи, полнее раскрыть производственные резервы.

Основным элементом идеологического обеспечения аграрной политики выступил постоянный общественный контроль процесса ее реализации непосредственно на местах – в полях, на животноводческих фермах, строительных объектах сельскохозяйственного производственного и социально-культурного назначения в рамках социалистического соревнования. Испытанной формой контроля являлись взаимопроверки соревнующихся хозяйств, бригад и звеньев, в которых участвовали комиссии двух соперничающих сторон. Подобные проверки позволяли оперативно и своевременно выявлять организационные и технологические проблемы в производственных процессах, обеспечивали конкретность и широкую гласность трудового соперничества. В реализации идей аграрной политики анализируемого периода участвовала печать: республиканские, областные, районные газеты, а также радио и телевидение. На первых страницах печатных изданий, в радио- и телепередачах находили отражение материалы республиканских и областных совещаний, научно-практических конференций по сельскому хозяйству, выступления руководителей и передовиков сельскохозяйственного производства, популяризировались новые индустриальные технологии, достижения в сфере сельскохозяйственной науки, накопленный передовой опыт, формулировались проблемы, требующие скорейшего разрешения.

Областные и районные комитеты, первичные организации КПБ в своей идеолого-воспитательной работе уделяли много внимания поиску эффективного сочетания форм морального и материального поощрения высокопроизводительного качественного труда. Удачным примером в этом вопросе явилась работа ОК КПБ и Совета профсоюзов Минской области. Ими было принято совместное решение об учреждении для поощрения победителей в индивидуальном социалистическом соревновании нагрудных знаков «Мастер урожая», «Лучший механизатор», «За ударный труд», «Трудовая слава». Фамилии специалистов, бригадиров и рядовых тружеников сельского хозяйства, удостоенных одного из этих знаков, публиковались в газетах и заносились в Книгу почета. Победителям в соревновании предоставлялось право получения отпуска в наиболее удобное время, льготных путевок в дома отдыха и бесплатных туристических путевок [5, л. 140]. Положительный опыт эффективного использования различных видов поощрения был накоплен также в организации внутриколхозного и внутрисовхозного трудового соперничества. При подведении итогов трудового соревнования вручались подарки – магнитофоны с записями голосов победителей, караваи нового урожая, именная техника, «малые ВДНХ», организовывались вечера чествования передовиков производства, а их семьям направлялись поздравительные

письма и открытки, учреждались переходящие призы в честь прославленных героев-земляков [6, л. 100].

Вместе с тем во многих случаях разработка и принятие индивидуальных и коллективных социалистических обязательств проходили без активного участия рабочих, колхозников, специалистов сельского хозяйства. Партийные и профсоюзные организации подменяли индивидуальную работу с людьми практикой «спускания» размноженных под копирку обязательств «сверху», которые были однотипными и безликими, не нацеливали на изыскание дополнительных мер производственного роста [7].

Заключение. В 1970–1980-х гг. аграрная сфера Белорусской ССР развивалась противоречиво, когда наряду с безусловными достижениями имели место очевидные провалы, что обостряло продовольственную проблему и остро диктовало необходимость повышения эффективности сельскохозяйственного производства. Ведущим звеном советской командно-административной системы в БССР являлась Компартия Белоруссии, выступающая в роли авангардной силы и реализующая свои организационные усилия через идеологическую работу в массах. Главными направлениями работы районных партийных комитетов республики, первичных партийных организаций колхозов и совхозов стали забота о повышении трудовой активности аграриев, организация социалистического соревнования, разворачивающего движение за высокую культуру земледелия и внедрение в производство достижений науки и передовой практики.

Список литературы

1. Сельское хозяйство Белоруссии. 1975. № 10.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 37. Д. 26; Оп. 69. Д. 63.
3. Коммунист Белоруссии. 1974. № 5.
4. НАРБ. Ф. 4. Оп. 46. Д. 876.
5. НАРБ. Ф. 4. Оп. 65. Д. 140.
6. НАРБ. Ф. 4. Оп. 143. Д. 82.
7. Заря. 1975. 2 марта.

References

1. *Sel'skoe khozyaystvo Belorussii* [Agriculture of Belarus], 1975, no. 10 (In Russian).
2. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus'* (NARB) [National Archives of the Republic of Belarus (NARB)]. Fund 4. I. 37. F. 26; I. 69. F. 63.
3. *Kommunist Belorussii* [Communist of Belarus], 1974, no. 5 (In Russian).
4. NARB. Fund 4. I. 46. F. 876.
5. NARB. Fund 4. I. 65. F. 140.
6. NARB. Fund 4. I. 143. F. 82.
7. *Zarya* [Zarya], 1975, March 2 (In Russian).

Информация об авторе

Якуш Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Республика Беларусь). E- mail: yakush@belstu.by

Information about the author

Yakush Nadzezhda Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: yakush@belstu.by

Поступила 10.03.2025

УДК 93:323.1(476.7)"1988-1991"

О. Г. Казак
Белорусский государственный экономический университет

ПОЛЬСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В БССР В ОЦЕНКАХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БЕЛОРУССИИ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (КОНЕЦ 1980-Х – НАЧАЛО 1990-Х ГГ.)

Статья посвящена деятельности польских общественных объединений (Польского культурно-просветительского общества им. А. Мицкевича, Союза поляков Беларуси) в Гродненской области БССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Цель статьи – выявление основных направлений взаимодействия между институтами польского национального меньшинства и партийными организациями Коммунистической партии Белоруссии в Гродненской области. Источниковую базу статьи составили впервые вводимые в научный оборот документы Государственного архива общественных объединений Гродненской области. Анализ данных источников позволил опровергнуть устоявшуюся в польской историографии точку зрения о сугубо конфронтационном характере отношений активистов польского этнополитического движения в Советской Беларуси и партийных работников Гродненской области. В большинстве случаев руководство Гродненского областного комитета, городских и районных комитетов Коммунистической партии Белоруссии шло навстречу конструктивным пожеланиям польских общественных объединений (изучение польского языка в школах области, культурно-просветительские мероприятия). В то же время члены партийных организаций выражали обеспокоенность отдельными действиями руководства польских объединений, направленными на обострение социальной обстановки в области и республике (агрессивное навязывание стереотипа «католик – значит поляк», контакты с реваншистскими организациями Польши).

Ключевые слова: национальные меньшинства, межнациональные отношения, Коммунистическая партия Белоруссии, Польское культурно-просветительское общество им. А. Мицкевича, Союз поляков Беларуси.

Для цитирования: Казак О. Г. Польские общественные объединения в БССР в оценках партийных организаций Коммунистической партии Белоруссии Гродненской области (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 105–109.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-18.

O. G. Kazak
Belarusian State Economic University

POLISH PUBLIC ASSOCIATIONS IN THE BSSR IN THE ASSESSMENTS OF THE PARTY ORGANIZATIONS OF THE COMMUNIST PARTY OF BELARUS OF GRODNO REGION (LATE 1980S – EARLY 1990S)

The article is devoted to the activities of Polish public associations (the Polish Cultural and Educational Society named after A. Mickiewicz, the Union of Poles in Belarus) in the Grodno region of the BSSR in the late 1980s – early 1990s. The purpose of the article is to identify the main areas of interaction between the institutions of the Polish national minority and the party organizations of the Communist Party of Belarus in the Grodno region. The source base of the article consists of documents from the State Archive of Public Associations of the Grodno Region. The analysis of these sources made it possible to refute the established point of view in Polish historiography about the purely confrontational nature of relations between activists of the Polish ethnopolitical movement in Soviet Belarus and party functionaries of the Grodno region. In most cases, the leadership of the Grodno Regional Committee, city and district committees of the Communist Party of Belarus met the constructive wishes of Polish public associations (study of the Polish language in schools in the region, cultural and educational events). At the same time, members of party organizations expressed concern about certain actions by the leadership of Polish associations aimed at exacerbating the social situation in the region and the republic (aggressive imposition of the stereotype “Catholic means Pole”, contacts with revanchist organizations in Poland).

Keywords: national minorities, interethnic relations, Communist Party of Belarus, Polish Cultural and Educational Society named after A. Mickiewicz, Union of Poles in Belarus.

For citation: Kazak O. G. Polish public associations in the BSSR in the assessments of the party organizations of the Communist Party of Belarus of Grodno region (late 1980s – early 1990s). *Proceedings of BSTU, issue. 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 105–109 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-18.

Введение. Период перестройки в СССР ознаменовался демократизацией общественной жизни, широким обсуждением ранее табуированных тем, в том числе положения национальных меньшинств. В то же время отдельные внутренние и внешние силы пытались использовать проблемы межнациональных взаимоотношений в собственных политических целях, несовместимых с задачами укрепления белорусской советской государственности и консолидации общества. Исследование советского опыта национальной политики актуально и сегодня, когда перед государствами стоит задача сохранения национально-культурного многообразия при одновременном пресечении деятельности институтов, стремящихся разыграть «этническую карту» в деструктивных целях.

В польской историографии сложился консенсус относительно роли Коммунистической партии Белоруссии (КПБ) в жизни польской диаспоры БССР периода перестройки. Авторы подчеркивают якобы имевшие место тотальное противодействие партийных работников любым инициативам поляков Беларуси, саботаж решений Москвы на уровне партийных комитетов Гродненской области. Такие оценки присутствуют, в частности, в работах Т. Ф. Гавина (являлся лидером польского этнополитического движения в Беларуси в конце 1980-х – 1990-х гг.), В. Слешиньского, А. Бобрика, Р. Карачуна и других исследователей. Анализ материалов, представленных в данной статье (документы, отложившиеся в фондах Государственного архива общественных объединений Гродненской области), указывает на ошибочность и тенденциозность подобных доводов.

Основная часть. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Советской Белоруссии проживало более 417 000 лиц, идентифицировавших себя как поляки, из них около 300 000 – в Гродненской области (около четверти населения региона). Лишь в Вороновском районе поляки составляли абсолютное большинство населения (82,9% населения), в Щучинском, Лидском и Гродненском районах доля поляков составляла более 40%, в Волковысском районе – около трети от всего населения [1, л. 43–44]. Значительная часть лиц отнесла себя к полякам по факту принадлежности к католической конфессии.

Первой организацией поляков, возникшей в период перестройки в Советской Беларуси, стал Клуб любителей польской культуры в Лиде (основан 17 мая 1987 г.). 10 июля 1988 г. в Гродно было создано Польское культурно-просветительское общество им. А. Мицкевича (ПКПО им. А. Мицкевича). К весне 1989 г. отделения общества были сформированы в Гродно, Лиде, Мостовском, Гродненском, Волковысском, Новогрудском, Ивьевском, Свислочском районах Гродненской области; организация в то время насчитывала около 3000 человек [2, л. 18]. На базе ПКПО им. А. Мицкевича был создан Союз поляков Беларуси (СПБ). Учредительный съезд данной структуры состоялся в Гродно 16 июня 1990 г.

К основным направлениям деятельности польских общественных объединений в БССР следует отнести борьбу за организацию польскоязычного образования, проведение культурно-массовых мероприятий, направленных на популяризацию польской литературы, музыки, танцевального искусства, увековечивание памяти о деятелях польской истории [3, с. 180–195]. Особое внимание уделялось образовательному вопросу, в решении которого активисты польского этнополитического движения добились заметных успехов. Первые кружки по изучению польского языка начали работу в 1987 г., количество школ, в которых преподавался польский язык, постоянно росло. В 1990/1991 учебном году в Гродненской области польский язык изучали более 8000 школьников в 182 школах (1153 человека изучали польский язык как учебный предмет, 6903 человека – в рамках кружков и факультативных занятий) [4, л. 79].

Представители Гродненского областного комитета КПБ, а также районных и городских комитетов КПБ Гродненской области в большинстве случаев поддерживали деятельность польских общественных объединений, считая, что данные институты могут объективно содействовать удовлетворению культурных запросов польского меньшинства, гармонизации межнациональных отношений, реализации провозглашенного М. С. Горбачевым курса демократизации и гласности. В информационной записке Гродненского областного комитета КПБ о работе по выполнению постановления бюро Центрального комитета (ЦК) КПБ от 8 февраля 1989 г. «О мероприятиях по противодействию попыткам антисоциалистических элементов создать оппозиционные Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) политические структуры» (26 апреля 1989 г.) функционирование ПКПО им. А. Мицкевича, работа 49 кружков по изучению польского языка оценивались как меры, направленные на противодействие росту межнациональной напряженности [5, л. 44]. Первый секретарь Гродненского городского комитета КПБ Забродский Г. А. в выступлении на XXX городской партийной конференции (24 августа 1990 г.) позитивно оценил влияние ПКПО им. А. Мицкевича на общественную и культурную жизнь города [6, л. 16]. Второй секретарь Лидского городского комитета КПБ Козлов В. В., выступая 16 августа 1989 г. на пленуме городского комитета, предложил присутствовавшим обратить внимание на активную и продуктивную работу местного отделения ПКПО им. А. Мицкевича: «Нашему идеологическому активу следует поучиться у самодеятельных объединений активности

и инициативности, настойчивости в осуществлении своих замыслов, умению доводить начатое дело до логического завершения. В качестве примера такой активности и настойчивости можно привести факт сооружения бюста А. Мицкевича на средства членов ПКПО, а также организацию многолюдного митинга по случаю его открытия. И как не вспомнить в связи с этим зачастую пустые залы при проведении массово-политических, культурно-просветительских мероприятий, проводимых партийными организациями и даже горкомом» [7, л. 13].

Члены ПКПО им. А. Мицкевича приняли активное участие в разработке и обсуждении областной программы «Родной язык» (программа была утверждена бюро Гродненского областного комитета КПБ 23 января 1990 г.). Многие предложения польского общества были включены в итоговый вариант документа. В частности, в программе «Родной язык» содержалось поручение исполнительному комитету Гродненского областного Совета народных депутатов «выйти с предложениями в Совет Министров БССР о создании сектора национальных школ и Министерство народного образования БССР о разработке до 1 сентября 1990 г. Положения о польской национальной школе и принятии неотложных мер по учебно-методическому обеспечению изучения польского языка» [8, л. 31]. Программа также предполагала издание газеты, организацию теле- и радиопередач на польском языке [8, л. 43].

На пленумах и заседаниях бюро городских и районных комитетов КПБ Гродненской области неоднократно подчеркивалась важность конструктивной поддержки польских общественных объединений. Так, секретарь Вороновского районного комитета партии Пушненкова Н. К. в своем выступлении на пленуме районного комитета 23 ноября 1989 г. заявила: «В районе начинают создаваться национально-культурные общества, другие общественные формирования, оказывающие помощь жителям района в овладении национальной культурой, языком, традициями. Имею в виду районное отделение Белорусского фонда культуры, кружки ПКПО им. А. Мицкевича, кружки белорусской, литовской, польской песни, танца. Считаем, что парторганизация должна поддерживать эти общественные формирования в проведении культурно-просветительской работы» [9, л. 65]. 28 марта 1989 г. бюро Вороновского районного комитета КПБ утвердило рабочий план по патриотическому и интернациональному воспитанию населения, который предоставлял широкие возможности для развития национальной культуры польского меньшинства (работа кружков польского языка, пополнение фондов польскоязычной литературы в библиотеках района, участие районного отдела народного образования в определении выпускников школ для поступления в учебные заведения Польши) [10, л. 120]. Инициатором создания отделения ПКПО им. А. Мицкевича в Вороновском районе стал заведующий районным отделом народного образования Орпик П. А. [11, с. 4]. После образования СПБ П. А. Орпик и его заместитель Г. Г. Фомичевский возглавили Вороновское отделение данной структуры и курировали процедуру отбора выпускников школ района для обучения в учреждениях образования Польши [12, с. 2].

В других районах области партийные органы также в основном положительно оценивали роль польских объединений в общественно-политической жизни. В платформе Волковысской городской партийной организации к выборам народных депутатов БССР и местных Советов, утвержденной пленумом городского комитета КПБ 5 декабря 1989 г., прямо декларировалась поддержка ПКПО им. А. Мицкевича [13, л. 117]. О необходимости конструктивной политики партийных органов по отношению к польским культурным институтам заявил первый секретарь Гродненского районного комитета КПБ Похолюк Н. А. в своем выступлении на районной партийной конференции 29 мая.

Наиболее тревожные сведения о деятельности ПКПО им. А. Мицкевича были озвучены секретарем Гродненского областного комитета КПБ Бирюковой М. М. во время заседания бюро областного комитета 15 апреля 1989 г. Сообщалось о связях активистов общества с «антисоциалистическими и оппозиционными кругами» Польши, работниками польского консульства в БССР, католическим духовенством. Особую обеспокоенность у М. М. Бирюковой вызвали контакты руководства Гродненского отделения ПКПО им. А. Мицкевича с членами Клуба любителей Гродно из Белостока. По заверениям партийного работника, некоторые организации Польши открыто высказывали свои мысли о пересмотре существующих границ и передаче территории Вильнюса, Львова и Гродно Польше. В то же время М. М. Бирюкова считала, что партийным и государственным органам следовало содействовать работе польских организаций с целью их вовлечения в конструктивные общественно-политические процессы: «Во-первых, нужно быстрее решать по помещениям для областного отделения Советского фонда культуры, ПКПО, где они могли бы собираться. Во-вторых, в дела общества должны вникать горкомы, райкомы партии, гор- и райисполкомы, с ними надо встречаться, оказывать на них влияние и конкретную помощь. На мероприятия, проводимые польским обществом, надо ходить официальным представителям городских служб и организаций. Думается, что всем нам в корне следует менять отношение к таким процессам, не отталкивать, а, наоборот, приближать

любые общества и объединения, ставить их на подлинно социалистическую основу, активно включать в процесс перестройки» [14, л. 19–20]. Схожие рекомендации содержались в письме заведующего сектором идеологического отдела ЦК КПБ, направленном в ЦК 20 ноября 1990 г.: «На основании выводов Прокуратуры БССР и Минюста БССР Гродненскому обкому партии предложено усилить внимание за деятельностью СПБ, всячески направлять его усилия в конструктивное русло через коммунистов – активистов союза» [15, с. 39].

Первый секретарь Лидского городского комитета КПБ Ударцев Г. Л. в своем выступлении на пленуме городского комитета (29 ноября 1989 г.) в целом позитивно оценил работу ПКПО им. А. Мицкевича и объединения «Рунь» (выступало за расширение сферы использования белорусского языка), в то же время подчеркнув, что «наблюдалась политизация этих объединений», некоторые их члены «открыто вступали в политическую борьбу за власть, призывали к национальной обособленности и замкнутости, провозглашали приоритет одной нации над другими» [16, л. 97].

Следует отметить, что некоторые работники ЦК КПБ и органов государственной власти республиканского уровня, в отличие от партийных деятелей Гродненщины, давали крайне жесткие оценки польским общественным объединениям. Так, в аналитической записке группы анализа общественно-политической обстановки ЦК КПБ (14 августа 1990 г.) сообщалось об открытых ирредентистских заявлениях, прозвучавших на учредительном съезде СПБ в июне 1990 г. [17, л. 46–47]. В октябре 1990 г. первый секретарь ЦК КПБ Соколов Е. Е. получил информационную записку о деятельности СПБ, составленную Прокуратурой БССР. Среди аспектов деятельности организации, вызвавших обеспокоенность прокуратуры, назывались: провоцирование слухов о присоединении Гродненской области к Польше, пропаганда активистами СПБ ложного стереотипа «католик – значит поляк», агрессивные требования расширения сети школ с изучением польского языка (зачастую за счет сокращения часов на изучение белорусского и русского языков), увековечивание памяти бойцов польской Армии Крайовой [1, л. 43–47].

Заключение. Анализ документов позволяет опровергнуть устоявшуюся в современной историографии Польши точку зрения о якобы имевшем место комплексе ограничительных мер, инициированных органами КПБ в отношении польских диаспориальных организаций в БССР периода перестройки. Партийные структуры стремились оказать содействие реализации конструктивных и имевших объективные основания предложений польских общественных объединений (обучение детей польскому языку при наличии соответствующего желания их родителей; мероприятия, направленные на популяризацию польской культуры). В средствах массовой информации, учредителями которых являлись органы КПБ, постоянно освещалась деятельность ПКПО им. А. Мицкевича и СПБ. Партийные работники негативно оценивали отдельные проявления искусственной и контрпродуктивной политизации польских общественных объединений, но не ставили под сомнение важность их деятельности, направленной на удовлетворение культурных запросов поляков БССР.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 156. Д. 775. Л. 43–47.
2. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГр). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1721. Л. 18–38.
3. Казак О. Г. Деятельность Союза поляков Беларуси // Негосударственные акторы: на изломе эпох: монография. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 179–240.
4. НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2266. Л. 79.
5. ГАООГр. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1731. Л. 40–44.
6. ГАООГр. Ф. 2. Оп. 67. Д. 9. Л. 1–157.
7. ГАООГр. Ф. 3. Оп. 68. Д. 2. Л. 1–80.
8. ГАООГр. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1740. Л. 1–58.
9. ГАООГр. Ф. 6. Оп. 63. Д. 2. Л. 61–121.
10. ГАООГр. Ф. 6. Оп. 63. Д. 3. Л. 118–124.
11. Новицкая Л. Свои среди своих // Гродненская правда. 1989. 7 сентября. С. 4.
12. Фомичевский Г. Нужны знания // Воранаўская газета. 1992. 13 чэрвеня. С. 2.
13. ГАООГр. Ф. 15. Оп. 67. Д. 2. Л. 69–126.
14. ГАООГр. Ф. 18. Оп. 65. Д. 7. Л. 1–66.
15. Пушкін І. А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі: грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць (1990–2005 гг.). Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2007. 206 с.
16. ГАООГр. Ф. 3. Оп. 68. Д. 2. Л. 81–117.
17. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 156. Д. 742. Л. 40–48.

References

1. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus' (НАРБ)* [National Archives of the Republic of Belarus (NARB)]. Fund. 4p. I. 156. F. 775. Sheet 43–47.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv obshchestvennykh ob"yedineniy Grodnenskoy oblasti (GAOOGr)* [State Archive of Public Associations of the Grodno Region (SAPAGR)]. Fund. 1. I. 1. F. 1721. Sheet 18–38.
3. Kazak O. G. Activities of the Union of Poles in Belarus. *Negosudarstvennyye aktory: na izlome epokh* [Non-state actors: At the turning point of eras]. Moscow, INFRA-M Publ., 2023, pp. 179–240 (In Russian).
4. NARB. Fund. 7. I. 10. F. 2266. Sheet 79.
5. SAPAGR. Fund. 1. I. 1. F. 1731. Sheets 40–44.
6. SAPAGR. Fund. 2. I. 67. F. 9. Sheets 1–157.
7. SAPAGR. Fund. 3. I. 68. F. 2. Sheets 1–80.
8. SAPAGR. Fund. 1. I. 1. F. 1740. Sheets 1–58.
9. SAPAGR. Fund. 6. I. 63. F. 2. Sheets 61–1.21
10. SAPAGR. Fund. 6. I. 63. F. 3. Sheets 118–124.
11. Novitskaya L. Ours among our own. *Grodnenskaya Pravda* [Grodno Truth], 1989, September 7, p. 4 (In Russian).
12. Fomichevskiy G. Knowledge is needed. *Voranawskaya gazeta* [Voronovo newspaper], 1992, June 13, p. 2 (In Russian).
13. SAPAGR. Fund. 15. I. 67. F. 2. Sheets 69–126.
14. SAPAGR. Fund. 18. I. 65. F. 7. Sheets 1–66.
15. Pushkin I. A. *Natsyyanal'nyya supol'nastsi Belarusi: gramadska-palitychnaya i kul'turna-asvetnitskaya dzeynasts' (1990–2005 gg.)* [National communities of Belarus: socio-political and cultural-educational activities (1990–2005)]. Mogilev, MDU imya A. A. Kulyashova Publ., 2006. 206 p.
16. SAPAGR. Fund. 3. I. 68. F. 2. Sheets 81–117.
17. NARB. Fund. 4p. I. 156. F. 742. Sheets 40–48.

Информация об авторе

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии. Белорусский государственный экономический университет (пр-т Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: kazak_og@bseu.by

Information about the author

Kazak Oleg Gennad'evich – PhD (History), Assistant Professor, Head of the Department of Political Science. Belarusian State Economic University (26 Partizanskiy Ave., Minsk, 220070, Republic of Belarus). E-mail: kazak_og@bseu.by

Поступила 15.02.2025

УДК 327.7(6)

А. В. Селиванов
Белорусский государственный университет

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ВОПРОСАМ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ В АФРИКЕ В РАМКАХ ООН В НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.

В статье рассматривается межучрежденческое сотрудничество структур Организации Объединенных Наций, а также взаимодействие Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) с межправительственными и неправительственными организациями, национально-освободительными движениями в Африке в начале 1990-х гг. для решения вопросов вынужденной миграции. Констатируется факт роста количества беженцев на континенте в первой половине 1990-х гг., которое достигло пика в 1995 г. Выделяются главные очаги вооруженных конфликтов, которые являлись основными источниками вынужденной миграции. С другой стороны, показываются и успешные решения проблемы беженцев. Приводится пример международного сотрудничества по благополучному возвращению беженцев в Мозамбик после окончания в этой стране гражданской войны. Важным элементом поддержки решения проблемы беженцев в Африке стало межучрежденческое сотрудничество в рамках ООН, центральном элементом которого было УВКБ ООН. Положительно характеризуется поддержка Организации Африканского единства, национально-освободительных движений и неправительственных организаций. Делается вывод, что международное сообщество эффективно взаимодействовало в сфере вынужденной миграции при наличии политической воли для урегулирования конфликтов. Отсутствие таковой в ряду затяжных конфликтов вызывало еще большие проблемы вынужденной миграции.

Ключевые слова: Африка, беженцы, вынужденная миграция, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

Для цитирования: Селиванов А. В. Международное сотрудничество по вопросам вынужденной миграции в Африке в рамках ООН в начале 1990-х гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 110–115.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-19.

A. V. Selivanov
Belarusian State University

INTERNATIONAL COOPERATION ON FORCED MIGRATION IN AFRICA WITHIN THE UNITED NATIONS IN THE EARLY 1990S

The article deals with inter-agency cooperation of the United Nations structures, as well as the interaction of the Office of the UN High Commissioner for Refugees with intergovernmental and non-governmental organisations, national liberation movements in Africa in the early 1990s to address the issues of forced migration. The author notes the fact that the number of refugees on the continent grew in the first half of the 1990s, reaching a maximum in 1995. The main centres of armed conflicts, which were the main generators of forced migration, are highlighted. On the other hand, successful solutions to the refugee problem are also shown. A Mozambican example of international cooperation on the successful return of refugees to Mozambique after the end of the civil war is presented. Inter-agency cooperation within the UN, with the UNHCR at its centre, has been an important element in supporting refugee solutions in Africa. Assistance of the Organisation of African Unity, national liberation movements and non-governmental organisations is described as positive. It concludes that the international community has cooperated effectively in the area of forced migration when there is political will to resolve conflicts. Its absence in a serious of protracted conflicts caused even greater problems of forced migration.

Keywords: Africa, refugees, forced migration, United Nations High Commissioner for Refugees.

For citation: Selivanov A. V. International Cooperation on Forced Migration in Africa within the United Nations in the Early 1990s. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 110–115 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-19.

Введение. Первая половина 1990-х гг. стала периодом серьезной турбулентности в международных отношениях, что привело к значительному увеличению количества конфликтов. Одним из горячих континентов стала Африка. И без того один из самых нестабильных регионов планеты в результате распада Советского Союза и, как следствие, биполярной системы международных

отношений, получил еще больше вооруженных столкновений. Одной из причин увеличения их числа в различных публикациях называют процесс так называемой демократизации, который в начале 1990-х гг. «прокатился» по всей Африке [1, с. 133].

Возросли внушительные потоки вынужденной миграции. Как отмечено в докладе Верховного комиссара ООН по делам беженцев на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1990–1991 гг., «произошло беспрецедентное ухудшение глобальной ситуации в связи с беженцами, вызванное отчасти событиями в регионе Ближнего Востока и в Африке (в районе Африканского Рога и в Западной Африке)» [2, с. 1]. Эту дату можно считать нижней хронологической границей данной статьи. В том же документе были определены и основные горячие точки в Африке (страны Африканского Рога, Руанда, Южная Африка, Ангола и Западная Сахара). При этом отмечалась позитивная тенденция, направленная на урегулирование данных процессов [2, с. 1]. Однако дальнейшая статистика по количеству беженцев в Африке выглядит следующим образом: в 1990 г. – 5 891 400 человек, 1991 г. – 5 277 700, 1992 г. – 5 384 700, 1993 г. – 6 444 000, 1995 г. – 6 752 200, 1996 г. – 5 692 100 человек [3, с. 338], что входит в противоречие с упомянутыми позитивными настроениями начала десятилетия. Поэтому верхней хронологической границей следует обозначить 1995 г., когда количество беженцев в Африке достигло максимума.

Из специалистов, которые занимаются данной проблематикой, можно выделить профессора вынужденной миграции и международных отношений А. Беттса [4]. При этом ни он, ни другие авторы не рассматривают проблему вынужденной миграции в начале 1990-х гг. в контексте международного сотрудничества в рамках ООН. Указанного периода и схожей проблематики касаются материалы, предложенные автором со своей коллегой на конференции [5].

С учетом вышесказанного, в качестве цели статьи следует обозначить характеристику международного сотрудничества в рамках ООН по решению проблемы вынужденной миграции на Африканском континенте. Безусловно, основным агентством системы ООН по решению проблемы вынужденной миграции в мире было Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Для достижения цели статьи автор основывается на докладах Верховного комиссара ООН по делам беженцев Генеральной Ассамблеи [2, 6, 7, 8, 9, 10], которые в целом охватывают период с 1 апреля 1990 г. по 31 марта 1996 г. (Ежегодный доклад Верховного комиссара включает период с 1 апреля по 31 марта).

Основная часть. При рассмотрении проблемы вынужденной миграции на Африканском континенте следует выделить главным образом внутренние конфликты, которые серьезно влияли на увеличение количества беженцев. В анализируемый период в качестве некоторых примеров можно привести гражданские войны и внутренние столкновения в Мозамбике (1977–1992 гг.), Либерии (1989–1996 гг.), Сьерра-Леоне (1991–2002 гг.), Бурунди (1993–2005 гг.), Заире (начало 1990-х гг.), политический кризис в Того 1992 г. Геноцид в Руанде в 1994 г. привел к появлению более двух миллионов беженцев в соседних с ней государствах. До настоящего времени не завершились проблемы в регионе Африканского Рога.

В уже упомянутом докладе [2] отмечено возрастание количества беженцев на Африканском континенте: потоки из Мозамбика в Малави, из Либерии в Кот-д'Ивуар, Гвинею и Сьерра-Леоне и из Сомали в приграничные части Эфиопии и др. Кроме того, речь шла и о новых событиях на северо-востоке Руанды в начале октября 1990 г., в Судане в конце 1990 г. и др. Также отмечено, что часть проблем является наследием колониального прошлого, а часть – стремлением построения постколониального настоящего. При этом важно, что африканские государства, в первую очередь при поддержке Организации африканского единства (ОАЕ), пытались решить значительное количество проблем и выработать ряд политических решений [2, с. 18–19].

Следует обратить внимание на факт получения убежища значительным числом африканцев именно в странах континента, имеющих экономические проблемы. При этом, несмотря на сложности в собственных государствах, «правительства африканских стран по-прежнему великодушно предоставляют убежище» [2, с. 19].

В докладе Верховного комиссара на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи отмечалось, что «ситуация многочисленных групп беженцев в Африке по-прежнему требует внимания со стороны международного сообщества и вызывает необходимость новых нешаблонных мер» [6, с. 1].

Безусловно, самым желаемым решением для беженцев является возвращение на родину. В докладе отмечено, что репатриация «сотен тысяч беженцев в свои страны происхождения создает весьма конкретные и актуальные проблемы в области развития» [6, с. 14]. В данном процессе важную роль играет межучрежденческое сотрудничество в рамках ООН. Рассматривая скорое окончание гражданской войны в Мозамбике, в январе 1992 г. представители Управления и Программы развития ООН (ПРООН) провели совещание, на котором обсудили вопрос разделения обязанностей между двумя структурами для успешного процесса добровольного возвращения. Отмечено, что УВКБ ООН была создана Рабочая группа по вопросам помощи репатриантам

и развития в целях подготовки необходимой информации. В то же время в октябре 1991 г. УВКБ ООН и ПРООН подготовили финансовые ресурсы на сумму около 10 млн долл. США для решения проблем окружающей среды и развития, обусловленных пребыванием беженцев в Малави. Эти две структуры совместно с правительствами также занимались подготовкой плана по «интеграции/реинтеграции руандийских беженцев/репатриантов» для реализации решений региональной конференции [6, с. 14–15].

При этом в докладе отмечено увеличение количества беженцев из Мозамбика в Малави [6, с. 19]. Кроме того, к концу марта 1992 г. число мозамбикских беженцев только в этой стране достигло почти миллиона человек [6, с. 25].

После подписания 4 октября 1992 г. мирного соглашения в Мозамбике начался процесс мирного урегулирования, что «открыло дорогу для репатриации», которая проходила при поддержке УВКБ ООН в сотрудничестве с другими структурами ООН и неправительственными организациями (НПО). В докладе число мозамбикских беженцев оценивалось в 1,5 млн человек и считалось самым крупным организованным перемещением такого рода для УВКБ ООН, которым уже был подготовлен соответствующий бюджет и план операций по их возвращению и интеграции на родине [7, с. 24–25].

Мозамбикский пример следует назвать одним из самых удачных с точки зрения решения проблемы вынужденной миграции в Африке. Как отмечается в докладе Верховного комиссара на 49-й сессии Генеральной Ассамблеи, в результате подписания мирного соглашения УВКБ ООН получило возможность приступить к реализации мероприятий по репатриации около 1,7 млн беженцев из соседних стран. К концу марта 1994 г. в рамках организованной и спонтанной репатриации в Мозамбик возвратились примерно 600 000 человек, главным образом из Малави. В документе отмечено, что Управление договорилось с южноафриканской армией о содействии мозамбикцам в возвращении. Кроме того, для оптимизации межучрежденческого сотрудничества в рамках ООН Верховный комиссар в 1993 г. подписала страновые меморандумы с ПРООН и Всемирной продовольственной программой (ВПП), а также оценила возможность подписания аналогичных соглашений с другими агентствами [8, с. 1, 21, 41].

Управление осуществляло свои мероприятия при поддержке Операции Организации Объединенных Наций в Мозамбике (ЮНОМОЗ), к 1994 г. обстановка стабилизировалась, о чем, как отмечено в докладе, «свидетельствует успешная демобилизация комбатантов и проведение в октябре под эгидой ЮНОМОЗ свободных и справедливых выборов» [9, с. 21]. Также указано, что к концу 1994 г. в Мозамбик вернулись около 1,6 млн человек [7, с. 21]. В документе подчеркнуто, что стратегия УВКБ ООН по реинтеграции имела курс на долгосрочность. Как отмечалось, после решения проблем беженцев и их возвращения в страну, УВКБ ООН будет вынуждено сократить собственные проекты (в документе был обозначен июнь 1996 г.). Поэтому агентство обсуждало вопросы подготовки и реализации совместных программ с ПРООН и Европейским союзом. При этом было сделано замечание, что «процесс свертывания деятельности в рамках программ продовольственного снабжения и других программ помощи могут задержаться из-за неблагоприятных климатических условий, например засухи, нехватки средств или отсутствия или медленных темпов реализации более долгосрочных программ развития, ориентированных на поддержку институционального потенциала правительства» [9, с. 21].

В докладе 1996 г. было подтверждено стремление УВКБ ООН завершить программу репатриации и реинтеграции со своей стороны, передав функции поддержки людей государству, ПРООН и другим структурам организации. УВКБ ООН и ПРООН выработали «рамки межучрежденческих инициатив по содействию плавному переходу от гуманитарной помощи к устойчивому развитию на благо людей» в местах, где происходили процессы реинтеграции [10, с. 14–15, 21].

К концу 1995 г. из шести стран убежища в Мозамбик вернулись 1,7 млн человек. УВКБ ООН занималось оказанием содействия вернувшимся беженцам в вопросах обеспечения продовольствием и водой, медико-санитарными услугами и пр. На момент появления доклада осуществлялось около 750 проектов, сроком завершения которых был обозначен июнь 1996 г. [10, с. 21].

Помимо этого, помощь оказывалась и Малави, где длительное время проживало более 1 млн мозамбикских беженцев, было оказано «пострепатриационное содействие в секторах лесного хозяйства, водоснабжения и здравоохранения» [10, с. 21].

Также обратим внимание, что в африканских государствах (в т. ч. и Мозамбике) в 1992–1993 гг. находились совместные миссии УВКБ ООН и Африканского банка развития по отбору проектов. При этом каких-то конкретных результатов относительно финансирования мозамбикских программ автор в докладах Верховного комиссара по делам беженцев не обнаружил [7, с. 16; 8, с. 15; 9; 10].

Как было отмечено выше, пример международного сотрудничества Организации Объединенных Наций по решению проблемы мозамбикских беженцев следует оценивать положительно.

К сожалению, международное сообщество в Африке как в рассматриваемый, так и в другие периоды получило не слишком много положительных примеров регулирования вынужденной миграции. Так, например, в одном из докладов сказано, что «апрельская война 1994 г. вызвала массовый отток руандийцев в соседние страны. К марту 1995 г. ориентировочно 2 202 130 беженцев нашли убежище в Объединенной Республике Танзании, Заире и Бурунди» [9, с. 19]. Речь идет о геноциде в Руанде, который международное сообщество, в том числе и в лице Организации Объединенных Наций, не смогло ни предвидеть, ни предотвратить, несмотря на тот факт, что к 1994 г. Руанда несколько десятилетий уже была горячей точкой на планете.

Еще раз отметим важную роль межучрежденческого сотрудничества в рамках ООН, а также подчеркнем ключевую роль УВКБ ООН в решении проблем вынужденной миграции. При этом следует обозначить важную роль и других агентств системы ООН. Напомним о ПРООН в мозамбикском примере: программа оказывала содействие в вопросах посткризисного развития. Также на африканском континенте активно работали Всемирная продовольственная программа (ВПП), Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), часто отмечаемые в докладах, и некоторые другие.

Так, например, во время кризиса с руандийскими беженцами была создана специальная группа по проблемам детей в составе трех сотрудников в целях обеспечения и удовлетворения потребностей детей, организации обучения специалистов международных и неправительственных организаций, координации политики и деятельности с ЮНИСЕФ, а также Международным комитетом Красного Креста и местными властями [9, с. 14–15].

Также, в соответствии с подписанным Меморандумом УВКБ ООН и ЮНИСЕФ, оба учреждения совместно готовили материалы для информационной подборки по чрезвычайным ситуациям и справочника по первоочередным действиям. Главным направлением практической деятельности по оказанию помощи беженцам-детям по-прежнему являлась чрезвычайная ситуация в Руанде и Бурунди. В докладе отмечено, что «1 января 1996 г. в районе Великих озер со своими семьями воссоединилось свыше 28 000 детей, однако группа несопровождаемых детей по-прежнему насчитывает примерно 78 000 детей» [10, с. 13]

Ряд агентств ООН учитывали экологические факторы в рамках мероприятий УВКБ ООН в связи с ситуацией в Бурунди, Руанде, Танзании. В их число вошли Международный фонд сельскохозяйственного развития, ПРООН, ЮНЕСКО, а также ряд экологических организаций [9, с. 15].

В докладах отмечены периодические консультации с ОАЕ по самым сложным ситуациям на континенте (Руанда, Либерия и Южная Африка) [2, 6, 7, 8, 9, 10].

В докладах на 46-й и 47-й сессиях Генеральной Ассамблеи ООН Верховный комиссар рассказывала и о сотрудничестве с национально-освободительными движениями, признанными ОАЕ. Таковыми являлись Африканский национальный конгресс Южной Африки (АНК), Панафриканский конгресс Азании (ПАК) и Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО). Последняя в 1990 г. одержала победу на выборах в получившей независимость Намибии. Более того, в результате изменения политического ландшафта в южной части континента Управление стало проводить вопросы добровольной репатриации южноафриканских беженцев и перемещенных лиц с АНК и ПАК. Кроме того, оказывалась гуманитарная помощь, а также содействие в образовании и профессиональной подготовке. После политических изменений в Южноафриканской Республике в начале 1990 г., УВКБ ООН, АПК и ПАК начали говорить и возможностях добровольной репатриации южноафриканских беженцев. Об этом свидетельствуют данные доклада Верховного комиссара на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи: были установлены рамки сотрудничества между местными заинтересованными сторонами, а УВКБ ООН оказало необходимое содействие в обеспечении «успешной реализации программы репатриации» [2, с. 40; 6, с. 44].

Следует выделить такой элемент международного сотрудничества, как процесс «Партнерство в действии» (ПАРИНАК). Еще в июне 1993 г. УВКБ ООН совместно с Международным советом добровольных учреждений провели консультации по проекту ПАРИНАК, целью которого стало расширение сотрудничества между различными НПО и УВКБ ООН в вопросе защиты беженцев и проведении региональных консультаций [8, с. 42]. В июне 1994 г. на Глобальной конференции в Осло была принята декларация и разработан план действий. На первом региональном совещании ПАРИНАК, которое прошло в Йоханнесбурге 20 января 1995 г., собрались представители УВКБ ООН и координационных центров НПО из южноафриканских стран. В ходе проведения совещания стороны обсудили реализацию предложений ПАРИНАК, выявили важные для региона инициативы, обменялись информацией о достигнутых успехах и возникающих трудностях, а также разработали задачи для дальнейшей работы в 1995–1996 гг. Отметим, что в сентябре и ноябре 1994 г. и в марте 1995 г. процесс ПАРИНАК способствовал проведению

трех информационных сессий с НПО по вопросу о чрезвычайном положении в Руанде [9, с. 38].

Заключение. Таким образом, рассмотрев международное сотрудничество по вопросам вынужденной миграции в Африке, следует сделать вывод о том, что ООН играла важную роль в процессах ее регулирования. Ключевым агентством в данном процессе было УВКБ ООН, с которым взаимодействовал ряд других структур организации. Кроме того, УВКБ ООН сотрудничало с ОАЕ, национально-освободительными движениями, неправительственными организациями. Как показывают некоторые примеры начала 1990-х гг., при наличии политической воли к окончанию различного рода конфликтов на Африканском континенте деятельность структур ООН по решению проблем вынужденной миграции может быть эффективной. При этом, например, проблема геноцида в Руанде в 1994 г. выросла из-за нежелания, а может, и халатности международного сообщества в отношении этой горячей точки.

Список литературы

1. Дау М. Л. Эволюция политических режимов в Западной Африке в конце XX – начале XXI в. // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 5 (179). С. 133–149. URL: http://etnosocium.ru/etnosotsium-%E2%84%965-179-2023 (дата обращения: 23.02.2025).

2. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН A/46/12. URL: https://digitallibrary.un.org/record/131164 (дата обращения: 25.01.2025).

3. Положение беженцев в мире, 2000: пятьдесят лет гуманитарной деятельности. М.: Интердиалект+, 2000. 362 с.

4. Alexander Betts // Refugee Studies Centre of the University of Oxford. URL: https://www.rsc.ox.ac.uk/people/alexander-betts (accessed 23.02.2025).

5. Коханович А. А., Селиванов А. В. Международное сотрудничество по решению проблем вынужденной миграции в Африке в 1990-е гг. // Беларусь в современном мире: материалы XXIII Междунар. науч. конф., посвящ. 103-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 24 окт. 2024 г. Минск: БГУ, 2025. С. 109–115. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/325778 (дата обращения: 23.02.2025).

6. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН A/47/12. URL: https://digitallibrary.un.org/record/242341 (дата обращения: 25.08.2024).

7. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН A/48/12. URL: https://digitallibrary.un.org/record/506107 (дата обращения: 25.08.2024).

8. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН A/49/12. URL: https://digitallibrary.un.org/record/163181 (дата обращения: 25.08.2024).

9. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН A/50/12. URL: https://digitallibrary.un.org/record/200053 (дата обращения: 25.08.2024).

10. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН A/51/12. URL: https://digitallibrary.un.org/record/222766 (дата обращения: 25.08.2024).

References

1. Dau M. L. Evolution of political regimes in West Africa in the late XX – early XXI century. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kul'tura* [Etnosocium (multinational society)], 2023, no. 5 (179), pp. 133–149. Available at: http://etnosocium.ru/etnosotsium-%E2%84%965-179-2023 (accessed 23.02.2025) (In Russian).

2. Report of the United Nations High Commissioner for Refugees: UN Doc. A/46/12. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/131164 (accessed 25.01.2025) (In Russian).

3. *Polozheniye bezhentsev v mire, 2000: pyat'desyat let gumanitarnoy deyatel'nosti* [The State of the World's Refugees, 2000: Fifty Years of Humanitarian Action]. Moscow, Interdialect+, 2000. 362 p. (In Russian).

4. Alexander Betts. Refugee Studies Centre of the University of Oxford. Available at: https://www.rsc.ox.ac.uk/people/alexander-betts (accessed 23.02.2025).

5. Kokhanovich A. A., Selivanov A. V. International Cooperation to Solve the Problems of Forced Migration in Africa in the 1990s. *Belarus' v sovremennom mire: materialy VIII Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 103-y godovshchine obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Belarus in Contemporary World: Materials of the XXIII International conference dedicated to the 103th anniversary of the Belarusian State University]. Minsk, 2025, pp. 109–115. Available at: https://elib.bsu.by/handle/123456789/325778 (accessed 23.02.2025) (In Russian).

6. Report of the United Nations High Commissioner for Refugees: UN Doc. A/47/12. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/242341 (accessed 25.08.2024) (In Russian).

7. Report of the United Nations High Commissioner for Refugees: UN Doc. A/48/12. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/506107 (accessed 25.08.2024) (In Russian).

8. Report of the United Nations High Commissioner for Refugees: UN Doc. A/49/12. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/163181 (accessed 25.08.2024) (In Russian).
9. Report of the United Nations High Commissioner for Refugees: UN Doc. A/50/12. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/200053 (accessed 25.08.2024) (In Russian).
10. Report of the United Nations High Commissioner for Refugees: UN Doc. A/51/12. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/222766 (accessed 25.08.2024) (In Russian).

Информация об авторе

Селиванов Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений, докторант кафедры международных отношений факультета международных отношений. Белорусский государственный университет (пр-т Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: selivanych@bsu.by

Information about the author

Selivanov Andrey – PhD (History), Associate Professor, Assistant Prafessor, Doctorant, the Department of International Relations of the Faculty of International Relations. Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., 2200030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: selivanych@bsu.by

Поступила 16.03.2025

УДК 323.17(476)(09)

И. В. Коледа
Белорусский государственный технологический университет

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XX В.

В статье расматриваются проблемы национально-культурного развития Беларуси в конце XX в., связанные с объявлением курса на перестройку и ускорение социально-экономического развития. Провозглашение государственной независимости Беларуси вызвало существенные изменения в духовной и культурной жизни общества страны. В это время особенно актуальной становится проблема языка, которая перестала быть только культурно-этнической. Вопрос о языке все более увязывался с проблемой суверенитета и национального развития Беларуси. Принятие соответствующих законов, направленных на развитие языка и разных сфер культуры, фактически положили начало новому процессу белорусизации.

Произошедшие изменения позволили белорусской культуре стать более свободной, открытой. Были созданы благоприятные условия для развития различных литературных и художественных направлений и школ, роста национального самосознания, демократизации духовной жизни, свободы творчества и вероисповедания.

В республике принимались меры по укреплению материально-технической базы культуры, развитию ее приоритетных направлений, активизации творческой деятельности молодежи. Расширились международные культурные связи, возросла социальная значимость культуры. На рубеже XX–XXI веков белорусская культура активно развивалась в самых разных направлениях, и государственная политика в данной сфере отличалась бережным отношением к историко-культурному наследию белорусского народа.

Ключевые слова: национально-культурное возрождение, суверенитет, самосознание, белорусский язык, историко-культурное наследие, государственная политика.

Для цитирования: Коледа И. В. Национально-культурные процессы в Беларуси в конце XX в. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 116–120.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-20.

I. V. Koleda
Belarusian State Technological University

NATIONAL-CULTURAL PROCESSES IN BELARUS AT THE END OF THE TWENTIETH CENTURY

The article examines the problems of the national-cultural development of Belarus at the end of the twentieth century associated with the announcement of a course towards restructuring and accelerating socio-economic development. The declaration of state independence of Belarus caused significant changes in the spiritual and cultural life of society. At this time, the problem of language becomes especially urgent, which has ceased to be only cultural and ethnic. The issue of language was increasingly linked to the problem of sovereignty and national development of Belarus. The adoption of relevant laws aimed at the development of the language and various spheres of culture actually laid the foundation for a new process of Belarusization.

The changes that have taken place have allowed the Belarusian culture to become more free and open. Favorable conditions were created for the development of various literary and artistic trends and schools, the growth of national identity, the democratization of spiritual life, freedom of creativity and religion.

The republic took measures to strengthen the material and technical base of culture, develop its priority areas, and intensify the creative activities of young people. International cultural ties expanded, the social significance of culture increased. At the turn of the 20th and 21st centuries, Belarusian culture was actively developing in various directions, and state policy in this area was distinguished by a careful attitude to the historical and cultural heritage of the Belarusian people.

Keywords: national-cultural revival, sovereignty, identity, Belarusian language, historical and cultural heritage, state policy.

For citation: Koleda I. V. National-cultural processes in Belarus at the end of the twentieth century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 116–120 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-20.

Введение. С объявлением курса на перестройку и ускорение социально-экономического развития в середине 1980-х гг. передовая белорусская интеллигенция развернула деятельность по укреплению роли и значения культуры в жизни общества и государства. В поддержку развития национальной культуры, языка выступили неформальные молодежные организации «Талака» (Минск), «Паходня» (Гродно) и другие, а также созданные в июне 1989 г. Товарищество белорусского языка им. Ф. Скорины и Белорусский народный фронт «Возрождение».

В дальнейшем, в связи с начавшимися процессами распада СССР, эти тенденции усилились. 27 июля 1990 г. Верховный Совет БССР принял Декларацию о государственном суверенитете, а 25 августа 1991 г. V внеочередная сессия Верховного Совета БССР приняла Закон «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Белорусской ССР о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики».

Эти решения, а также принятые в сентябре 1991 г. документы о новой государственной символике и названии нашего государства, значительно ускорили национально-культурное развитие Беларуси, подняли ее международный авторитет, расширили международные культурные связи, позволили более активно и самостоятельно проводить культурную политику.

Основная часть. Со второй половины 1980-х гг. в Беларуси особенно актуальной становится проблема языка, которая перестала быть только культурно-этнической. Вопрос о языке все более увязывался с проблемой суверенитета, национального развития Беларуси, приобретал политическую окраску.

Укреплению национально-культурных тенденций способствовало и принятие Закона «О языках в Белорусской ССР» (1990 г.), согласно которому белорусский язык был объявлен государственным языком БССР [1], а также утверждение Государственной программы развития белорусского языка и других национальных языков в БССР (1990 г.). В наибольшей степени указанный Закон касался системы образования и науки, которые должны были в разные сроки перейти на единый государственный язык – белорусский. Это вызвало определенные трудности в осуществлении процесса белорусизации. Референдум 1995 г. внес поправки в практику реализации данного Закона – равное использование двух языков – белорусского и русского.

Рост гласности, открытости, отход от идеологических подходов привели к пересмотру старых стереотипов в оценках исторического развития Беларуси, взаимоотношений с соседями, неоднозначного наследия БССР. Граждане Беларуси смогли ознакомиться с ранее неизвестными публикациями отечественных и зарубежных авторов по проблемам истории, философии, социологии и другим, а также увидеть так называемые политические кинофильмы режиссеров-новаторов и открыть для себя произведения художественной литературы периода «застоя», которые получили быстрое распространение в демократической печати.

Изменилось положение религии, церкви. Закон «О праздничных днях в Республике Беларусь» (1991 г.) признал праздниками Рождество Христово, Пасху, Радуницу. Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организаций» (1992 г.) подтвердил приоритет светского образования, однако оставил право выбора собственного отношения к религии. Верующие стали смелее отмечать религиозные праздники, а бывшие культовые здания постепенно стали передаваться конфессиям. Часть этих зданий была отреставрирована, отдельные храмы были отстроены заново на их исторических местах (костел Св. Варвары в Витебске, церковь Марии Магдалены в Минске, Николаевская церковь в Брестской крепости и др.).

Все это стало возможным благодаря отказу государства от идеологических догматов, атеизма и активизации деятельности разных конфессий, религиозной общественности. В результате уже в 2002 г. в Республике Беларусь действовало около 3000 религиозных общин 26 конфессиональных направлений [2, с.].

Новые веяния пришли и в сферу образования и воспитания: стали пересматриваться и изменяться учебные планы и программы учебных дисциплин; изменения были внесены в цикл социально-гуманитарных наук. В высших учебных заведениях были введены курсы истории Беларуси, белорусоведения, культурологии, политологии и другие. Издавались новые учебники, пособия, курсы лекций. Вышли из печати шесть томов «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», шесть томов «Гісторыі беларускага мастацтва», появились новые газеты и журналы («Спадчына», «Беларускі гістарычны часопіс», «Беларуская мінуўшчына», «Роднае слова», «Культура», «Мастацтва»).

В республике появились новые типы учебных заведений (лицеи, гимназии, колледжи), а также негосударственные учебные учреждения, включая и высшие. Некоторые институты были преобразованы в университеты и академии. Были открыты Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Барановичский государственный университет, Полесский государственный университет (г. Пинск) и другие. В результате Беларусь стала одной из самых образованных европейских стран.

В связи с провозглашением Беларуси независимым государством и выходом из состава

СССР в вузах республики были открыты десятки новых специальностей, по которым ранее подготовка кадров не велась. В высших учебных учреждениях появились бакалавриат и магистратура.

В условиях развития суверенной Беларуси было признано целесообразным провести реформу в сфере образования, и 21 августа 1996 г. Кабинет Министров Республики Беларусь принял постановление «О концепции реформы общеобразовательной школы в Республике Беларусь». Новая модель общеобразовательной школы включала три ступени, предусматривала переход на пятидневную учебную неделю на протяжении всех 12 лет обучения, 10-бальную систему оценки знаний и другое. Главной стратегической задачей реформирования высшей школы стало соответствие обучения национальным и международным стандартам высшего образования. В дальнейшем эта реформа была скорректирована [3, с. 356].

В годы перестройки и первые годы независимости в силу сложного финансово-экономического положения нашей страны, уменьшения количества заказов на научные разработки со стороны республик бывшего СССР и белорусских предприятий белорусская наука оказалась в тяжелом положении. В результате падения престижа научной деятельности, невысокой зарплаты, отсутствия перспектив научного роста, а то и работы, неудовлетворительных условий для исследовательской деятельности немало высококвалифицированных научных сотрудников выехали за пределы Беларуси работать по контрактам или совсем переехали на постоянное место жительства за границу. Другие пошли работать в различные коммерческие структуры и совместные предприятия, связанные, например, с радиоэлектроникой, компьютерной техникой. В результате в исследовательских институтах НАН Беларуси и многих других наблюдалось старение и сокращение кадров ученых, уменьшение числа необходимых экономике разработок.

Учитывая сложившуюся ситуацию, руководство республики разработало меры, направленные на подъем престижа науки, повышение ее роли в жизни общества и подъем экономики. В этих целях была возобновлена деятельность Совета по координации фундаментальных исследований при НАН Беларуси, утверждена программа развития материально-технической базы науки и организации центров коллективного использования научного оборудования.

В сентябре 1996 г. установлена доплата за научные степени и звания. В 1998 г. принят Закон «О научной деятельности», стали проводиться конкурсы на лучший исследовательский проект, выдаваться гранты на проведение наиболее перспективных исследований.

В составе НАН Беларуси, министерств и ведомств появились новые научные институты: молекулярной и атомной физики (1992), прикладной оптики и технологии металлов (1992), химии и новых материалов (1998), технической акустики (1998), Институт радиационной безопасности (1991), Белорусский НИИ документоведения и архивного дела (1996), НИИ пожарной безопасности и чрезвычайных ситуаций (1999) и другие, что позволило развивать новые отрасли науки.

Принятые меры позволили поднять уровень научных исследований в республике. Расширялись и международные связи ученых Беларуси. В 1993 г. Академия наук Беларуси в качестве национального члена принята в Международный совет союзов ученых – престижную неправительственную организацию по развитию науки, защите прав и свобод ученых. Ряд перспективных ученых для проведения исследований получили международные гранты.

Значительные изменения произошли в области литературы. Из специальных хранилищ и запасников были возвращены и опубликованы произведения А. Мрыя, М. Горецкого, А. Гаруна, В. Ластовского, Л. Гениюш, К. Буйло и других литераторов, в том числе эмигрантов и ранее репрессированных. Стали издаваться серии книг «Наши знаменитые земляки», «Белорусский книгосбор», «Память» и другие. Писатели, поэты, драматурги стали более объективно отражать историю Беларуси, показывать роль в этой истории выдающихся государственно-политических и культурных деятелей, анализировать важнейшие события прошлого и современности. Проблемам далекой и близкой истории Беларуси посвятили свои новые историко-художественные произведения Н. Чергинец, Э. Скобелев, А. Сульянов, В. Орлов, В. Чаропка, В. Ипатова, К. Тарасов и др. Значительное место в творчестве белорусских авторов заняла тема чернобыльской катастрофы и ее последствий (С. Алексиевич, И. Шамякин, В. Казько).

Популярными среди читателей стали новые произведения В. Быкова, А. Адамовича, И. Чигринова, Р. Боровиковой, Г. Буравкина, А. Велюгина, И. Науменко и др.

Новое слово сказали своими произведениями и драматурги – А. Дударев (пьесы «Злом», «Князь Вітаўт»); Н. Ораховский («Напярэдадні», «Машэка»); В. Бутромеев («Чужыя грошы», «Страсці па Аўдзею»). В драматургию пришли и молодые литераторы – В. Савлич, С. Ковалев и др.

В конце 1990-х гг. в республике особое внимание стали придавать реконструкции, обновлению и благоустройству городов и поселков, чему в определенной степени способствовало проведение Дня белорусской письменности, Дожинок. Реставрировались и реконструировались старинные усадьбы, мемориалы, замки (Несвижский,

Мирский и Лидский замки, мемориальные комплексы «Брестская крепость-герой», «Курган Славы», а также Минская, Несвижская, Шкловская, Могилевская ратуши и другие объекты историко-культурного значения).

Постепенно освобождалось от идеологического прессинга и белорусское изобразительное искусство. Для белорусской живописи этого периода характерна реалистическая тенденция (М. Данциг, Л. Щемелев, М. Савицкий, В. Громыко) и, с другой стороны, отражение реальности через самоуглубление в мир своих личных переживаний и чувств (М. Селещук, В. Толстик, Г. Скрипниченко, В. Ольшевский).

Новым для республики стало открытие негосударственных художественных галерей современного искусства: «Вита-Нова», «Жильбел», «Верхний город», «Арт-искусство» и др. Одновременно появились и неформальные творческие объединения: «Немига-17», «Форма», «Плюралис» в Минске, «Квадрат» в Витебске, «4-63» в Полоцке и др.

Значительным событием в художественной жизни Беларуси стали пленэры. В 1994 г. в Витебске впервые был организован международный пленэр, посвященный М. Шагалу. Традиционными на Витебщине также стали пленэры имени Я. Дроздовича.

В скульптуре в массовом масштабе стало возможным открытие памятников национальным деятелям – Ф. Скорине (Лида, Минск), Н. Гусовскому, М. Горецкому, Я. Дроздовичу (Минск), Е. Полоцкой (Минск, Полоцк), К. Туровскому (Туров, Гомель, Минск), А. Мицкевичу (Новогрудок, Минск), М. Шагалу (Витебск) и др.

В театральной жизни по-прежнему ведущую роль играли «Купаловский» и «Колосовский» театры. Вместе с тем появились многочисленные театральные студии, ставшие в дальнейшем профессиональными театральными коллективами. На базе таких студий выросли Минский государственный молодежный театр, театр-студия «Жест», театр-студия «Абзац», Малый театр в Минске, театр-лаборатория национальной драматургии «Свободная сцена» (в дальнейшем – Республиканский театр белорусской драматургии). Мировую известность приобрел Государственный академический Большой театр оперы и балета Республики Беларусь. Продолжал творческие поиски и Государственный театр музыкальной комедии Беларуси, на базе которого в 1991 г. открылся Детский музыкальный театр, а в 1992 г. начал работать хореографический коллектив «Минск-балет».

Таким образом, театральная жизнь республики, несмотря на финансовые трудности, отличалась разнообразием репертуара, поворотом к национальной драматургии, возросшим мастерством актеров, появлением новых оригинальных коллективов.

Произведения белорусских композиторов, мировой классической и эстрадной музыки звучат в исполнении как профессиональных, так и самодеятельных музыкантов. Популярностью пользуется творчество таких ведущих музыкальных коллективов страны, как Президентский оркестр Республики Беларусь, Национальный оркестр симфонической и эстрадной музыки и др.

Новым явлением, важной частью культурной жизни республики стали различные музыкальные фестивали, что усилило интерес к музыке, родному языку, фольклору. Стали традиционными международные фестивали духовной (христианской) музыки «Магутны Божа» в Могилеве, «Славянский базар» в Витебске, фестиваль белорусской песни и поэзии в Молодечно, фестиваль «Залаты шлягер» в Могилеве, а также фестивали «Белорусская музыкальная осень», «Минская весна», «Музыкальное Полесье», «Музы Нясвіжа» и др. С 1993 г. в Минске проводится международный кинофестиваль «Лістапад». Привлекательными культурно-массовыми мероприятиями являются международные фестивали средневековой культуры в Заславле, Новогрудке и Несвиже.

Для поддержки талантливых деятелей искусства лучшим исполнителям и организаторам стали вручаться премии Президента Республики Беларусь. В 1997 г. была учреждена премия «За духовное возрождение».

Несмотря на финансовые проблемы, в республике принимались меры по укреплению материально-технической базы культуры, скорейшему развитию ее приоритетных направлений, активизации творческой деятельности молодежи. Это позволило увеличить число музеев, театров, концертных залов. Расширились международные культурные связи, возросла социальная значимость культуры, ее роль в жизни общества.

Заключение. Распад Советского Союза изменил культурное пространство бывших советских республик. Белорусская культура, развиваясь далее в постсоветском пространстве, накопила свои позитивные и негативные черты. К числу первых следует отнести: преодоление самоизоляции культуры, раскрепощение сознания народа, восстановление исторической памяти, возвращение и распространение религиозной культуры, возвращение эмигрантской культуры.

Ко вторым можно отнести: необдуманное разрушение ценностей культуры советского периода с ее огульной критикой, давление на культуру рыночной стихии, распространение массовой культуры в ее западном варианте, криминализация, наркотизация в сфере художественного творчества, увлечение молодежи тоталитарными религиозными сектами деструктивного культа [4, с. 359–360].

На современном этапе Республика Беларусь стремится «открыть свое окно в мир» для того, чтобы ознакомить зарубежье с культурой белорусского народа, а также получить информацию о других народах. При рассмотрении современных тенденций развития белорусской культуры можно выделить следующие моменты:

– социальная значимость и роль культуры в организации жизни населения заметно усилились;

– будущий облик культурной духовности формируется в контексте выработки нового планетарного мышления, экологизации сознания и новых этико-эстетических принципов;

– в вопросах социально-культурного воздействия на личность доминируют массовая и глобальная культуры;

– художественное творчество ведет поиск путей обновления и вхождения в мировое культурное пространство, развивается коммерциализация искусства как необходимой формы существования;

– государство относит культуру к числу стратегических ресурсов и ведет активную политику по восстановлению и сохранению культурного наследия, включению традиционной культуры в новое культурное пространство посредством ее современной высокопрофессиональной интерпретации.

На рубеже XX–XXI вв. белорусская культура активно развивалась в самых разных направлениях, а государственная политика в этой сфере отличалась бережным отношением к историко-культурному наследию белорусского народа.

Список литературы

1. Аб мовах Беларускай ССР: Закон Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. Мінск: Беларусь, 1990. 31 с.

2. Трансляция белорусской культуры между поколениями в Республике Беларусь: монография. Гродно: Ин-т развития образования, 2018. 207 с.

3. Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. Мінск: БелЭн, 2000. 428 с.

4. Культурология / Н. М. Якуш [и др.]. Минск: БГТУ, 2004. 419 с.

References

1. *Ab movakh Belaruskay SSR: Zakon Belaruskay Savetskay Satsyyalistychnay Respubliki* [Law of the Belarusian Soviet Socialist Republic On the Languages of the Belarusian SSR]. Minsk, Belarus' Publ., 1990. 31 p. (In Belarusian).

2. *Translyatsiya belorusskoy kul'tury mezhdu pokoleniyami v Respublike Belarus'* [Transmission of Belarusian culture between generations in the Republic of Belarus]. Grodno, Institut razvitiya obrazovaniya Publ., 2018. 207 p. (In Russian).

3. *Belarus' na myazhy tysyachagoddzyau* [Belarus at the turn of the millennium]. Minsk, BelEn Publ., 2000. 428 p. (In Belarusian).

4. Yakush N. M., Zharina L. V., Leonenko V. S., Koleda I. V. *Kul'turologiya* [Cultural studies]. Minsk, BGTU Publ., 2004. 419 p. (In Belarusian).

Информация об авторе

Коледа Инна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Республика Беларусь).

Information about the author

Kolyada Ina Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 20.03.2025

ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPHY

УДК 101.1:316:008

А. А. Потоцкий
Белорусский государственный технологический университет

ИСХОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

В статье раскрывается эвристический потенциал философской герменевтики, аргументируется возможность ее использования в качестве методологической основы межкультурного диалога в условиях трансформации коммуникативной модели в современной культуре.

В контексте герменевтического подхода подтверждается идея, согласно которой не существует изолированного, для себя существующего, вневременного субъекта; скорее, исторический мир уже всегда определяет субъекта, так как последний нерасторжимо принадлежит этому миру. Данная методологическая установка фиксирует не только историчность предмета интерпретации, но и историчность самого интерпретатора.

Утверждается, что особенностью герменевтики также является и то, что она обладает возможностью воспроизводить, не претендуя на универсальность какой-либо одной методологии, картину целостного человеческого бытия в контексте культуры в постоянно меняющейся перспективе.

Определение онтологических оснований философской герменевтики позволило выявить принципы, сущностные характеристики, основные процедуры и содержательные механизмы понимания как феномена, рождающегося в коммуникативном взаимодействии. Исследование понимания как креативной деятельности не только сделало вероятным выявление такиех его черт, как диалогичность, продуктивность, процессуальность, но и обеспечило возможность рассматривать понимание как процесс конструирования новых культурных смыслов.

Ключевые слова: коммуникация, текст, понимание, герменевтика, диалог, традиция.

Для цитирования: Потоцкий А. А. Исходные принципы и онтологические основания философской герменевтики // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 121–124.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-21.

A. A. Pototski
Belarusian State Technological University

BASIC PRINCIPLES AND ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF PHILOSOPHICAL HERMENEUTICS

The article reveals the heuristic potential of philosophical hermeneutics, substantiates the possibility of its use as a methodological basis for intercultural dialogue in the context of the transformation of the communicative model in modern culture.

In the context of the hermeneutic approach, the idea is substantiated according to which there is no isolated, self-existing, timeless subject; rather, the historical world always already determines the subject, since the latter inseparably belongs to this world. This methodological approach captures not only the historicity of the subject of interpretation, but also the historicity of the interpreter himself.

It is argued that a feature of hermeneutics is also that it has the ability to reproduce, without claiming the universality of any one methodology, a picture of the holistic human existence in the context of culture in a constantly changing perspective.

The definition of the ontological foundations of philosophical hermeneutics made it possible to identify the principles, essential characteristics, basic procedures and substantive mechanisms of understanding as a phenomenon born in communicative interaction. The study of understanding as a creative activity made it possible not only to identify such features as dialogicity, productivity, and processuality, but also provided the opportunity to consider understanding as a process of constructing new cultural meanings.

Keywords: communication, text, understanding, hermeneutics, dialogue, tradition.

For citation: Pototski A. A. Basic principles and ontological foundations of philosophical hermeneutics. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 121–124 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-21.

Введение. Герменевтика, проблематика которой является неотъемлемой составляющей «наук о духе» и их методологии, инициирует появление новых принципов гуманитарного мышления, задающих перспективу изменения представлений о природе знания вообще и его способности соответствовать современной социальной реальности. Интерпретация феномена понимания выступает репрезентативным проблемным полем, определяющим философский статус герменевтики и подчеркивающим ее концептуальный и методологический плюрализм. Именно герменевтика выступает сегодня тем направлением в современном философском и культурологическом знании, в рамках которого были обозначены условия и основания, сущностные характеристики и специфические особенности феномена понимания.

Основная часть. Разнонаправленность герменевтических стратегий в осмыслении феномена понимания не позволяет объединить их путем гармонизирующего синтеза, но делает возможным установить продуктивный тип взаимоопосредования и взаимной комплиментарности данных стратегий, подходов и представлений. Краткий анализ основных этапов исторической эволюции герменевтики позволяет утверждать, что «феномен понимания с необходимостью сочетает в себе репродуктивное и продуктивное отношения, так как для понимания важно не только тождество смыслов, но и непрерывное смыслотворчество» [1]. Феномен понимания предполагает диалоговые, субъект-субъектные отношения, «со-творчество понимающих», соотнесенность своего собственного сознания с позицией другого сознания, что обеспечивает не только овладение смыслосодержанием художественного сообщения, но и возможность продуцирования его новых смыслов.

Особое значение для определения исходных принципов, отвечающих задаче понимания, выявления его онтологических оснований и механизмов имеет идея, получившая название идеи герменевтического круга. «Герменевтическое правило гласит, что целое следует понимать исходя из частного, а частное исходя из целого, то есть смысловая антиципация, направленная на целое, становится эксплицитным пониманием благодаря тому, что части, определяемые целым, в свою очередь определяют это целое» [2, с. 48]. Процесс понимания, таким образом, постоянно переходит от целого к части и обратно к целому. Соответствие всех частностей целому может считаться критерием правильности понимания, отсутствие такого соответствия означает неверность понимания.

Герменевтический круг – это принцип понимания текста, основанный на взаимосвязи части и целого: понимание целого складывается из понимания отдельных частей, а для понимания частей необходимо понимание целого. Поэтому нужно пытаться понять специфическую часть текста в свете не только всей совокупности работ автора, но и его личной и интеллектуальной жизни. Чтобы правильно понять, о чем говорит автор, необходимо знать культурный, идеологический, социальный, политический, психологический контексты, а также историю творчества автора, историю жанра, к которому относится данное произведение, авторский стиль. Понимание текста, таким образом, становится герменевтическим кругом, в котором особенное место занимает жизнь автора в виде такого восстановленного целого, как «жизненный проект», а интерпретация текста становится в значительной мере психологическим или историческим проектом.

Концепция герменевтического круга, в которой отражается цикличный характер понимания, также является одной из основных в философской герменевтике Г.-Г. Гадамера. Не отрицая наличия многих видов психологических и исторических фактов, формирующих основу текста, Гадамер подчеркивает, что «текст все же еще непосредственно или косвенно говорит, утверждает или высказывает нечто, и что интерпретатор должен со всей серьезностью рассматривать эти имманентные тексту утверждения, если он пытается понять текст» [3]. Поэтому творческий, продуктивный характер понимания обеспечивает диалог реципиента не столько с автором, сколько с его текстом.

Идея герменевтического круга также предполагает, что беспредпосылочного понимания не существует. До того как взяться за решение задачи понимания какого-либо текста, реципиент так или иначе имеет некоторое представление о том, что предстоит понять. Буквально, субъект уже безотчетно ожидает от воспринимаемого текста того, что соответствует его представлениям о смысле текста. В эпоху Средневековья, когда объектом истолкования являлась исключительно Библия, предпосылкой понимания ее текста выступала вера в истинность священного текста. С точки зрения современной философской герменевтики пониманию текста, дальнейшему углублению в его смысл предшествует предпонимание.

Обращение к традиции философской герменевтики (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер) подтверждает, что человеческое существование бессмысленно, если не наделено пониманием, не является понимающим, что жизнь человека в культуре постоянно движется по пути интерпретации, понимания различных текстов. Основанием понимания выступает историческая действительность человеческого бытия, невозможность человека абстрагироваться от реалий той культурно-исторической эпохи, которой он всецело принадлежит. Поэтому пониманию художественного произведения всегда предшествует «предпонимание», то есть те социокультурные реалии, в которых живет и действует интерпретатор.

Текст воспринимается с пониманием только тогда, когда реципиент воспринимает вопрос, идущий ему навстречу из данного текста, когда интерпретатор воспринимает текст (будучи при этом восприимчивым к его инаковости) как ответ на возникший у него вопрос под влиянием современной ему культуры. При этом герменевтический опыт выступает аналогом живой беседы, имеющей структуру вопроса и ответа, как открытость для голоса Другого. Решающее значение в рамках данного подхода приобретает установка реципиента произведения на диалог с его автором, иными интерпретаторами, наконец, с самим текстом. Чтобы правильно понять то, о чем говорит текст и его автор, необходимо стремиться к обнаружению определенного смысла в тексте, знать культурный, социальный, психологический контексты, повлиявшие на его возникновение, а также историю творчества автора и его произведения.

Можно констатировать, что герменевтика смещает центр интереса в интерпретации и понимании текста: важны не только интенции автора, но и история взаимодействий произведения с культурной традицией. При этом с герменевтической точки зрения «текст, как живая самоорганизующаяся система, обладает собственной интенцией» [4]. Сознание субъекта понимания должно считаться с глубинными внутренними законами, которые хранит в себе текстовая реальность и которые необходимо обнаружить. Герменевтика вопрошает не о происхождении, а о восприятии текста в соответствующей, то есть понимающей современности, обеспечивая множественность интерпретаций и формируя исторический характер понимания, историчность самого интерпретатора, принадлежащего определенной культурно-исторической эпохе, традиции, от влияния которых он не в силах устраниться.

Использование методологических стратегий герменевтики открывает возможность исследования текстов в качестве неиссякаемых источников мировоззренческих оснований для различных культурно-исторических эпох, а их интерпретацию как креативную деятельность по созданию смыслов.

В качестве одного из важнейших онтологических оснований и одновременно механизмов понимания выступает «временная дистанция», которая не удаляет интерпретатора от момента создания автором своего произведения, но, напротив, задает позитивную и продуктивную возможность его понимания. «Временная дистанция» заполнена событиями, в совокупности являющихся традицией, социокультурной реальностью, в которой постоянно изменяются связи и отношения, исчезает актуальность отдельных из них, что ведет к выделению общезначимости других. Поэтому понимание обеспечивается традицией, в которую включен автор текста и которая отражается в его субъективном творении своим объективным содержанием.

Так, в философской герменевтике Г.-Г. Гадамера традиция выступает в качестве уникального механизма формальной и содержательной трансляции исторически значимого опыта, обусловливающего направленность социокультурных изменений и определяющего возможность понимания и актуализации художественного наследия в новых условиях. Задачу традиции Гадамер видит «в объединении дня сегодняшнего и дня минувшего, в постоянном взаимодействии современности и ее целей с минувшим временем, которому мы также принадлежим» [5]. Посредством культуры, ее традиций человек восстанавливает гармонию, нарушенную течением времени: он объединяет в настоящем зрителя, художника и само произведение, те смыслы, которые оно несет в себе. Онтологический ракурс гадамеровской концепции задает представление о диалоге с традицией, которая является необходимой предпосылкой и социальной программой творческой деятельности, как основания бытия человека в культуре. Роль традиции видится в том, что она формирует предпонимание явлений и, таким образом, выступает в качестве исходного базиса понимания. Интерпретатор укоренен в своей эпохе, он включен в традицию и, в принципе, не может освободиться от собственной исторической обусловленности. Именно укорененность в традиции, демонстрируя причастность ее бытию и автора, и художественного произведения, и интерпретатора, выступает условием, основанием понимания.

Гадамер подчеркивает, что осознание интерпретатором собственной историчности, укорененность в традиции отнюдь не ограничивает продуктивность понимания, напротив, именно она и делает ее возможной, образуя тот высший тип герменевтического опыта, ту открытость навстречу произведению искусства, которой обладает «действенно-историческое сознание». В результате устанавливается диалог, в котором

посредством действенно-исторического сознания интерпретатора происходит интеграция, «слияние горизонтов» – соединение прошлого и настоящего, опыта автора и опыта реципиента, превращение их в партнеров по коммуникации.

Заключение. Обретая понимание на уровне производства смысла текста, а не на уровне реконструкции авторского замысла, интерпретатор стремится не столько перенестись в духовный мир автора или в мир давно ушедшей эпохи, сколько актуализировать содержание текста применительно к той социокультурной реальности, в которой он пребывает.

Действенно-историческое сознание реципиента, активно и творчески постигающее текстовую реальность, обеспечивает открытость коммуникативного процесса, диалогичный и продуктивный характер понимания. Преодолевая предзаданность текста субъективным опытом автора, культурно-исторической эпохой, понимание не только реконструирует, постигает его смысл, но и эвристически производит, порождает его. Понимание заключается не только в непосредственном постижении некоторой душевно-духовной целостности, породившей произведение, или в интуитивном проникновении одной жизни в другую, но, прежде всего, в процессе «применения», соотнесения содержания текста с той социокультурной, исторической реальностью, в которой пребывает интерпретатор.

Список литературы

1. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы. М.: Лабиринт, 2001. 426 с.
2. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Гафаров Х. С. Философская герменевтика Ганса-Георга Гадамера. Минск: РИВШ БГУ, 2003. 206 с.
4. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Гнозис, 1993. 119 с.
5. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.

References

1. Dilthey V. *Germenevtika i teoriya literatury* [Hermeneutics and theory of literature]. Moscow, Labirint Publ., 2001. 426 p. (In Russian).
2. Gadamer G.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germenevtiki* [Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. (In Russian).
3. Gafarov Kh. S. *Filosofskaya germenevtika Gansa-Georga Gadamera* [Philosophical hermeneutics of Hans-Georg Gadamer]. Minsk, RIVSH BGU Publ., 2003. 206 p. (In Russian).
4. Heidegger M. *Istok khudozhestvennogo tvoreniya* [The origin of artistic creation]. Moscow, Gnosis Publ., 1994. 119 p. (In Russian).
5. Gadamer G.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of beauty]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 368 p. (In Russian).

Информация об авторе

Потоцкий Алексей Александрович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: potoc78@mail.ru

Information about the author

Pototski Aliaksei Aleksandrovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13 Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: potoc78@mail.ru

Поступила 24.03.2025

УДК101.1:316.42

П. М. Бурак
Белорусский государственный технологический университет

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОЭВОЛЮЦИОННОГО ПОДХОДА В РЕГУЛИРОВАНИИ БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИОПРИРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена обоснованию необходимости формирования обновленного мировоззрения и соответствующего ему коэволюционного подхода к регулированию безопасности социоприродного взаимодействия с учетом условий обострения цивилизационного и антропологического кризисов, являющихся основными факторами деградации и разрушения биосферы во взаимосвязи с губительной ролью потребительски ориентированной стратегии развития общества для него самого. Новизна мировоззрения и коэволюционного подхода по их нацеленности обусловливается требуемой деятельностью формирования гармонизирующих взаимосвязей в процессах развития природы, человека, общества и техники. Исторически стихийно создаваемая трудом множества людей разных поколений, но никем в целом не планируемая и не контролируемая и трансформирующаяся в источник опасных рисков и кризисов, производная система нуждается в глобальном «ремонте» и преобразовании ее в базисную конструкцию, наделенную человеческой цивилизацией селективной функцией согласования взаимозависимого существования биосферы и человечества в достаточном для их саморазвития диапазоне взаимных изменений. Глобальная система «Природа (биосфера) – Человек – Общество – Техника» рассматривается в работе в качестве своеобразной матрицы воспроизводства единства, которая на основе регулируемой коэволюции процессов прогресса, регресса и относительно нейтральных состояний, на различных организационных уровнях фрактального ее существования, может преобразовываться в важнейшую ценностную структуру взаимообусловленного стимулирования способности саморазвития биосферы, человека, общества и соответствующего осуществления проектов совершенствования техники. Эта глобальная и вместе с тем весьма конкретно приземленная задача обусловливает пространственные параметры, содержание и потребность в генерировании адекватных человеческих качеств. В работе использованы соответствующие актуальные идеи А. Печчеи.

Ключевые слова: природа, биосфера, человек, общество, техника, коэволюция, кризис, открытая система, трансактивность, транспереходные свойства и структуры, человеческие качества, мировоззрение, саморазвитие, безопасность.

Для цитирования: Бурак П. М. Мировоззренческие основания коэволюционного подхода в регулировании безопасности социоприродного взаимодействия // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 125–131.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-22.

P. M. Burak
Belarusian State Technological University

WORLDVIEW FOUNDATIONS OF THE COEVOLUTIONARY APPROACH TO REGULATION OF SOCIAL-NATURAL INTERACTION SAFETY

The article is devoted to the substantiation of the need to form an updated worldview and a corresponding co-evolutionary approach to regulating the safety of socio-natural interaction, taking into account the conditions of the aggravation of the civilizational and anthropological crises, which are the main factors in the degradation and destruction of the biosphere in connection with the destructive role of the consumer-oriented strategy of development of society for itself. The novelty of the worldview and the co-evolutionary approach, in their focus, are determined by the required activity of forming harmonizing relationships in the processes of development of nature, man, society and technology. Historically, spontaneously created by the labor of many people of different generations, but generally not planned or controlled by anyone, and transformed into a source of dangerous risks and crises, the derivative system needs global “repair” and its transformation into a basic structure, endowed by human civilization with the selective function of coordinating the interdependent existence of the biosphere and humanity in a range of mutual changes sufficient for their self-development.The global system: nature (biosphere) – man – society – technology is considered in the work as a kind of matrix of reproduction of unity, which, on the basis of regulated co-evolution of the processes of progress, regression and relatively neutral states, at various organizational levels of its fractal existence, can be transformed into the most important value structure of interdependent stimulation of the ability of self-development of the biosphere, man, society

and the corresponding implementation of projects for improving technology. This global and, at the same time, very specific - down-to-earth task determines the spatial parameters, content and need for generating adequate human qualities. The work uses the relevant current ideas of A. Peccei.

Keywords: nature, biosphere, man, society, technology, coevolution, crisis, open system, transactivity, trans-transitional properties and structures, human qualities, worldview, self-development, security.

For citation: Burak P. M. Worldview foundations of the coevolutionary approach to regulation of social-natural interaction safety. *Proceedings of BSTU, ussue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 125–131 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-22.

Вместо введения. В планетарный дом человечества более чем полвека назад «вошел» глобальный кризис, который «разделил» целостность человеческого существования на диалектически противоречивые, противоборствующие части и надолго предопределил трудности решения задач по интегрированию знаний, образовательной деятельности, духовной консолидации и профессиональной подготовки целостной личности, способной к саморазвитию и креативно направленной для решения все более сложных и масштабных проблем переходного времени расширения и углубления кризисного вызова. Кризисное «дробление» единой человеческой сущности обозначается в различных исследованиях антропологического кризиса различными терминами, подчеркивающими доминирование того или иного варианта односторонних предпочтений существующего рода занятий или выбора смысла жизненного направления. Характерные термины данной тенденции: частичный человек, информационный человек, цифровой человек, технический человек, инструментальный человек, потребляющий человек, обслуживающий человек, экологический человек и т. п. Люди различных специальностей и талантов, безусловно, нужны для развития общества. Однако не секрет, что успешное, безопасное воспроизводство общества базируется на сопряжении, согласовании продуктивных изменений всех сфер и направлений профессиональной деятельности различных специалистов, т. е. на основе целостного подхода в решении общезначимых и конкретных проблем в их единстве. Если же учесть, что сохранение (выживание) человека и общества в длительной перспективе будет определяться опасным кризисным состоянием взаимодействия общества и природы, возникшим в прошлом столетии и продолжающим обостряться в настоящее время, становится совершенно понятной зависимость тенденций изменения любого значимого направления профессиональной деятельности от совокупного воздействия отмеченного кризиса. Поэтому особую проективную актуальность приобретает необходимость опережающего антикризисного стиля мышления специалистов как путь формирования целостного сознания, которое было бы нацелено на выполнение новой миссии – управление социоприродными процессами развития. Если же такими делами будут заниматься только небольшие группы особо подготовленных людей, а в мировоззрении абсолютного большинства будет отсутствовать руководящая идея убеждения о том, что будущее с разнообразными и неутихающими кризисами – это не их забота, то может возникнуть стихийно сложившийся «эксперимент» элиминации формы жизни, которая не справилась с решением проблем самосохранения. Глобальный и антропологический кризисы создают предпосылки и большие трудности, но и надежды на консолидацию сил для продуктивного преодоления этих длительных кризисов. К счастью, в мире и в нашем отечестве есть немало людей, которые изучают современные тенденции нестабильности в обществе и социоприродном взаимодействии. Неугасающий интерес к данной проблеме подтвеждаетя многочисленными публикациями. Возникло новое направление научных исследований – «Философия кризиса». Существует точка зрения, что основным проявлением глобального кризиса является несоответствие общей глобальной направленности стратегии развития общества по его сохранению, росту его устойчивости на основе постоянного увеличения материального благосостояния и обновления его технических возможностей и ограниченных возможностей биосферы по объему материальных ресурсов жизни населения Земли. Именно поэтому руководитель проекта Римского клуба (доклад «Пределы роста» 1972 г.) подчеркнул: «Я точно знаю, что нынешняя система вступает в фазу упадка. Ее ожидает множество потрясений… Устойчивого развития достичь не удастся, наш мир уже вышел далеко за пределы самоподдержания. …Пора задуматься о том, как жить в фазе упадка, а не роста» [1].

Различные проявления глобального, антропологического и других кризисов, условия и пути их преодоления исследуют многие философы и ученые (А. Швейцер [2], Н. Н. Моисеев [3], К. Лоренц [4], З. Бауман [5], В. С. Степин [6], Д. Белл [7], Э. Ласло [8], Ю. Ю. Сугробова [9], И. Д., Карпова, Ю. О. Дорофей, В. И. Данилов-Данильян [10], Б. Н Катцов., Б. Н. Порфирьев, Э. Саден [11], Г. Норина [12], Е. А. Дергачёва [13].

Статья представляет собой первую часть разрабатываемой темы, указанной в названии. В основу

ее положен краткий анализ важнейших актуальных идей и обобщений и в настоящее время о причинах и тенденциях кризисного этапа развития человечества, содержащихся в монографии А. Печчеи, впервые изданной в 1977 г. Это обстоятельство предопределило выбор исходного материала для разработки коэволюционного подхода в целях его применения по вопросам регулирования социоприродного взаимодействия как условия преодоления кризисных явлений.

Основная часть. Основатель и первый президент Римского клуба (1968), посвятивший свою деятельность разработке глобальной модели развития человечества, А. Печчеи свои организационные и творческие усилия, свою жизненную энергию консолидировал в русле исследования, объяснения факторов, угроз и грядущих опасностей от последствий стихийного развития человеческой цивилизации в целом. В своем посвященном служению истине, справедливости по сохранению природы и формированию условий благоприятных перспектив продолжения земной истории человека, он обращал внимание и предпринимал непрестанные усилия по привлечению заинтересованной мировой общественности к размышлениям о будущем человечества в контексте осознания его зависимости от долговременных и обостряющихся проблем, порождаемых характером и направленностью исторического развития общества прежде всего на достижение собственного благополучия. Центральной методологической идеей систематизированной оценки А. Печчеи многочисленных и разноообразных проблем собственно социальной жизни человечества, особенностей взаимоотношений в различных сферах деятельности, возникновения и обострения негативных тенденций изменения и эксплуатации природы, упадка моральных ценностей является установка на выявление их взаимосвязи взаимообусловленности. Данная креативная идея, по сути, олицетворяющая коэволюционный подход к формированию новой мировоззренческой ориентации по преодолению непонимания взаимосвязи проблем и опасностей развития внутрисоциальных и социоприродных отношений, выводила на перспективу генерирования целостности разнообразного предметного знания преодоление устаревших концепций образования и формирования оптимистических моральных ценностей гуманистического обновления смыслов человеческой деятельности в единстве социального и социоприродного бытия.

В системе сложных проблем и опасных тенденций взаимозависимых изменений в обществе и в социоприродном взаимодействии, изменений природы в процессе интенсификации потребительского воздействия человека А. Печчеи решает вопрос о ценностно-мировоззренческой ориентации собственной, индивидуальной жизни. Он определяет для себя магистральное направление своего краткого, по времени жизни, пребывания «в человеческой колонии». Его основной замысел состоял в том, чтобы сделать свою жизнь как можно более полезной в соответствии с его же собственными принципами служения обществу, его будущему, осуществить попытку улучшения положения «вещей в этом мире» в меру своих сил.

Таким образом, определяемый человеческий долг гуманистического служения добру по улучшению миропорядка сопряжен с запретом, который для себя лично установил А. Печчеи в качестве самого важного гуманистического ориентира: «…никогда не поступать с другими людьми и вообще с живыми существами так, как я не хотел бы, чтобы они поступали со мною» [14, с. 47–48].

Избранный А. Печчеи стержневой принцип единого ценностно-мировоззренческого смысла агрегирования дел и мыслей его собственной жизни сталкивается с суровой реальностью ошеломляюще быстрого перехода человеческого развития от периода медленных изменений к внезапным и решительным переменам, олицетворяющим наступление новой динамической эры. Такого рода «переключение» социальной истории в течение нескольких десятков лет на совершенно иную скорость самоорганизации человеческой жизни побудило А. Печчеи загрузить свой гуманистически настроенный разум новыми вопросами о возможных вариантах развития человечества по двум основным направлениям, обусловливающим судьбы человечества. Это нашло отражение в его полярных предположениях: станет ли новый век звездным часом человека или произойдет его падение «в пучину ужасов и зла». Ситуация предвидения возможных результатов начавшегося перманентного ускорения развития человечества опережающим образом делает личность А. Печчеи, в его самопонимании и в соответствии с отмеченной выше, избранной для своей жизни ценностно-мировоззренческой ориентацией, одновременно участником и ответственным за те перемены, которые по своей сущности выражают, как он утверждает, тенденции «изменившегося положения самого человека на Земле» [14, с. 63]. В прошлой истории своего возникновения и на стадии становления человек был лишь одним из множества живых существ на нашей планете, а в настоящее время он превратил ее в свою «безраздельную империю» [14, с. 63]. В анализируемой работе А. Печчеи четко просматривается новый масштабный формат становления глобально-эволюционистского планетарного сознания его как выдающегося человека, возвышающегося в своем мировоззренческом синтезировании знаний, ценностных суждений, убеждений и предвидения будущего человечества

над сугубо обыденными интересами и заботами по обеспечению личного конформистского существования. Панорамность его разума, глубина фундаментальности размышлений, аналогичная размерность сопереживаний и, наконец, практическое соучастие в формировании теоретических предпосылок (знаний), подвижническое стремление в глубоком осознании необходимости изменения ценностных, культурных оснований жизни, человеческих качеств были теми направлениями фундаментальности натуры А. Печчеи, которые придавали смысловую направленность его жизни в будущее. Это был не просто и не только личностный выбор, а своеобразный вдохновляющий ответ на вызов в соответствии с необходимостью аккумулирования важнейших предпосылок конструктивных действий в новой мировоззренческой квантэсенции творческих сил для обоснования и подготовки перехода к планетарному регулированию развития общества в его сопряжении с изменением и сохранением природы как естественной среды физической и духовной жизни человека. Это было открытие нового для того времени горизонта развития человеческого творчества и смысложизненного посвящения в новых надеждах на лучший, более гуманный, совершенный мир людей на основе нового уровня и направления мобилизации, совершенствования, раскрытия и приведения в действие глобального созидательного потенциала планетарного регулирования развития человечества. Такой дух оптимистического напряжения в единстве с реалистическими оценками текущих проблем жизни человечества располагает к доверию человеку планетарного уровня сознания, каким и предстает автор искреннего, глубокочувственного труда «Человеческие качества», в котором отражены коллизии и ожидания начала разгара событий эпохи основополагающих изменений и неопределенностей в картине мира жизни общества. А. Печчеи обозначает и ясно формулирует основополагающие проблемы транзитной ситуации жизни общества, критически оценивает возможности их решения и с позиций устоявшихся стандартов понимания человека как властителя и потребителя в отношениях к природе и обществу. Его интересует роль элитаризма в развитии цивилизации. А если общество развивается, движимое себялюбием и эгоизмом, то к чему это может привести? Как понимать земное предназначение человека? Каким образом на судьбы человечества оказывает влияние новый мощный фактор «…огромное и все возрастающее материальное могущество самого человека?» При каких условиях использование этого могущества может закончиться непоправимой катастрофой? А. Печчеи констатирует опасность зависимости всех форм жизни на земле вследствие продолжающейся экспансии и роста численности особей человека разумного. Ученый подчеркивает опасную для самого человека тенденцию зависимости его судьбы от его же отношения ко всему живому на Земле, ибо он нарушает экологическое равновесие, необратимо разрушает жизнеобеспечивающую емкость планеты и фактически порождает своими действиями тенденцию самоуничтожения. Ненасытный аппетит человека к обладанию и потреблению, подталкиваемый научно-технической революцией, обусловливает ее двойственный характер. Ее негативное проявление зафиксировано А. Печчеи в оценке как «почти зловещей, благоприобретенной мощи человека». Мир человека опирается на четыре взаимосвязанных элемента: природу, самого человека, общество и основанную на науке технику. Это и есть объективное основание агрегации соответствующих знаний в целостную систему, все части которой могут существовать и развиваться в их взаимосвязи. Такое понимание формирования данной системы есть зачатки знаний о ее коэволюционном происхождении и функционировании. В дальнейшем будет более обстоятельно раскрыто содержание коэволюционной природы, а значит, неслучайного характера исторического появления и функционирования данной системы, что отражает содержание общего атрибутивного принципа системообразования и утверждения коэволюционного подхода в качестве своеобразного механизма регулирования безопасности социального и социоприродного взаимодействия системно организованных объектов. Следовательно, знание механизмов коэволюции является необходимым условием знания и выстраивания механизмов безопасности и сохранения сопряженно функционирующих систем.

А. Печчеи называет систему «Природа – Человек – Общество – Техника» тотальной глобальной системой [14, с. 68–69]. При этом последние три элемента глобальной системы А. Печчеи считает человеческой системой, в то время как природная система, или экосистема, – «весь внешний мир». При этом он полагает, что дорога к спасению и новым свершениям человечества в новой социоприродной реальности, которая несет с собой множество угроз и неизвестности, может быть найдена только при условии, если мы предварительно поймем коренную проблему, обусловливающую перспективы существования человека, проблему, порожденную самим человеком. Это проблема познания сущности «нового положения» человека в изменившемся мире, познания его новой роли и ответственности в мире в соответствии с образовавшейся тотальной глобальной системой, частью которой он является. Мы рассматриваем идею А. Печчеи о структурной организации тотальной системы глобального

масштаба – системы «Природа – Человек – Общество – Техника» в качестве важнейшего методологического основания по изменению, совершенствованию мировоззрения и культурно-цивилизационной ответственности человека. Данная система возникла стихийно или незапланированно в целом, вследствие исторического становления человека, его экспансии на планете, вытеснения других живых существ, создания им своей комфортной искусственной среды жизни (называемой в настоящее время техносферой) за счет все более ускоряющегося и масштабного использования природных ресурсов, что изменило его положение на земле, важнейшего ценностного основания по изменению, совершенствованию мировоззрения и культурно-цивилизационной ответственности человека.

Глобальная система, состоящая из четырех частей, требует перестройки как индивидуального, так и общественного сознания, если мы хотим, чтобы этот дар эволюции жизни, биосферы во взаимосвязи с совершенствованием креативной деятельности и суверенности человека не оказался узконаправленным, сфокусированным лишь на его собственное, эгоизированное благополучие. Это означает, что именно человеческая активность, его креативная энергия, по фундаментальным онтологическим обстоятельствам – воспроизводства достаточно безопасной глобальной системы «Природа – Человек – Общество – Техника», должна выполнять роль фактора, формирующего способы, формы и средства, взаимодействия, взаимозависимости, взаимного влияния и взаимных изменений всех составных частей данной системы.

Эти обстоятельства можно рассматривать в качестве факторов, способствующих сохранению всех частей данной системы как целостности, включая сохранение самого человека на длительную перспективу. Сохранение же природы, человека, общества, техники возможно лишь при условии реализации важнейшего атрибутивного свойства всех без исключения объектов (систем) нашего мира – принципа развития, включающего прогрессивные, регрессивные и сравнительно стазисные формы изменений в их единстве и взаимообусловленности. Далее. Человек не должен быть только творцом и ответчиком совершенствования техники, ее безопасности, экологизации, гуманизации, этической и эстетической верификации и т. д., но и выступать уже не только спорадически, но контитуально соучастником и регулятором сохранения способности и реализации саморазвития природы, общества и самого себя, поддерживать и сохранять механизмы их соотносительно автономного воспроизводства при помощи техники.

Вместо заключения. Техника, как четвертый элемент репрезентируемой А. Печчеи системы, охватывающей связи природной, человеческой, социальной и искусственной, создаваемой человеком реальности, в отличие от природы, не обладает способностью самопорождения и саморазвития. Техника не имеет эволюционно формирующегося, самопроизвольно действующего кода самовоспроизводства. Вместе с тем техника является продуктом и фактором интегрирования природы (биосферы), человека и общества в диалектически противоречивую систему, преобразующую их способность саморазвития на метасистемном уровне их единства, образуемого их взаимосвязями и взаимозависимостью. Вне взаимной обусловленности этих частей человеческая жизнь не может воспроизводиться без объединяющей экспансии техники. Это означает, что техника все более, масштабнее и проникновеннее превращается в неотъемлемый онтологический атрибут взаимосвязанных изменений и перехода в новое состояние взаимообусловленного развития биосферы, человека и общества. Новизна такого состояния зависимости природы (биосферы) от экспансионистской трансгрессии человека и глобального форматирования социальной организации его жизни, объективно репрезентируется в обратном (в сравнении с творением техники) – подчинении и регламентации самой способности сохранения, воспроизводства и безопасности человека и общества, в мерах сохранения ими природы от наличного состояния разнообразия и адаптивных свойств техники. Все более заметно проявляющейся становится практическая потребность в разнообразии и множественности образцов техники для сохранения способов (форм) бытия и полиструктурных отношений в своеобразной глобальной матрице жизни, которую А. Печчеи агрегировал в систему «Природа – Человек – Общество – Техника». Человек не в состоянии отказаться от техники в связи с рисками неизбежного его увядания как вида – монополиста и опасной хаотизацией, поддерживающей его жизнь социальной организацией.

Список литературы

1. Тарасова Н. П., Медоуз Д. «Устойчивого развития достичь не удастся… И пора задуматься о том, как жить в фазе упадка, а не роста». URL: https://naked-science.ru/article/interview/ustojchivogo-razvitiya-dostich-ne-udastsyaupadka-a-ne-rosta (дата обращения: 04.05. 2025).

2. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 576 с.

3. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы (Эколого-политологический анализ) // Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Междисциплинарные исследования глобальных проблем. Публицистика и общественные проблемы. М.: Тайдекс Ко, 2003. 264 с.

4. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Оборотная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С. 3–60.

5. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.

6. Степин В. С. Философия в эпоху перемен // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 2006. № 4. С. 18–34. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-b-epohu-peremen (дата обращения: 12.04.2023).

7. Белл Д., Иноземцев В. Л. Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века. М.: Центр исслед. постиндустриального о-ва, 2007. 304 с.

8. Ласло Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен). М.: Время знаний, 2011. 208 с.

9. Сугробова Ю. Ю., Карпова И. Д., Дорофей Ю. О. Параметры антропологического кризиса и современного глобального поколения // Человек и культура. 2020. № 6. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.6.34308. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34308 (дата обращения: 14.05.2025).

10. Данилов -Данильян В. И., Катцов Б. Н., Порфирьев Б. Н. Экология и климат: где мы сейчас и где будем через два-три десятилетия. Общемировые тенденции // Вестник РАН. 2023. Т. 93, № 10. С. 930–941.

11. Саден Э. Тирания Я: конец общего мира. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2023. 336 с.

12. Норина Г. Парадокс одиночества. Глобальное исследование нарастающей разобщенности человечества и ее последствий. М.: Эксмо, 2024. 320 с.

13. Дергачёва Е. А. Инновационные идеи в теории философии социально-техногенного развития мира и смены эволюции жизни (к 85-летию профессора Э. С. Демиденко) // Эргодизайн. 2022. № 2. С. 144–152. DOI: 10.30987/2658-4026-2022-2-144-152.

14. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 312 с.

References

1. Tarasova N. P., Medouz D. “Sustainable development cannot be achieved… And it is time to think about how to live in a phase of decline, not growth.” Available at: https://naked-science.ru/article/interview/ustojchivogo-razvitiya-dostich-ne-udastsyaupadka-a-ne-rosta (accessed 04.05. 2025) (In Russian).

2. Shveytser A. *Blagogoveniye pered zhizn’yu* [Reverence for life]. Moscow, Progress Publ., 1992. 576 p. (In Russian).

3. Moiseev N. N. Modern anthropogenesis and civilizational faults (Ecological and political analysis). *Izbrannyye trudy. T. 2. Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya global'nykh problem. Publitsistika i obshhestvennyye problemy* [Selected Works. Vol. 2. Interdisciplinary studies of global problems. Journalism and social problems]. Moscow, Taydeks Ko Publ., 1992. 264 p. (In Russian).

4. Lorents K. The eight deadly sins of civilized humanity. *Oborotnaya storona zerkala* [Behind the minor]. Moscow, Respublika Publ., 1998. 393 p. (In Russian).

5. Bauman Z. *Individualizirovannoye obskchestvo* [Individualized society]. Moscow, Logos Publ., 2005. 390 p. (In Russian).

6. Stepin V. S. Philosophy in an Age of Change. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin], series 7, Philosophy, 2006, no. 4, pp. 18–34. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-b-epohu-peremen (accessed 12.04.2023) (In Russian).

7. Bell D., Inozemtsev V. L. *Epokha razobshchennosti. Razmyshleniya o mire XXI veka* [The Age of Disunity: Reflections on the World of the 21st Century]. Moscow, Tsentr issledovaniy postindustrial’nogo obshchestva Publ., 2007. 304 p. (In Russian).

8. Laslo E. *Makrosdvig (K ustoychivosti mira kursom peremen)* [Macroshift (Towards a Sustainable World through Change)]. Moscow, Vremya znaniy Publ., 2011. 208 p. (In Russian).

9. Sugrobova Yu. Yu., Karpova I. D., Dorofey Yu. O. Parameters of the anthropological crisis and the modern global generation. *Chelovek i kul'tura* [Man and Culture], 2020, no. 6, pp. 22–34. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.6.34308. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34308 (accessed 14.05.2025) (In Russian).

10. Danilov-Danil'yan V. I., Kattsov B. N., Porfir'yev B. N. Ecology and climate: where we are now and where we will be in two or three decades. Global trends. *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2023, vol. 93, no. 10, pp. 930–941 (In Russian).

11. Saden E. *Tiraniya Ya: konets obshchego mira* [Tyranny of Me: The End of the Common World]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2023. 336 p. (In Russian).

12. Norina G. *Paradoks odinochestva. Global'noye issledovaniye narastayushchey razobshchennosti chelovechestva i yeye posledstviy* [The Paradox of Loneliness: A Global Study of Humanity's Growing Disunity and Its Consequences]. Moscow, Eksmo Publ., 2024. 320 p. (In Russian).

13. Dergachyova E. A. Innovative ideas in the theory of philosophy of social and technogenic development of the world and the change in the evolution of life (on the 85th anniversary of Professor E. S. Demidenko). *Ergodizayn* [Ergodesign], 2022, no. 2, pp. 144–152. DOI: 10.30987/2658-4026-2022-2-144-152 (In Russian).

14. Pechchei A. *Chelovecheskiye kachestva* [Human qualities]. Moscow, Progress Publ., 1985. 312 p. (In Russian).

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: bmp49@bk.ru

Information about the author

Burak Petr Mikhaylovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bmp49@bk.ru

Поступила 20.05.2025

УДК 179+303.01

Н. Я. Захарава
Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

ЭКАЛАГІЧНЫ ІМПЕРАТЫЎ ЯК ФАКТАР ПРАЕКТАВАННЯ САЦЫЯПРЫРОДНАЙ РЭАЛЬНАСЦІ

У артыкуле разглядаюцца актуальныя праблемы сацыяэкалагічнай устойлівасці і фарміраавання чалавека экалагічнай культуры. Паказана, як праяўляецца дыялектычная супярэчнасць паміж экалагічным імператывам (ідэалам) і сацыяпрыроднай рэальнасцю, якая ляжыць у аснове праектыўнай дзейнасці. Праектыўная дзейнасць, у тым ліку і канструяванне асобаснага праекта, вырашаецца ў рэчышчы бінарнай апазіцыі ідэалу і сацыяльнай, сацыяпрыроднай рэальнасці мэтаў. Экалагічны імператыў ці экалагічны ідэал узніклі як рэфлексія грамадскай свядомасці на экалагічную пагрозу. Высвятляецца, як менавіта ў «мадэлі патрэбнай сацыяпрыроднай будучыні», якая з'яўляецца адной з характарыстык магчымасці ажыццяўлення экалагічнага імператыву, рэалізуецца разуменне сэнсу сацыяпрыроднага быцця і сацыякультурнага досведу, а таксама стварэння ўласнай сэнсавай прасторы, якая выступае найважнейшым фактарам асобаснага развіцця ва ўмовах інфармацыйна-тэхналагічных грамадскіх трансфармацый. Маральныя каштоўнасці ва ўмовах глабалізацыі цэлага шэрагу рызык развіцця тэхналогій, грамадства спажывання, культурных трэндаў у першую чаргу маюць патрэбу ў карэлятыўных імператыўных фармулёўках, якія ўніверсальныя не таму, што агульнапрызнаныя, а таму, што звернутыя да кожнага. Праектыўная дзейнасць разглядаецца як адзінства ўнутранага (духоўных каштоўнасцяў, якія вызначаюць меру свабоды самарэалізацыі) і знешняга (здольнасці адпавядаць патрабаванням і мэтам сацыяльнага і ўстойлівага сацыяпрыроднага развіцця).

Ключавыя словы: сацыяпрыродная рэальнасць, экалагічны імператыў, праект, экалагічная культура, экалагічная этыка, устойлівае развіццё, свабода, адказнасць.

Для цытавання: Захарава Н. Я. Экалагічны імператыў як фактар праектавання сацыяпрыроднай рэальнсці // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 132–136.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-23.

N. Ya. Zakharava
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

ECOLOGICAL IMPERATIVE AS A FACTOR OF SOCIO-NATURAL REALITY DESIGNING

The article examines the current problems of socio-ecological sustainability and the formation of a person of ecological culture. It shows how the dialectical contradiction between the ecological imperative (ideal) and the socio-natural reality that underlies projective activity manifests itself. Projective activity, including the construction of a personal project, is resolved in the context of the binary opposition of the ideal and the social, socio-natural reality of goals. The ecological imperative, or ecological ideal, arose as a reflection of public consciousness on the ecological threat. It is found out how precisely in the "model of the desired socio-natural future", which is one of the characteristics of the possibility of implementing the ecological imperative, the understanding of the meaning of socio-natural existence and socio-cultural experience, as well as the creation of one's own semantic space, which acts as the most important factor of personal development in the conditions of information and technological social transformations, is carried out. Moral values under the conditions of globalization of a whole range of risks of technological development, consumer society, cultural trends primarily need correlative imperative formulations that are universal not because they are generally recognized, but because they are addressed to everyone. Projective activity is considered as the unity of the internal (spiritual values that determine the measure of freedom of self-realization) and external (the ability to meet the requirements and goals of social and sustainable socio-natural development).

Keywords: socio-natural reality, ecological imperative ecological culture, ecological ethics, sustainable development, project, freedom, responsibility.

For citation: Zakharava N. Ya. Ecological imperative as a factor of socio-natural reality designing. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 132–136 (In Belarusian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-23.

Уводзіны. Задача пабудовы новай парадыгмы даследавання асобы і яе развіцця ў кантэксце экалагізацыі культуры жыццядзейнасці з'яўляецца надзвычай актуальнай ва ўмовах сучаснага, поўнага супярэчнасцяў і хутказмяняльнага свету, дзе супярэчнасці сацыяльныя ўсё ў большай ступені аказваюцца звязанымі з неабходнасцю вырашэння экалагічных праблем. Фарміраванне здольнасці да праектыўнай дзейнасці, гэта значыць да пераўтварэння рэчаіснасці на аснове «мадэлі патрэбнай будучыні», з'яўляецца адной з характарыстык «чалавека экалагічнай культуры» і магчымасці ажыццяўлення экалагічнага імператыву, з пункту гледжання П. А. Вадап'янава [1].

Новыя інфармацыйныя тэхналогіі, а затым так званыя канвергуючыя бія-, нана-, кагнітыўныя і сацыяльныя (НБІКС) тэхналогіі ўтвараюць новае жыццёвае асяроддзе чалавека і ставяць пад сумнеў шматлікія звыклыя спосабы арыентацыі ў свеце і традыцыйныя чалавечыя каштоўнасці. Жыццёвы свет чалавека, будучы гістарычным і культурным паняццем, шматкратна мяняўся і быў розным у разнастайных культурах. Пры гэтым ён заўсёды захоўваў пэўныя інварыянты. Сёння пад уплывам глабалізуючага ўздзеяння навукі і тэхнікі гэтыя інварыянты размываюцца. У прыватнасці, сучаснае грамадства ведаў спрабуе «выйсці за межы прыродных абмежаванняў». Вядома, не маецца на ўвазе магчымасць «абысці» законы прыроды, паколькі гэта нікому не атрымаецца зрабіць. Гаворка ідзе пра канструяванне (з апорай на прыродныя законы) новых накірункаў, таксама і канструяванне самога чалавека: як яго псіхікі, так і цялеснасці, і пра праектаванне яго дзейнасці, у тым ліку і ўмоў самаразвіцця, что адлюстроўвае канцэпцыя М. М. Маісеева [2]. Распаўсюджванне новых інфармацыйных тэхналогій, у прыватнасці Інтэрнэту, стварае каласальныя магчымасці для маніпулявання псіхікай. З'яўляюцца новыя абмежаванні чалавечай свабоды, узнікае неабходнасць яе пераасэнсавання. Абвастраецца старая філасофская праблема стаўлення рэальнага і ўяўнага, а таксама пытанне ведаў і меркаванняў, бо з дапамогай інфармацыйных тэхналогій можна фабрыкаваць веды аб рэальнасці, а тым самым да вядомай ступені і саму рэальнасць. Сучасныя навука і тэхніка, якія спарадзілі постіндустрыяльнае інфармацыйнае грамадства, – гэта выклік для чалавека, яго ўнутранай і знешняй экалогіі. Яго перспектывы шмат у чым звязаныя з тым, якая будзе каштоўнасная арыентацыя створанага навукай і тэхнікай.

Асноўная частка. Праектыўная дзейнасць, у тым ліку і канструяванне асобаснага праекта, вырашаецца ў рэчышчы бінарнай апазіцыі ідэалу і сацыяльнай, сацыяпрыроднай рэальнасці мэтаў. Экалагічны імператыў ці экалагічны ідэал носяць некалькі спекулятыўны характар. І той, і другі ўзніклі як рэфлексія грамадскай свядомасці на экалагічную пагрозу. Гэта значыць, што анталагічныя падставы ляжаць у плоскасці ідэальнай сферы чалавечай дзейнасці. Несапраўднасць (утапічнасць) ідэалу ў тым і праяўляецца, што, будучы звязаны з ідэальнай сферай чалавечай дзейнасці, ён можа не знаходзіць сапраўднай крыніцы свайго абгрунтавання. У свой час на кур'ёзы філасофскай спекуляцыі звяртаў увагу нямецкі філосаф і грамадскі дзеяч І. Дзіцген [3, с. 366].

Неразуменне неабходнай сувязі паміж экалагічным ідэалам і матэрыяльнай сферай чалавечай дзейнасці прыводзіць да таго, што экалагічная свядомасць у асноўным уяўляе сабой разумны сэнс свайго часу, але ён яшчэ вельмі далёкі ад разумення сапраўдных шляхоў рэалізацыі экалагічнага ідэалу ці імператыву. Прыклад з нечаканым узвышэннем і прызнаннем заявы ў ААН Грэты Тунберг, якая заклікала змагацца з глабальным пацяпленнем, паказвае, што адарванасць ад сапраўднага разумення каранёў глабальнага экалагічнага крызісу ўяўляе толькі прадукт грамадскай свядомасці. Гэтая свядомасць не вырываецца за межы сацыяльна-палітычных і культурных стэрэатыпаў сваёй эпохі, таму яна і можа заклікаць дзяржавы да маральнага пункту гледжання.

Фактычна імператыўна-экалагічны ідэал абапіраецца не столькі на матэрыяльныя факты, колькі адлюстроўвае гэтыя факты ў свядомасці чалавека (маральнасць, права і г. д.). Падобная логіка лічыць, што калі даць новае тлумачэнне гэтай свядомасці (экалагічнай), то можна змяніць свет, не разумеючы, што толькі аб'ектыўная прырода свету (экалагічны і культурны крызісы) і стварыла гэтыя ўмовы, якія зрабілі магчымым новае тлумачэнне свядомасці. Адсюль і імкненне накіраваць усе класы, групы, установы і г. д. соцыуму на агульныя дзеянні, прымірыўшы пагрозай экалагічных наступстваў іх разнастайныя інтарэсы. А раз на практыцы імператыўны ідэал не рэалізуецца, то рашэнне шукаецца ў плоскасці павіннасці. Гэтае выратаванне часта дасягаецца ўцёкамі ад рэчаіснасці (экалагізм, даўншыфтынг, Грынпіс, рух зялёных), але той, хто ўцякае, яшчэ не вольны, паколькі ў сваіх уцёках ён абумоўлены тым, ад чаго ўцякае.

Звернемся да матэрыялістычнага абгрунтавання грамадскага ідэалу ў філасофіі Людзвіга Феербаха, калі ён казаў, што адарванасць ад чалавека, чалавечых якасцяў у выглядзе ідэальнай, абсалютнай сутнасці нараджае супрацьстаянне з рэальным чалавекам. «Наш ідэал, – пісаў Л. Феербах, – не спакладаная, пазбаўленая цялеснасці, адцягненая істота, наш ідэал, – гэта цэласны, сапраўдны, усебаковы, дасканалы, адукаваны чалавек» [4, с. 778]. Ідэал і чалавек ужо не супрацьпастаўляліся адзін аднаму, а разглядаліся ў адзінстве. Зварот да чалавечай сутнасці ў разуменні ідэалу і крытыка абсалютнай ідэальнай

сутнасці Л. Феербахам з'яўляюцца важным элементам агульначалавечай культуры.

Ідэал – гэта толькі навуковае адлюстраванне сацыяльнай рэчаіснасці, але такое адлюстраванне, якое разглядае рэчаіснасць ва ўсіх аспектах яе ўнутранага развіцця. Адлюстраванне ж часта разглядаецца з пункту гледжання адсутнасці ўсяляка-га руху. Тады атрымліваецца, што экалагічны ідэал або імператыў – аб'ектыўная гістарычная неабходнасць. Такім чынам, экалагічны ідэал уяўляе сабой навуковае адлюстраванне сацыяпрыроднай рэчаіснасці, якая заканамерна развіваецца, але гэта такое адлюстраванне, якое стварае ідэальную выяву сацыяльнай будучыні, на падставе якой павінна быць пераўтворана наяўная сацыяльная рэчаіснасць у цэласна развітую рэчаіснасць.

Аб'ектыўнае развіццё самой сацыяпрыроднай рэчаіснасці дае падставу сцвярджаць, што экалагічны ідэал (імператыў) не толькі магчымы, але і неабходны, непазбежны, таму што ён належыць да істотных уласцівасцяў гэтай рэчаіснасці. Экалагічны ідэал (імператыў), які выступае ў якасці сацыяльнага інструменту чалавечай дзейнасці, абумоўлівае неабходнасць усведамлення кожным чалавекам сваёй жыццядзейнасці як жыццядзейнасці стваральнай. Але само гэтае ўсведамленне магчыма толькі пры ўмове, што чалавек ведае гэты свой інструмент. Як не можа быць паспяховай дзейнасць чалавека ў працэсе працы, без ведання адпаведных прылад працы, так не можа быць паспяховай яго экалагічная дзейнасць як члена грамадства без ведання адпаведнага ідэалу [5, с. 74–75]. Інакш не можа ўвасобіцца стваральны бок свядомасці.

Экалагічны ідэал (імператыў) як аснова рэгуляцыі сацыяльнага асяроддзя лагічна дапаўняе і завяршае сацыяльны ідэал чалавека, выступаючы як усведамленне яго ладу жыцця. Але даючы характарыстыку экалагічнаму ідэалу, як аснове рэгуляцыі сацыяпрыроднага асяроддзя ў выніку засваення яго ў якасці тэарэтычных ведаў, варта падкрэсліць, што само гэтае засваенне магчыма толькі на аснове асабістай практычнай дзейнасці чалавека. Нельга ўяўляць сабе справу так, што можна засвоіць яе чыста тэарэтычна, а потым прыступаць да практычнай рэалізацыі. Працэс фарміраванне экалагічнай свядомасці, заснаваны на пункце гледжання агульных прынцыпаў экалагічнай этыкі, вядзе да чыста знешняга прывязвання гэтых прынцыпаў да чалавека. Але ў такім выпадку можна прывязаць да яго зусім супрацьлеглыя прынцыпы (адкладзенай адказнасці, спажывецтва, пакланення рэчаваму свету, меркантылізму і г. д.). І абмяжоўваючыся чыста тэарэтычным падыходам да пытання аб доказе праўдзівасці ці непраўдзівасці экалагічнага ідэалу, мы міжволі пераходзім на пазіцыі асветніцтва і вонкавых абмежаванняў, лічачы, што спрэчка можа быць вырашана шляхам аргументаў і перакананняў. Складанасць яшчэ і ў тым, што само разуменне непазбежнасці глабальнага экалагічнага калапсу пры існуючым стаўленні чалавека да прыроды на практыцы можа азначаць імкненне супрацьдзейнічаць гэтай непазбежнасці, і тады гаворка будзе ісці пра ліквідацыю гэтай супярэчнасці. Трэба, каб у праектаванні мэтаў сваёй жыццядзейнасці чалавек дзейнічаў не ў якасці аб'екта, а суб'екта, якім ён з'яўляецца на практыцы, а гэта можна рэалізаваць толькі пры ўмове, што прадметам яго тэарэтычнай дзейнасці будуць не абстрактныя прынцыпы любові да прыроды, а культурна-экалагічнае асэнсаванне яго ўласнага вопыту.

Глабальны культурна-экалагічны крызіс паказаў, што чалавек не можа адвольна, толькі суб'ектыўна кіраваць сваёй уласнай эвалюцыяй, ён павінен дзейнічаць свядома, з веданнем адпаведных законаў, у гармоніі з імі. «З разумення фундаментальнага факту эвалюцыянуючага быцця чалавека, зусім аб'ектыўна, з неабходнасцю і непазбежнасцю ўстае пытанне аб новай, эвалюцыйнай свабодзе і новай, эвалюцыйнай адказнасці чалавека як двух асноўных атрыбутах і прынцыпах эвалюцыйнай культуры» [6, с. 310].

Чалавек жа, які стварае эвалюцыю, безумоўна, становіцца адказным за ўсё ім зробленае, за ўсе дасягненні і правалы гэтай эвалюцыі. Чалавек вольны пастолькі, паколькі ён адказны, паколькі ён авалодаў законамі і гармоніяй стварэння, навукай і мастацтвам тварэння, а дакладней, стварэння, бо ў працэсе гэтага стварэння разам з ім удзельнічае і ўвесь астатні свет. Чалавек сам эвалюцыянуе і, ствараючы эвалюцыю астатняга свету, эвалюцыянуе разам з ім, знаходзіцца ў пастаянным працэсе са-стварэння, сумеснай з усім астатнім светам каэвалюцыі і эвалюцыйнага ўзыходжання.

Можна тым чынам сказаць, што рэалізацыя ўніверсальных падстаў экалагічнага імператыву ў грамадскай практыцы залежыць ад умоў, у якіх прынцыпы каэвалюцыі могуць выступаць у якасці мабілізуючай і інтэгравальнай сілы. Вядома, тут павінна прысутнічаць пачуццё агульнага прымання, агульнай датычнасці, агульнай дзейнасці, таму ўвасабленне ўніверсальных прадпісанняў маралі ў грамадскім жыцці непазбежна абмяжоўваецца існаваннем асобных суб'ектаў (дзяржаў, карпарацый, супольнасцяў, партый, пластоў і груп), традыцыйна выходных са сваіх адмысловых інтарэсаў і пераваг. Тут нельга абысці і праблему маральна абгрунтаванай небесстароннасці, калі этычную правільнасць тых ці іншых дзеянняў даводзіцца вызначаць паміж аддаленымі (біясфернымі) і блізкімі (асабістымі, групавымі, нацыянальнымі) прэферэнцыямі [7, с. 38]. Універсальнасць маральных патрабаванняў не варта змешваць з тым, наколькі яны распаўсюджаныя і агульнапрызнаныя. Маральныя каштоўнасці ва

ўмовах глабалізацыі цэлага шэрагу рызык развіцця тэхналогій, грамадства спажывання, культурных трэндаў у першую чаргу маюць патрэбу ў карэлятыўных імператыўных фармулёўках, якія ўніверсальныя не таму, што агульнапрызнаныя, а таму, што звернутыя да кожнага.

Устойлівае развіццё соцыуму і яго чальцоў уяўляе сабой трыяду: свабода – неабходнасць – ісціна. Інакш кажучы, права – абавязак – веданне. Чалавек не прасунецца па шляху вырашэння створаных ім экалагічных праблем, калі ён толькі апелюе да правоў і абыякавы да абавязку і ісціны. Што вызначае, правы чалавека тут адносяцца не да асобаснай, а да грамадскай сілы, да роўных сацыяльна-экалагічных магчымасцяў для ўсіх людзей. Разам з тым юрыдычная роўнасць – гэта толькі першы этап, гэта этап права, этап свабоды. Ідэя такога развіцця, «абавязкаў для ўсіх», «доўгу», «неабходнасці» – гэта больш высокая ступень засваення экалагічнай адказнасці. Інакш кажучы, экалагічныя правы чалавека заключаюцца ў тым, каб жыць па абавязку, свядома. Дыялектычны парадокс гэтай трыяды ў тым, што правы чалавека – гэта правы грамадства на ўстойлівае развіццё, г. зн. справядлівыя і роўныя правы для ўсіх, што магчыма толькі пры адрыве чалавека ад узроўню «права» і пераходзе яго на больш высокую прыступку «маралі» і «розуму».

У аснове этыкі І. Канта таксама ляжыць не імкненне да шчасця, а імкненне быць вартым шчасця. Ажыццяўляючыся пры выкананні абавязку, які і ёсць катэгарычны імператыў, гэтае імкненне павінна быць бескарыслівым, вольным ад жаданняў [8, с. 344]. Вось чаму прынцып асабістага шчасця, карысці, асалоды, які спрабуюць выдаць за вышэйшае чалавечае дасягненне дастойнага жыцця, па сутнасці, супярэчыць маральнаму закону. Бо гэты прынцып абвяшчаў бы: кахай сябе больш за ўсё, а бога і блізкага свайго – толькі дзеля самога сябе. «Вось чаму і мараль, уласна кажучы, ёсць вучэнне не пра тое, як мы павінны зрабіць сябе шчаслівымі, а пра тое, як мы павінны стаць вартымі шчасця» [8, с. 463]. І закон абавязку дае чалавеку ўнутраную свабоду, збавенне ад нястрымнай дакучлівасці схільнасцяў [8, с. 498], тым самым выклікаючы павагу да самога сябе. Такім чынам, прызнаецца свабоднай толькі воля, якая глыбока ўсведамляе абавязак.

Утылітарысцкая этычная тэорыя (Дж. Міль, Дж. Бентам, П. Сінгер) у анталагічнае заснаванне этыкі кладзе прынцып карысці, карыснасці і прынцып роўнасці. У выніку этычную адпаведнасць тых ці іншых дзеянняў утылітарысцкаму маральнаму суб'екту даводзіцца вызначаць паміж шчасцем адных і шчасцем іншых людзей. І ў гэты момант людзі паўстаюць няроўнымі паміж сабой. Каго выратаваць, палаючы лес ці людзей, ці жывёл, якія ўцякаюць з яго? У адносінах да прыроды ёсць не толькі пытанне аддаленасці ці бесстароннасці. Калі мы так робім, то павінны хаця б ведаць, што робім амаральна.

Тут уяўляецца вельмі перспектыўнай распрацоўка Г. Ёнасам «новай этыкі» глабальнай адказнасці і прынцыповай каштоўнасці жыцця. Пашырэнне маштабаў чалавечай дзейнасці запатрабавала перагляду межаў адказнасці ў адносінах да суб'екта, якім становіцца ўсё чалавецтва, і аб'екта (у яго ўключаны біясфера і будучыя пакаленні) [9, с. 71]. Універсальным прынцыпам чалавечай дзейнасці ва ўсіх сферах, паводле Ёнаса, павінна стаць «эўрыстыка страху» – неабходнасць дзейнічаць з-за страху перад будучыняй, што патрабуе прызнання перавагі дрэннага прагнозу перад добрым [9, с. 220].

Заключэнне. Што ж з'яўляецца абавязкам у дачыненні да прыроды? Воля, якая глыбока ўсведамляе свой доўг у дачыненні і да прыроды, а не толькі да чалавека. Экалагічны імператыў – гэта забароненая рыса ва ўзаемадзеянні з прыродай, пераступаць якую чалавецтва не мае права ні пры якіх абставінах. Экалагічны імператыў мае безумоўным прыярытэтам захаванне жывой прыроды, краявіднай разнастайнасці планеты, абарону навакольнага асяроддзя ад празмернага забруджвання, несумяшчальнага з жыццём. У дадзеным імператыве няма супярэчнасці з правамі чалавека і свабодай, бо свабодная асоба глыбока ўсведамляе абавязак і паступае маральна і дабрадзейна, выкарыстоўваючы сярод прынцыпаў маральнасці не толькі чалавечы, але і прыродны кампанент.

Кожны чалавек паасобку не з'яўляецца «экалагічным злыднем», не здзяйсняе ўчынкаў, відавочна згубных для прыроды, але з яго волі і волі мільярдаў людзей складаюцца маштабныя наступствы. Тут мараль як бы зніжаецца да ўзроўню права, забяспечваючы нейкія дамоўленыя абавязкі ў сферы маралі [10, с. 22]. Хатнія гаспадыні са штодзённым выбарам і перавагамі, аўтаўладальнікі, індустрыя спажывання і забаў, інтарэсы карпарацый па вытворчасці новых лекаў і сродкаў амаладжэння, геданізм у звычках большасці – усё гэта пацвярджае, што пераадоленне стэрэатыпаў пазаэкалагічнага ладу жыцця патрабуе кардынальнай перабудовы свядомасці і праектавання маральнасці сацыяльнай дзейнасці. Вырашэнне праблемы жывога і паўнаты чалавечага жыцця як адзінства прыроднага і сацыяльнага магчыма менавіта на асабліва чалавечым, маральным узроўні ўзаемаадносінаў. У гэтым выпадку праектаваць неабходна менавіта паўсядзённую сацыяприродную практыку, паколькі патрабаваць адпаведнай дзейнасці на карысць экалагічнай этыкі і экацэнтрычнай маралі можна толькі з дапамогай выцяснення некаторых маральных традыцый на перыферыю грамадскага жыцця, а таксама глабальнай рэканструкцыі некаторых з існуючых грамадскіх інстытутаў.

Спіс літаратуры

1. Водопьянов П. А., Крисаченко В. С. Стратегия бытия человечества: от апокалипсиса к ноосферному веку. Минск: Беларуская навука, 2018. 306 с.
2. Моисеев Н. Н. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Междисциплинарные исследования глобальных проблем. Публицистика и общественные проблемы. М.: Тайдекс Ко, 2003. 264 с.
3. Ленин В. И. Философские тетради // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 29. М.: Политиздат, 1973. 620 с.
4. Фейербах Л. Лекции о сущности религии // Избранные философские произведения: в 2 т. – М.: Политиздат, 1955. Т. 2. С. 490–810.
5. Павлов Т. Л. Информация, отражение, творчество. М.: Прогресс, 1967. 105 с.
6. Конашев М. Б. Эволюционная теория и эволюционная культура // Идея эволюции в биологии и культуре. М.: Канон+, 2011. С. 309–320.
7. Прокофьев А. В. Парадоксы морально обоснованной пристрастности // Человек. 2008. № 2. С. 37–53.
8. Кант И. Критика практического разума // Собрание сочинений: в 6 т. М., 1965. Т. 4. 544 с.
9. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-Пресс, 2004. 480 с.
10. Прокофьев А. В. По ту сторону беспристрастности // Человек. 2009. № 3. С. 21–34.

References

1. Vodop'yanov P. A., Krisachenko V. S. *Strategiya bytiya chelovechestva: ot apokalipsisa k noosfernomu veku* [Strategy of Humanity's Existence: From Apocalypse to the Noospheric Age]. Minsk, Belaruskaya Navuka Publ., 2018. 306 p. (In Russian).
2. Moiseev N. N. *Izbrannyye trudy. T. 2. Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya global'nykh problem. Publitsistika i obschestvennyye problemy* [Interdisciplinary studies of global problems. Journalism and social issues]. Moscow, Taydeks Ko Publ., 2003. 264 p. (In Russian).
3. Lenin V. Philosophical notebooks. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1973. 620 p. (In Russian).
4. Feuerbach L. Lectures on the essence of religion. *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow, Politizdat Publ., 1956, vol. 2, pp. 490–810 (In Russian).
5. Pavlov T.L. *Informatsiya, otrazheniye tvorchestvo* [Information, reflection, creativity]. Moscow, Progress Publ., 1967. 105 p. (In Russian).
6. Konashev M. B. Evolutionary theory and evolutionary culture. *Ideya evolutsii v biologii i kul'ture* [The idea of evolution in biology and culture]. Moscow, Kanon+ Publ., 2011, pp. 309–320 (In Russian).
7. Prokofiev A. V. Paradoxes of morally justified partiality. *Chelovek* [Chelovek], 2008, no. 2, pp. 37–53 (In Russian).
8. Kant I. Critique of Practical Reason. *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. Moscow, Mysl' Publ., 1965, vol. 4. 544 p. (In Russian).
9. Jonas G. *Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii* [The Principle of Responsibility. An Ethical Essay for a Technological Civilization]. Moscow, Ayris-Press Publ., 2004. 480 p. (In Russian).
10. Prokofiev A. V. Beyond Impartiality. *Chelovek* [Chelovek], 2009, no. 3, pp. 21–34 (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Захарава Наталля Яўгенаўна – кандыдат філасофскіх навук, загадчык Аддзела сацыяльнай экалогіі і біяэтыкі. Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (вул. Сурганава 1/2, 220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь). E-mail: nz-a@tut.by

Information about the author

Zakharava Natallia Yaugenauna – PhD **(**Philosophy), Leader of the Department of Social Ecology and Bioethics. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surganova str., 220072, Minsk, Republik of Belarus). E-mail: nz-a@tut.by

Пастуніў. 19.03.2025

УДК 1(091)+141.5

И. Н. Сидоренко
Белорусский государственный университет

ФИЛОСОФИЯ ПОЗДНЕГО ЭЛЛИНИЗМА: НЕОПЛАТОНИЗМ КАК СИНТЕЗ ПЛАТОНИЗМА, АРИСТОТЕЛИЗМА И СТОИЦИЗМА

В статье раскрываются общие характеристики неоплатонизма как синтеза платонизма, аристотелизма и стоицизма. Дается общая картина становления и развития неоплатонизма как последней школы античной философии в период кризиса Римской империи. В качестве одного из выводов утверждается, что проблема противоречий человека и общества в этот период глобальных трансформаций решается неоплатонизмом не напрямую, а косвенно, через построение трехчленной метафизической концепции и акцентуации вопроса об эманации и возможности для человека осуществить восхождение к Единому (теургия). Аргументируется идея о том, что стоические интенции философии неоплатонизма выражены в самообладании и спокойствии перед лицом гибели Римской империи, что является проявлением трагического мировоззрения античной философской мысли. Вместе с тем отмечается, что несмотря на значимое влияние неоплатонизма на становление христианской философской мысли, по мере распространения христианства и превращения его в IV в. в государственную религию Римской империи языческая религия и попытки ее философского обоснования посредством неоплатонизма оказались обречены на неудачу.

Ключевые слова: Античность, философия позднего эллинизма, неоплатонизм, Плотин, Прокл, эманация, Единое, Ум, Душа.

Для цитирования: Сидоренко И. Н. Философия позднего эллинизма: неоплатонизм как синтез платонизма, аристотелизма и стоицизма // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 137–142.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-24.

I. N. Sidorenko
Belarusian State University

PHILOSOPHY OF LATE HELLENISM: NEOPLATONISM AS A SYNTHESIS OF PLATONISM, ARISTOTELISM AND STOICISM

The article reveals the general characteristics of Neoplatonism as a synthesis of Platonism, Aristotelianism and Stoicism. A general picture of the formation and development of Neoplatonism as the last school of ancient philosophy during the crisis of the Roman Empire is given. As one of the conclusions it is argued that the problem of contradictions of man and society in this period of global transformations is solved by Neoplatonism not directly, but indirectly, through the construction of a three-member metaphysical concept and accentuation of the question of emanation and the possibility for man to realize the ascent to the One (theurgy). The idea is argued that the Stoic intents of Neoplatonist philosophy are expressed in self-possession and calmness in the face of the demise of the Roman Empire, which is a manifestation of the tragic worldview of ancient philosophical thought. At the same time, it is noted that despite the significant influence of Neoplatonism on the formation of Christian philosophical thought, as Christianity spread and became the state religion of the Roman Empire in the fourth century, pagan religion and attempts to philosophize it through Neoplatonism were doomed to failure.

Keywords: Antiquity, late Hellenistic philosophy, Neoplatonism, Plotinus, Proclus, emanation, the One, the Mind, the Soul.

For citation: Sidorenko I. N. Philosophy of late Hellenism: Neoplatonism as a synthesis of Platonism, Aristotelism and Stoicism. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 137–142 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-24.

Введение. Римская империя в III в. н. э. переживает один из наиболее бедственных периодов в своей истории. Если кратко описать мировоззрение человека той эпохи, то это ощущение мировой социальной катастрофы. Именно в этот период распада и разложения Римской империи появляется неоплатонизм, последняя философская школа античности, проблемное поле которой коренным образом отличается от предыдущих направлений. Это связано с тем, что человек в Римской империи III в. н. э. потерял основания своего существования и не имел никаких перспектив на возрождение, более того, когда его «духовный склад не может примириться с этой материальной катастрофой… тогда он начинает искать правды на небе, …углубляться в себя, уповать

на вечное бытие и искать своего самоутверждения именно в этом последнем. Неоплатонизм в этом отношении представляет собою одно из самых замечательных явлений» [1, с. 159].

Есть трудность в очерчивании содержательных и временных рамок неоплатонизма, связанная с тем, что сам термин «неоплатонизм» не есть самоназвание, а представляет собой гораздо позднее определение, под которое были подведены различные направления мысли этого временного периода. Отличительными особенностями философской мысли этого периода были: учение о трех сверхчувственных уровнях реальности, трех ипостасях бытия: Единое – Ум – Душа; описание возникновения мира как исхождения (эманации) этих разных уровней реальности из единого принципа, первоисточника; отождествление первопричины с Единым (Благом); акцентуация на диалоге Платона «Парменид» и его метафизических толкованиях; стремление к систематичности изложения взглядов и идей, подразумевающее как разработку философского систематического учения, так и практику толкования и интерпретации философских текстов вместе с развитием религиозно-мистической практики.

Неоплатонизм (III–VI вв. н. э.) представляет собой пронизанное мистикой философское течение, соединившее в себе древнегреческую философию и восточные учения. Теоретической опорой неоплатонизма стали философия Платона, логика Аристотеля, пифагореизм и орфизм, стоицизм, постулаты египетской религиозной мысли, а также идеи индуистской философии и халдейских оракулов.

Основная часть. В развитии неоплатонизма выделяют несколько этапов, связанных с деятельностью отдельных школ, общей философской установкой которых стала разработка диалектической триады Платона: Единое (Благо) – Ум – Душа. Бытие предстает иерархически структурированным и в этой структуре бытия выделены нисходяще-восходящие ступени. Вершиной пирамиды является сверхсущее – Единое, или Благо, которое эманирует в Ум (Нус), на уровне последнего происходит дифференциация на равносущее множество идей. Ум, в свою очередь, эманирует в Душу, на этом уровне появляются чувственное начало и иерархии существ (демоны, люди, астральные существа, животные). Так образуется умственный и чувственный Космос. Далее Душа эманирует в материю, одушевляя ее, что делает возможным совершенствование душ и умов, их развитие и обратное возвращение в Единое. Для человека, таким образом, открыта возможность слияния с Единым путем преодоления страстей и пороков, развития добродетелей и творческих способностей. Неоплатонизм признавал учение о переселении душ (метемпсихоз) и в качестве цели отмечал необходимость освобождения души из материи. Божественное как Единое лишено элементов антропоморфизма и определялось как непознаваемое, сверхразумное, сверхсущее неизречимое и невыразимое начало. Неоплатонизм, осуществив уникальный синтез мистики, логики и этики, стал тем мостиком, который в содержательном плане соединил античную и средневековую философские мысли.

Основателем неоплатонизма стал Плотин (около 204/5–270 гг. н. э.), чья философия представляет собой синтез идей Платона и Аристотеля и, разумеется, снятие противоречий между ними. Другими словами, можно сказать так: это аристотелизм, понимаемый в духе платоновской философии. Суть философского учения Плотина заключается в диалектическом обосновании платоновской теории вневременного бытия и развитии платоновского толкования учения Аристотеля о вечности мира. При этом целесообразно отметить, что Плотин весьма резко критиковал Аристотеля. Как справедливо и образно написал Шамиль Султанов о Плотине: «Плотин – то ли эллин, то ли египтянин, то ли раввин. Плотин – то ли философ, то ли маг и мистик, то ли… Плотин создал величайшую диалектическую систему. Ее можно назвать диалектикой силы Жизни, а можно – диалектикой молчаливо творящего Созерцания» [2, с. 6]. Плотин прибыл в сороколетнем возрасте из Александрии в Рим и начал преподавать философию, первоначально не записывая свое учение. И только по просьбе императора Галлиена, который был его слушателем, он стал отрывочно фиксировать свои лекции. Незадолго до смерти Плотин завещал своему ученику Порфирию отредактировать, привести в порядок и издать его лекции, что тот и сделал. 54 трактата Плотина Порфирий разделил на шесть отделов по 9 книг в каждом. Отсюда произошло название сочинений Плотина: «Эннеады», т. е. «Девятки». Как отметил Д. В. Джохадзе: «“Эннеады” являются в определенном смысле логическим завершением платоновской философии; Плотин с присущей ему остротой диалектического обоснования положил прочную основу для интерпретации платоновского учения в духе христианской религии» [3, с. 251]. Плотин разработал основные понятия неоплатонизма и создал общий очерк системы, который без изменений сохранился вплоть до конца Античности.

В философии Плотина главное внимание сосредоточено на диалектике трехчастного бытия: Единое – Ум – Душа. Эти три основные онтологические субстанции, именуемые ипостасями, являются у Плотина диалектической триадой, основными уровнями или ипостасями (гипостазами) реальности, которые находятся в отношении друг другу как причина и следствие. Единое – сверхчувственное, бестелесное и невыразимое первоначало,

принцип всего существующего; как высшее божество оно стоит выше всего остального, всех противоположностей и выступает основой всего существующего. Все существующее в мире производно от этого статичного, замкнутого на себя, ни в чем не нуждающегося бытия. Таким образом, Единое предстает как совершенная полнота, заключающая в себе все. Единое отождествляется у Плотина с Солнцем. Единое, будучи бесконечной возможностью всего существующего посредством эманации в Ум, а затем в Душу, творит множественность, т. е. видимый, материальный мир. Единое – абсолютный источник, не имеющий никакого другого начала кроме себя самого.

Этот используемый Плотином образ истечения (эманации) позволил ему объяснить, как происходит воздействие статичного, замкнутого в себе Единого на две другие ипостаси бытия: на Ум и Душу. Именно в момент приобщения к ним Единое обнаруживается, «позволяя» тем самым познать себя. Единое, в понимании Плотина, переполняясь самим собой, требует перехода в иное, а поскольку оно остается постоянным и не убывает, иное только отражает его, т. е. является «видом» и Умом, т. е. умопостигаемым космосом, его зеркалом. Единое как мыслящий сам себя разум порождает из себя ум, т. е. второе начало, или гипостазу абсолютного сущего.

Ум – это логическое определение Единого, результат того, что универсальный разум порождает мышление, чтобы мыслить сам себя. Другими словами, в Уме Единое мыслит самое себя. Плотин отмечал, что «Ум в строгом и абсолютном смысле слова нужно представлять не так, что он будто бы существует сперва лишь потенциально и из неумного становится умным, ибо в таком случае потребовалось бы иное, более высокое начало, но так, что он сразу ум актуальный и вечный. А если вечный, абсолютный Ум имеет свой разум не извне, то, значит, он мыслит всегда лишь самого себя, и все, что он мыслит и имеет в себе, от себя же имеет. Так как он всегда мыслит только от себя и через себя, то, значит, он всегда то же самое, что составляет предмет его мышления, потому что иначе, если бы сущность его отличалась от того, что он мыслит, он не был бы умом сразу и через себя, или был бы лишь умом потенциальным, а не актуальным. <…> …поскольку Ум есть бытие истинное и абсолютно сущее, то он тем самым, что мыслит мыслимое, делает его сущим, дает ему истинное существование, и это значит, что он есть все сущее, вся совокупность тех сущностей, которые через него и в нем (в его мышлении) существуют» [4, с. 131–132].

В учении об Уме и Душе обращают на себя внимание рассуждения о тождестве субъекта и объекта в Уме, т. е. о том, что предметы Ума «не вне» его самого; а также учение о синтезе индивидуального и общего в Уме и в Душе. Ум в понимании Плотина – это область подлинного бытия сродни платоновскому миру идей, это единство умного созерцания с предметом мысли.

В свою очередь Ум посредством эманации творит Душу, а она, вдохнув в живые существа жизнь, существует вечно, ничуть не умаляясь. Душа является третьим началом, или гипостазой диалектической триады. Единое делает Душу мыслящей, т. е. это активная мыслительная деятельность, выявляющая содержание Ума и, соответственно, Единого. Душа мыслится Плотином как энергия Ума, как Логос, слово, которое Ум произносит для того, чтобы изъяснить свое скрытое содержание. Нисходя в массу материи, душа сообщает последней смысл, ценность и красоту, без которых мир – «не более как мертвый труп, земля и вода, или даже нечто худшее – темная бездна вещества и небытие». Так, Душа одушевляет материю, творя видимый мир, находящийся в непрерывном становлении и представляющий собой слабое подобие или отражение истинного бытия.

Как писал Плотин: «Эти три начала не чужды и нам: напротив, все в совокупности входят в нашу природу и составляют нашего внутреннего человека, причем последнему из трех сверхчувственных принципов соответствует наша живая душа, среднему – наш рассудок, а первому, наивысшему – наш созерцательный разум. То, что мы часто не сознаем этих начал, не значит еще, что они нам не присущи и в нас не деятельны» [4, с. 3–4]. Однако души забывают Бога. Причину такой забывчивости и потери знания о боге Плотин видел в самих душах, а именно: «…в их дерзостно осуществившемся желании рождения, в их изначальном стремлении к инобытию и обособлению, в их замысле ни от кого не зависеть, а быть и жить по своей воле, от себя и для себя. Как только они вкусили сладости такого самостоятельного бытия, они тотчас дали полную волю всем своим прихотливым желаниям и, став таким образом сразу на путь, противоположный своему первоначалу, постепенно отдалились от Бога до степени полного забвения о том, что они суть Его создание и Его достояние. <…> Таким образом души доходят до забвения Бога по той причине, что все прочее чувственное чтут и любят больше, чем самих себя, ибо коль скоро душа что-либо такое ставит предметом своего восхищения и искания, то тем самым она признает это за высшее и лучшее, а себя – за низшее и худшее» [4, с. 4]. Следовательно, задача, стоящая перед душой человека, заключается в том, чтобы обрести освобождение от власти над собой чувственного начала, т. е. сбежать из своей материальной тюрьмы, возвратиться в первичное Единое. Эти возвращение или побег происходят в

мимолетных состояниях экстаза. Тогда душа воссоединяется с Единым и, оказываясь наполненным им, видит себя в райском блаженстве, в исключительно духовном состоянии экстаза. Здесь целесообразно подчеркнуть, что Плотин понимает это состояние экстаза не в библейском духе как «благодать», как безвозмездный дар Бога. Бог, считает Плотин, ничего не дарует людям, но сами люди могут совершить восхождение к Нему и воссоединиться с Ним благодаря своей природной силе, способности и желанию.

Порфирий, ученик Плотина, внес в неоплатонизм экзегетическую составляющую, связанную с толкованием древних текстов. Порфирий акцентировал значимость для неоплатонизма философии Аристотеля, а точнее, его логики и учения о категориях. Он полагал, что если понимать под категориями Аристотеля не обозначение вещей, т. е. понимать их не онтологически, а рассматривать их исключительно логически, то тогда Аристотель оказывается прав и его теория категорий является истинной. Порфирий написал «Комментарии» на категории Аристотеля, снабдив свое сочинение большим введением. Впоследствии этот текст станет важным для всей античной логики. Порфирий также вступил в полемику с христианством, в частности, написал трактат «Против христиан».

Для Ямвлиха Халкидского (2-я половина III в. н. э. – 1-я половина IV в. н. э.) главная задача философии заключалась в спасении души. Различие с Плотином в вопросе достижения этой цели заключалось в том, что Ямвлих считал, что одной силы разума для этого недостаточно. Важным в спасении души является помощь Бога. Именно поэтому Ямвлих внес в философию неоплатонизма религиозную составляющую и сделал упор на необходимость совместного отправления религиозного культа. Теургия в понимании сирийского философа – это и не умное молитвенное делание, так же, как и не произведение человеческого искусства, не рассудочная деятельность человека, а заповеданное богами совершенное жреческое служение, происходившее прежде всего у так называемых священных народов – египтян и ассирийцев (халдеев). Именно таким определением и пользовался Ямвлих, не утруждая себя посвящать кого бы то ни было в тонкости и детали жреческих таинств. Самое главное для него – это предельно осмыслить и наполнить умным, а точнее, метафизическим содержанием такое общее определение, апеллируя не к скрытому в недоступных для непосвященных глубинах святилищ, но к явному и хорошо известному, включая даже повседневность человеческого существования.

По большому счету, начиная с Ямвлиха неоплатоники понимают метафизику как теологию, т. е. учение о первопричинах трансформируется в учение о богах. Ямвлих был убежден, что после нисхождения в материальный мир душа человека лишается непосредственной связи с умопостигаемым подлинным миром, с миром первосущего, т. е. божественного, и не может поэтому обрести Бога внутри себя, опираясь исключительно на свои собственные силы. Для своего спасения она нуждается в помощи свыше, которую возможно получить либо посредством совершения магического ритуала (теургии – «богоделания»), либо же через божественное откровение, получаемое из священных текстов. К таким текстам мыслитель относил сочинения Халдейских оракулов, диалоги Платона. Ямвлих также усложнил триаду сущего, предложенную Плотином, увеличив число ипостасей (гипостаз), т. е. Единое, Ум и Душа получили сложную внутреннюю структуру, т. е. подуровни. Например, это подуровень генады или единиц, или богов, располагающийся между Единым и умопостигаемым бытием.

Учение о божественных «генадах», или «единицах», представляет собой отличительную черту метафизических систем позднего неоплатонизма. У афинских неоплатоников Сириана и Прокла генады, или «боги», образуют особый уровень реальности, которого не было у Плотина, – уровень первого сверхсущего множества, располагающегося между Единым и умопостигаемым бытием.

В наиболее полном и систематическом виде теория генад дошла до нас благодаря Проклу (410–485 гг. н. э.), изложившему ее в трактатах «Начала теологии» и «Платоновская теология». Прокла, ближайшего ученика Сириана и его преемника по руководству платоновской Академией, обычно называют «последним самобытным голосом языческой античности». Он защищал языческий пантеон богов и безуспешно пытался реформировать универсальную триаду Плотина.

Прокл осуществил разработку всей системы неоплатонизма. Господствующим у него во всех разделах его философии является триадический метод: 1) пребывание в себе, причина, неделимое единство, начало, потенция; 2) выступление из себя, эманация за свои пределы, переход единства во множество, начало делимости, материнское начало, энергия; 3) возвращение из инобытия обратно в себя, возведение расторгнутого множества в неделимое расчлененное единство, т. е. единораздельная, или структурная, сущность – эйдос. При помощи этого метода Прокл анализировал каждый из членов универсальной триады Плотина, т. е. Единое, Ум, Душу. Так, от абсолютно непознаваемого Единого он отделяет Единое, содержащее в себе некоторую множественность, но не имеющее еще каких-либо качеств; это только энергия самого различения и членения, предшествующая Уму и выделяемая впервые

Проклом в самостоятельную ступень эманации Единого – область чисел, или «надбытийных единиц», генад.

В теореме 6 «Начал теологии» Прокл дал генадам следующее определение: они есть «то, из чего состоит первое объединение… ибо если есть Единое само по себе, то есть и первое приобщенное к нему, и первое объединение – оно-то и состоит из генад» [5, с. 43]. Таким образом, генады представляют собой первые неделимые элементы любого множества или те исходные, не имеющие частей единицы, без которых множество просто не существовало бы, поскольку оно продолжало бы бесконечно делиться на все новые и новые части. Как можно заметить, данное определение одновременно обосновывает и необходимость существования генад. Является логичным то, что если в ходе эманации должен осуществляться переход от Единого ко многому, а всякое множество состоит из единиц, то ясно, что входящие в состав множества единицы не могут быть Единым самим по себе, поскольку первое Единое не только едино, но и единственно. Поэтому вслед за первым Единым необходимо допустить существование целого ряда однородных друг другу единств, которые могли бы служить элементами первых множеств или, как писал Прокл, «первых объединений». Эти единства он и определил как генады [5, с. 43]. Таким образом, генады действительно можно рассматривать в качестве посредников между абсолютно трансцендентным принципом, т. е. Единым, и множеством существующих благодаря ему вещей. Так, Проклом был найден способ решения вопроса о том, как соотносятся между собой трансцендентный мир сверхсущего и мир эмпирический: генады стали посредниками между Единым и видимым миром.

Заключение. Философия Прокла стала апогеем античного неоплатонизма. Конец неоплатонической философии связан с личностью Дамаския, схоларха Афинской школы, в сочинении которого (V–VI вв. н. э.) ощутима не только система Прокла, но и гераклитовское начало, что указывает на завершение космического и интеллектуального цикла античного мира и античной философии. Это, как писал А. Ф. Лосев, «последняя улыбка умиравшей тогда античной философии, которая уже чувствовала свой смертный час и в связи с тысячелетними усилиями античной мысли могла только улыбаться по поводу скоротечности и обреченности всяких человеческих усилий» [6, с. 340]. Была – продолжает А. Ф. Лосев, – «осознана вся сущность бытия как всеобщая и вечная картина бурлящей своими противоречиями действительности. Исходный чувственно-материальный космос был осознан до конца и в своей красоте и в своей безысходности» [6, с. 340].

Стоические интенции философии неоплатонизма выражены в самообладании и спокойствии перед лицом гибели Римской империи, основаны на понимании того, что все проходит, и это тоже пройдет, а на смену ему придет другое как то же самое. Этот внутренний покой и утешение есть следствие трагического мировоззрения Античности.

По мере распространения христианства и превращения его в IV в. в государственную религию Римской империи, языческая религия, а заодно и попытки ее философского обоснования посредством неоплатонизма оказались обречены на неудачу. В 529 г. император Восточной Римской империи Юстиниан I закрыл последнюю философскую школу в Афинах, что стало датой, ознаменовавшей конец античной философии.

Список литературы

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980. 960 с.

2. Султанов Ш. Плотин. Единое: творящая сила Созерцания. М.: Молодая гвардия, 1996. 422 с.

3. Джохадзе Д. В. Основные этапы развития античной философии. К анализу диалектики историко-философского процесса. М.: Наука, 1977. 295 с.

4. Плотин. Избранные трактаты. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 320 с.

5. Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы) / сост. и общ. ред. М. С. Петровой. М.: Кругъ, 2010. 736 с.

6. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. 624 с.

References

1. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Pozdniy ellinizm* [History of ancient aesthetics. Late Hellenism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1980. 960 p. (In Russian).

2. Sultanov Sh. *Plotin. Yedinoye: tvoryashchaya sila Sozertsaniya* [Plotinus. The One: the creative power of Contemplation]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1996. 422 p. (In Russian).

3. Dzhokhadze D. V. *Osnovnyye etapy razvitiya antichnoy filosofii. K analizu dialektiki istoriko-filosofskogo protsessa* [The main stages of the development of ancient philosophy. To the analysis of the dialectics of the historical and philosophical process]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 295 p. (In Russian).

4. Plotin. *Izbrannyye traktaty* [Selected treatises]. Minsk, Kharvest Publ.; Moscow, AST Publ., 2000. 320 p. (In Russian).

5. *Intellektual'nyye traditsii Antichnosti i Srednikh vekov (issledovaniya i perevody)* [Intellectual Traditions of Antiquity and the Middle Ages (Studies and Translations)]. Comp. M. S. Petrova. Moscow, Krug" Publ., 2010. 736 p. (In Russian).

6. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Rannyaya klassika* [History of ancient aesthetics. Early Classics]. Moscow, AST Publ., 2000. 624 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сидоренко Ирина Николаевна − доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии культуры. Белорусский государственный университет (ул. Кальварийская, 9, 220050, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: Iri_na2000@rambler.ru

Information about the author

Sidorenko Irina Nikolayevna – DSc (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Culture. Belarusian State University (9 Kal'variyskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Iri_na2000@rambler.ru

Поступила 28.02.2025

УДК 101.1:316+316.644:504.5/7

Н. А. Лазаревич
Институт философии Национальной академии наук Беларуси

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННЫХ РИСКОВ

В статье раскрыты трансформационные возможности и специфика применения аксиологического подхода к современной социоэкологической ситуации. В числе базовых компонент ценностных оснований экологической культуры рассмотрено понятие «социоэкологические ценности».

Определена специфика аксиологического пространства экологической составляющей в условиях техногенных рисков. Она включает анализ глобальных проблем человечества через переосмысление базовых жизненных потребностей человека. Показаны особенности современного их исследования, которые учитывают погруженность человека в среду новых образцов развития техники, технологий, средств коммуникации и изменения их типа (от односторонней трансляции ко взаимонаправленному влиянию).

Выявлены изменения в динамике и направлениях развития экологических ценностей и переосмысления традиционного понимания данных процессов и образцов поведения, определены основные векторы этих изменений, модели оптимизации образа жизни в современном обществе. Они базируются на идее баланса между природой и обществом, а отношение к природе – на основе «достаточного» потребления.

Обоснована необходимость радикальной смены ценностных ориентаций во взаимодействии общества и природы. Важным элементом является ориентация системы образования на формирование объективного миропонимания на основе изучения реального состояния качественных характеристик окружающей среды как необходимого условия достижения безопасного будущего и удовлетворения потребностей человека.

Ключевые слова: риски, техногенные риски, ценности, социоэкологические ценности, экологическая этика.

Для цитирования: Лазаревич Н. А. Трансформация социоэкологических ценностей в условиях техногенных рисков // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 143–147.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-25.

N. A. Lazarevich
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

TRANSFORMATION OF SOCIOECOLOGICAL VALUES IN CONDITIONS OF TECHNOGENIC RISKS

The article reveals the transformational possibilities and specifics of applying the axiological approach to the modern socio-ecological situation. The concept of "socio-ecological values" is considered among the basic components of the value foundations of ecological culture.

The specificity of the axiological space of the ecological component in the context of technogenic risks is determined. It includes an analysis of the global problems of humanity through a rethinking of basic human life needs. The features of their modern research are shown, which take into account the immersion of a person in the environment of new patterns of development of technology, technologies, means of communication and changes in their type (from one-sided translation to mutually directed influence).

The necessity of a radical change of value orientations in the interaction of society and nature, and a change in worldview orientations is substantiated. The changes in the dynamics and directions of the development of environmental values and the rethinking of the traditional understanding of these processes and patterns of behavior are revealed, the main vectors of these changes and models of lifestyle optimization in modern society are identified. They are based on the idea of balance between nature and society, and an attitude towards nature based on "sufficient" consumption. It is important to focus the education system on the formation of an objective worldview based on the study of the real state of the qualitative characteristics of the environment as a necessary condition for achieving a secure future and meeting human needs.translations to mutually directed influence).

Keywords: risks, technogenic risks, values, socio-ecological values, environmental ethics.

For citation: Lazarevich N. A. Transformation of socioecological values in conditions of technogenic risks. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 143–147 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-25.

Введение. Современная реальность подвергается множественным технологическим, социальным и культурным трансформациям, происходящим под влиянием таких процессов, как всеобщая технологизация, информатизация, глобализация. Ее характеристикой являются: ускорение и новый уровень темпов промышленного развития, уровень урбанизации населения, изменение вектора социально-политической деятельности, высокая скорость перемещений и коммуникаций, все ускоряющиеся масштабы преобразовательной деятельности людей, трансформирующие и разрушающие качества биосферного порядка, сформированные миллионами лет природно-биологической эволюции, и многое другое.

Говоря о следствиях данных процессов, можно утверждать, что техногенная цивилизация положила начало множеству проблем, которые относятся к климатическим, антропогенным, социальным, экологическим, политическим сферам, и поставила под угрозу само существование планеты и человечества. Предупреждение Э. Фромма о том, что «человек располагает такими средствами уничтожения, перед которыми любовь к жизни может оказаться бессильной» [1, с. 51], является сегодня по-прежнему актуальным.

Встает вопрос о субъективно-ценностном отражении происходящих объективных процессов социокультурного существования человека в рамках системы «природа – общество». Эколого-ценностные составляющие мировоззренческих ориентаций при этом определяют формирование стратегических планов будущего. Они являются основанием ценностно-экологического подхода – как дисциплины, изучающей взаимоотношения человека и природных объектов, исследуют глобальную проблему их взаимосвязей в контексте всей культуры.

Основная часть. Принимая во внимание глобальные процессы современного мира, можно констатировать, что происходит универсализация риска и возрастание угроз, которые охватывают огромные регионы и касаются большого количества людей. В первую очередь это экологические риски самого разного рода.

В современном мире наблюдается как тенденция постоянного возрастания глобальных рисков, так и возможности появления новых. Понимание их возникновения характеризуется различными подходами. Отличие в подходах объяснения их возникновения состоит в том, что в предшествующие эпохи риски рассматривались как результат недостаточного развития технологий и научных знаний. Поэтому путь их уменьшения видели в более глубоком научном познании, создании более совершенных технологий и развитии производства. К концу XX в. ситуация качественно изменилась. Основным источником риска становятся наука и созданные на ее основе продукты.

Фактором общественной обеспокоенности оказываются, например, облучение, загрязнение (недавний пример – разлив нефтепродуктов в Черном море в результате кораблекрушения двух танкеров: «Волгонефть 212» и «Волгонефть 239»), генетически модифицированные продукты, изменение содержания употребляемых людьми продуктов и т. д.

В целом понятие риска можно определить как «ситуацию с неопределенностью», которая включает в себя сочетание вероятности какого-либо события и (или) последствий его наступления. С точки зрения социологических подходов риск – это всегда ситуация выбора, например, между менее привлекательной, но более надежной стратегией, и более привлекательной, но менее надежной. Такая ситуация выбора складывается, например, при решении вопроса о строительстве атомных электростанций: более экономичных, гарантирующих энергетическую независимость, но и более опасных.

С проблемой риска связана также ситуация его проявления (например, ДТП как одна из ведущих причин смертей зачастую «создается» нетрезвостью водителей и т. д.). Она с необходимостью ведет к оценке ситуации. Оценка связана не только с таким понятием. как «риск», но и понятием «угроза» – как описание источника *потенциальных* опасностей и рисков, при этом их вероятность не всегда можно оценить для конкретных условий вследствие их многочисленности и сложного синергетического взаимодействия.

Данные понятия тесно связаны, однако имеют и различия. Например, то, что касается экологической угрозы – непосредственной опасности нарушения устойчивости и надежности экосистем в результате либо человеческой деятельности или естественных причин. Примерами угроз могут быть: природные события (например, землетрясение, наводнение, цунами, лесные пожары), экологические (например, глобальное изменение климата), техногенные (ядерная угроза). Опасность – это возникновение обстоятельств, которые могут повлиять на сложную экологическую или социальную систему таким образом, что это приведет к ухудшению или невозможности ее функционирования. Опасность, как и угроза, – это объективные обстоятельства: наступление или вероятность наступления нежелательных событий.

Особая ситуация складывается и в отношении такого субъективного морально-психологического фактора, как восприятие рисков. Ближайшая к нам – ситуация, сложившаяся вокруг пандемии коронавируса (COVID-2019), включает риски, основанные на научной неопределенности, приводящей к обеспокоенности и страху в обществе.

Страх стал определять социальную политику и обыденное поведение населения, сопровождающееся долгосрочным ощущением тревожности. Человек оказывается зависимым от навязанного знания. «Жертвы становятся некомпетентными в деле, касающемся их собственной жизни. В результате риски несут с собой двойной шок: шок, непосредственно связанный с угрозой, и шок вследствие собственной беспомощности, неспособности ни разглядеть угрозу, ни уберечься от нее. Вредное, таящее в себе угрозу, враждебное притаилось повсюду, но судить о вредности и полезности сами они не в состоянии и потому вынуждены пользоваться гипотезами и методами чужих производителей знаний», – пишет У. Бек [2, с. 56].

В этих условиях риск из отслеживаемых, измеряемых и потенциально контролируемых побочных последствий научно-технической деятельности оборачивается источником нового класса угроз, которые ранее не существовали или не принимались в расчет. Например, экзистенциальные (касающиеся внутреннего мира человека) последствия восприятия пандемической ситуации (COVID-2019) выражались в тревожности, страхе перед будущим, редукции межличностных контактов, эмоциональной дестабилизации, ухудшении физического самочувствия.

Более отдаленная, но не менее опасная ситуация – генетическое планирование – открывает дорогу масштабным программам по изменению наследственности. Возможно создание сверхновых технологий, которые позволят лишь немногим пользоваться их услугами, например, увеличить продолжительность жизни, что приведет к еще большему неравенству. Реальность «Дивного нового мира» О. Хаксли о генетически программируемом обществе потребления может стать реальностью.

Человек вновь оказывается зависимым от науки – без нее он не способен воспринять риск, даже если этот риск является следствием деятельности самой науки. В результате «шоковой терапии», как пишет Т. В. Мишаткина, сознание человека раздваивается, и мир, в котором он живет, также оказывается раздвоенным: это реальный наблюдаемый мир и мир невидимый, но страшащий своим присутствием. Дышать, пить, есть – значит повсюду сталкиваться с угрозами. Например, этикетка на продукте питания или сигаретах одновременно и признает угрозу, указывая на содержание «вредных веществ» (соли, сахара, никотина и др.), и заклинает («заговаривает») ее, демонстрируя, что «все под контролем» [3].

Сегодня существует достаточно оснований сказать, что то, что касается антропогенных факторов риска, связано с преобладанием стратегии преобразования природы и техницистского мировоззрения в вопросах взаимодействия природы и общества. Тесная связь науки с индустриально-потребительским обществом породила негативные последствия использования ее достижений в области экологии. Трагедия на Чернобыльской атомной станции наглядно продемонстрировала миру несовершенность технологий атомной энергетики. В наводнениях, засухах, озоновых дырах, глобальном потеплении и COVID-2019 – во всех этих угрозах обнаруживается присутствие человека.

Формирование экологических ценностей личности выступает одним из необходимых условий преодоления негативных последствий антропного влияния на окружающую среду и регулятором отношений в системе «человек – окружающая среда». Теоретическая модель экологических ценностей создана в социальной философии и экологической социологии на основе анализа глобальных проблем человечества, переосмысления базовых жизненных потребностей человека, моделей оптимизации образа жизни в современном обществе. В ее разработку внесли свой вклад Э. Фромм, А. Швейцер, представители Римского клуба (А. Печчеи, Э. Ласло и др.). Рассмотрение развития социальных систем и цивилизации в целом по пути усиления техногенного воздействия на природу и движения к глобальному экологическому кризису прослеживается в работах В. И. Данилова-Данильяна, М. И. Будыко, Ю. А. Израэля, Ю. М. Арского, В. Г. Горшкова, К. С. Лосева, Н. Н. Моисеева, А. Л. Яншина и других. В них показано, что именно развитие индустриального общества породило многие современные глобальные проблемы.

И в этом плане экологические ценности определяют специфику взаимоотношений человека и природы в процессе жизнедеятельности, а также указывают на степень ответственности социума за состояние окружающей среды и поддержание гармоничного равновесия в системе «человек – природа».

Здоровая экологическая среда включает целый ряд ценностей: чистый воздух; здоровая для жизни человека питьевая вода и хорошее состояние водоемов; земля, лишенная избыточного количества вредных для живого веществ; ликвидация отходов (промышленных и бытовых). Экологически ориентированный образ жизни предполагает наличие следующих ценностей: физическая культура населения; поддержание уровня здоровья, профилактика здоровья и здорового образа жизни; рациональное питание, включающее экологически чистые продукты; наличие здорового жилья (отсутствие вблизи и внутри него вредных факторов).

Все эти ценности важны как для отдельного человека, так и общества в целом. Они сохраняют свою актуальность, однако современное общество переживает сложную эпоху *смены систем ценностей*. Подобная ломка всегда означает

существенные изменения во всех сферах жизни, в сознании и поведении людей и сопутствует многим кризисным явлениям [4].

В ходе формирования техногенной цивилизации утвердилось утилитарное отношение человека к окружающему его миру. Природа стала объектом активного человеческого вмешательства, прежде всего потребления ее ресурсов и утверждения при этом *антропоцентристского* подхода, когда все ориентировано на удовлетворение интересов человека и в конечном итоге на подчинение природы человеку. Господство антропоцентрического подхода к экологической среде и в целом антропоцентрического мировоззрения предопределило соответствующее отношение к экологическим ценностям. Они рассматривались как ценности, несопоставимые по значимости с экономическими, которые до этих пор оценивались как главенствующие.

Однако с середины 1980-х гг. XX в. на фоне роста глобальных проблем человечества происходят существенные изменения: осознаются пределы роста техногенной человеческой цивилизации. Следование практике, основанной на антропоцентризме, становится проблематичным. Возникают общественные движения, ориентированные на экологический образ жизни, начинается процесс экологизации всего комплекса международных отношений. Первая, открывшая целую серию – конференция 1992 г. в Рио-де-Жанейро, на которой ООН принимается Концепция устойчивого развития человечества, фиксирующая осознание необходимости ограничения эксплуатации природы ради потребительских нужд. И уже со второй половины XX в. начинает оформляться современный экоцентрический подход как мировоззрение, во главу угла которого была положена идея баланса между природой и обществом, а отношение к природе на основе «достаточного» потребления, становится новым принципом взаимоотношений человека и природы. Наметившийся переход представляет собой основу системы социоэкологических ценностей современности.

Можно привести мнение В. С. Степина о том, что «современная эпоха как никогда нуждается в новых мировоззренческих идеях, в стратегиях цивилизационного развития, ориентированных на будущее и ответственных перед будущими поколениями» [5, с. 14]. Основные идеи, которые наиболее важны для сформированности экологических ценностных ориентаций, – это понимание человеком своего места как органического элемента сложной экосистемы, в которой природа имеет самостоятельную ценность; признание целостности и единства мира; ответственность человека за систему экологических отношений, обеспечивающую его здоровье и являющуюся источником ресурсов. В качестве методологического основания здесь выступает экологическая этика, чему способствуют ее основные принципы, регулирующие общение и поведение человека в природе.

Ценностные ориентации во взаимодействии общества и природы заключаются в необходимости предвидения образа ближайшего будущего с целью достижения высокого качества жизни и экологической безопасности в современном обществе.

Заключение. Будущее человечества зависит от того, сможет ли человек преодолеть пропасть между технологической мощью и культурной эволюцией. Открытия в науке и технике должны иметь нравственное измерение в плане обеспечения нормальной жизнедеятельности людей, их психологического комфорта и эстетических потребностей человека. Представления об абсолютном приоритете технологических и технических открытий зачастую оказываются необоснованными, поскольку критерии эффективности и целесообразности для человека во многих случаях нарушают нормальное протекание природных процессов. Исходя из этого можно заключить, что решение экологических проблем во взаимоотношениях общества и природы связано не столько с решением социальных, экономических, политических и даже геополитических проблем, а с необходимостью радикального изменения сознания людей, их мировоззрения и ценностных установок. Преодоление этих негативных явлений возможно лишь на пути кардинального изменения мировоззренческих ориентиров, формирования новых ценностных установок во взаимодействии общества и природы и перехода цивилизации на путь экологобезопасного развития.

Экологическая этика, вырабатывающая нравственные нормы поведения личности как в социуме, так и по отношению к природной среде, благодаря своей универсальности становится фактором обеспечения экологической безопасности на основе нравственно-экологического образования, воспитания и просвещения.

Список литературы

1. Фромм Э. О любви к жизни // Психоанализ и этика. М.: АСТ, 1998. 568 с.

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

3. Мишаткина Т. В. Экологическая безопасность в обществе риска // Журнал Белорусского государственного университета. Экология. 2021. № 1. С. 4–14. URL: https://doi.org//10.46646/2521-683X/2021-1-4-14 (дата обращения: 12.12.2024).

4. Титаренко Л. Г. Система экологических ценностей населения Республики Беларусь // Социология. 2012. № 3. С. 111–122.

5. Степин В. С. Ценностные основы и перспективы техногенной цивилизации. М.: Изд-во ИФ РАН, 1999. 179 с.

References

1. Fromm E. About the love of life *Psikhoanaliz i etika* [Psychoanalysis and ethics]. Moscow, AST Publ., 1998. 568 p. (In Russian).

2. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk society. On the way to another modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 384 p. (In Russian).

3. Mishatkina T. V. Environmental safety in a risk society. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekologiya* [Journal of the Belarusian State University. Ecology], 2021, no. 1, pp. 4–14 (In Russian).

4. Titarenko L. G. The system of ecological values of the population of the Republic of Belarus. *Sotsiologiya* [Sociology], 2012, no. 3, pp. 111–122 (In Russian).

5. Stepin V. S. *Tsennostnyye osnovy i perspektivy tekhnogennoy tsivilizatsii* [Value bases and prospects of technogenic civilization]. Moscow, Izdatel'stvo IF RAN Publ., 1999. 179 p. (In Russian).

Информация об авторе

Лазаревич Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социальной экологии и биоэтики. Институт философии Национальной академии наук Беларуси (ул. Сурганова, 1/2, 220072, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: natalazarevich@tut.by

Information about the author

Lazarevich Natall'ya Aleksandrovna – PhD **(**Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, the Department of Social Ecology and Bioethics. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surganova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: natalazarevich@tut.by

Поступила 06.03.2025

УДК 141.319.8+101.1:316

А. С. Чарвінскі
Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

САЦЫЯПРЫРОДНАЕ АДЧУЖЭННЕ Ў ПОСТАВАРЫЙНАЙ БЕЛАРУСІ ЯК АБ'ЕКТ САЦЫЯЭКАЛАГІЧНАГА АНАЛІЗУ

Сацыяльна-прыроднае адчужэнне выступае прамым наступствам маштабнай рэалізацыі экалагічнага крызісу. Адмысловыя памеры з'ява набывае ў сітуацыі поставарыйнай дэградацыі якасці прыроднага асяроддзя пасялення. Наглядным прыкладам такой узаемаабумоўленасці экалагічнай катастрофы і ўзроўнем сацыяпрыроднага адчужэння з'яўляецца постчарнобыльская сітуацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Забруджванне тэрыторый уплывае на ўвесь спектр жыццядзейнасці насельніцтва Беларусі, таму выбар мадэлі грамадскага развіцця рэспублікі значна абмежаваны рамкамі сацыяльна-экалагічнай мэтазгоднасці. Экалагічныя рэальнасці, якія склаліся, не дазваляюць экстрапаляваць традыцыйныя схемы, што ляжаць у аснове канцэпцыі ўстойлівага развіцця, на беларускую зямлю без папярэдняй адаптацыі да мясцовых умоў. Посткатастрофны экалагічны песімізм спарадзіў неадэкватныя, уласна чарнобыльскія стэрэатыпы ў грамадскай свядомасці, і праблема аптымізацыі сацыяпрыродных адносін у Беларусі павінна разглядацца ў кантэксце дэградацыі якасці навакольнага асяроддзя. Укараненне прынцыпаў устойлівага развіцця ў практыку сацыяпрыроднага ўзаемадзеяння таксама павінна ажыццяўляцца са значнай карэкціроўкай дэкларацыйных экалагічных імператываў. У забеспячэнні сацыяльна-прыроднай аптымальнасці трэба ўсведамляць сувязь паміж узроўнем інфармаванасці аб спецыфіцы міграцыі радыенуклідаў па асобных звёнах трафічнага ланцуга і магчымасцю чалавека практычна абмежаваць іх паступленне ў арганізм чалавека.

Ключавыя словы: сацыяльна-прыроднае адчужэнне, экалагічны крызіс, рэабілітацыя экстрэмальных тэрыторый, экалагічная свядомасць.

Для цытавання: Чарвінскі А. С. Сацыяпрыроднае адчужэнне ў поставарыйнай Беларусі як аб'ект сацыяэкалагічнага аналізу // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 148–151.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-26.

A. S. Charvinsky
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

SOCIO-NATURAL ALIENATION IN POST-ACCIDENT BELARUS AS AN OBJECT OF SOCIO-ECOLOGICAL ANALYSIS

Social and natural alienation is a direct consequence of the large-scale implementation of the ecological crisis. The phenomenon takes on special dimensions in the situation of post-accident degradation of the quality of the natural habitat. A clear example of such interdependence of environmental disaster and the level of socio-natural alienation is the post-Chernobyl situation in the Republic of Belarus. Pollution of territories affects the entire spectrum of life activities of the population of Belarus, therefore the choice of a model of social development of the republic is significantly limited by the framework of socio-ecological feasibility. The current environmental realities do not allow the traditional schemes underlying the concept of sustainable development to be extrapolated to Belarusian soil without prior adaptation to local conditions. Post-disaster environmental pessimism has given rise to inadequate, Chernobyl-like stereotypes in the public consciousness, and the problem of optimizing socio-natural relations in Belarus should be considered in the context of environmental degradation. The introduction of sustainable development principles into the practice of socio-natural interaction should also be carried out with significant adjustments to the declared environmental imperatives. In ensuring social and natural optimality, it is necessary to recognize the connection between the level of awareness of the specifics of radionuclide migration along individual links of the trophic chain and the ability of a person to practically limit their entry into the human body.

Keywords: socio-natural alienation, ecological crisis, rehabilitation of extreme territories, ecological consciousness.

For citation: Charvinsky A. S. Socio-natural alienation in post-accident Belarus as an object of socio-ecological analysis *Proceedings of BSTU, 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 148–151 (In Belarusian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-26.

Уводзіны. Ва ўмовах поставарыйнай Беларусі праблема пераадолення сацыяльна-прыроднага адчужэння спалучана з фактарамі энергетычнай, эканамічнай, сацыяльнай бяспекі, што дазваляе разглядаць феномен у якасці састаўнога элемента агульнай праблемы нармальнай жыццядзейнасці ва ўмовах пагрозы экалагічнага крызісу як у глабальным маштабе, так і на ўзроўні лакальнага, уласна «беларускага» праяўлення. Такі падыход да праблемы абараняецца ў працах А. М. Бабосава, у якіх вылучаецца патрабаванне комплекснага падыходу і ў даследаванні, і далейшай мінімізацыі сацыяльна-прыроднага супрацьстаяння ў поставарыйнай Беларусі [1, с. 117]. У такім жа канцэптуальным выразе прадстаўлена пазіцыя акадэміка Г. М. Лыча, які сканцэнтраваў даследчы акцэнт на выяўленні эканамічных прыярытэтаў посткатастрофнай Беларусі [2, с. 203]. Разам з тым некалькі іншы прапануецца ў працах, прыярытэтным даследчым вектарам у якіх вызначаецца даследаванне заканамернасцей міграцыі радыенуклідаў у раслінных комплексах, Л. У. Хатылёвай, якая ажыццявіла даследаванні колькаснай залежнасці храмасомных аберацый ад узроўню радыяцыйнага забруджвання. Менавіта навуковая выснова Хатылёвай аб тым, што татальнае высыханне елкі ў беларускіх лясах мае пазакатастрофную прыроду, з'явілася паваротным момантам у пераадоленні сацыяльна-прыроднага адчужэння на бытавым узроўні [3, с. 40]. Трэба зыходзіць з таго, што пераадоленне сацыяльна-прыроднага адчужэння ў Рэспубліцы Беларусь мае комплексны характар, і таму вырашэнне заяўленай праблемы патрабуе як прыродазнаўча-навуковага, так і гуманітарнага аналізу.

Асноўная частка. У тэарэтычным плане праблема пераадолення сацыяпрыроднага адчужэння звязана з даследаваннем феномену экалагічнай свядомасці ў экстрэмальных умовах, што ўяўляе адну з найбольш актуальных і адначасова адну з найменш вывучаных праблем у тэорыі сацыяльнага прыродакарыстання. Шэраг спецыфічных момантаў прынцыпова адрознівае працэс станаўлення экалагічных аспектаў у індывідуальнай свядомасці на экстрэмальных тэрыторыях. Перш за ўсё выбухны, «рэвалюцыйны» характар узнікнення моманту экалагічнай арыентаванасці ў грамадскай свядомасці ў такіх рэгіёнах, у адрозненне ад «эвалюцыйных», паступовых формаў усведамлення генетычнай блізкасці чалавека і прыроднага асяроддзя, ажыццяўляецца практычна без неабходнага інфармацыйна-культурнага базісу.

Шлях фарміравання экалагічных ведаў аказваецца істотна карацейшым за традыцыйны, і можна сказаць, што ў гэтым выпадку адбываецца значная карэкціроўка вядомай формулы з яе патрабаваннем этапнасці ад жывога сузірання да абстрактнага мыслення, ад яго да практыкі, паколькі этап, пад якім у нашым выпадку трэба разумець інфарматыўна-эўрыстычны блок экалагічнай свядомасці, аказваецца, па сутнасці, незапатрабаваным. У рэальным жыцці ігнараванне абстрактнага, г. зн. уласна навуковага, этапу і паскораны пераход да непасрэдных дзеянняў могуць апраўдвацца неабходнасцю прыняцця тэрміновых сацыяльна-адміністрацыйных мер, якія мінімізуюць наступствы экалагічнай катастрофы, але за выключэннем гэтага моманту, які тлумачыць у пэўнай меры радыкалізм пераходу да непасрэднай практычнай змены сітуацыі, ігнараванне этапу абстрактна-лагічнага аналізу апраўдана быць не можа. Тым больш недапушчальна такое ігнараванне пры распрацоўцы доўгатэрміновых трэндаў, якія маюць перспектыўную накіраванасць. Пры гэтым не мае значэння, якія матывы ляжаць у аснове «скачка»: ці то песімістычныя, якія даходзяць у сваіх крайніх формах да адкрытай эсхаталогіі, ці то неабгрунтавана аптымістычныя.

Яшчэ адным не менш важным момантам фарміравання экалагічнай свядомасці ў сітуацыі посткатастрофнай дэградацыі якасці навакольнага асяроддзя з'яўляецца абсалютнае дамінаванне негатыўных ацэначных элементаў у яго структуры. Пры гэтым песімізм, абумоўлены непасрэдным успрыманнем экалагічнай сітуацыі без дастатковага інфармацыйна-лагічнага падмацавання, спараджае зусім нетыповую ў нармальных умовах сітуацыю адчужэння індывідуальнай экалагічнай свядомасці ад грамадскай. Экалагічна негатыўны змест індывідуальнай свядомасці грунтуецца ў асноўным на асабістай ацэнцы якасці навакольнага асяроддзя, калі з усяго інфарматыўнага арсенала грамадскай свядомасці негатыўна настроены індывід успрымае толькі інфармацыю, якая падмацоўвае асобасныя ацэнкі сітуацыі.

Пастаноўка праблемы сацыяпрыроднага адчужэння ў сітуацыі рэзкай дэградацыі якасці навакольнага асяроддзя сведчыць пра тое, што дынаміка сацыяльнага развіцця з неабходнасцю раскрывае новыя сферы прыкладання канцэптуальнага апарату сацыяльнай экалогіі як у традыцыйных формах чалавечай жыццядзейнасці, так і ў прынцыпова новых, якія не маюць яшчэ шырокага распаўсюджвання і, такім чынам, дастаткова адэкватнага навуковага апісання, сферах сацыяпрыроднага ўзаемадзеяння. Адным з найбольш перспектыўных у гэтых адносінах напрамкаў з'яўляецца тэарэтычная інтэрпрэтацыя працэсаў сацыяэкалагічнай рэабілітацыі прыродных комплексаў, размешчаных у зоне радыеактыўнага забруджвання, з'яўленне якіх аб'ектыўна абумоўлена тэхнагеннай экспансіяй у структуру біясферы. Перспектывы сацыяпрыроднага ўзаемадзеяння ў такіх умовах шмат у чым залежаць ад таго, наколькі поўна могуць быць адлюстраваны працэсы практычнага ўзаемаўплыву соцыуму і біясферных комплексаў у канцэптуальных схемах

тэарэтычнай інтэрпрэтацыі феноменаў сацыяпрыроднай каэвалюцыі. Антрапагенная змена прыроднага асяроддзя не мае сёння дастатковага тэарэтычнага апісання і, мабыць, знаходзіцца на той сумна вядомай стадыі, калі рэальная практыка значна апярэджвае ўзровень мадальнага аналізу і, па прычыне гэтай акалічнасці, спараджае ланцуг дэструктыўных стахастычных змен у структуры біясферы. Сітуацыя, якая склалася, можа быць у пэўнай меры выпраўлена з дапамогай мадэлявання ў тэорыі сацыяльнага прыродакарыстання. Магутны метадалагічна-паняційны арсенал можа садзейнічаць стварэнню неабходнай канцэптуальнай схемы ўкаранення прыродаахоўных прынцыпаў у практыку сацыяпрыроднага ўзаемадзеяння і алгарытму паэтапнага фарміравання экалагічна аптымальных структур у біясфернай сістэме.

Фарміраванне праграмы патрабуе як мага поўных ведаў не толькі рэальнай, якая падлягае мэтанакіраванаму аднаўленню сістэмы, але і дастатковай прыродазнаўчай абгрунтаванасці асноўных параметраў нарматыўнай сістэмы, паколькі ад гэтага залежаць як будучы стан мэтанакіравана зменлівых экалагічных сістэм, так і канкрэтыка самога працэсу аднаўлення якасці асяроддзя пасялення. Гэта тым больш актуальна, што змены раўнавагі ў экстрэмальнай экалагічнай сістэме з непазбежнасцю абарочваюцца стратай здольнасці да самарэгуляцыі, парушэннем працэсаў ўзнаўлення сістэмы, паслабленнем адаптыўных патэнцый са скарачэннем відавой разнастайнасці ў біятопах, стратай генафонду відаў і папуляцый у сувязі з узнікненнем другаснай сукцэсіі. У працэсе даследавання праблемы разам з аналізам агульнатэарэтычных пасылак, якія адлюстроўваюць працэс мінімізацыі наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС, неабходны комплексны аналіз сацыяльна-экалагічнай сітуацыі, якая рэальна склалася ў паставарыйны перыяд [5, с. 287]. Вывучэнне сітуацыі ў дыферэнцыраваных па чарнобыльскім крытэрыі рэгіёнах дае магчымасць ажыццявіць комплексны падыход да аналізу праблемы: ад вывучэння практыкі прававога рэгулявання працэсаў адчужэння радыяцыйна небяспечных зямель да абгрунтавання перспектыў рэабілітацыі тэрыторый сельскагаспадарчага і лесагаспадарчага прызначэння з адносна невысокім узроўнем радыеактыўнага забруджвання. Варта таксама адзначыць, што пераважная большасць жыхароў рэгіёнаў, якія пацярпелі ад катастрофы на Чарнобыльскай АЭС, не ведаюць ступені радыяцыйнага забруджвання сабраных дзікаросаў. Апошнія практычна не падвяргаюцца радыяцыйнаму кантролю, санітарныя нормы паўсюдна парушаюцца, а забарона на пабочнае лясное карыстанне на індывідуальным узроўні на месцах мае слабае адміністрацыйнае забеспячэнне. У гэтай сітуацыі дзейснымі можна лічыць наступныя меры адміністрацыйна-прававога рэгулявання.

Калі адчужэнне разглядаць як форму індывідуальнай рэакцыі на радыеактыўную дэградацыю якасці асяроддзя, то ў залежнасці ад таго, якія будуць ацэнкі экалагічнай сітуацыі ў цэлым, у значнай ступені будзе магчымы выбар шляхоў пераадолення экакрызіснай сітуацыі.

Рэабілітацыйную дзейнасць нельга разглядаць як беспрадметную і ў пэўнай меры бессістэмную, ігнаруючы факт прычынна-следчай сувязі паміж узроўнем экалагічнай кампетэнтнасці і характарам сацыяпрыродных адносін. Комплексны аналіз сацыяльных умоў існавання людзей на тэрыторыях з якасна зменены мі ўмовамі навакольнага асяроддзя, якія суправаджаюцца радыкальнымі зменамі паводзінскіх стэрэатыпаў, патрабуе даследавання праблем сацыяльнага ўзаемадзеяння ва ўмовах ліквідацыі аварыі, вызначэння механізмаў сацыяльнай адаптацыі да новых умоў, фарміравання неабходных сацыяльна-экалагічных каштоўнасцей. Такі падыход можа садзейнічаць фарміраванню рэальных перадумоў больш хуткага пераадолення сацыяпрыроднага адчужэння і пераходу на аптымальныя, экалагічна граматныя формы сацыяльнага прыродакарыстання ў сітуацыі радыеактыўнай дэградацыі якасці навакольнага асяроддзя, паколькі мінімізацыя экалагічных наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС азначае, што рашэнне не можа быць аднамомантным, а патрабуе праграмнага забеспячэння на працягл ы перыяд часу. Пераадоленне адчужэння залежыць ад эфектыўнасці прыродаахоўных і аднаўленчых мерапрыемстваў, выніковасці кантролю за выкананнем санітарна-экалагічных нормаў у сферы сацыяльнага прыродакарыстання і ў канчатковым выніку ад пераходу грамадства з узроўнем сацыяльна-спажывецкага стаўлення да прыроднага асяроддзя да грамадства экалагічна ўстойлівага развіцця.

Заключэнне. З вышэйпададзенага могуць быць зроблены некаторыя высновы:

– у адрозненне ад «прыватных» варыянтаў адчужэння, выкліканых лакальнай дэградацыяй якасці навакольнага асяроддзя ў выніку кіслотных дажджоў, тэхнагеннага забруджвання вадаёмаў і г. д., паставарыйная форма носіць глабальны характар;

– пераадоленне адчужэння ў Беларусі звязана з распрацоўкай навукова абгрунтаваных рэкамендацый па аптымізацыі ўмоў жыццядзейнасці ў сітуацыі антрапагеннага забруджвання і вызначэннем перспектыў рэабілітацыі якасці прыроднага асяроддзя;

– ва ўмовах Беларусі найбольш перспектыўным варыянтам пераадолення сацыяльна-прыроднага адчужэння і фарміравання ўстойлівага грамадства з'яўляецца ўвядзенне прынцыпу эканоміі на ўсіх узроўнях сацыяльнага прыродакарыстання – ад ваенна-прамысловага да бытавога;

– экалагічная палітыка, накіраваная на фарміраванне ўстойлівага грамадства ў Беларусі, павінна грунтавацца на прынцыпах энергетычнай эканамічнасці, мінімізацыі адходаў, біятэхналізацыі прамысловых працэсаў.

Пастаноўка і вырашэнне пералічаных задач могуць садзейнічаць фарміраванню рэальных перадумоў больш хуткага пераадолення феномену адчужэння і пераходу на аптымальныя, экалагічна граматныя формы сацыяльнага прыродакарыстання.

Спіс літаратуры

1. Бабосов Е. М. Социальные последствия Чернобыльской катастрофы, пути их преодоления. Минск: БТН-информ, 2011. 219 с.

2. Лыч Г. М., Патеева З. Г. Чернобыльская катастрофа: социально-экономические проблемы и пути их решения. Минск: Право и экономика, 1999. 290 с.

3. Влияние повышенного радиационного фона на частоту хромосомных аберраций у ели европейской / Л. В. Хотылева [и др.] // Доклады АНБ. 1992. № 9–10. С. 38–46.

4. Колчинский Э. И. Эволюционный процесс в современной биосфере // Философские науки. 2000. № 1. С. 34–37.

5. Ващекин Н. П., Мунтян М. А., Урсул А. Д. Глобализация и устойчивое развитие. М.: МГУК, 2002. 320 с.

References

1. Babosov E. M. *Sotsial'nyye posledstviya Chernobyl'skoy katastrofy, puti ikh preodoleniya* [Social consequences of the Chernobyl disaster, ways to overcome them]. Minsk, BTN-inform Publ., 2011. 219 p. (In Russian).

2. Lych G. M., Pateeva Z. G. *Chernobyl'skaya katastrofa: sotsial'no-ekonomicheskiye problemy i puti ikh resheniya* [Chernobyl disaster: socio-economic problems and ways to solve them]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 1999. 290 p. (In Russian).

3. Hotyleva L. V., Dylenok L. A., Yatsevich A. P., Goncharenko G. G. The effect of increased background radiation on the frequency of chromosomal aberrations in European spruce. *Doklady ANB* [Reports ASB]. 1992, no. 9–10, pp. 38–46 (In Russian).

4. Kolchinsky E. I. Evolutionary process in the modern biosphere. *Filosofskiye nauki* [Philosophical sciences], 2000, no. 1, pp. 34–37 (In Russian).

5. Vashchekin N. P., Muntyan M. A., Ursul A. D. *Globalizatsia i ustoychivoye razvitiye* [Globalization and sustainable development]. Moscow, MGYK Publ., 2002. 320 p. (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Чарвінскі Аляксандр Сяргеевіч – кандыдат філасофскіх навук, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела сацыяльнай экалогіі і біяэтыкі. Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі Беларусі (вул. Сурганава, 1/2, 220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь). E-mail: a.chervinski@gmail.com

Information about the author

Charvinsky Alexander Syargeevich – PhD **(**Philosophy), Senior Researcher, the Department of Social Ecology and Bioethics. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surganova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: a.chervinski@gmail.com

Паступіў 14.03.2025

УДК 316.77:004.8+101.1:316

Т. Е. Новицкая
Институт философии Национальной академии наук Беларуси

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И МОДУСЫ МЕДИАТИЗИРОВАННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

В статье выявлены и описаны новые модусы социальности, возникающие при взаимодействии человека и искусственного интеллекта в процессе медиатизированной коммуникации. Они связаны с углублением медиатизации культуры и общества, ростом опосредованности социальной коммуникации медиа и инновационными нейросетевыми технологиями, машинным обучением, а также с включением в глобальное сетевое пространство как человеческих, так и нечеловеческих акторов и спецификой их отношений. Критическое рассмотрение коммуникации пользователей с чат-ботами позволило раскрыть ее риски. Они кроются в сложностях идентификации природы сетевого собеседника, его роботности, наделении коммуникативной ценностью взаимодействия с чат-ботом, этически спорном создании цифровых аватаров, использовании ботов в целях нейрокомментинга, деструктивной пропаганды и дезинформации, кликбейта и нелегальной рекламы, астротурфинга, симуляции общественного мнения по социально значимым вопросам, фишинга, провокаций и мошенничества. Рассмотрена проблема возникновения этической коллизии при создании и использовании специфического вида чат-ботов – dead-ботов, работающих на базе искусственного интеллекта, имитирующих речь и риторику умерших, с учетом их личностных особенностей и интересов, на основании материала оставленных ими цифровых следов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, чат-бот, социальность, социальные медиа, медиатизация.

Для цитирования: Новицкая Т. Е. Искусственный интеллект и модусы медиатизированной социальности // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 152–156.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-27.

T. Navitskaya
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND MODES OF MEDIATIZED SOCIALITY

The article identifies and describes new modes of sociality that arise during the interaction of humans and artificial intelligence in the process of mediatized communication. They are associated with the deep mediatization of culture and society, with the growth of mediation of social communication by media and innovative neural network technologies, machine learning, as well as with the inclusion of both human and non-human actors in the global network space and the specifics of their relations. A critical analysis of user communication with chatbots has revealed its risks. They lie in the difficulties of identifying the nature of the online interlocutor, its robotic nature, endowing interaction with a chatbot with communicative value, the ethically questionable creation of digital avatars, the use of bots for the purposes of neurocommenting, destructive propaganda and disinformation, clickbait and illegal advertising, astroturfing, simulating public opinion on socially significant issues, phishing, provocations and fraud. The article discusses the issue of the emergence of ethical conflict in the process of creating and using a specific type of chatbots – deadbots, which operate on the basis of artificial intelligence, imitate the speech and rhetoric of deceased people, take into account their personal characteristics and interests, based on the digital traces they left behind.

Keywords: artificial intelligence; chatbot, sociality; social media; mediatization.

For citation: Navitskaya T. Artificial intelligence and modes of mediatized sociality. *Proceedinds of BSTU, issue 6, History, Philisophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 152–156 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-27.

Введение. В ходе активного развития информационно-коммуникационных технологий и интенсивного прогресса в области роста интерактивности медиа их влияние на общество, и прежде имевшее место, стало существенно возрастать. Цели его осмысления служит теория медиатизации. Она применима для описания способов воздействия медиа на другие сферы и институты общества (среди них – политика, экономика и бизнес, культура и искусство, шоу-бизнес, спорт и туризм, наука и образование, религия и т. д.). Медиатизация предполагает интеграцию медиа в различные сферы общества и соответствующую трансформацию последних в данном процессе.

Социальные теоретики, работающие в междисциплинарной области исследований взаимодействия медиа и общества, уделяют значительное внимание аналитике исторического хода медиатизации. В частности, данной теме посвящены работы ученых Торонтской школы коммуникации, представителей «теории медиума» (medium theory), изучающих сущность и возможности влияния средств сообщения на социум и культуру (Г. Иннис, Г. М. Маклюэн, У. Онг, Дж. Мейровиц). В качестве критерия выделения этапов в истории человечества они предлагают использовать доминирующий тип медиума. Н. Луман для описания перехода в обществах использует понятие «медиа распространения» (письменность, книгопечатание, радио и телевидение, компьютер). На сегодняшний день исследователи, работающие в рамках теории медиатизации (А. Хепп, С. Хъярвард, В. Шульц, Н. Коулдри, С. Ливингстоун и др.), также выделяют этапы исторического развития (как линейно структурированные, так и имеющие волновой характер), сообразующиеся с критичным возрастанием влияния того или иного медиа на присущую обществу специфику массовой социальной коммуникации.

Многие из этих ученых фокусируют свое внимание на новых медиа (интернет-медиа, форумы, подкасты, блоги, влоги, электронные версии СМИ, социальные сети, виртуальные игры, мессенджеры и т. п.) как ключевом факторе медиатизации в XXI ст. Ее текущий этап ознаменовался социализацией медиа, их переходом в интерактивный формат, появлением возможностей коммуникации в режиме реального времени, беспрецендентным расширением числа коммуникаторов, их объединением, включением в социальные сети, переходом от субъект-объектной модели традиционных СМИ («один – многим») к плюральной, полилогической, состоящей из сети сообщающихся между собой акторов, мультимедийной модели онлайн-медиа («многие – многим»).

Кроме названных особенностей, медиатизация также характеризуется тем, что в условиях изменившегося медиапространства нашими «партнерами» по коммуникации становятся не только другие люди, но и нечеловеческие (non-human) акторы. Это связано, прежде всего, с внедрением в уже ставшие привычной частью повседневности социальные медиа технологий глубинного обучения, нейронных сетей, функций машинного перевода, компьютерного зрения, распознавания речи, ее конвертации в текстовый формат (и наоборот) и т. д. Результатом этого становится возникновение новых модусов социальности. Задаче их выявления посвящена данная статья.

Основная часть. Безусловно, на протяжении своей истории люди и прежде взаимодействовали с нечеловеческими акторами (примером может служить межвидовая коммуникация с животными). Но в таком случае речь все же идет о живых существах, обладающих психикой. Там общение выстраивается с разных интеллектуальных, психологических, семиотических позиций, с применением различных знаковых систем. В ситуации с интернет-ботами коммуникация осуществляется в формате, максимально приближенном к обычной беседе между людьми. Получая информацию от нечеловеческих коммуникаторов, обмениваясь с ними сообщениями, пользователи не всегда могут идентифицировать их природу, что, в свою очередь, проблематизирует безопасность коммуникации с ботами и возникающий таким образом тип социальности. Наглядной иллюстрацией человеческого отношения к нечеловеческому цифровому актору, воплощенной в кино, является сюжет фильма «Она» («She», 2013), в котором главный герой влюбляется в операционную систему, основанную на искусственном интеллекте (ИИ).

Особенно остро поднятый выше вопрос встает в связи с развитием технологии deepfake (от англ. deep learning – «глубинное обучение» и fake – «подделка») – синтеза голоса или изображения (как статичного, так и динамичного), фундированного ИИ. Она позволяет создавать фото-, аудио-и(или) видеореалистичное изображение. Например, в социальной сети Instagram набирают популярность страницы нейроперсонажей, моделей, созданных при помощи искусственного интеллекта и имеющих сотни тысяч подписчиков. Отметим, что это не единственные «пользователи», ставшие порождением ИИ. В данной социальной сети существует опция-метка для публикаций «создано с помощью ИИ», применяемая по выбору, однако авторы цифрового контента не всегда используют ее корректно или не используют вовсе. Вопрос их ответственности в данной связи остается открытым.

В последние годы в социальную науку входят такие понятия, как «постсоциальность», «объектно-центрированная социальность», «техносоциальность» [1–5]. Во многом они связаны с разработками в области акторно-сетевой теории и описывают феномен субституции (в форматах от совмещения до вытеснения) людей в качестве партнеров по интеракции вследствие использования новейших информационно-коммуникационных технологий, технологий искусственного интеллекта. Возрастает степень опосредованности социальности технологиями и медиа, у людей возникают аддикции по отношению к эпистемическим объектам.

В последние десятилетия интернет обрел устойчивый статус важнейшего среза публичной сферы общества. Однако наряду с открывшимися возможностями это сопряжено с рядом рисков и негативных явлений, в их числе

астротурфинг – вводящая в заблуждение практика, в ходе которой создается иллюзия общественной поддержки посредством публикации цифрового контента соответствующего содержания и направленности. Происхождение термина связано с названием американской компании AstroTurf, она производит искусственное покрытие для стадионов, имитирующее траву. Данное название используется для противопоставления сфальсифицированной общественной инициативы настоящей (анг. grass roots – «корни травы»). Астротурфинг осуществляется по заказу заинтересованных субъектов, но информация о его спонсорах скрывается. Так, за сообщения, исходящие от низовых инициатив и реальных пользователей, выдается размещенная на страницах интернет-ресурсов имитация общественных высказываний, сообщений, создающих видимость поддержки того или иного политического, экономического или культурного, религиозного и т. п. феномена. Как правило, они носят масштабный характер, поскольку должны имитировать общественное мнение, исходящее от значительной по размерам социальной группы. Изначально данная практика ассоциировалась с так называемыми «фабриками троллей» (спонсируемыми анонимными политическими интернет-комментаторами – людьми), но по мере развития технологий машинного обучения ее инструментами становятся боты.

Чат-бот представляет собой программу, выполняющую заранее прописанные повторяющиеся функции в автоматическом режиме в интернете, через интерфейсы, предназначенные для людей. И если ранее они могли выполнять простые действия в чате, сегодня области их деятельности существенно расширились, функционирование многих из них основано на работе нейросетей. А их активность направлена на выстраивание диалога с пользователем. В основном их функционал предполагает автоматизацию работы с пользователями, управление контентом и аудиторией. Их полезность связана с тем, что боты помогают сэкономить время, они работают быстро, им могут быть делегированы различные рутинные функции. Боты имитируют разговор между двумя людьми, в реальности – между пользователем-человеком и (ро)ботом. Их коммуникативный спектр широк – от ответов на простые, стандартизированные запросы до сложной беседы с высоким уровнем персонализации. Существует несколько разновидностей чат-ботов: во-первых, чат-боты с кнопками (действуют согласно запрограммированным алгоритмам поведения, обрабатывают естественный язык и ключевые фразы на стандартном уровне, способны к выполнению простых команд), во-вторых, виртуальные и цифровые помощники (сложные боты, созданные для поддержания многоуровневых диалогов с пользователем; разработаны на основе инновационных технологий нейросетей и машинного обучения, могут распознавать языки и различные запросы, потребности визави, что имеет коммерческое значение, решения и ответы таких ботов индивидуализированы).

Создание аккаунтов-ботов на базе нейросети, их программирование на написание комментариев под постами в социальных медиа (сайтах, сетях и мессенджерах) маркируют как нейрокомментинг. С развитием технологий такие комментарии начинают выглядеть все более приближенными к тексту человеческого авторства. Задачи ботов: привлечение аудитории, увеличение количества кликов и трафика на конкретных ресурсах, нечестное продвижение и незаконная реклама, популяризация определенных идей, пропаганда, астротурфинг.

Существует множество видов вредоносных ботов, но в контексте данной работы важно остановиться на тех, которые имитируют человеческое общение. Например, чат-боты на сайтах знакомств могут маскироваться под пользователей с целью получения персональных данных, включая реквизиты банковских карт, паролей и другой конфиденциальной информации. Боты в мессенджерах могут использоваться для фишинга и мошеннических целей. Возможности создания аудио, фото и видео посредством deepfake для выдачи себя за того или иного реально существующего человека облегчают осуществление незаконной деятельности злоумышленниками.

Поскольку глобальная сеть в качестве своих узлов включает как человеческих, так и нечеловеческих агентов, имеет сложную разветвленную техносоциальную структуру, сегодня перед владельцами сайтов, блогерами и даже рядовыми пользователями встает проблема определения роботности (бот-трафика) – совокупности всех «нечеловеческих» посещений страницы в доле общего трафика. Иллюзию активности, востребованности и живого трафика создают их посещения веб-ресурсов, в то время как за ними не стоит реальных пользователей. Весьма вероятно, что подвергать онлайн-собеседника своеобразному подобию «теста Тьюринга» (точнее, тесту на (ро)ботность) станет насущной необходимостью, учитывая темпы прогресса нейросетевых технологий. Если это приобретет характер тенденции, то, безусловно, не будет способствовать росту и без того неуклонно снижающегося уровня доверия в медиапространстве.

Говоря о новых модусах социальности, следует также упомянуть постепенное, но достаточно уверенное вхождение в повседневную жизнь человека и общества интернета вещей. Взаимодействие с бытовыми объектами упрощается, задается настройками пользователя, становится рутинной

практикой. Порой общение с голосовыми роботами-помощниками (например, Алиса, Siri, Alexa и п. т.) выходит за рамки утилитарных функций, оно может приобретать развлекательный, познавательный характер, для некоторых людей в нем может видеться и коммуникативный смысл. Кроме того, на сегодняшний день особой популярностью пользуются чат-боты с генеративным искусственным интеллектом, работающие в режиме диалога с пользователем и поддерживающие запросы на естественных языках (такие как ChatGPT, Gemini, DeepSeek и др.). Наличие некоторых антропоморфных черт в интерфейсе медиума (средства сообщения), видимость его «отзывчивости», учета контекста на основании персонификации, возможные благодаря машинному обучению, делают такой гаджет удобным, а взаимодействие с ним легким и интересным. Коммуникативная привлекательность чат-бота связана с его возможностями глубокого анализа и персонализации сообщения, способностью обучаться и все лучше подстраиваться под собеседника, помнить информацию о нем, демонстрацией вежливости и дружественного отношения, способностью быстро, полно и развернуто отвечать на сложные вопросы, что может создавать иллюзию понимания и поддержки.

Однако порой коммуникация с чат-ботами может становиться источником этической коллизии. В качестве такой проблемы, возникающей в связи с проявлениями техносоциальности, можно привести феномен dead-ботов (мертвоботов). Речь идет о создании специальных чат-ботов, работающих на базе искусственного интеллекта, имитирующих речь и риторику умерших, с учетом их личностных особенностей, характера, интересов и пр., основываясь на материале оставленных ими цифровых следов. Нейросетевые технологии также делают возможным воспроизведение соответствующего визульного и (или) видеоряда, создавая видимость жизни и присутствия покойного. Интернет-платформы, позволяющие анимировать изображения ушедших из жизни людей, имитировать диалоги с ними и продающие данную услугу, позиционируют это как создание цифрового памятника, мемориального аватара близкого человека, как возможность нового вида «посмертного присутствия», говорят о терапевтичности своего сервиса для облегчения боли утраты. В то же время возникает вопрос об этичности и законности такого рода симуляции, о рисках ее использования в неуважительных целях, правовых проблемах, в том числе связанных с цифровым наследованием, в случае активного присутствия аватара в социальных сетях, его использования в рекламных и коммерческих целях.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что развитие цифровых информационно-коммуникационных технологий и усиление медиатизации культуры и общества оказали существенное влияние на характер и способы социального взаимодействия. С одной стороны, благодаря социальным медиа произошел переход к новой модели коммуникации – сетевой, полисубъектной, интерактивной. Они открыли потенциал многоканального горизонтального субъект-субъектного публичного пространства. За последние десятилетия особенности социальных интеракций, порожденные применением медиа- и ИКТ-инноваций, были социально нормализованы, данные технологии, формируя work-life balance, приемлемые представления о приватности и личных границах, социальной дистанции и т. п., стали частью повседневности. Одним словом, они стали важным фактором формирования сетевого социального пространства, сопряженного с медиасредой. С другой стороны, его аутопойетическое функционирование предполагает взаимодействие акторов различной природы – как человеческой, так и технологической. Представляется спорной идея трактовки этого взаимодействия как субъект-объектного, поскольку и те, и другие активны. Прежде всего, новые модусы социальности связаны с углублением ее опосредованности медиа и технологиями. Кроме того, можно говорить о том, что современные технико-технологические продукты находятся в транзитивном статусе – из средств коммуникации в ее участников. В высокой мере это спровоцировано развитием искусственного интеллекта, машинного обучения, нейросетей. Критическое рассмотрение коммуникации пользователей с чат-ботами позволило раскрыть ее риски. Они кроются в сложностях идентификации природы сетевого собеседника (его (ро)ботности), этически спорном создании некоторых цифровых аватаров (например, dead-ботов), использовании ботов в целях нейрокомментинга, деструктивной пропаганды и дезинформации, кликбейта и нелегальной рекламы, астротурфинга, симуляции общественного мнения по социально значимым вопросам, фишинга, провокаций и мошенничества. Несмотря на высокую эффективность виртуальных ботов как инструментов для бизнеса и коммуникации, их способности к решению разнообразных задач, находясь в контакте с пользователями, приближенность общения с ними к беседе между людьми, следует помнить, что медийный характер такого взаимодействия сглаживает различия и упрощает переход нечеловеческих акторов в роль партнеров по коммуникации. Для человека с этим может быть связана опасность перехода от ставшего привычным общества бота к тому, чтобы оказаться в сообществе ботов.

Список литературы

1. Knorr Cetina K. Sociality with Objects Social Relations in Postsocial Knowledge Societies // Theory, Culture and Society. 1997. No. 14 (4). P. 1–30. DOI: 10.1177/026327697014004001.

2. Knorr K. Postsoziale Beziehungen: Theorie der Gesellschaft in einem postsozialen Kontext // Bonacker, Thorsten, ed., Andreas Reckwitz, ed. Kulturen der Moderne: soziologische Perspektiven der Gegenwart. Frankfurt a. M.: Campus-Verl., 2007. S. 267–300.

3. Cetina Knorr K., Bruegger U. Traders' Engagement with Markets // Theory, Culture and Society. 2002. No. 19 (5–6). P. 161–185. DOI: 10.1177/026327602761899200.

4. Willson M. A. Being-Together: Thinking through Technologically Mediated Sociality and Community // Communication and Critical/Cultural Studies. 2012. No. 9 (3). P. 279–297. DOI: 10.1080/14791420.2012.705007.

5. Sofradžija H. Technosociality and the Rise of the Network Society // Karabegović I. (eds) New Technologies, Development and Application III. NT 2020. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 128. Springer, Cham. P. 432–436. DOI: 10.1007/978-3-030-46817-0_49.

References

1. Knorr Cetina K. Sociality with Objects Social Relations in Postsocial Knowledge Societies. *Theory, Culture and Society*, 1997, vol. 14, no. 4, pp. 1–30. DOI: 10.1177/026327697014004001.

2. Knorr K. Postsoziale Beziehungen: Theorie der Gesellschaft in einem postsozialen Kontext. *Bonacker, Thorsten, ed., Andreas Reckwitz, ed. Kulturen der Moderne: soziologische Perspektiven der Gegenwart.* Frankfurt a. M., Campus-Verl. Publ., 2007, S. 267–300.

3. Cetina Knorr K., Bruegger U. Traders' Engagement with Markets. *Theory, Culture and Society*, 2002, vol. 19, no. 5–6, pp. 161–185. DOI: 10.1177/026327602761899200.

4. Willson M. A. Being-Together: Thinking through Technologically Mediated Sociality and Community. *Communication and Critical/Cultural Studies*, 2012, vol. 9, no. 3, pp. 279–297. DOI: 10.1080/14791420.2012.705007.

5. Sofradžija H. Technosociality and the Rise of the Network Society. *Karabegović I. (eds). New Technologies, Development and Application III. NT 2020. Lecture Notes in Networks and Systems.* Springer, Cham. Publ., 2020, vol. 128, pp. 432–436. DOI: 10.1007/978-3-030-46817-0_49.

Информация об авторе

Новицкая Татьяна Евгеньевна – научный сотрудник отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурного сотрудничества. Институт философии Национальной академии наук Беларуси (ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: navitskaya.philosophy@gmail.com

Information about the author

Tatsiana Navitskaya – Researcher of Department of Research on globalization, regionalization and socio-cultural cooperation. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surganova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: navitskaya.philosophy@gmail.com

Поступила 15.03.2025

УДК 355.01:130.2

В. О. Кошевой
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье осуществлен философский анализ особого вида сознания, отражающего военную составляющую общественных отношений. Проведен сравнительный анализ научных категорий, раскрывающих содержание и специфику состояния общественного сознания, характеризующего оборонную, военно-политическую сферу деятельности человека, общества и государства. Определено место категории «военно-политическое сознание» в структуре общественного сознания. Военно-политическое сознание рассматривается как феномен духовной жизни человека и социума, возникающий и развивающийся на пересечении военной и политической сфер общественной жизни. Применен деятельностный подход и раскрыта сущность понятия «военно-политическая деятельность» в контексте проблемы формирования военно-политического сознания. Проанализированы причины научных дискуссий, возникающих относительно определения ведущей научной категории, характеризующей феномен отражения в общественном и индивидуальном сознании военного бытия. Военно-политическое сознание представлено в качестве духовного компонента военной политики, отражающего военно-политические процессы и определяющего характер военно-политических отношений в системе «человек – общество – государство». Военно-профессиональное сознание рассмотрено как частный случай профессионального сознания. Показаны взаимосвязи военно-политического сознания с другими компонентами военной политики, а также с политическим сознанием. Раскрыты сущностные особенности военно-политического процесса как основного объекта отражения военно-политического сознания.

Ключевые слова: военно-политическое сознание, военная политика, военно-профессиональное сознание, военно-политический процесс, политическое сознание, военно-политическая деятельность.

Для цитирования: Кошевой В. О. Военно-политическое сознание как философская категория // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2025. № 1 (293). С. 157–162.
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-28.

V. O. Koshevoy
Yanka Kupala State University of Grodno

MILITARY-POLITICAL CONSCIOUSNESS AS A PHILOSOPHICAL CATEGORY

The article provides a philosophical analysis of a special type of consciousness that reflects the military component of public relations. A comparative analysis of scientific categories that reveal the content and specifics of the state of public consciousness characterizing the defense, military-political sphere of activity of an individual, society and the state is carried out. The place of the category "military-political consciousness" in the structure of public consciousness is determined. Military-political consciousness is considered as a phenomenon of the spiritual life of an individual and society that arises and develops at the intersection of the military and political spheres of public life. An activity-based approach is applied and the essence of the concept "military-political activity" is revealed in the context of the problem of formation of military-political consciousness. The reasons for scientific discussions that arise regarding the definition of the leading scientific category characterizing the phenomenon of reflection of military existence in public and individual consciousness are analyzed. Military-political consciousness is presented as a spiritual component of military policy that reflects military-political processes and determines the nature of military-political relations in the man – society – state system. Military-professional consciousness is considered as a special case of professional consciousness. The interrelations of military-political consciousness with other components of military policy, as well as with political consciousness, are shown. The essential features of the military-political process as the main object of reflection of military-political consciousness are revealed.

Keywords: military-political consciousness, military policy, military-professional consciousness, military-political process, political consciousness, military-political activity.

For citation: Koshevoy V. O. Military-political consciousness as a philosophical category. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2025, no. 1 (293), pp. 157–162 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-28.

Введение. Потребность в безопасности сформировалась уже на ранних этапах развития общества и остается актуальной для человека в наши дни. Обращаясь к известной модели человеческих потребностей, предложенной А. Г. Маслоу, мы видим, что потребность в безопасности занимает в ней одну из центральных позиций [1, с. 63]. Доктор философских наук К. Х. Момджян обращает внимание, что потребность в безопасности не только является одной из основных и самостоятельных, но и выступает составной частью других потребностей [2, с. 78]. При этом ученый обращает особое внимание на проблемы военной и общественной безопасности, подчеркивая количество погибших в ходе вооруженных конфликтов и террористических актов [2, с. 79]. Теоретическое осмысление проблемы обеспечения военной безопасности государства, общества и личности имеет свое значимое философское измерение. Одним из актуальных вопросов философского осмысления проблемы военной безопасности является ее духовное отражение в общественном и индивидуальном сознании, что в конечном итоге определяет готовность общества к защите своего государства, родного края, собственного дома, а также отношение общества к проблеме войны и мира, сохранению суверенитета, а также вооруженной защите национальных интересов.

Проблема духовного отражения вооруженной защиты общества и государства нашла свое выражение в научных концепциях оборонного сознания, военно-политического сознания и сознания военной безопасности. Неослабевающий интерес к идеям отражения военного бытия в общественном сознании подтверждает целый ряд современных исследователей, занимающихся данной проблематикой. В то же время перечисленные выше концепции все еще находятся в стадии своего оформления, а взгляды отдельных исследователей на целый ряд основополагающих позиций в рамках данных концепций не совпадают и являются дискуссионными.

Цель данной статьи – провести сравнительный анализ научных категорий, претендующих на первенство в определении специфического вида сознания, характеризующего оборонную, военно-политическую сферу деятельности человека, общества и государства, и определить место категории «военно-политическое сознание» в системе общественного сознания.

Основная часть. На наш взгляд, системно упорядоченную и теоретически разработанную линию понимания проблемы отражения военного бытия в общественном сознании выстроили ученые-философы, продвигающие термин «военно-политическое сознание» в качестве ведущей категории, характеризующей духовное отражение военно-политических процессов. Так, понятие «военно-политическое сознание» вводится в научный оборот в середине 1980-х годов в диссертации А. Ф. Ежова и находит свое развитие в докторских диссертациях В. В. Чебана (1992) и В. М. Родачина (1995) [3, с. 14; 4, с. 116; 5, с. 24].

Одним из первых в своей кандидатской диссертации определение военно-политическому сознанию предложил А. Ф. Ежов еще в 1984 г., понимая под данным понятием общественные (коллективные и индивидуальные) взгляды, мнения, представления о природе войны и армии, их роли в истории человечества [3, с. 14].

По мнению В. В. Чебана – одного из разработчиков концепции военно-политического сознания, оно представляет собой специфическую форму общественного сознания, духовный компонент военной политики, объектом которого является военно-политическая сторона общественного бытия [6, с. 24]. Эта же научная линия находит свое развитие и в современных исследованиях, которые являются логичным продолжением изучения военной политики в контексте общественно-политического развития социума, что позволяет применить научный потенциал философских, военных, политических и других наук.

Одной из первых научных работ, в которых была поднята проблема формирования военно-политического сознания, стала диссертация доктора философских наук В. М. Родачина. В рамках своей диссертации ученый вводит такую научную категорию, как военно-политический процесс [4, с. 107]. На наш взгляд, это понятие требует отдельного внимания при рассмотрении феномена военно-политического сознания, так как последнее можно определить через категорию военно-политического процесса. Упрощенно военно-политический процесс есть механизм, посредством которого реализуется военная политика [7, с. 6]. Родачин определил военно-политический процесс как интеллектуальные, дипломатические, организационные, военно-силовые действия людей по реализации военно-политических интересов и целей [4, с. 107]. С сущностной стороны военно-политический процесс представляет собой систему упорядоченных действий и взаимодействий субъектов военной политики, направленных на обеспечение военной безопасности личности, общества, государства. Рассуждая о соотношении субъективного и объективного в структуре военно-политических процессов, В. М. Родачин пишет об особом синтезе этих двух начал в военно-политических процессах, характеризующих функционирование военно-политического сознания и мышления [4, с. 111].

А. Ф. Ежовым была предложена модель структуры военной политики, которая включает три компонента: военно-политические институты (учреждения, организации), военно-политические отношения и военно-политическое сознание субъектов военной политики [3, с. 22]. Свое

развитие модель структуры военной политики получила в докторской диссертации В. М. Родачина, который к концептам военно-политического сознания, военно-политических институтов и отношений добавил также понятие военно-политической деятельности, рассматриваемой как интегральный движущий фактор, определяющий направленность проводимой субъектами военной политики [4, с. 116].

Таким образом, военно-политическое сознание, являясь структурной частью военной политики, находится в постоянном взаимодействии с другими компонентами военной политики – военно-политическими институтами, военно-политическими отношениями и военно-политической деятельностью. Например, военно-политическое сознание субъектов военной политики определяет характер военно-политических отношений, что в конечном итоге сказывается на направленности и эффективности проводимой ими военной политики. Подобным образом происходит взаимодействие военно-политического сознания и военно-политических институтов, так как первое создает необходимую теоретико-идеологическую основу для функционирования военной организации государства и его отдельных военно-политических учреждений.

Для раскрытия сущности понятия военно-политической деятельности в контексте проблемы формирования военно-политического сознания рассмотрим военно-политическую сферу с позиций деятельностного подхода. Военная политика в этом контексте как ключевое родовое понятие представляет собой самостоятельный вид социальной деятельности, направленный, в первую очередь, на подготовку сил и средств военной организации государства к обеспечению его военной безопасности военно-политическими и собственно военными средствами. При этом можно различать собственно военную деятельность и военно-политическую.

Кандидат философских наук А. В. Брега определяет военно-политическую деятельность как один из видов социальной деятельности, представляющий собой синтез политической и военной активностей субъектов военной политики, осуществляемой с целью обеспечения военной безопасности общества и подготовки общественного мнения к мысли о возможности применения военной силы [8, с. 17]. Таким образом, направленность на подготовку общественного мнения предполагает формирование военно-политического сознания общества нужной направленности. В. М. Родачин подчеркивал, что субъективная сторона военно-политических процессов требует сознательных усилий и политических решений (организационно-управленческого обеспечения), направленных на создание привлекательного, убедительного имиджа проводимой государством военной политики [4, с. 112]. А значит, военно-политический процесс сопровождается процессом его отражения в массовом сознании, причем этот процесс может и должен быть управляем и подчинен задаче обеспечения национальной безопасности страны. Как отмечал кандидат философских наук А. Х. Юнусов, объект отражения является первым критерием для структурирования сознания [9, с. 79]. Исходя из этого подхода в структуре как общественного, так и индивидуального сознания можно выделить военно-политическое сознание, объектом отражения которого является военно-политический процесс, опосредуемый в социальной системе «государство – общество – личность».

Военная и военно-политическая виды деятельности предполагают взаимодействие широкого круга субъектов, как собственно военных (Вооруженные Силы, другие войска и воинские формирования, военнослужащие), гражданских (органы государственной власти и управления, общественные организации и объединения, граждане, предприятия), так и смешанного типа (военные общественные объединения, предприятия военно-промышленного комплекса). Что же касается вида общественных отношений, наиболее широко характеризующего отношения общества и армии, то, исходя из понимания общественного отношения как взаимодействия сознательных социальных субъектов, в качестве таковых может выступить система военно-политических отношений.

Таким образом, в качестве вида общественных отношений, характеризующих социальное взаимодействие в военно-политической сфере, выступают военно-политические отношения, а видом общественного сознания – военно-политическое сознание. Также, в рамках данного подхода, военно-политическое сознание рассматривается в качестве духовного компонента военной политики, отражающего военно-политические процессы и определяющего характер военно-политических отношений в системе «человек – общество – государство».

В то же время понятие «военно-политическое сознание», являющееся неотъемлемой частью политического сознания как формы общественного сознания, сталкивается с такими же проблемами концептуализации, как и сам термин «политическое сознание». Так же, как и в случае политического сознания, определенную трудность представляет операционализация самого понятия ввиду его абстрактности. Рассматривая вопрос соотношения друг с другом – политического сознания и военно-политического сознания, будем исходить из тезиса их органической связи между собой. В то же время между целым (политическое сознание) и частью (военно-политическое сознание) не может быть ни полного несоответствия, ни абсолютного тождества. Кроме того, в отличие

от политического сознания, претендующего на ведущее место в системе понятий политической науки, понятию военно-политического сознания приходится выдерживать конкуренцию со стороны альтернативных терминов, которые предлагают философы, занимающиеся проблемами войны и национальной безопасности. Например, предлагаются такие варианты, как «военное сознание», «оборонное сознание», «сознание военной безопасности», «военно-профессиональное сознание», «военно-патриотическое сознание», два последних, как и «военно-политическое сознание», представляют собой гибридные понятия [10, с. 99; 11, с. 41; 12, с. 52; 13, с. 55; 14, с. 11; 15, с. 33].

В рамках отдельного научного исследования, посвященного военно-политическому сознанию, доктор философских наук В. В. Чебан предлагает свое решение проблемы соотношения понятий «оборонное сознание» и «военно-политическое сознание», рассматривая первое в качестве одного из видов второго, наряду с двумя другими видами – милитаристским и пацифистским [5, с. 134]. Аналогичное решение этого вопроса предлагают российские философы Чугунов В. М. и Дудко В. М., выделяющие в общественном сознании «срез», в котором отражаются вопросы военной безопасности государства, понимая под ним сознание военной безопасности в качестве более широкой категории по отношению к понятию оборонного сознания [12, с. 69; 13, с. 57].

В свою очередь, военно-профессиональное сознание представляет собой частный случай профессионального сознания, являющееся системным образованием, предметом отражения которого выступает конкретная профессиональная деятельность и функцией которого является регуляция данной сферы социальной деятельности человека [16, с. 105]. Собственно военная и военно-политическая сферы (деятельности) представляют собой самостоятельные высокопрофессиональные области применения знаний и труда, включающие в себя государственные и негосударственные структуры и институты, систему подготовки профессиональных кадров со своими традициями, компетенциями и главной задачей – обеспечением военной безопасности страны и ее национальных интересов военными средствами.

Е. В. Смирнов в своей кандидатской диссертации определяет военно-профессиональное сознание как область духовного мира военнослужащих, в которой отражаются ценности, мотивы, знания, интересы, потребности, цели, средства и способы социальной активности по выполнению воинского долга по защите Отечества [14 с. 11]. А, например, кандидат философских наук С. В. Бойко вводит в научный оборот понятие «военное сознание», являющееся совокупностью представлений, понятий, оценок, настроений, традиций и целых теоретических систем, посредством которых происходит освоение военного бытия, сферы военного дела отдельными индивидами, различными социальными общностями и обществом в целом [10, с. 99]. При таком понимании «военное сознание» будет схожим по своей сущности с военно-профессиональным, так как отражает одно и то же явление – военно-профессиональную деятельность («военное дело»).

Несомненно, вопрос о существовании как в общественном, так и в индивидуальном сознании особой составляющей – вида сознания, который отражает военную компоненту общественных отношений (военное бытие), является предметом научного анализа различных исследователей, подходящих к нему с разных ракурсов и научных позиций. На наш взгляд, рассмотрение военной, военно-профессиональной составляющей сознания в отрыве от политической научно допустимо, но такой подход сужает изучаемый феномен и может быть применен только к отдельной профессиональной группе – военнослужащим. В то же время вопросы войны и мира, защиты своего Отечества, обеспечения военной безопасности страны, отношения к Вооруженным Силам отражаются в сознании всех граждан страны и неразрывно встроены в политическое сознание. В связи с чем рассмотрение вопросов вооруженной защиты государства с позиций военно-политического сознания позволяют точнее определить границы изучаемого феномена, его сущность и место в системе общественного сознания. Как указывал В. М. Родачин, военно-политическое сознание возникает и развивается на пересечении военной и политической сфер общественной жизни, отражая военно-политические процессы, т. е. процессы, имеющие политическую форму и военное содержание, такие, например, как переговорный процесс [4, с. 110]. Второй вариант – военная форма протекания процесса и его политическое содержание: специальная военная операция, операции по принуждению к миру. Таким образом, понятию «военно-политическое сознание» присущ гибридный характер ввиду сочетания в нем как военной, так и политической составляющей.

Для понимания характера взаимосвязи частного (военно-политического сознания) с целым (политическим сознанием как формой общественного сознания) рассмотрим, что собой представляет политическое сознание. Так, объектом отражения собственно политического сознания выступают отношения по вопросу власти: например, доктор политических наук Н. П. Поливаева определяет политическое сознание как отражение и выражение общественных отношений по поводу власти [17, с. 42]. При таком подходе к политическому сознанию объекты отражения политического (отношения по поводу власти) и военно-политического сознания (военно-политические процессы) будут значительно отличаться,

что позволяет выделять военно-политическое сознание в отдельный вид общественного сознания в пределах политического сознания как формы общественного сознания. В то же время военно-политическое сознание имеет как прямые, так и обратные связи с политическим сознанием. Например, векторы военной политики зачастую составляют ядро политической программы той или иной политической силы, партии или кандидата в президенты. Вопросы военной безопасности, обеспечения защиты национальных интересов военными средствами выходят на первый план в условиях ведения боевых действий, угрозы войны или территориального конфликта с соседним государством. В таких условиях вся политическая повестка в государстве оказывается в прямой зависимости от характера и особенностей военно-политического процесса.

Существует и обратный механизм зависимости военно-политического сознания общества от политического сознания, когда мнения, мотивы поведения, военно-политические установки, образы и стереотипы, сформированные у граждан, трансформируются под влиянием проводимой государственной политики в области идеологии.

Заключение. Таким образом, военно-политическая сфера деятельности косвенно или напрямую охватывает сознание подавляющего большинства граждан страны и формирует у общества и отдельной личности военно-политические взгляды. С целью научного описания данного процесса учеными-философами были предложены различные научные категории, такие как «военное сознание», «оборонное сознание», «сознание военной безопасности», «военно-профессиональное сознание». Исходя из того, что объектом отражения такого вида сознания является военно-политический процесс, наиболее емким и соответствующим сущности феномена термином, на наш взгляд, выступает категория «военно-политическое сознание», которое является видом общественного сознания в рамках такой формы общественного сознания, как политическое сознание.

Список литературы

1. Маслоу А. Мотивация и личность. Изд. 3-е. СПб.: Питер, 2019. 400 с.

2. Момджян К. Х. К типологии человеческих потребностей. Ст. 2. Биосоциальная потребность в безопасности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 2015. № 5. С. 77–90.

3. Ежов А. Ф. Военная политика как фактор формирования личности воина: дис. … канд. филос. наук: 09.00.01. М., 1984. 211 л.

4. Родачин В. М. Идеология и современные военно-политические процессы: дис. … д-ра филос. наук: 09.00.10. М., 1995. 384 л.

5. Чебан В. В. Военно-политическое сознание общества (социально-философский анализ): дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 1992. 291 с.

6. Чебан В. В. Военно-политическое сознание общества (социально-философский анализ): автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 1992. 46 с.

7. Алексеев Д. А., Горошко В. С. Военно-политический процесс как механизм осуществления военной политики государства // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2012. № 2. С. 6–9.

8. Брега А. В. Информационное обеспечение военно-политической деятельности государства: дис. … канд. филос. наук: 09.00.10. М, 2000. 203 л.

9. Юнусов А. Х. Методологические основания исследования структуры общественного сознания: дис. … канд. филос. наук: 09.00.01. М., 1990. 138 л.

10. Бойко С. В., Михлин М. Я., Данилов А. А. Военное сознание, военная культура и личность российского воина // Научная мысль. 2020. Т. 14, № 4 (38). С. 99–103.

11. Роткин Н. В. Оборонное сознание российского общества в условиях современной стратегической нестабильности: дис. … канд. филос. наук: 5.7.7. М., 2022. 184 л.

12. Дудко В. М. Сознание военной безопасности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: сущность, структура, социальный механизм формирования (социально-философский анализ): дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. Монино, 2002. 176 л.

13. Чугунов В. М. Сознание военной безопасности и механизм его формирования в ВС РФ // Военная мысль. 2000. № 2 (3–4). С. 55–60.

14. Смирнов Е. В. Духовные ценности в военно-профессиональном сознании офицерского корпуса России: социально-философский анализ: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. М., 2008. 184 л.

15. Кудрявцев М. М. Роль молодежных организаций и движений современной России в формировании военно-патриотического сознания граждан: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2011. 200 л.

16. Цвык В. А. Профессиональное сознание личности: понятие и структура // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2004–2005. № 1. С. 104–115.

17. Поливаева Н. П. Политическое сознание в условиях трансформации российского общества: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02. М., 2009. 462 л.

References

1. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. St. Petersburg, Piter Publ., 2019. 400 p. (In Russian).

2. Momdzhyan K. Kh. On the typology of human needs. Article 2. Biosocial need for security. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Vestnik of Moscow University], issue 7, Philosophy, 2015, no. 5, pp. 77–90 (In Russian).

3. Yezhov A. F. *Voyennaya politika kak faktor formirovaniya lichnosti voina. Dis. ... kand. filos. nauk* [Military policy as a factor in the formation of a warrior's personality. Diss. PhD (Philosophy)]. Moscow, 1984. 211 Sheets (In Russian).

4. Rodachin V. M. *Ideologiya i sovremennyye voyenno-politicheskiye protsessy*. *Dis. ... d-ra filos. nauk* [Ideology and modern military-political processes. Dis. DSc. (Philosophy)]. Moscow, 1995. 384 p. (In Russian).

5. Cheban V. V. *Voyenno-politicheskoye soznaniye obshchestva (sotsial'no-filosofskiy analiz). Dis. ... d-ra filos. nauk* [Military-political consciousness of society (social-philosophical analysis). Dis. DSc (Philosophy)]. Moscow, 1992. 291 Sheets (In Russian).

6. Cheban V. V. *Voyenno-politicheskoye soznaniye obshchestva (sotsial'no-filosofskiy analiz). Avtoref dis. ... d-ra filos. nauk* [Military-political consciousness of society (social-philosophical analysis). Abstract of thesis DSc (Philosophy)]. Moscow, 1992. 46 p. (In Russian).

7. Alekseev D. A., Goroshko V. S. Military-political process as a mechanism for implementing the military policy of the state. *Pozharnaya bezopasnost': problemy i perspektivy* [Fire safety: problems and prospects], 2012, no. 2, pp. 6–9 (In Russian).

8. Brega A. V. *Informatsionnoye obespecheniye voyenno-politicheskoy deyatel'nosti gosudarstva*. *Dis. ... kand. filos. nauk* [Information support for the military-political activities of the state. Diss. PhD (Philosophy)]. Moscow, 2000. 203 Sheets (In Russian).

9. Yunusov A. Kh. *Metodologicheskiye osnovaniya issledovaniya struktury obshchestvennogo soznaniya. Dis. ... kand. filos. nauk* [Methodological foundations for studying the structure of public consciousness. Diss. PhD (Philosophy)]. Moscow, 1990. 138 Sheets (In Russian).

10. Boyko S. V., Mikhlin M. Ya., Danilov A. A. Military consciousness, military culture and the personality of the Russian soldier. *Nauchnaya mysl'* [Scientific Thought], 2020, vol. 14, no. 4 (38), pp. 99–103 (In Russian).

11. Rotkin N. V. *Oboronnoye soznaniye rossiyskogo obshchestva v usloviyakh sovremennoy strategicheskoy nestabil'nosti. Dis. ... kand. filos. nauk* [Defense consciousness of Russian society in the context of modern strategic instability. Diss. PhD (Philosophy)]. Moscow, 2022. 184 Sheets (In Russian).

12. Dudko V. M. *Soznaniye voyennoy bezopasnosti voyennosluzhashchikh Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii: sushchnost', struktura, sotsial'nyy mekhanizm formirovaniya (sotsial'no-filosofskiy analiz)*. *Dis. ... kand. filos. nauk* [Consciousness of military security of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation: essence, structure, social mechanism of formation (socio-philosophical analysis). Diss. PhD (Philosophy)]. Monino, 2002. 176 Sheets (In Russian).

13. Chugunov V. M. Military security consciousness and the mechanism of its formation in the RF Armed Forces. *Voyennaya mysl'* [Military Thought], 2000, no. 2 (3–4), pp. 55–60 (In Russian).

14. Smirnov E. V. *Dukhovnyye tsennosti v voyenno-professional'nom soznanii ofitserskogo korpusa Rossii: sotsial'no-filosofskiy analiz. Dis. ... kand. filos. nauk* [Spiritual values in the military-professional consciousness of the officer corps of Russia: a socio-philosophical analysis. Diss. PhD (Philosophy)]. Moscow, 2008. 184 Sheets (In Russian).

15. Kudryavtsev M. M. *Rol' molodezhnykh organizatsiy i dvizheniy sovremennoy Rossii v formirovanii voyenno-patrioticheskogo soznaniya grazhdan. Dis. ... kand. polit. nauk* [The role of youth organizations and movements of modern Russia in the formation of military-patriotic consciousness of citizens. Diss. PhD (Political)]. Moscow, 2011. 200 Sheets (In Russian).

16. Tsvyk V. A. Professional consciousness of the individual: concept and structure. *Vestnik RUDN* [Vestnik RUDN], issue: Philosophy, 2004–2005, no. 1, pp. 104–115 (In Russian).

17. Polivaeva N. P. *Politicheskoye soznaniye v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva. Dis. ... d-ra polit. nauk* [Political consciousness in the context of transformation of Russian society. Diss. DSc (Political)]. Moscow, 2009. 462 Sheets (In Russian).

Информация об авторе

Кошевой Вадим Олегович – магистр, аспирант кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. (ул. Захарова, 32а, 230003, г. Гродно, Республика Беларусь). E-mail: geo.kashavoy@mail.ru

Information about the author

Koshevoy Vadim Olegovich – Master of Sciences, graduate student, the Department of Philosophy. Yanka Kupala State University of Grodno (32a Zakharova str., 230003, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: geo.kashavoy@mail.ru

Поступила 10.03.2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ 5

Крючек П. С., Сергеев В. Н. Историческая память и национальная идентичность: механизмы формирования и социальная значимость 5
Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Голосование и жребий как способ отбора политической элиты в афинской демократии 11
Лукашевич А. М. Деятельность Комиссии Виленского провиантского депо в 1813 г. по обеспечению российских войск во время заграничного похода 16
Восович С. М. Минское Свято-Николаевское епархиальное братство в конце 1880-х гг. 25
Острога В. М. Материальное стимулирование труда сельских учителей Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. 31
Семенчик Н. Е. Избирательное право в Беларуси после Февральской революции 1917 г. 38
Миронюк А. В. Становление и развитие военно-медицинского образования в Беларуси 44
Коваль В. У. Дабрачынная дзейнасць беларускай дыяспары ў 1920-я гг. 50
Денисов А. В. «Освобождение от кухонного рабства». Организация общественного питания в Минске в 1920-х гг. 55
Горны А. С. Леварадыкальная плынь беларускага нацыянальнага руху: спробы легалізацыі ў міжваеннай Заходняй Беларусі 60
Опиок Т. В. Финансовая и материальная помощь населения Витебской и Могилевской областей БССР фронту (осень 1943–1945 гг.) 67
Острога В. А. Основные направления развития логистики в БССР в 1944–1991 гг. 73
Масейчук Л. І. Дакументы Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі па гісторыі пасляваеннага аднаўлення г. Мінска 78
Андарала І. А. Школа рабочай і сельскай моладзі Беларусі ў пасляваенныя гады 83
Мох Е. Н. Государственная политика в области специального (коррекционного) образования в БССР 89
Поляк Н. А. Рабочий класс БССР в 50–80-х гг. XX века: источники и историография изучения 93
Якуш Н. М. Идеологическая составляющая аграрной политики в Белорусской ССР (1970–1980-е гг.) 100
Казак О. Г. Польские общественные объединения в БССР в оценках партийных организаций Коммунистической партии Белоруссии Гродненской области (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) 105
Селиванов А. В. Международное сотрудничество по вопросам вынужденной миграции в Африке в рамках ООН в начале 1990-х гг. 110
Коледа И. В. Национально-культурные процессы в Беларуси в конце XX в. 116

ФИЛОСОФИЯ 121

Потоцкий А. А. Исходные принципы и онтологические основания философской герменевтики 121
Бурак П. М. Мировоззренческие основания коэволюционного подхода в регулировании безопасности социоприродного взаимодействия 125
Захарава Н. Я. Экалагічны імператыў як фактар праектавання сацыяпрыроднай рэальнасці 132
Сидоренко И. Н. Философия позднего эллинизма: неоплатонизм как синтез платонизма, аристотелизма и стоицизма 137
Лазаревич Н. А. Трансформация социоэкологических ценностей в условиях техногенных рисков 143
Чарвінскі А. С. Сацыяпрыроднае адчужэнне ў паставарыйнай Беларусі як аб'ект сацыяэкалагічнага аналізу 148
Новицкая Т. Е. Искусственный интеллект и модусы медиатизированной социальности 152
Кошевой В. О. Военно-политическое сознание как философская категория 157

CONTENTS

HISTORY 5

Kruchek P. S., Sergeev V. N. Historical memory and national identity: mechanisms of formation and social significance 5

Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Voting and lots as a way of selecting the political elite in the Athenian democracy 11

Lukashevich A. M. Activities of the Commission of the Vilno Provision Depot in 1813 to provide Russian troops during the Foreign Campaign 16

Vosovich S. M. Minsk St. Nicholas Diocesan Brotherhood in the late 1880s 25

Ostroga V. M. Material incentives for the work of rural teachers in Belarus in the second half of the 19 – beginning of the 20 century 31

Semenchyk N. Ye. Electoral Law in Belarus after the February Revolution of 1917 38

Mironyuk A. V. The formation and development of military medical education in Belarus 44

Koval V. U. Charitable activities of the Belarusian diaspora in the 1920s 50

Denisov A. V. "Liberation from kitchen slavery". Organization of system of mass catering in Minsk in the 1920s 55

Gorny A. S. Radical left-wing direction of the belarusian national movement: attempts of legalization in interwar Western Belarus 60

Opiok T. V. Financial and material assistance from the population Vitebsk and Mogilev regions of the BSSR to the front (autumn 1943–1945) 67

Astroha V. A. The main directions of logistics development in the BSSR in 1944–1991 73

Maseichuk L. I. Documents of the Belarusian state archive of scientific and technical documentation on the history of the post-war reconstruction of Minsk 78

Andarala I. A. Schools for working and rural youth of Belarus in the post-war years 83

Mokh H. N. State policy in the field of special (correctional) education in the BSSR 89

Poliak N. A. The working class of the BSSR in the 50–80s of the 20th century: sources and historiography of study 93

Yakush N. M. Ideological component of agrarian policy in the Byelorussian SSR (1970–1980s) 100

Kazak O. G. Polish public associations in the BSSR in the assessments of the party organizations of the Communist Party of Belarus of Grodno region (late 1980s – early 1990s) 105

Selivanov A. V. International Cooperation on Forced Migration in Africa within the United Nations in the Early 1990s 110

Koleda I. V. National-cultural processes in Belarus at the end of the twentieth century 116

PHILOSOPHY 121

Pototski A. A. Basic principles and ontological foundations of philosophical hermeneutics 121

Burak P. M. Worldview foundations of the coevolutionary approach to regulation of social-natural interaction safety 125

Zakharava N. Ya. Ecological imperative as a factor of socio-natural reality designing 132

Sidorenko I. N. Philosophy of late Hellenism: Neoplatonism as a synthesis of Platonism, Aristotelism and Stoicism 137

Lazarevich N. A. Transformation of socioecological values in conditions of technogenic risks 143

Charvinsky A. S. Socio-natural alienation in post-accident Belarus as an object of socio-ecological analysis 148

Navitskaya T. Artificial intelligence and modes of mediatized sociality 152

Koshevoy V. O. Military-political consciousness as a philosophical category 157

Редактор *Р. М. Рябая*
Компьютерная верстка *Е. А. Матейко, В. А. Маркушевская*
Корректор *Р. М. Рябая*

Подписано в печать 13.06.2025. Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 19,2. Уч.-изд. л. 20,9.
Тираж 46 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
ЛП № 38200000001984.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.